

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКАДЕМИЯ СССР

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

— 1987 —

«Наука»

Ad LX Diem Natalem

V.V. IVANOVI

Collegae, discipuli, amici

Редакционная коллегия:

*A. Vanagas, Вяч. Вс. Иванов, (отв. редактор серии),
 B. Мажюлис, Л. Г. Невская, В. П. Нерознак,
 M. K. Рудзите, T. M. Судник (отв. секретарь),
 A. E. Супрун, B. H. Топоров, O. H. Трубачев*

Рецензенты:

доктор филологических наук *T.B. Булыгина*
 кандидат филологических наук *P.A. Агеева*

Б20 **Балто-славянские исследования 1987.** — М.: Наука, 1989. — 253 с. ISBN 5-02-010955-X

Восьмой том ежегодника содержит материалы и исследования по балто-славистике. Рассматриваются проблемы сравнительной грамматики, этимологии, топономастики, исторической диалектологии, акцентологической реконструкции.

Для широкого круга филологов, историков.

The 8th volume of the annual presents materials and studies in Balto-Slavic linguistics. They deal with problems concerning comparative grammar, etymology, toponomastics, historical dialectology, accentologic reconstruction.

The book will appeal to philologists and historians of various scientific interests.

Б 4602020100-382 401-89, кн. 1
 042(02)-89

ISBN 5-02-010955-X

ББК 81

© Институт славяноведения и
 балканистики АН СССР, 1989

К ЮБИЛЕЮ Вяч. Вс. ИВАНОВА

21 августа 1989 г. Вячеславу Всеволодовичу Иванову исполнилось шестьдесят лет.

Друзья, коллеги, ученики юбиляра, постоянные авторы ежегодника "Балто-славянские исследования" поздравляют Вячеслава Всеволодовича с этой датой, изъявляют чувство благодарности и признательности ему и мысленно еще раз обращаются к тому большому вкладу в балтистику и славистику, который неразрывно связан с именем ученого.

Научные интересы юбиляра очень многообразны, и круг областей, в которых он работает, весьма обширен, чтобы здесь говорить о них с приличествующей случаю полнотой и конкретностью. Здесь, пожалуй, более уместно сказать несколько слов о Вячеславе Всеволодовиче как о балтисте и слависте, о его заслугах в этих областях — и в том, что касается его исследований, и в том, что связано с его научно-организаторской деятельностью как руководителя сектора, в котором изучение балтистики и славистики занимает значительное место, и ответственного редактора этого издания, посвященного названным дисциплинам.

По своей университетской специальности Вячеслав Всеволодович не был ни балтистом (в Московском университете, где некогда работал Ф.Ф. Фортунатов, такая специальность вообще не предусмотрена), ни славистом, но и балтистика и славистика привлекали его внимание уже в студенческие годы, уже в ранних своих научных работах он обращался к этим областям, и в дальнейшем они стали играть все более выдающуюся роль в научных занятиях юбиляра. Здесь уместно сказать несколько слов о том, как происходило приобщение к балтистике и славистике и как формировался тот тип занятий этими отраслями гуманитарного знания, который стал определяющим для Вячеслава Всеволодовича. И то и другое не просто описывает некий специфический индивидуальный подход к предмету будущих занятий, но и может пониматься как высокий образец, достойный подражания или во всяком случае учета. Прежде всего вхождение в эти области было легким, естественным и вызывавшим положительные эмоции. Корни интереса были в жизни, в жизненных обстоятельствах, воспринимаемых активно, заинтересованно, остро и быстро сублимируемых с уровня "фактов" до неких типов, концептов, идей, столь емких и, как губка, восприимчивых, что весь дальнейший опыт в этих областях знания как бы укладывался в уже определившиеся формы,

навивался вокруг как своего рода ноосферическая ткань, истоки, начала которой — в фактическом, конкретном, первично данном. Так, интерес к славистике уже на раннем этапе предопределялся глубокими познаниями и интересом к русской литературе, собственным поэтическим творчеством, высокой культурой слова, средой, где тон задавали писатели и ученые-гуманитарии, наконец, потребностью соотнесения слова, словесного образа с тем, что откликается ему в его времени и что отсылает к идее временных сдвигов, фиксируемых в слове и словом, к историчности самого слова. "Балтийское" для Вячеслава Всеходовича застигло его, как, вероятно, и некоторых других детей его поколения, в печальном для Прибалтики сороковом году и актуализировалось возможностью попасть туда, реально открывшейся сразу после войны. Положительно-приемлющий пафос знакомства с "чужим", точнее — иным, радость узнавания и приобщения к природе и культуре, особенно к языку и литературе определяли характер этого освоения "балтийского". Первая встреча была с Латвией, и, наверное, именно она стала первым узелком той душевной связи, которая вот уже более сорока лет соединяет Вячеслава Всеходовича с этой страной. Занятия латышским, чтение стихов Райниса и Адамсонса, книги и люди, культура и природа, Рига, Юрмала, море —

Мне кажется, что я попал в страну,
Где солнцем, как мячом, играют дети,
Где стонут сосны, отходя ко сну,
И рыбаки развесили сети.

А несколько позже — знакомство с Эндзелином, почти как встреча с первогероем мифа творения, помещенная в 50-е годы. А потом — статья о латышских интонациях, работа о мифопоэтических основах латышских дайн, проникновение в тайны смысловых мотивировок латышских слов — и далее, и больше, и глубже.

Творческая "жадность", созидательная по самой своей природе, стремление *во всем дойти до самой сути*, неудержимая тяга к освоению новых пространств и времен настоятельно влекут к прохождению и исчерпанию всего балтийского круга, включению его в другие, более обширные и более древние круги. Занятия литовским, начатые еще в студенческие годы, дружеские и научные связи с литовскими лингвистами, диалектологическая экспедиция в глушь литовско-белорусского пограничья и как бы личный опыт прикосновения к интимному механизму балто-славянского двуязычия и взаимопроникновения языков и культур, увлеченное чтение Буги, первые наброски о Перкунасе-Перуне. Не был забыт и прусский: в последний год своей преподавательской деятельности в университете Вячеслав Всеходовиц, которому к тому времени не исполнилось и тридцати, читал первый у нас курс прусского языка; позже он убедительно раскроет этимологические секреты ряда трудных прусских слов.

Параллельно шло овладение славистическим материалом, и славянское и балтийское не только не теснили друг друга, но наоборот, поддерживали одно другое, открывая новые и емкие перспективы.

Главным на этом пути было, конечно, хорошо продуманное и целенаправленное движение, но даже и случайные встречи, неизбежные при столь богатом материале и таком "многовалентном" в отношении подобных встреч исследователе, с почти магнетическими свойствами, вовлекались в состав целого и подчинялись ему. Одним из аспектов этого целого была сравнительно-историческая перспектива, обращение к которой бросало новый свет на славянские факты, актуализировало и как бы "вивифицировало" то, что казалось уже исчерпанным и мертвым. И ранние работы о русском *пасты* или о славянских фактах, по-новому освещаемых хеттскими данными, и многочисленные последующие исследования вплоть до одной из последних работ о балто-славяно-тохарских изоглоссах могут быть примерами такого "остранения" языковых фактов — хорошо известных, многократно объясненных и "стершихся" казалось бы до такой степени, что никакой новой информации они уже не смогут доставить исследователю.

Сказанное об этой сравнительно-исторической перспективе имеет особое, так сказать, преимущественное отношение к балтистике и славистике. Вячеслав Всеходовиц уже с 50-х годов в своих работах, написанных и единолично и в соавторстве, формирует особый, весьма специфический и эвристически "сильный" вариант подхода к балтийским и славянским фактам, анализируемым сквозь призму "балто-славянского" (как бы ни толковать этот термин); нужно заметить, что такой подход нехарактерен для большинства балтистов нашего времени, и в частности, для сильнейшей их части — лингвистов Литвы и Латвии. Это умение одновременно и параллельно видеть сопоставимые друг с другом балтийские и славянские факты привело к многим важным конкретным результатам, но и — что не менее важно — позволило четче и фундаментальнее конституировать самое "балто-славянскую" схему и предложить новый вариант объяснения соотношения элементов в этой схеме (ср. доклад о балто-славянских языковых отношениях на Московском съезде славистов в 1958 году). И еще об одной особенности в подходе к балтийскому и славянскому материалу. Для Вячеслава Всеходовица характерно рассмотрение соответствующих языков как интегральной части некоего общего и единого пространства, образуемого также и мифологией, фольклором, символикой, литературой, искусством, культурой, историей. Связь частей в этом целом не только неслучайна, но даже и не просто закономерна, т.е. подчинена некиим известным правилам: она парадоксальна в том отношении, что обладает "усиливающим" эффектом, позволяет видеть более глубокое и многообразное сотрудничество членов этого единого целого, открывает новые ракурсы и перспективы, вводит более надежные и легче проверяемые критерии достоверности и доказательности.

Эти особенности характеризуют лучшие труды Вячеслава Всеходовица в области славистики и балтистики, и они в свою очередь также "усиливают" значение достигнутых в этих трудах результатов. Если говорить об исследованиях лингвистических по преимуществу, то в них балтийские и славянские факты, сам общебалтийский и праславянский обретают плотный и богатый содержанием "индоевропейский"

контекст, который одновременно и мотивирует многое из того, что раньше относилось исключительно к балтийскому или славянскому горизонтам, и снимает "свои" индоевропейские мотивировки, вынуждая говорить о характерной индивидуальности и специфичности балтийского и славянского, об их оригинальности и их инновационном слое. Балтийский и славянский или балто-славянский, увиденные отсюда (из нашего времени) и оттуда, из индоевропейского "зоны", дают два образа, которые при соотнесении друг с другом дают дополнительные основания для суждений о диалектной природе балто-славянского, о прародине носителей этого диалекта, о путях их миграций, об их предыстории, об "исторических" доминантах в современных продолжениях балто-славянской речи. Такие фундаментальные исследования, как "Индоевропейский язык и индоевропейцы", "Общееиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы", "Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки", лучше всего представляют названные выше особенности в подходе к балтийским и славянским языкам в сравнительно-исторической перспективе. Другой же цикл работ ("Славянские языковые моделирующие семиотические системы", "Исследования в области славянских древностей", весь балтийский и славянский циклы в "Мифах народов мира", многочисленные статьи по мифологии и ритуалу, обычаям и праздникам, народной словесности и т.п.) демонстрирует связь языкового с надъязыковым, со сферой духовной культуры, с образом или моделью мира, берущей свои истоки в языке, на балтийском и славянском материале. Языковые реконструкции в этих работах идут рука об руку с реконструкцией явлений балтийской, славянской, нередко балто-славянской, а иногда и индоевропейской духовной культуры. Старая традиция "Wörter und Sachen" получает как бы симметричного себе двойника в виде новой традиции "Wörter und Ideen" (тема двойничества на балтийском и индоевропейском материале была предметом ряда исследований юбиляра).

Особо нужно отметить труды Вячеслава Всеволодовича в области литературы, прежде всего поэзии. Пушкин, Блок, Хлебников, Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Цветаева и другие поэты — главные фигуры этих исследований, а их стихи, анализируемые с особым искусством, — то окно, в которое видна другая знаковая система (хрестоматийно известные работы о Хлебникове и Пастернаке и их поэтической кодировке живописных образов), или тот колодец, в глубинах которого прозревается духовный комплекс, как раз и делающий человека поэтом, призывающий его от рассеянности и суеты к священной жертве. Вячеслав Всеволодович знает об этом с обеих сторон — и как исследователь, и как призванный к этой священной жертве.

И литовская, и латышская литературы (Браздженис, Мартинайтис, современные латышские писатели) также привлекают внимание Вячеслава Всеволодовича, и он не раз писал об этом. Трагическая судьба пруссов и других исчезнувших с лица земли балтийских народов и их языков, угрожающая ситуация в отношении литовского и особенно латышского языка и соответствующих культур обнажают нравственную основу проблемы. И Вячеслав Всеволо-

дович уже в наши дни берет на себя исполнение ответственного долга человека, предупреждающего об опасности, о ее необратимых и катастрофических последствиях и указывающего путь к выходу из порочного и, главное, все более и более сужающегося круга. В одной из недавних работ он неслучайно вспомнил фигуру замечательного немецкого писателя Иоганнеса Бобровского, мучительно изживавшего вину своих предков, ответственных за исчезновение с исторической сцены пруссов и их языка, и сформулировал (как бы продолжая Бобровского) свое кредо о взаимном и добровольном "языковом" обмене в образах немца, говорящего на правильном литовском, и литовца, говорящего на хорошем немецком, которые вступают в открытый созидательный диалог и через которых общаются и подают друг другу руку два языка, две культуры — на благо каждого из них и на благо всех.

Вяч. Вс. ИВАНОВ

К 100-летию "ЛАЧПЛЕСИСА" АНДРЕЯ ПУМПУРА

Сто лет назад впервые была напечатана книга латышского поэта Андрея Пумпуря "Лачплесис — латышский народный герой". Автор сам не склонен был преувеличивать степени своего участия в сочинении, которое на титуле первого рижского издания обозначено как "народный эпос" (*tautas ērus*), пересказанный в соответствии с народными преданиями Пумпуром. В самом деле, в текст книги вставлены свадебные и некоторые другие фольклорные песни. Многие сюжеты и мотивы взяты из латышских народных песен и сказок. Но на книге лежит, разумеется, и отпечаток романтизма младолатышей, которые во второй половине прошлого века пытались по-новому осмыслить эти древние предания, и след личности самого Пумпуря.

Почему эту книгу мы сегодня можем перечитывать не просто с научным интересом к тому, как передавал Пумпур мифы латышей и других балтийских народов? Миф, литература и история остаются переплетенными и в наш век, и в их причудливом соединении в эпосе "Лачплесис" мы угадываем и судьбу писателя, написавшего эту композицию, и эпизоды латышской истории, преображеные в художественные символы.

Любого, кто читал латышские народные песни и сказки, не могла не поразить яркость сохранившихся в них первозданных образов, — таких, как дочери Солнца и как громоверхец Перкон, едущий на коне и поражающий своего врага — черта. Сравнительно-историческое исследование показывает, что именно такие образы восходят к мифам весьма древнего прошлого, общим у балтийских народов со славянами и другими соседними и родственными им индоевропейскими народами.

Андрей Пумпур со свойственной ему интуицией как раз подобные архаические символы отбирает для воплощения построенного им сюжета.

Глубиной проникновения в фольклорную символику (в том числе и в красочные изображения нечистой силы, пугающей и удивляющей своей многоликостью) и богатством собственного воображения Пумпур восточнославянскому читателю мог бы напомнить Гоголя. Как и Гоголь, Пумпур с ранних лет узнавал, а потом и описывал как учений-этнограф обычай и обряды своих родных мест. Они оживают в его повествовании, расцвеченные буйной фантазией самого поэта. Чего только мы не узнаем из его книги! И предания о Лачплесисе-герое-сыне медведицы, чья сила таилась в косматых медвежьих

ушах, — только их отрезав можно было отнять у него богатырскую мощь. И повесть о прекрасной дочери Зимнего холода, чей дивный остров становился опасным, когда ее отец начинал просыпаться и насылать ледяные бури на море. И рассказ о том, как все звери сообща рыли реку (Даугаву), но забыли до того им известный язык (что-то вроде вавилонского столпотворения) и научились каждый рычать и мычать по-своему. Каждую из этих историй Пумпур мог слышать в детстве в родной деревне или вместе с другими писателями-младолатышами узнать позднее, когда стал всерьез заниматься фольклором. Некоторые фольклорные параллели чудесным повестям, описанным Пурпуром, обнаружены в латышском народном творчестве десятилетия спустя — уже в нашем веке, и невольно задумываешься, не из его ли поэмы попали они к деревенским сказочникам и певцам. Грань между поэтическим вымыслом и фольклорной традицией оказывается зыбкой и легко отодвигаемой в обе стороны. То же можно сказать и о грани между поэзией, мифами и наукой.

В "Лачплесисе", как и в примыкающих к нему историко-философских стихах Андрея Пумпуря, сказались и такие научные гипотезы его времени, которые после долгого перерыва теперь снова приобретают черты вероятности. Мы уже не воспринимаем как заблуждение рассказ о переселении предков латышей и других балтийских народов с Востока. В современной версии об азиатской родине индоевропейцев (в том числе и балтов) немалое место отводится и совпадениям балтийской мифологии и ее индоевропейских истоков с древненеближневосточными преданиями. О них не раз приходится думать, читая "Лачплесис". В мифах Древнего Востока, сохранных памятниками древней письменности, мы увидим, как и в "Лачплесисе" и его фольклорных прообразах, яблоню у колодца (и эта яблоня, как дерево в древнеегипетских и других мифах, окажется преображенной волшебницей), сражение героя с многоголовым чудовищем, собрание богов, обсуждающих судьбы мира и человечества, девушку-невесту героя в зачарованном затопленном замке.

Эти и им подобные мотивы известны и во многих других фольклорных и древнелитературных (раннеписьменных) традициях. Рассказы об удивительных морских путешествиях, о волшебных островах, таящих опасности для проходящих мимо кораблей, роднят "Лачплесис" с античным эпосом, который хорошо знал Пумпур. Но не исключено, что обрывки этих же сюжетов, сохранившиеся в латышском фольклоре, всплывали в его творческом воображении под воздействием позднее читанных книг, из которых он, как всякий большой поэт, не стеснялся черпать и целые новые сюжеты. Иногда, как в эпизоде с псоглавцами-сумпурнями (*sūtrupnis*), старое египетское и античное поверье обретает фольклорную латышскую оболочку.

Особенно очевидна связь "Лачплесиса" Пумпуря с несколько раньше написанной эстонским писателем и ученым Ф.Р. Крейцвальдом композицией "Калевипоэг", где переработанные фольклорные фрагменты дополнены составителем. Эта работа по установке близка к целям "Лачплесиса". Несомненно сходство эстонского и латышского сочинений друг с другом, а также с еще более ранней финской "Калева-

лой”, по отношению к которой работу фольклориста и поэта, завершившего построение эпоса, выполнил Э. Лёнрот. Поэмы имеют не только общее в своем главном плане, они совпадают и в отдельных частностях; так, о финском и эстонском фольклоре и его литературных обработках напоминает описание северного морского путешествия Лачплесиса.

Все три поэмы, основанные на фольклорных прообразах, написаны в их окончательном виде в XIX в., когда совместное (соборное) фольклорное творчество начинает уступать индивидуальному литературному авторству. Современная наука в этом смысле говорит о горячих культурах, не желающих повторять уже сказанное и его всегда переиначивающих, в отличие от культур холодных, которые воспроизводят одни и те же тексты по возможности в неизменном виде. “Лачплесис” в целом — произведение творчества сугубо личного. Это сказывается уже и в том, что выбрал Андрей Пумпур из доступных ему сведений о мифологии и фольклоре латышей и других балтийских племен, прежде всего пруссов, чьи имена богов и названия жрецов часто используются в “Лачплесисе” вместе с другими (не всегда вполне достоверными) данными, почерпнутыми из сочинений авторов XVI—XVIII вв. Балтийская мифология, которой оперировали эти последние, была частично ими вымышленна или переработана. Поэтическое чутье и проникновение с детства в подлинные народные обычай и предания, частично избавили Пумпера от следования этим неверным указаниям. Хотя и его картина балтийского (преимущественно латышско-prusского) язычества в какой-то степени находится между научной реконструкцией и поэтическим вымыслом, у него можно найти немало редкостно метких описаний обрядов и поверий. Другое дело, как сейчас выглядит последовательно проведенное им противоположение балтийского язычества и религии крестоносцев-врагов его героя. Этнические и государственные различия и религиозная вражда оказываются неотделимыми друг от друга. Андрей Пумпур не жалеет хулительных слов, когда описывает религию Рима.

Можно полагать, что Пумпур основательно изучал бывшие в его распоряжении исторические свидетельства, в том числе хроники, по-вествующие о судьбе латышей в средние века (здесь Пумпур был предшественником таких опытов поэтического проникновения в суть описанных в этих хрониках событий, как недавний замечательный цикл стихов Визмы Белшевиц). История и мифология в “Лачплесисе” переплетены, и Дитрих (Теодорих) вместе с его сообщниками из числа латышей и ливов приобретает черты сверхъестественного негодящества. Но так ли далеки и мы сами от постоянной замены истории мифом, реальных персонажей — личинами нечистой силы?

Мне кажется, что собственный человеческий опыт Андрея Пумпера в особенности сказался в том, как в его эпосе меняются героини. На первый взгляд превращение злой волшебницы Спидолы в добрую фею, становящуюся подругой жизни Кокнесиса — сподвижника героя поэмы, может показаться ничем психологически не мотивированным. Но образ Спидолы с самого начала в поэме двоится: она одновременно притягательна и ужасна. В ней заложены те черты, которые

впоследствии поразили Райниса, в “Огне и ночи” и в своих пояснениях к этой пьесе сделавшего Спидолу наиболее емким символом, объединяющим по самой своей природе противоположные начала. Предоставим биографам Пумпера решать, какие испытанные им чувства сказались в этом образе “Сияющей” (от *spīdēt* ‘сиять, сверкать’) женщины, как и в символе Лаймдоты (“Дарованная Долей”) — невесты и жены Лачплесиса.

Прозрачность имен большинства героев эпоса связана с сознательной ориентацией на фольклорную ясность их функций. Но у Пумпера, как и в народной мифологии, способы взаимоотнесения имени и образа многообразны. Лачплесис, как мы узнаем в конце повествования, рожден медведицей (мотив, принадлежащий к числу евразийских, как, например, и соревнование бога с чертом при сотворении мира; оба эти сюжета, использованные Пумпуром, широко распространены у самых разных народов Евразии). С медвежьим происхождением оказывается связанной и его богатырская мощь, заключенная в косматых медвежьих ушах. Только тот, кто отрубил ему уши, смог его осилить в бою. Следовательно, и рождение и смерть героя зависят от его связи с медведем, от медвежьегоtotема, как сказали бы этнологи; европейского читателя, помнящего “Локис” Мериме, это не удивит. Но имя Лачплесиса — “раздирающий медведя” — связано с эпизодом, когда герой в молодости убивает медведя, который грозил его названному отцу. Медведь и связанные с ним символы появляются в разных частях повествования, как бы обрамляя его.

Думается, что Пумпуру удалось на практике проникнуть в законы архаического сюжетосложения. Его рассказ занимаетен, читателя и слушателя озадачивают внезапные исчезновения героинь и героев, их чудесные похождения и превращения. Рассказ развивается по обычной фольклорной схеме преодоления героями препятствий (в том числе и с помощью полученных им волшебных предметов — таких как зеркальце, охраняющее его от беды). Как и положено в сказке, за всеми испытаниями следует счастливый брак (в “Лачплесисе” обоих героев: Лачплесис женится на Лаймдоте, Кокнесис на Спидоле). Но после этого Пумпур решительно отступает от фольклорного стандарта: Лачплесис гибнет в сражении с Черным Рыцарем. История Латвии вторгается в ткань по-детски беззаботных мифов.

В поэме видна умудренность ее автора. Описание счастливых минут, пережитых героем, прерывается авторским отступлением о скопротечности счастья. Пумпур утверждает, что миг любви перевешивает, тем не менее, долгие годы испытываемых после страданий. К волнующей его теме соотношения времени и вечного автор обращается и в других местах поэмы. В этих рассуждениях слышится отзвук представлений девятнадцатого столетия. Автору верится, что человечество будет жить так долго, как существует мир. Его не гложут эсхатологические предчувствия, которым суждено будет снова волновать умы.

В прочитанных Лаймдотой наставлениях, завещанных легендарным прусским древнебалтийским героем Видуведом, содержится и набор социальных истин, которые привнесены в действительность веком Пумпера. Он хотел учить добру и справедливости в отношениях между

людьми и народами, правителем и подданными. Но эти нормы девятнадцатого века отодвинуты в далекое прошлое, превращены в наказы древних богов.

Поэма поражает прежде всего тем, как в ней сплетены реальная историческая география Латвии с мифами и сказками, создающими для нее фантастический фон. В каких-то отношениях пристрастия автора могут показаться крайними: Рига, строительство которой сопряжено со временем немецкого владычества, ему представляется — в отличие от старых замков и поселений вокруг них — почти таким же исчадием ада, как католический Рим. Из христианских представлений в поэме фигурируют преимущественно негативные, относящиеся к воплощениям нечистой силы (что вообще свойственно романтикам: вспомним хотя бы те же ранние вещи Гоголя). Но погружение поселений и жилищ в толпы колдовских привидений и мерцающих теней скорее даже оживляет их. Не только в каждом доме, но и в каждой комнате оказывается по своему призраку, их причудливая игра сопряжена с ходом повествования: эти тени и духи обволакивают героев, вовлекают их в свои полеты и падения. Повествование празднично (напомним, что поэма завершалась к празднику песни). Перед трагическим концом мы читаем описание латышского праздника Лиго (Иванова дня), которое поражает этнографической точностью деталей. Детство Пумпера, проведенное в латышской деревне, насытило его картину этой деревни и населявших ее людей и привидений той подлинностью, которая делает достоверными самые фантастические картины. Мы вполне верим, что герой, подобно гоголевскому персонажу, может летать вместе с колдуньей и присутствовать при шабаше. Мы поверим даже и последующему превращению колдуньи в яблоню, даже и ее перевоплощению в доброго духа и верную жену. В этом переплетении самых невероятных сцен с почти фламандской деревенской живописью "Лачплесис" оказывается сродни магическому или фантастическому реализму авторов середины — конца XX в. Мы перечитываем эпос как сегодня написанный, снова начинаем сочувствовать его героям и бояться за судьбу страны, их родившей.

У Пумпера до сих пор многому можно учиться: умению соединить исторический рассказ, основанный на старых хрониках, с мифологическими и сказочными мотивами, естественности перехода от одного стиля и метра к другому (поэма представляет собой образец полиметрического сплетения размеров, которые искусно чередуются, разнообразя мелодию), сжатости в передаче выстраданных умозаключений и наставлений, умело вкрапленных в занимательное повествование. В поэме воссоздан целый мир истории и мифологического воображаемого прошлого страны, ее древний пантеон и последующие судьбы. Мы вовлечены в рассказы удивительные и невероятные, готовы поверить в чудеса и волшебство. Все это совершается благодаря словесной магии, которую Пумпур перенял из народных песен, поверьй и сказок. Но и там, где он заимствовал целые фольклорные тексты, он сумел их изменить, вплетя в ткань своего собственного рассказа. Мне не кажется, что задачи писателя с тех пор существенно изменились. Они затруднены теперь отсутствием того живого фольклорного

фона, который был заранее известен читателям Пумпера. Он продолжал и завершал еще живую традицию. Современные поэты — даже тогда, когда они следуют фольклору или ему подражают, — в большей мере должны доверять самим себе. Но пример замечательной поэмы, соединившей народное соборное творчество с индивидуальной фантазией Пумпера, всегда остается перед нами как недосягаемый образец чарующего словесного колдовства.

В. СМОЧИНЬСКИЙ

ЭЛЬБИНГСКИЙ СЛОВАРЬ: ЭМЕНДАЦИИ, ЧТЕНИЯ И ЭТИМОЛОГИИ

1. E 136 STRANNAY И ПРОБЛЕМА ГРАФИЧЕСКОЙ ГЕМИНАЦИИ СОГЛАСНЫХ В ПОЗИЦИИ ПОСЛЕ ДОЛГОГО ГЛАСНОГО

Я. Эндзелин (Endzelin 1942) обратил внимание на то, что при копировании и перепечатке прусских языковых материалов иногда имело место смешение букв *<п>* и *<у>*; происходило же это потому, что в рукописном готическом письме знаки эти были очень скожи между собой. Примеры форм, содержащих такого рода ошибки, он отметил прежде всего в самбийских катехизисах (*ibid*). Позднее, в *Senprūšu valoda*, Эндзелин обратил внимание на смешение *<n>* и *<у>* в рукописном Эльбингском словаре и предложил эмендации среди прочего для двух записей (Endzelin 1943, 186, 251):

E 66 *luray* — *iurian ‘морс’;

E 187 *smoy* — *smon ‘человек’ (запись без окончания).

В настоящее время В. Мажюлис читает Е 66 как [jūr'laɪ], nom. pl. m. и Е 187 как [zmō̄i] (Mažiulis 1981, 276, 329). Представляется, однако, что эти чтения имеют меньше шансов быть принятыми, чем конъектуры Эндзелина. Дело в том, что в случае Е 66 чтение с исходом *-ai* влечет за собой проблему объяснения мужского рода у названия моря, которое в родственных языках выступает исключительно как *femininum*: лит. *jūros*, *jūrios*, *jūrēs*, лтш. *jūras*, *jūras*, *jūres*. Если же принять чтение /jū:tījan/, то окончание *-an* поддается объяснению как показатель интерферированного среднего рода по образцу нем. *das Meer*¹.

¹ В том, что такого рода морфологическую интерференцию следует принимать во внимание, нас убеждают следующие прусско-немецкие соответствия: Е 113 *būtan* ‘дом’: das Haus (лит. *būtas*); Е 155 *caulan* ‘кость’: das Bein (лит. *kāulas*); Е 335 *meltan* ‘мука’: das Mehl (лит. *miltai* pl. m.); Е 12 *metan* ‘год’: das Jahr (лит. *mētas*, *mētai*); Е 455 *milan* ‘одежда’: das Gewand (лит. *mīlas* ‘толстое сукно’); Е 479 *narten ‘рубашка’ (эмендация записи *nurtue*, апеллирующая к GrF 49 *narthe* и GrG 24 *norie* ‘то же’): das Hemd; Е 245 *peilan, записано *pedan* ‘нож плуга’: das Sech (лит. *peilis* ‘нож’); Е 525 *wargien* = /vārijan/ ‘меди’: das Kupfer (лит. *vārias*); Е 59 *wundan* ‘вода’: das Wasser (лит. *vanduō*, *-ens* m.); заимствования: Е 133 *instran* ‘жир, сало’ из ср.-н.-нем. *instar* nt., Е 288 *pannean* (т.е. *panne* + *-an*) “Moosbruch” из ср.-в.-нем. *venne* nt. ‘Sumpf’. Ср. также кальки средненемецких сложений среднего рода: Е 321 *maluna-kelan* ‘мельничное колесо’: *mūl-rat* nt., Е 446 *larga-saytan* ‘стремянный ремень’: *stīge-lēder* nt., Е 654 *pausto-cātā*, читай *paušio-ca[n]nica[n]* ‘дикая лошадь’: *will-pferti* nt. (Smoczyński 1986b).

Прочтение В. Мажюлисом Е 187 как [zmōi] трудно принять по той причине, что оно апеллирует к хронологически молодой лит. диал. форме žtiōd-j ‘человек’, в которой -j, впрочем, не вполне ясен². В Постилле Даукши есть только žtio, ср. Kudzinowski, 1977, II 473. Зато исправление на *smon у Энзелина имеет то преимущество, что делает возможным чтение /zmīn/³ и позволяет далее связать запись ЭС, с одной стороны, со старолит. формой acc. sg. žmīn̄ (DP⁵ 339₂₉) и nom. dualis žmīne ‘двоє чоловік’ (DP 313₁₉), а с другой стороны — с прусскими дериватами, как III smunents ‘человек’ и Е 67 smonenawīs то же, чит.: smonen-awīs < *zmīnin-utīs (см. Smoczyński 1986а, 179).

Будучи убежден в правильности эмендации (<-y> испр. на <-n>) в отношении *luriay* и *smoy*, предлагаю распространить ее и на третий пример, а именно Е 136 strannay ‘бедра, Lenden’. Исправленное *strannan можно объяснить как сингулярную форму в аккузативе, соответствующую литовскому acc. sg. strēn̄ от strēna ‘бедро’.

О том, что некоторые слова ЭС представлены не в номинативе, но в аккузативе sg. на -n, свидетельствуют следующие записи: *assaran* ‘озеро’ (лит. īžeras), *brisgelan* ‘узда, поводья’ (лит. brīzgīlas), *piuclan* ‘серп’ (лит. pjūklas), *pirsten* ‘палец’ (лит. pīrštas), *swetan* ‘свет, мир’ (лит. sviētas), *twaxtan* ‘банный веник’ из *kve-k-stan. (заимствование ср.-н.-нем. *quesi* m.). Для femininum ср. *witwan* ‘лоза, ивняк’ (из ст.-польск. *witwa* f., ср. прус. сложение *ape-witwo* ‘ракита приречная’), *kalabian* ‘меч’ (из ср.-в.-нем. *glavīn* f., ср. прус. acc. sg. *kalbiān* в III), а также две записи в форме acc. pl.: *agins* ‘глаза’ (чит. *akins*) : лит. *akis* f.; *ausins* ‘уши’ : лит. *ausis* f., ср. Топоров 1975, 57, 167.

Судя по лит. *strēna*, прус. *strannan является фонетической записью [str'æ:nan], т.е. содержит в корне долгий гласный, продолжающий *ē. Тот факт, что этот гласный записан графемой <a>, говорит о широкой и низкой его артикуляции, которая была воспринята немцем как близкая артикуляция a. Тот же звуковой облик можно приписать графеме <a> в трех других случаях, которые с этимологической точки зрения представляются следующим образом:

Подобные формы на -an или на -en, имитирующие немецкие *neutra*, встречаются в Энхридионе. Нем. *das Leben* передано там через nom. sg. *giwan* 1*, *giwan* 1* и *giwei* 1* (эмнд: *giwen*). С упомянутым выше Е 155 *caulan* следует связать III *kaulei* ‘кость, das Bein’ в предложении 101₁₈: *sta ast ainawijdi kaulei* [эмнд: *kaulen*] *esse maians kaulins/bhe mensā* [чит. *mensan*] *esse maiān mensan* ‘Das ist doch Bein von meinen beinen / vnd Fleisch von meinem fleisch’. Утверждение, что *kaulei* является здесь формой nom. pl.m., а *mensā* — собирательной формой (ср. Endzelin 1943, 191, 210), кажется неубедительным.

² Ср. Arumaa 1934, 81; Zinkevičius 1966, 256 сл.

О том, что графема <o> имела в ЭС между прочим значение /u/, свидетельствуют следующие записи:

Е 623 *stanulonx* ‘волчье лыко’: Е 644 *lunkan* ‘лыко’;

Е 671 *lonix* ‘бык’, эмнд. *ionix (Bezzemberger 1874, 1244), читай /juniks/, заимствование из ст.-польск. *junięc* ‘молодой бык’ (Smoczyński 1986b, 227);

Е 684 *potayis* ‘откармленный кабан’, читай /numaitis/, к лит. диал. *nīmas* ‘хлев, скотный двор’ как ‘кабан, выращенный, откармленный в хлеву’ (иначе Endzelin 1943, 216);

Е 405 *kongasis* ‘король’, читай /kūngis/, заимствование из ср.-в.-нем. *kung, kong* m. ‘König’ (относительно функции графемы <+a> см. Smoczyński 1988, примеч. 20). Иначе: Топоров 1984, 124 сл., который читает *kunagis или *kunigis.

1) Е 312 *paddis* «commot», что Траутман (1910, 387) объясняет как ‘Kummet, das Halsjoch der Zugtier’. Речь идет о прусском слове, обозначающем ‘ярмо’, т.е. деревянную часть упряжи, которая служила для припрягания волов к грядилю плуга или к дышлу телеги. Один из видов ярма, распространенного в Восточной Европе, представлял собой две параллельные жерди (иногда выгнутые полукругом), которые соединялись четырьмя поперечинами. Две из них — внутренние — крепились неподвижно, а две наружные были подвижны, т.е. вынимались при накладывании ярма на шею вола (см.: *Słownik starożytności słowiańskich*. Wrocław, 1964. Т. II, с. 324—325). Ввиду сходства описываемого таким образом ярма с рассохой, т.е. разветвленным на два сука деревом, правдоподобной представляется этимологическая связь прус. *paddis* ‘ярмо’ с такими литовскими словами, как *pēdžià* f. и *pēdē* f., которые обозначают: 1. ‘раздвоенный столб, поддерживающий крышу риги, овина’, 2. ‘рассоху (бабу) колодезного журавля’ и 3. ‘всякого рода подпору, держатель’ (ср. LKŽ IX, 742, 738). В Dictionarium Ширвидаса (изд. 3-е) слово *pēdžia* фигурирует s.v. *socha, rosochata do podpárcia* и s.v. *podporá*. В результате этого этимологического сближения читаем прус. *paddis* как [p'la:dis], т.е. с долгим ударным гласным, соответствующим лит. ē в *pēdžià* (pl. *pēdžios*) или *pēdē* (pl. *pēdēs*). Не видим оснований для связывания прус. *paddis* с литовской формой *padis* ‘подкладка под бочку; подставка для квашни’, как это делает Траутман (1910, 387), поскольку в свете данных LKŽ (IX 49) это не более чем окказиональный фонетический вариант исходной литовской формы *pēdēs*, которая является долгогласной. На том же основании невозможно принять чтение Мажюлиса (1981, 301, s.v. *pavalkai*): *paddis* = [padis].

2) Е 687 *dadan* ‘молоко’: здесь весьма правдоподобным представляется чтение [d'æ:tan] вместо принятого до сих пор [dadan]. Интересно, что Мажюлис (1981, 302 s.v. *pienas*) воздержался от прочтения записи *dadan*. Тогда прусское слово было бы формой acc. sg. на -an, как упомянутые выше прус. *assaran, brisgelan, piuclan, pirsten* и т.п. Основа *d'e:ta- представляет собой субстантивацию старого adiectivum verbale на -to- *dhehi:to- с этимологическим значением ‘то, что высосано, выдоено из груди сосуном’. Соответствующий исходный глагол сохранился в лтш. *dēju, dēt* ‘сосать грудь’, ср. др.-инд. *dhāyati* ‘сосет’ и слав. каузатив *doj-iti* ‘кормить грудью’ — ‘давать сосать’. Там же засвидетельствовано *dēls* ‘сын’ — несомненная семантическая инновация (ср. лит. *sūnūs* как наследованное название ‘сына’), которая имплицирует в качестве более ранних стадий ‘ребенок (обоего пола)’ — ‘сунок, ребенок, питающийся молоком матери’⁴. Пример субстантивации

⁴ Иное объяснение этимологии слова *dadan* см. у Топорова (1975, 284), который исходит из буквального чтения /dadan/. — Графема <d> в значении /t/ появляется в ЭС по крайней мере в двух случаях: 1° 214 *accodis* ‘отверстие в крыше для выхода в дыму’, чит. /akutis/, т.е. буквально ‘глазок, око (уменьш. ф.)’ (Schmalstieg apud Топоров 1975, 70). Ср. с этим название болота 1336 *Langodis* (AON 82), которое можно интерпретировать как /langutis/, букв. ‘маленькое окно (лит. lángas), окошко’; 2° 330 *utmnde* ‘пекарня, Backhaus’, чит. /utmnit-/; что через синкопу i и ассимиляцию (*mn* < *pn*) из **up(i)n-ut-*, являющегося дериватом от *upins < *upens ‘печь’ — ср.-н.-нем.

старого прилагательного на *-to-* представляет в прусском языке также слово E 335 *meltan* ‘мукá’ = /m̥i:lta/. Его литовское соответствие звучит *miltai* pl. m. и основывается на плюрализации формы **mi:lta* ‘то, что смолото’, из и.-е. **m̥h₂-to-*. Ср. еще лит. *girtas* в значении ‘пьяный человек; тот, кто напился’ наряду с adj. *gir-tas*, ‘напившийся’ (и.-е. **gʷrh₃-to-*) к *geriù*, *gérти* ‘пить’, а также лит. *tiltas* ‘мост’, которое выглядит как субстантивация значения ‘то, что возведено над водой или топью (для перехода)’, из и.-е. **t̥h₂-to-* (**telh₂-*),ср. греч. *τλητός* ‘сдержанный, терпеливый; сносный’, лат. *lātus* среди прочего ‘высокий, возвышающийся над другими, надменный’ (как семантическую параллель здесь можно рассматривать ст.-лит. *kēlas*, лит. *kēlias* ‘дорога, путь’ от *pakeliu*, *pakēlti* ‘поднять, возвысить’).

3) III 29₁₇ *tāwan* acc. sg. ‘отец’, читай [t̥æ:van]. Эта запись передает этимологическое **t̥e:van*, с /e:/, удостоверенным не только соответствиями — лит. *tēvas* и лтш. *tēvs*, но также прусскими дериватами — такими, как имя собственное *Tewiko/Thewico/Tewike* (наряду с *Tawik-in* 1348,ср. Trautmann APN 105, 104) и E 176 *thewis* ‘веттер», т.е. ‘брать отца’.

Использование графемы <a> для обозначения прусского широкого гласного /e:/ находит параллель (до сих пор как будто не отмеченную) в старолитовской графике. Так, в самом раннем литовском рукописном тексте — так называемой Дзукской молитве начала XVI в. — фонема, соответствующая современному лит. /e:/ (на письме <ē>), обозначается графемой <a>, той же, какую мы видели выше в прусских записях *strannan (*strannay*), *paddis*, *dadan* и *tāwan*. Единственное различие в узусе графемы <a> между прусским и литовским заключается в том, что в Дзукской молитве этому <a> постоянно предшествует буква <ÿ>, которая служит для обозначения позиционной палatalности согласного (Conson. + <ÿ> + <a>). Эта техника маркировки мягкости согласных, явно заимствованная из старопольской орографии, не имеет соответствия на почве прусской графики. Ср. следующие старо- и новолитовские записи по тексту Дзукской молитвы, опубликованному Лебедисом и Палёнисом (1964) [с.=строка]:

c. 11	<i>thÿawa</i>	:	<i>tēvq</i> acc. sg. ‘отца’
c. 19	<i>thÿawa</i>	:	<i>tēvo</i> gen. sg. ‘отца’
c. 23	<i>kyalýmv</i>	:	<i>kēlimq</i> acc. sg. ‘воскресение (из мертвых)’
c. 15	<i>yszprýalatas</i>	:	<i>išpēlotas</i> nom. sg. ‘распятый на кресте’ (ст.-лит. <i>pēloti</i> — рус. пытить)
c. 6.	<i>gýalbýaki</i>	:	<i>gelbéki</i> 2 sg. ‘спаси’
c. 14	<i>prasidýäys</i>	:	<i>prasidéjës</i> ‘начался’

или ср.-в.-нем. *oven* nt. ‘Ofen zum Backen’ (иначе Smoczyński 1986a, 169). — Есть в ЭС и примеры обратных написаний: <t> = /d/. Ср., например: 416 *caryawoyis* ‘смотрят войскам, Heerschau’, чит. /karija-vaidis/; III 75₁₆ *waidinta* ‘показывают, zeigen’, лит. *vaidinti* ‘представлять на сцене’ (иначе Топоров 1980, 228); 376 *saltan* “spek”, чит. /saldan/, результат метатезиса *sadlan nt. < ст.-польск. *sadło* nt. ‘arvina, etiam arvina liquefacta’ (иначе Mažiulis 1981, 30 примеч. 107); 412 *listis* (не: *liscis*) ‘лагерь, Lager’, чит. /lizdis/, формально — лит. *lizdas* ‘гнездо’, но с точки зрения значения это калька ср.-в.-нем. *nest* nt. ‘1. Nest, Vogelnest, 2. Lager, 3. Bett, Wohnung’ (иначе Endzelin 1943, 204).

c. 17	<i>kýalý[ə]si</i>	:	<i>kélési</i> ‘поднялся’
c. 3	<i>sžamýaÿ</i>	:	<i>žemėj</i> loc. sg ‘на земле’
c. 12	<i>sžamýas</i>	:	<i>žemės</i> gen. sg. ‘земли’
c. 18	<i>Deszýnýas</i>	:	<i>dešinės</i> gen. sg. ‘десницы, правой руки’
c. 2	<i>karalistýa</i>	:	<i>karalysté</i> ‘царствие’

Перейдем теперь к проблеме графического удвоения согласного <nn> в записи слова *strannan. Мажюлис (1981, 313), не находя запись *strannay* ошибочной, читает ее [stranaɪ], с кратким гласным в корне. Это значит, что консонантное удвоение в <ann> он считает просто показателем краткости гласного *a*, как это наблюдается в немецкой орографии. В Эльбингском словаре действительно есть случаи геминации типа <CC>, которые можно интерпретировать как знаки краткости (например, E 33 *panno*, E 188 *genno*, E 223 *pelanno*, E 787 *bitte*, E 113 *buttan*, E 60 *assaran*, E 429 *russis*, E 142 *uccroy*, E 598 *sackis*). Однако, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на тот факт, что такая геминация появляется также после гласных, которые с этимологической точки зрения являются очевидными долготами. Один из таких случаев представляет рассмотренное выше E 132 *paddis* ‘ярмо’, которое требует чтения [p̥a:dis] и фонологической транскрипции /p̥le:dis/. Вот и другие примеры, подтверждающие наличие графической геминации после долгого гласного:

А) E 181 *passons* ‘пасынок’ = /p̥a:su:ns/. Ср. лит. соответствие *pósūnis* ‘то же’, в котором префикс с долгим гласным, несомненно, исконным (ср. рус. пасынок, а кроме того *náрубок*, *náсерб*), не допускает иной реконструкции ни для вокализма, ни для места акцента формы *passons*. Подобным же образом, учитывая лит. *pódukré/pódukra* ‘падчерица’, следует соответственно прус. E 182 *poducrē* ‘то же’ принять за [p̥a:duk̥r-] как реализацию /p̥a:duk̥r-/ (немецкое окончание <-e> этой записи не позволяет решить, каким было прусское окончание — /-i/ из *-ē или же /-a/ из *-ā, ср. выше литовский дублет). У Мажюлиса (1981, 304) находим чтение [pasuns] для *passons* рядом с [p̥ádukr̥e] для *poducrē*. Непонятна непоследовательность в транскрипции префикса: <па-> должно быть кратким, тогда как <ро-> долгим — исключительно в силу колебаний немецкой орографии! В случае *passons* автор не замечает, кроме того, что графема <o> может обозначать /u:/. В пользу этого свидетельствуют: E 165 *brokis* ‘удар’ = /br̥u:ki:s/ : лит. *brūkis*; E 96 *cosy* ‘горло, гортань’ = /g̥u:zi:/ : лит. *gūžé* ‘горло у птицы’, *gūžis* или *gūžys* ‘то же’, а также ‘кадык, адамово яблоко’; E 795 *pagonbe* ‘язычество’ = /pag u:ni/ coll. : III 59₁₅ *pogūnans* acc. pl. ‘язычники’; E 402 *kiosi* ‘кружка’ = /kr̥u:zi:/, заимствованное из ср.-н.-нем. *krūs* f., как и лтш. *krūze* f. (ср. Smoczyński 1988b).

Б) E 90 *ponasse* ‘верхняя губа’ (букв.: ‘та, что находится под носом’). Чтение: [p̥ára:si] = /panla:si/. Это femininum на -ē-, формально соответствующее литовскому образованию *pa-nósē* f. ‘vieta po nosimi», т.е. ‘место под носом’ (ср. LKŽ IX 339). И в этом случае чтение Мажюлиса (1981, 229) игнорирует наличие корневой долготы: [p̥ána:sē] или [panasē]. Это удивляет тем более, что в другом месте (с. 293)

тот же автор читает Е 85 *nøy* ‘нос’ как [nāsi] (а не *[nasi]) и Е 86 *noseproly* ‘ноздря’ как [nāsipralī]. Причиной этой непоследовательности, вследствие которой устанавливается этимологическое расхождение форм *ponasse* и *panosē*, является опять-таки принятие орфографической догмы, что <a> + <ss> всегда и везде передает /ä/.

С) Е 604 *glossis* ‘род ивы : *Salix vitellina*’. Чтение: /gl̥a:s/. Оно опирается на два факта: 1. что литовское соответствие этого слова звучит *glūosnis* (фиксируется от *Dictionarium* Ширвидаса, см. LKŽ III 442) и что в нем содержится рефлекс старой долготы *ō; 2. что в графической системе ЭС прусское соответствие двух литовских гласных /uo/ и /o:/ и двух латышских /uo/ и /a:/ (генетически: прабалтийских гласных *ō и *ā) обозначается единообразно, а именно, с одной стороны, с помощью <o>, ср., например:

E 604	<i>glossis</i>	: лит. <i>glūosnis</i>
или	E 778 <i>glodano</i>	: лит. <i>gluodenà</i> , лтш. <i>gluōdēnà</i> ,
так же как	E 170 <i>mothe</i>	: лит. <i>mótè</i> , лтш. <i>mātē</i>
или	E 173 <i>brote</i>	: лит. <i>brólis</i> , лтш. <i>brālis</i> ;

с другой же стороны, с помощью диграфы <oa> ср., например:

E 627	<i>woasis</i>	: лит. <i>uōsis</i> , лтш. <i>uōsis</i>
или	E 458 <i>woaltis</i>	: лит. <i>uoletkis</i> , лтш. <i>uōlekis</i> ,
так же как	E 178 <i>moazo</i>	: лит. <i>mōša</i> , лтш. <i>māša</i>
или	E 293 <i>soalis</i>	: лит. <i>žolē</i> , лтш. <i>zāle</i> .

Это неоспоримое свидетельство графики подводит к фонологическому заключению о том, что в звуковой системе ЭС континуантом прабалтийской пары *ō и *ā (лит. *uo* : *o*) была одна фонологическая единица; в этой статье она обозначается условию как /a:/. Писец ЭС записывает эту синкетическую фонему тремя способами: как <o>, <oa>, а также — что видно на примере *passons* и *ponasse* — как <a> + геминация. О том, что употребление графемы <a> = /a:/ не связывается в обязательном порядке с геминацией, свидетельствуют Е 180 *pomaire* ‘мачеха’: лит. *pāmotē*, лтш. *patāte*, Е 244 *wagins* ‘Pflügeisen’ — путем синкопирования и окончания из */v̥a:ginzis/ m. — ср.-в.-нем. *wagense* m. ‘Pflugschar’ и Е 411 *karyago* ‘Reise’, ошибка вместо *kargayo = = /kargla:ja/, ср. лтш. *kājā gāju* ‘я пошел на войну’.

В отличие от предложенных ранее чтений Е 604 *glossis* как [glōsis] или [gl̥ōsis] (см. Топоров 1979, 267), а также [gl̥ōsis] (так у Мажюлиса 1981, 271), наше чтение /gl̥a:s/ обращает внимание на сомнительность окончания в этом нархе. Параллель в виде диалектной восточнолитовской формы *glūosis* ‘*Salix*’ (ср. Топоров I.c.) не является здесь достаточным доводом, так как эта форма встретилась лишь в одной д. Jūžintai (LKŽ III 441); возможно, это просто изолированная инновация, состоящая в упрощении *sn* в *s*. Ввиду повсеместности литовской формы *glūosnis*, в связи с прус. *glossis* встает скорее всего вопрос, не есть ли это ошибочное воспроизведение *glossis, т.е. записи, передающей сокращение *n*? В таком случае следовало бы постулировать в Е 604 **gloss(n)is*.

подобно тому как мы принимаем *vump(n)is* для Е 331, записанного *vumpis* (об опущении знаков сокращения *n*, *t* в ЭС см. Smoczyński 1986a).

Д) Е 415 *wackis* «geschtcy». Чтение /v̥a:kis/. Долгота обоснована, во-первых, внутрипрусской связью *wackis* с деноминативным глаголом *v̥a:kau ‘призывать’, форма которого пишется с чертой: III 45₂ (*ast*) *perw̥kauns* ‘hat beruffen’, чит. /perv̥u:kauns/, из */perv̥a:kavuns/, и во-вторых, сравнением с и.-е. соответствиями, например, лат. *iōkh*, *iōcīs* и скр. *vāk*, *vācam*.

Е) Е 593 *buccareisis* ‘буковый орешек’. Чтение /b̥i:u:kareisis/, с /u:/, долгим — ввиду показания лит. *būkas* ‘бук, *Fagus*’ и параллельного <ucc> написания <uc> в Е 592 *bucus* ‘бук’ и Е 723 *bucawarne* ‘holckro’, написания, которое краткое *u*, видимо, исключает. Как прусское, так и литовское названия ‘бука’ являются заимствованиями, вероятнее всего, славянскими (ср. Endzelin 1943, 154; Топоров 1975, 262). И тут нужно припомнить хорошо известный факт, что в славизмах балтийских языков на месте слав. *u* находим как правило /u:/. Для прусского достаточно указать Е 153 *dusi* = /d̥u:si/ ‘Seele’: III *dūsin* acc. sg. (параллельно III *d-o-ūsin* и *d-a-ūsin*) из ст.-польск. *dusza*, наряду с чем имеем также ст.-лит. *dūšiā* из рус. *душа*. В свете этого замечания чтение прус. *bucca*-/*bucis*- /u/ кратким (как у Топорова I.c. и Мажюлиса 1981, 262) не может считаться безупречным.

Ф) Е 732 *doacke* ‘скворец, Star’. Для этого слова отсутствуют какие-либо литовско-латышские связи, его форма указывает на заимствование из немецкого, а именно из какого-то средненемецкого диалекта, который продолжал др.-в.-нем. *dāha* (*tāha*) f. ‘галка, *Dohle*’. Соответственно немецкому источнику читаем *doacke* как *femininum* /d̥a:ka/ или /d̥a:ki/. Другой германизм с <oa>, но без геминации <c+k> — Е 480 *broakay* ‘род штанов’, выводимое согласно из ср.-н.-нем. *brōk* f. (ср. Топоров 1975, 253, где чтение “*brākai*/*brōkai*?”).

Это *broakay* заслуживает краткого отступления, поскольку его написание намечает путь для вывода о функции удвоения <c+k> в *doacke* и др. Если считаться с требованием, что чтение *broakay* не должно противоречить другим записям образований женского рода, которые оканчиваются на <-y> или на <-i>, следующие за гласной буквой, то неизбежным будет чтение /bra:k'a/, ибо женский род с окончанием -ai в балтийском невозможен, возможно однако — в прусской графике — добавление “акцентографической буквы” <+i> или <+y> там, где возникает необходимость указания *ударения*, падающего на конечный слог слова (см. Smoczyński 1988e, 902). Главным основанием для этого утверждения служат четыре порядковых числительных из Энхиридиона, которые соотносятся с окситоническими литовскими соответствиями, ср.: *pirmoi* = /pirm̥a/ или /pirm̥u/, *tirt[a]i* = /tirt̥a/, *vschiai* = /ust'a/, *septmai* = /se(p)t̥m̥a/ при лит. *pirm̥à*, *trečià*, *šešià* и (ст.-лит.) *sek̥t̥à* из **seit̥t̥à*; эту серию дополняют две записи с акцентной чертой: *antrà* : лит. *antrà*, *pienkt̥t̥à* = /pink̥t̥a/ : лит. *penkt̥à*, и как раз они объективно подтверждают значение <+i> как знака места ударения.

Для знака <+y> в Е 480 *broakay* = /bra:k'a/ аналогии представляют

три других *feminina* иноязычного происхождения, а именно: а) Е 142 *usscroy* ‘икра (ноги)’ = /ikr̩a/ [запись указывает на немецкую силлабацию *ik-krá*], из ст.-польск. *ikra* f. ‘то же’ (от этого следует отличать ст.-лит. *ikrai*, которое было заимствовано из рус. *йкры* pl. f.), б) Е 292 *clanoy* ‘лопух’ = [kla:t̩a], /klet̩a/ из ср.-в.-нем. *klette* f. ‘то же’, а также с) GrA 55 *kyrkoy* ‘постестантская церковь, кирха’ = /kirka/ из нем. *kirche* f. ‘то же’. Кроме того, ср. GrA 54 *grecoy* ‘грех’ = /gr̩i:k̩a/, которое, хотя и является полонизмом, но для своего женского рода в качестве образца берет немецкое соответствие *die Sünde* f.; трактовка *grecoy* как *femininum sg.* диктуется наличием в III 55₁₉ *staι switai* «die Welt» = = /sta svi:t̩a/, хотя и это слово происходит из ст.-польск. *świat/świeć-* m., ср. Е 792 *swetan* ‘свет, мир’.

Возвращаясь к сравнению *doacke* с *broakay*: сопоставление этих двух типов записей наводит на предположение, что графическая геминация, в данном случае <c+k>, связана с соседством ударного гласного “слева от геминаты”. Можно было бы это представить таким образом: в акцентной ситуации, как /d̩a:ka/, возможна запись <doa-ck-e>, тогда как в ситуации /bra:k̩a/ — скорее <bgoa-k-ay>, т.е. запись без консонантного удвоения. Вследствие этого: наличие геминаты можно трактовать как указание на место акцента, а именно непосредственно перед геминатой, в свою очередь отсутствие геминаты может являться, по крайней мере в части случаев, сигналом отсутствия акцента. Это наблюдение (которое ниже будет продемонстрировано дальнейшими примерами) следует понимать не как принцип прусской графики (для этого здесь слишком много непоследовательности), но единственно как общую аналитическую директиву: там, где геминация используется после долгого гласного (слога), т.е. в условиях, противоречащих ее обычному использованию в немецкой орфографии (только после ударных кратких, в начальном слоге слова), следует всякий раз принимать во внимание эвентуальность приспособления немецкого приема геминирования к специальным требованиям прусской просодической системы, в которой помимо различения слогов с долгим и кратким вокализмом существовала чуждая немецкому свободе ударения (подвижная позиция иктуса в слове, обусловленная морфологическими факторами). Представляется, что для маркирования ударения на корневом слоге, как долгом, так и кратком, могло использоваться графическое удвоение согласной. По этой причине мы читали выше *paddis*, *passons*, *ponasse*, *glossis*, *bucca-* и *doacke* с ударными долгими гласными (ср. также ниже о *suckis*, *i-iw-is* и *gra-iw-us*). По той же причине мы усматриваем ударные краткие, например, в Е *assis* ‘ось’, *addle* ‘ель’, *mettan* ‘год’, *meddo* ‘мед’, *bitte* ‘пчела’, и *buttan* ‘дом’ и отражаем это в транскрипциях /asis/, /adla/ или /adli/, /m'etan/, /m'eds/, /b'ita/ или /b'iti/, /b'utan/. То же самое

⁵ В связи с наличием записей *assis*, *addle*, *mettan*, *meddo*, *bitte*, *buttan* могут сказать, что подобным образом *usscroy* и *clatoy* из-за графических геминат в их составе должны читаться с акцентом на начальном слоге (/ikr̩a/, /kl̩atai/), нежели на конечном, как это предложено выше (/ikr̩a/, /klet̩a/). Однако такой интерпретации противоречат два факта. Во-первых, предполагаемые чтения /ikr̩ai/ и /kl̩atai/ приуждали бы к отрицанию акцентографической техники <+y>, которая подтверж-

акцентографическое использование геминации видим, кроме того, во всех трех катехизисах (ср. Smoczyński 1988e, 901—902). Для полного доказательства акцентографической функции геминации следовало бы — мы отдаляем себе в этом отчет — опереться на сопоставление графических оппозиций типа <VCC> : <VC> и <ĀCC> : <ĀC> в родственных словах, различающихся по месту ударения. К сожалению, из-за ограниченности прусского материала это желание неисполнимо, и приходится *nolens volens* довольствоваться тем, что доступно. Обсуждавшееся выше соотношение <ck> : <k> (*doacke* : *broakay*) имеет продолжение в следующих парах слов:

a1. simplex: Е 264 *ke-ck-ers* ‘горох’ = /k̩i:k̩ers/, заимствование из ср.-в.-нем. *kicher* m./f. ‘Erbsē’.

b1. compositum: Е 272 *licutke-k-ers* «linsen», т.е. ‘мелкий горох, горошек’ = = /likutki:k̩ers/: написание второго члена этого сложения указывает на то, что ударение падало на *licut-* (ср. III 17₁₂ *likuts* ‘малый, маленький’, заимствование из ср.-н.-нем. *lüt-ke* : ср.-в.-нем. *lütz* ‘klein, gering’).

a2. акцентованный корень: III 67₁₄ *ri-ck-ij-s* = /r̩i:k̩i:s/ voc. sg. господин; ср. I 13, *ri-ck-is* ‘господин’, акцентный дублет слова, которое в других источниках писалось с <-k-> и в nom. sg. имеет ударение на суффиксе, см. b2.

b2. акцентованный суффикс: III 20X *ri-k-ij-s* ‘господин’ = /r̩i:k̩i:s/, из контракции формы */r̩i:k̩i:jas/, ср. III 30X *rikijan* acc. sg. Параллельны этому записи nom. sg. как III *rikeis* (с <+e> перед i = /i:/), а также II *rykyes* (с <+e> после y = /i:/), подтверждающие акцентацию /r̩i:k̩i:s/. Рецессивное ударение, свойственное форме voc. sg., указано в пункте a2: *rickijs*.

a3. акцентованный суффикс: Е 323 *nawe-ii-o* ‘цилиндр втулки (колеса)’ = /navi(:)t-/; это деминутивный дериват Е 297 *nabis* ‘втулка колеса’ (из нем. *nabe*).

b3. гласный суффикса безударен: Е 743 *melato* ‘зеленый дятел’ = /melet̩a/ : лит. *meletà*, диал. *malaia* ‘желна, иволга’; подобным образом Е 152 *giwato* ‘жизнь’ : лит. *gyvatà* ‘то же’.

a4. акцентованный префикс: Е 181 *pa-ss-ons* ‘пасынок’ = /p̩a:su:n̩s/ : лит. *pósūnis*; без геминации: Е 182 *poducre* ‘падчерица’, к лит. *pódukré*.

b4. неакцентованный префикс: Е 179 *patowelis* ‘отчим’ : лит. *patévis* ‘то же’, *tévelis* ‘отец’ (деминутивная форма) от *tévas*.

a5. акцентованный префикс: Е 57 *pa-ss-alis* ‘мороз’ = /p̩a:sal̩s/ : лит. *pāšalas* ‘мерзлота’; Е 502 *pa-cc-aris* ‘ремень (к обуви)’ = /p̩akar̩s/ : лит. *pākaras* ‘веревка у кнута’ (LKŽ IX 153).

b5. неакцентованный префикс: Е 574 *palasssis* «бог», ‘рыба, напоминающая лосося’ = /palas̩a(:)sis/, префиксальный дериват от Е 563

дается вполне достоверными примерами, в том числе и за пределами Эльбингского словаря; с другой стороны, такие чтения с /-ai/ вводят конечный элемент, который не имеет соответствия среди показателей *feminini* в балтийских языках. Во-вторых, как *usscroy*, так и *clatoy* находят оправдание для своей геминации в предударной позиции (= /ikr̩a/, /klet̩a/) в совершенно ясных параллелях из Энхиридиона, где встречаются, например: *erwarr-ī-snan* (наряду с *erwarišnan*), *debb-ī-kan* (наряду с *debikan* и *debijkan*), *turr-ī-lai* (наряду с *turlai*) и *dessīmis* (наряду с I-II *dessimis*).

lasasso /la'sa(:)sa/ ‘лосось’. Ср. ст.-лит. *lašaša* у Ширвидаса Dict.³ s.v. *losos*, *salmo*, лит. *lašišas*, диал. *lašišas*.

Иногда графическая гемината появляется не после акцентированного элемента, но либо перед ним, например, Е 284 *attolis* «grummet», чит. /at'a:ls/ (ср. лтш. *atāls*, лит. *atōlas*), либо, в редких случаях, по обе стороны такого элемента, например, Е 20 *po-ssiss-awaite* «mittewoche», чит. /pus'isavaiti/. Благодаря катехизисам с их графическими вариантами можно убедиться в том, что три акцентографические техники, которые ради краткости назовем “пост-”, “антэ-” и “амбигеминацией”, употреблялись в дополнительном распределении и отчасти в сочетании с горизонтальной черточкой — главной акцентограммой III катехизиса. Ср., например: *tu-rrit* : *turīt* : *tu-rrīt-wēi* : *pj-čku-las* : *pi-čkūls* : *pik-ull-an* : *pi-čkull-as*; *las-inna* : ^o*la-sīnnsan* : *la-sīnn-uns*; *tan-ass-en* : *te-nne-i-son* : *te-nnē-i-son* : *te-nmess-ei*; *se-ggīt* : *segīt* : *seg-e-itty*; *twa-yi-a* = *twaīā*; *cixti-ssenn-ien* = /krikstīšenin/; *ta-uwyisch-en* : *tawisen*, чит. /ta'visen/; *w-us-ch-ts* : *usts* (*ustas — польск. *ſusty*).

Г) Е 560 *suckis* ‘рыба’. Чтение /z'u:kis/, поскольку не видим лучшей возможности объяснить это необычное образование с -k- (ср. лит. *žuvīs*, gen. pl. *žuvū* : греч. *ἰχθύς*, gen. pl. *ἰχθύων* из и.-е. **gʰiH-*), нежели с помощью гипотезы контракции деминутива на -k- и с ударением на корне: *[z]uukis] из */zuvukis/ или */zuvikis/. Ср. лит. *žuvūkē*/*žuvīkē* f. ‘рыбка’ и, с другой стороны, лтш. *zutis* ‘угорь’, которое может происходить из *zuutis < *zluvitis ‘рыбка’. В литовском языке контракция *žu(i)* в *žū* свидетельствуется словом *žūklīs* (acc. sg. *žūklī*) ‘рыбак’. Похоже, что это вторичный дериват на -līs от номен agentis *žuvikas* ‘рыбак’, а именно *žuviklīs, acc. *žuviklī, откуда путем синкопирования -ik- и контракции возникла инновационная долгота корня *žū(k)-*. Ср. вызванные синкопой -ik- литовские акуты в таких славизмах, как *žū'kas* (из *žūlikas*), *šāl'kas* (из *šālikas*) и *puliárkas* (из *pulērikas*). Старая синкопа неакцентированного и в соседстве *ž* свидетельствуется, по нашему мнению, лит. *ūošvis* ‘тесть’, этимологически ‘муж свекрови, свекор’. Эта форма происходит из *vōšvis (ср. жем. *iokti* из *vōgti* ‘красть’), где долгота появилась после контракции **u'ašquis* (<***uešių-jo-*) в **u'ašūs*. Балт. основа **ueš-uu-* принадлежала к и.-е. *(s)uekij- ‘свекровь, мать мужа’ (вариант с *s-mobile*), сосуществовавшему с **suešu-ra-* ‘отец мужа’, развитым в лит. *šēšuras* (ср. др.-инд. *śvāśuraḥ*, греч. *έκυρός*).

В Энхиридоне также есть одна запись слова ‘рыба’, которая тоже включает <c + k> : 107₁ *suckans* acc. pl.. Мажюлис (1981, 329) предлагает чтения [zukis] и [zukans]. Ввиду краткого гласного они сомнительны. Ср. исключение геминации <c + k>, и черточки + <k> в III : 39₁₆ *dellijcks* 45₁ *dellīks* ‘Artikel’ = /dal'i:ks/ : лит. *dalýkas*; 57₁₀ *polijcki* ‘путь делает’ и 131₁₇ *polīkins assei* = /pa'lī:k-/; I 5₁₈ *rancktwey* и III 33₅ *rānciwei* ‘красть’. К тому же самому типу принадлежит III <g + r> : <ē> + <r> в 117₂₉ *etwerreis* ‘отвори’ и 53₁₆ *etwēre* ‘отворяешь’ = /atvēr-/ (это 53₁₆ отличается местом акцента от лит. *ātveri*, ср. инф. *atvērti*).

Н) Е 599 *iuwīs* ‘тис’. Поскольку это очевидное заимствование ср.-нем. слова *īwe* f. ‘Eibe’, к которому восходит и лтш. *īve* ‘тис’ (Trautmann 1910, 349), следует признать в этой записи наличие графической геминации <u + w>, указывающей, вероятнее всего, на место акцента:

/i:vis/. Мажюлис (1981, 282) читает [ivis], т.е. против ожидания допускает здесь <C + C> после долгого гласного, тогда как Топоров (1980, 101) читает *iuwīs* буквально: [juvis] и развивает неубедительную балтийскую этимологию этого слова. Стоит заметить, что даже в том случае, если бы мы ничего не знали о существовании ср.-н.-нем. *īwe*, то к чтению <*VuwV*> как /VvV/ нас все равно принуждало бы наличие других прусских слов с диграфой <uw>. Ср., например: II *ta-uw-yschis*/*ta-uw-yschies* наряду с I *ta-w-ischis* и с III *ta-w-ischas* gen. sg. ‘ближнего’; I *aula-uw-ussens* наряду с III *aula-u-ūsins* acc. pl. ‘умерших’, читай /aula(:)v'usins/. Ср. инф. *aulāut* ‘умереть’ и литовское соответствие *paliāuti*, *praet.* -*lióvē* ‘совершиться, перестать, прекратиться’ (так у Даукши); в одном из литовских говоров есть *praet. reflex.* *pasilióvē* ‘умер’ (LKŽ VII 397). Запись III 43, *aulausins* ‘умерших’ не может считаться ошибочной и интерпретироваться как [aul'a:vu:sins] (так у Мажюлиса 1981, 293), поскольку это не что иное как аутентичный синкопированный вариант формы */au'lā:vusins/, звучащий /au'lau:sins/. То же самое фонетическое различие отделяет синкопированные формы пом. sg. m. I *aulawns* и II *aulauns* от полной формы III *aulau:uns* = /au'lā:vuns/, ср. лит. *palióvęs*.

Ввиду того, что исследователи прусских памятников не допускают мысли о существовании синкопы у пруссов, любопытно было бы обратить внимание на то, с какой простотой этой инновацией объясняется частая в III форма *dāuns/dauns ast* ‘дал, gegeben hat’. Звучание: /d'a:uns/. При литовском соответствии *dāvęs* (от *dāvē* ‘дал’) и при внутренне прусской двойственности типа *aulauuns/aulauns* (: лит. *lióvęs*) *dāuns* должно быть результатом изменения *daiuns = /d'avuns/. Ср. III *gaiuns* = /glavuns/ : лит. *gāvęs*; если здесь, несмотря на тождество фонетических условий, до синкопы не дошло, то, может быть, потому, что *gaiuns* употреблялось реже, нежели *dāuns/dauns*. Топоров (1975, 304 сл.) о фонетике *dāuns* не говорит ни слова, тогда как Мажюлис (1981, 267) читает *dāuns/dauns* как [dāvuns], хотя чтение <au> как /avu/ очевидным образом противоречит принципу прусской графики (например, чтение *nauns* пом. sg. ‘новый’ как [navuns] приводило бы к бессмыслице).

І) Е 120 *graūwus* ‘бок (как часть тела)’ = /grā:vus/. Это слово, до сих пор не получившее правильного объяснения (см. Топоров 1979, 293), предлагаем связать генетически с прусско-литовским названием ‘ребер’, ср. Е 121 *grabwe* «ribbe» и III *grē-i-wa-[kaulin]* «Riebe» из /*grā:va-kaulin/, с одной стороны, и лит. *grōbas* ‘ребро, šonaulis’, pl. *grōbai* ‘скелет, griaučiai’, с другой. В плане значения *graūwus* ‘бок’ понималось бы как ‘часть тела, образуемая ребрами или прилежащая к ребрам’. Что ‘бок’ может быть назван от ‘ребер’, показывает лит. *šónas* и лтш. *sāns/sāni* ‘бок, правая или левая сторона тела’, корень которых повторяется в рус. *cáni* pl., польск. *sanie* pl. ‘Schlitten’, где он явно обозначал похожие на ребра выгнутые полозья или просто ребра животных, использованные как скользящие полозья (см. Fraenkel 1955, 1022). Точно так же слав. *bokъ* считается первоначальным названием ‘ребра’ (ср. лат. дериват *baculum* ‘загнутая палка, трость’

из *bac-tlom). Ит. *costa* означает как ‘ребро’, так и ‘бок (тела)’; фр. *côte* ‘бок (тела)’ сопоставляется с лат. *costa* ‘ребро’.

Если мы примем родство корня в формах лит. *gróbas* : прус. *grabwe*, *graūwus* и *grē-i-wa-*, то единственной проблемой будет расхождение лит. *b* : прус. <*bw*> и <*uw*>. Предлагавшиеся в этом пункте способы интерпретации неудовлетворительны. Исправлять *grabwe* на *graūwe, как это делают Топоров (1979, 282 сл., чтение *grave или **graūv-*) и Мажюлис (1981, 316, чтение [grāvē]), мы не решаемся по трем текстологическим причинам. Во-первых, соответствие литовского слова *gróbas* ‘толстая кишка’ (омофон *gróbas* ‘ребро’,ср. LKŽ III 636) оказалось s.v. Е 129 «*darm*» записанным как *grobis*, т.е. с <*b*>, соответствующим лит. *b*. Чтение Топорова 1979, 315 [*grobis*] игнорирует долготу; у Мажюлиса 1981, 327 — [grābis]; мы бы транскрибировали /grā:b's/. Во-вторых, для предполагаемой “ошибки кописта”, заменившего <*uw*> на <*bw*>, нет никаких подтверждений в списке ошибок, ранее отмеченных в ЭС (не приводит этот случай и Endzclin 1935). В-третьих, буквенное сочетание <*bw*>, которое в ЭС представляет единичная запись *gra-bw-e* ‘ребро’, можно вывести из изоляции путем обращения к ономастическому материалу, где нередко появляется обратная последовательность, а именно <*wb*>, обозначающая, что существенно, звук, че редуцирующийся (а) либо с /v/, записываемым <*w*> и <*uw*>, (б) либо с /b/, записываемым <*b*>. К (а)ср. 1411 *Scho-wb-in*, 1331 *Scho-ub-i/Sco-ub-i* наряду с 1385 *Scho-w-en* и 1330 *So-w-icz* (AON 167, 163, 169); 1368 *Gay-wb-aynis* наряду с 1384 *Ga-w-yan*, дериватом от 1438 *Ga-uw-en*/1440 *Ga-w-en* (AON 35, 38, 37). К (б)ср. 1411 *Scho-wb-in* наряду с 1352 *Scho-b-en/So-b-en* (AON 167); 1446 *Scha-wb-ela* наряду с 1390 *Sca-b-elle* (AON 160, 159); 1258 *Lo-wb-uthe* наряду с 1255 *La-b-ota* (AON 80).

Ясно, что диграфа <*wb*> обозначает звук средний между смычным *b* и спирантом *w*, обусловленный фонетическим влиянием нижненемецкого языка: свойственная ему спирантизация *-b->-v-* привела к расщеплению прусской оппозиции /*b*/ : /v/, что так хорошо прослеживается на ономастическом материале (ср. Gerullis AON 220). Поскольку в ономастике не встречаются примеры с <-*bw*>, то при оценке Е 121 *grabwe* мы склоняемся к двум допущениям: либо это попытка записать прусское /*b*/ в спирантном произношении [b], составляющая исключение на фоне обычного употребления <-*wb*>, либо мы имеем здесь дело с буквенной маттезой первичной записи *gra-wb-e. Более вероятной представляется вторая возможность, так как в ЭС есть множество примеров перестановки соседних букв. Ср., например: Е 730 *picle* ‘один из видов дрозда’ вместо *pilce (к лит. *pilkas* ‘серый’, *pilkis* 1. заяц, 2. серый волк), Е 375 *saltan* ‘сало’ вместо *satlan = /sadlan/ (заимствовано из ст.-польск. *sadło*), Е 602 *alskande* ‘ольха’ вместо **al(i)ksnade* (к лит. *alksn-ótas* ‘ольховник’). Замену последовательности *w-b* на *b-w* можно, вероятно предполагать для Е 779 *gabawo* ‘жаба’, так как через *gawabo = /gvaba/ достигается этимологическое сближение со ср.-в.-нем. *quabbe/quarpe* ‘ослизлая, влажная масса’ и ‘Aalquarpe, налим’.

Исправленное прус. *gra-wb-e ‘ребро’ так относится к *gra-uw-us* ‘бок

(= рёбра) и к лит. *gró-b-as* ‘ребро’, как в ономастике прус. *Lo-wb-uthe* = /labut-/ , *La-wb-en* = /lab-/ к *La-uw-ete* = /lavi(:)t-/ и к *La-b-ota* = /labut-/ , *Labitēn* и *Labitēn* = /labi(:)t-/ . Все перечисленные названия имеют в своей основе прилагательное *labs* ‘хороший, добрый’ (лит. *lābas*), с согласным *b*, подвергшимся спирантизации в [b] (на письме <*wb*>) и далее в [v] (на письме <*uw*>), точно так же в случае нашего триплета — лит. *gróbas* (ср. прус. Е 129 *grobis*) : прус. *graūwe* : прус. *graūwus* — допустимо постулировать общее корневое основание в виде прабалт. и прарус. */grā:b-/ ‘ребро’ и позднейшее лексическое обособление названия ‘ребер’ как ‘бока (тела)’ на основе фонетической дифференциации *b* > *b* > *v*. Название *graūwus* ‘бок’ (= рёбра) является дериватом от *grabwe* (—*graūwe) в таком же смысле, как и некоторые другие прусские дериваты, которые в силу нижненемецкой спирантизации *b* > *v* отошли в фонетическом плане от своих словообразовательных первооснов. Ср.: а) Е 16 *sawayte* ‘неделя’ = /savlaiti/ из **sablai:tē*, которое является заимствованием из ст.-польск. *sobota* ‘последний день недели’ и контрастирует с Е 23 *sabatico* ‘суббота’, сохраняющим -*b*- без изменения; б) Е 323 *nawetlo* ‘цилиндр втулки колеса’ = /navli(:)t-/ , которое является прусским деминутивом от слова Е 297 *nabis* ‘втулка колеса’, заимствованного из ср.-в.-нем. *nabe* f. ‘Nabe am Rad’; с) Е 76 *arglobis* ‘макушка, темя’, исправь на *an-golbis (ср. GrA 45 *galbo* ‘голова’), которое отражает сложение *an-galvis — буквально ‘то, что находится в верхней части головы’ (ср. лит. *viršū-galvis* ‘темя’ и *añt-galvis* ‘заголовок [в книге, газете]’), существующее с Е 78 *per-galwis* ‘затылок’, а также с Е 504 *galwo* ‘oberer Teil des Schuhs’ и Е 68 *glawo* ‘голова’ (: лит. *galvà*).

Для обоснования изложенной здесь этимологии *graūwus* и *grabwe* небесполезно будет вспомнить и несколько изолированных записей из ЭС с -*b*-, которое контрастирует с литовско-латышским -*v*- : Е 314 *wirbe* ‘веревка, постремка’ : лит. *virvē*, лтш. *virve* (ст.-сл. *vr̥vъ*, рус. *вервь*); Е 346 *baytan* ‘сито для провеивания зерна’ = [b̥æ:tan] из **v̥le:tan* (к лит. *vétyti* и лтш. *vētīt* ‘das Korn im Winde reinigen’); Е 64 *apris* ‘источник’ = [abus] из *avus (к лтш. *avuðts* ‘то же’); кроме того, полонизм Е 175 *sunaybis* «*brud'kint*» = /su:n'a:bis/, из ст.-польск. *synow-iec*. Все эти примеры свидетельствуют о гиперкорректном обобщении /*b*/ в ущерб этимологическому /*v*/, а тем самым косвенно доказывают возможность звукового изменения *b* > *v* в речи самих пруссов. Ни Топоров (1979, 282, 293), ни Мажюлис (1981, 316) не принимают во внимание ключевого свидетельства литовской формы *gróbas* ‘ребро’ для объяснения как *grabwe*, так и *graūwus*. В результате эти исследователи для обоих слов постулируют чтение с кратким /a/. В трактовке Топорова (1979, 294) *graūwus* содержит “в конечном счете” тот же корень, что и лат. *congruere*, *inguere*, а *grabwe* может быть связано происхождением с лит. *graublē* ‘неровность, пригород’ (op. cit., 282).

Из выводов, излагаемых в пунктах А—I, следует, что в ЭС мы имеем десять примеров, подтверждающих использование графической геминации после этимологически долгого гласного, а именно *paddis*, *passons*, *ponasse*, *glossis*, *wackis*, *bucca-*, *doacko*, *suckis*, а также

iuwis и *grauwus*. К этому присоединяется не зависимое от ЭС свидетельство графики трех самбийских катехизисов, где также находим примеры на удвоение согласного после долгого гласного (см. Приложение к данному разделу). В этих условиях нет никаких препятствий к тому, чтобы запись Е 136 *strannay* интерпретировать фонетически как [strɛ̃ːnan] и фонологически как /str'e:nan/ (ср. с. 14). Как уже сказано вначале, это запись, имеющая морфологическую форму acc. sg. f., литовским соответствием которой является acc. *strēnq* от *strēna* ‘lumbus’.

Принимая во внимание акутовую интонацию литовского соответствия, графему <-y> в *strannay* не представляется возможным интерпретировать таким же образом, как в случаях Е *broakay* = /bra:k̥a/ nom. sg. f. или Е *uccroy* = /ikr̥a/ nom. sg. f. (с. 19–20). Это обстоятельство в свою очередь свидетельствует в пользу исправления *strannay* на *strannan (ср. с. 14). Подобная эмендация неизбежна и в случае Е 66 *luriay* (–*iurian, ср. Endzelin 1943, 186), поскольку родство прусского слова с акутированным соответствием лит. *jūrios* заведомо исключает возможность прочтения *luriay* как /ju:ri:j̥a/. По той же причине мы не можем признать вероятной интерпретацию В. Мажюлиса (1981, 313 и 276), который в *strannay* видит nom. pl. m. [stranaɪ], а в *luriay* nom. pl. m. [jūr'ai].

Заканчивая эту дискуссию, касающуюся главным образом прусской графемики, мы хотели бы еще обратить внимание на значение *harax'a strannay* для исторической фонетики. В литовском языке, который — в противоположность латышскому и славянскому — считается языком, избегающим эпентезы дентального в группе *s+r*, слово *strēnos* pl. f. ‘бедра’, фиксируемое от *Dictionarium* Ширвидаса (LKŽ XIII 951), не является единственной возможной формой. Напротив, это – вариант, вероятно, старшего *srēnos* ‘то же’, которое впервые отмечено в Žiwatas Pona ir Diewa musu 1753 г., а затем обнаружено в различных литовских говорах (ср. LKŽ XIII 576). Это значит, что литературное лит. *strēnos* является в действительности формой с эпентетическим *t*. Форма эта как таковая должна происходить из диалекта иного, нежели западноаукштайтский, поскольку, последний группу *s+r* вставкой *t* в принципе не расширяет (ср. Zinkevičius 1966, 193). Факт принадлежности *strēnos* литературному узусу ставит эту форму в один ряд с такими формами, как *aštrūs*, ранее *āširas* ‘острый’ (ср. ст. *āšras*, диал. *ašrūs*), *strovūs* ‘быстрый (о воде)’ (наряду с *srōvē* ‘течение воды, поток’) и *strāigas* ‘шест, кол’ (наряду с *sraigyt̥i* ‘втыкать’, ср. также дублет *srīgti*/*strīgti* ‘вонзиться, воткнуться’). После этого замечания становится ясным, что благодаря сближению Е 136 *strannay* с лит. *strēnq* мы получаем для прусской исторической фонетики новый пример на эпентезу *t*. Пример этот существен, так как известно, что Эндзелин, устанавливая прусское изменение *sr > *str*, опирался на несколько исключительно топономастических форм, которые ранее выявил Геруллис (Endzelin 1943, 40, § 51). Пишуший эти строки указал недавно (1986 с) на существование некоторых других апеллятивных примеров, содержащих *s-t-r*. Это: а) Е 103 *stroyo* ‘шейная артерия’ = /*struja*/ (к лит. *srujā* ‘течение, ток’, *strūjus* ‘быстрый (о воде)’, *sruj-ötti*

‘литься, течь’), или, если <o> здесь в результате монофтонгизации, *stroyo* = */*straʊja*/ (к лтш. *straʊja* : лит. *srujā* ‘течение, струя’; б) III 105₁₂ *strīglī(n)* acc. sg. ‘чертополох, Distel’ (дериват на *-l-* с этимологическим значением ‘растение, вонзающееся в тело’ от глагола типа лит. *s(t)rīngū*, *s(t)rīgti* ‘вонзиться, воткнуться’); а также требующие дальнейшего обсуждения: а) Е 670 *wobsd'us*, т.е. *wobsd(re)us*, читай /va:pstr'us/ ‘барсук’ — соответствие лит. *oršūs* ‘то же’; б) Е 86 *noseproly* ‘ноздри, отверстия в носу’, исправь на *nostproly, чит. /n̥a:struli/ nom. dg. f.; буква <p> здесь “неорганическая”, так же как и в Е 536 *dal-p-tan* «*durchslag*» < *dalān (ст.-польск. *dłoto*) и III et-p-wēgrt вместо *eitwēpt*. /n̥a:struli/ это *deminutivum-singulativum* от названия ноздрей, прус. **na:stri*, которое было именем собирательным (ср. лит. *nasrai*, диал. *nastrai* : слав. *nostri > *nozdrī*). Словообразовательную параллель представляет ст.-лит. *nasr-el-iai*, в Постилле Даукши gen. pl. *nasrēlq* 617₂₅ «уст» (уменьш. ф.): *Lāimus užtessq býwo ansai bučzēwimas nasrēlq kūdikelo W. Jésaus.* (LKŽ VIII 566 по неизвестным причинам опустил эту интересную форму).

Приложение: самбийские формы с графической геминацией согласной после долгого гласного

I) I 9₁₆ *audasseisin* ‘да будет, да случится’ = /aud'a:sei/ + /sin/ < */aud'a:si sin/ чередуется с III 51₅ *audāsin* = /aud'a:sin/, которое есть результат синкопы и стяжения */aud'a:si sin/ в */aud'a:ssin/. Ср. II 9₁₆ *auda-sey-sin* ‘то же’ и к употреблению возвратной формы — параллель в виде лит. *nu-si-dúoti*⁶. Речь идет об окончании 3 sg. optativi -sei с прусской дифтонгизацией старшего *-si. Ср. наряду с -sei формы 3 sg. opt. на -sai и на -se: *boūsei/bōise/baūsei/bousai* ‘да будет’ (из **bū:si*, сопоставимо с формой 3 л. futuri лит. *būs* < *būsi ‘будет’); *sei-sei* ‘да будет’, гибрид, возникший из соединения немецкой формы *sei* ‘да будет’ с прусским окончанием -sei; *dāsai* наряду с *dāse/dase* ‘пусть даст’ (из **da:si*, которое было точным соответствием литовской формы 3 sg. futuri *duos(i)* ‘даст’); *mukinsusin*, исправь на *mukin-sii-sin или на *mukin-sei-sin* ‘пусть научится’, из **ma:kinsi sin*, ср. лит. 3 л. fut. *mokin-si-s* ‘будет учиться’.

2) III 107₇ *signass(n)en* acc. sg. ‘благословение, Segeñ’ = /zign'a:snan/. Ср. III 119₃ *eb-signā-snan* ‘то же’, а также исходный для этого abstractum глагол *sien signāt*.

3) III 29₁₈ *giwassi* 2 sg. futuri ‘будешь жить’ — как словообразовательное соответствие литовского *gyvó-si* 2 sg. fut. от *gyvōti* ‘жить’ (ср. LKŽ III 384) должно читаться /gi:v'a:si/⁷. В другой части Энхири-

⁶ В силу того, что все названные формы имеют однородное оптативное значение (они появляются в четвертом предложении Молитвы Господней, которое передает нем. *Deyn wille geschee auf erden als jm himmel*), нельзя согласиться с эмендацией III *audāsin* на индикативное *audāst-sin, которую предлагают В.П. Шмид (1963, 49) и в последнее время В. Мажюлис (1981, 131, прим. 164). Ср. III 51_{8,-5}; *Deiwas labbīngs eitwīngs quātīs audāst si en labbi schlāit noīsen madlan* ‘Gottes gütiger gnediger Wille geschicht wol ohn vnser Gebet’; в старолитовском переводе Вилентаса *geschicht* передается как *nū-ssi-dūst*, 12.19.

⁷ Эта форма появляется в предложении III 29₁₈: *kai [tebbe labban ēit bhe] ilgi giwassi nosem<m>ien*. воспроизведяющим нем. *auff das du lange lebst im land*. Слова, заключенные нами в скобки, являются расширением в отношении текста

диона, но в идентичном фразовом контексте появляется графический вариант 95₃ *giwasi* ‘будешь жить’⁸. В свете сравнения, с одной стороны, с вариантом *giwassi*, а с другой — с акцентовой родственной литовской формы *gyvōsi* неизбежным представляется исправление *giwasi* на *giwāsi (ошибочная позиция горизонтальной черточки)⁹. Графическое различие *giwassi/giwāsi*, т.е. <a> + геминация или <a> + черточка (исключающая геминацию) имеет хорошее обоснование в пунктах 1) и 2), см. также с. 22.

4) I 13₁₁ *menissnan* ‘воспоминание’ = /minl̥i:snan/, которое чередуется с III 75₁₃ *pominīshan* ‘то же’; происходит из **min e:snan*, т.е. abstractum на -*snā-* от **min'i:t* < **min e:t* (соответствия лит. *minēti* ‘вспоминать, припомнить’), которое в I 5₇ появляется в варианте *menentwey* = /minin-twey/, свидетельствующем о спряжении **min'i:t* по типу глаголов на -*in-* (през. *min-inā*, прет. *min-inā*).

5) III 99₁₂ *tussēse* ‘schweige’, ‘пусть молчит’. Запись с аббревиацией <i> = *in*, чит. /t'u:sin si/. Буквальное значение формы: ‘пусть успокоится’, так как ее базой был возвратный глагол **t'u:sint si(n)*, который пруссы заимствовали из ср.-в.-нем. *tūzen* интранз. ‘sich still verhalten’ (ср. Lexer 1986, 235). Ср. III *tickint* ‘делать, творить’ = /t'i:kint/ из ср.-в.-нем. *tīchen* ‘schaffen, treiben’ (II *tykynnon* ‘сотворил’).

6) III 33₁ *giwammai* и 51₂ *giwemmai* = /gi(:v)a:mai/ ‘живем’, от /gi:v:a:t/, соответствующего лит. *gyvōti* ‘жить’. Ср. выше о *giwassi* в пункте 3.

7) I 13₅ *ytmits* ‘взял он’ = /i:mi:ts/, из */e:me:/ + /tas/ : inf. *itm*. Ср. лит. *ētē tas* ‘взял тот’: inf. *itm*. Вариант II 13₅ *ytmets* = /i:meits/ ‘то же’ отличается только заударной дифтонгизацией /i:/ → /ei/. Ср. II 11₆ *crixteits* ‘крещенный’ = /kr̥iksteits/ : лит. *krikšytas* ‘то же’.

8) I 7₂ и 7₅ *pallapsittwey* ‘желать, begehen’ чередуется с III 35₆ *pallaips-i-twei* (а также с 35₁₇ *pallapsitwei* ‘то же’, где наборщик опустил горизонтальную черточку), должно читаться /pala(i)ps'i:tvei/.

основы. Интерпретация *giwassi* как futurum находит поддержку в литовском переводе Вилентаса, который перевел нем. *lebest* (praes.) формой *futuri* от *gyvēti* ‘жить’: 8.2. *ieng giwesi ani bates*. — О попытках объяснения *giwassi* как тематического презенса с окончанием *-si см.: Stang 1966, 336 и 407; Kuryłowicz 1969, 14; Топоров 1979, 254.

⁸ *Kai tebbei labban ēit bhe ilga giwasi nosemmien* ‘Das dirs wolgehe vnd lange Le best auf Erden’.

⁹ Такая эмденция до сих пор не принималась во внимание. Стоит между тем заметить, что передвижка горизонтальной черточки на соседний слог или соседний гласный является ошибкой наборщика, появляющейся в Энхиридионе более десятка раз (Эндзелин 1935, к сожалению, не приводит ее в своем ценном в других отношениях списке ошибок). Ср. к примеру:

97₁₄ *aulausē* ‘мертвая, умершая’ (nom. sg.f.) вместо *aulāuse*, чит. [au¹ausi]; это синккопированный вариант /au¹a:vusi/, ср. литовское соответствие *pa-liōv-usi* и замечания на с. 17. Иначе Мажюлис (1981, 293).

89₂ *tlāku* ‘молотит’ вместо *talukū < **talakā(ja)*, от *talakā.

105₁₇ *sem̥te* ‘земля’: либо вместо *sēmme = /z'emi/ (ср. избыточную черточку в *lassītnuns* = /la:z̥i:nuns/; случай ‘амбиграммы’, ср. с. 00), либо — скорее — вместо *sēme, т.е. <*se(m)te*> (= /z'emi/: лит. žēmē), где черточка была не акцентограммой, но сокращением буквы *m*. Ср. I 7₁₂ [*an Jesum*] *Christū* = II 7₁₂ [*an Jesum*] *Christum*.

115₂₄ *nietēsīs* ‘немилость, Ungnade’ вместо *nietēsistis*, чит. /ni-etn̥i:stis/, что является графическим вариантом по отношению к *eitn̥istin* (13X) и к 39₅ *etn̥istin* ‘милость’ = /etn̥i:stinstin/.

9) I 13₁₃ *betten* = /b̥i:ten/ в выражении *rho stan betten eden* ‘после вечери’ чередуется — отвлекаясь от разницы окончаний gen. sg. — с III 75₈ *bītas* = /b̥i:tas/ в *pobītas īdin* ‘после вечери’. В соответствии из II катехизиса нет показателя долготы под ударением: II 13₁₃ *bit-an-s* (gen. sg.!) в составе *po-stan bitans ydi(n)* ‘nach dem Abendmal’. Необычная концовка gen. sg. -an + s представляет собой соединение двух показателей этого падежа, а именно -an/-en, как в *gr̥kan* ‘греха’, *buttan* ‘дома’ (ср. *butt-an-iāws* ‘Hausvater’), I *betten* ‘вечера’, и -as/-s, как в *grikas* ‘греха’, *bitas* ‘вечера’, *buttas* ‘дома’ (ср. *butt-as-taws* ‘Hausvater’) или *altars* ‘алтаря’. Подобными образованиями являются: III 93₁₂ *wīr-an-s* ‘мужа’, II 11₁₄ *soun-on-s* ‘сына’ и III 59₁₇ *noseiñs* ‘духа’, читай *noseil-in-s*.

10) I 5₁₂ *muttin* acc. sg. ‘мать’ чередуется с III 101₂₂ *tūtin*, а также с III 29₁₇ *tūtien*. Чтение единое: /m̥u:tin/, ср. лит. *mótę* от *móté* ‘мать, женщина’ (LKŽ VIII 361).

Кроме того постгеминация согласной отмечается в катехизисах еще в двух позициях: после акцентованных (а) дифтонгов и (б) дифтонгических сочетаний. Для (а) ср.: *epkeickan* (лит. *kéikti*), *naseilliwingiskan* (ср. *nosēlis*), *w-eij-sewingi* (ср. *wēisin*: лит. *vai̯sius*), *tei-sch-in/teisin* (ср. лит. *tēisē*), *geittin*, *edeitte*, *maiggun* (лит. *mięgą*); *kr̥-żuw-iēn* (лит. *kraj̥q*), *n-euwe-nen* = /n'aunān/; GrA *pawite* (лит. *raigas*). Для (б) ср.: *ranc̥twey* : *rānctwey*; *dinckausnan* : *dīnkaut*; *penckts* : *piēncts*; *men-sch-on* = [m̥ensan] (ср. *menses*).

Такого рода примеры очевидным образом противоречат распространенному мнению, что консонантное удвоение было связано с краткостью предшествующей гласной. Наш анализ приводит к другому выводу. Постгеминация была одним из показателей подвижного акцента. Являясь акцентограммой, она использовалась при всяких типах слогов, несущих ударение. Вот почему она встречается не только при кратких, но и при долгих слогах (с долгим гласным или с дифтонгом).

2. E 770 PEPALO, E 322 SPANSTAN И E 118 KRALAN

С принятием исправления <y> на <n> для *strannay*, *luriay* и *smoy*, естественно, встает вопрос, есть ли в ЭС записи, для которых предписывалось бы принятие обратной эмденации, а именно <n> на <y>¹⁰. В данный момент видятся три кандидата для такой поправки:

1) E 770 *penpalo* ‘перепелка’, возможно, вместо *reupalo, поскольку при чтении /peipala/ прямым путем достигается согласование прусского слова с его литовским соответствием *riepala* ‘то же’, известным уже из текстов Бреткунаса (Библия 1590 и Постила 1591), из

¹⁰ Ср. апробированную всеми эмденацию GrA 86, F87 *angle* ‘игла’ на *aygle (: E 470 *ayculo* ‘то же’ = /aigula/).

Если говорить об Энхиридионе, то Эндзелин (1942, 107; 1943, 155, 181) постулировал исправление <n> на <y> для двух форм: 93₅ *buwinanti* ‘живите! — *buwinayi [от *buviniti, ср. лит. *buvinēti*] и 87₄ *grēnsings* ‘беяссиг’ — *grēysings. Со своей стороны я добавил бы 105₂ *kaniou...* *postāsei* ‘wenn du... wirst’ вместо *kay tou, поскольку союз ‘wenn’ передается нормально через *kai* (ср. лит. *kai*, *kaip* ‘как, когда’, лтш. *kai*): 105₇ *kai tou*.

Dictionarium Ширвидаса (3-е изд., 354, s.v. *Przepiorka*, *Coturnix*) и из диалектов (LKŽ IX 921). Латышское соответствие близко к этому, но отличается апофонией: *paipala*. Отношение прус. *ei*: лит. *ie* регулярно, ср.: E 1 *dewis* ‘бог’: лит. *diēvas*; E 5 deynayno ‘утренняя звезда’ (ср. польск. dial. *dziennica*): лит. *dien-iné* f. ‘дневная’; E 517 *preicallis* ‘наковальня’: лит. *preikālas* ‘то же’; E 593 *bucca-reisis* ‘буковый орешек’: лит. *rīeš-utas* ‘орех’. Новый пример на соответствие прус. *ei*: лит. *ie* представляет исправление E 733 *werwirsis* ‘жаворонок’ на *weiwirsis (<*t*> вместо <*i*>) на основании литовского соответствия *vieversys* (см. Smoczyński 1986b, 229)¹¹.

2) 322 *spanstan* «molspille». В результате исправления этой записи на *spaystan, которое понимается как форма acc. sg. (ср. параллель на с. 14), она поддается объяснению как заимствование из ст.-польск. *pista* ‘media pars rotae vehiculi, ubi axis est et radii concurrunt’ (SStr VI 78), в произношении: [pjasta]. Прусы осуществили адаптацию с помощью двух приемов, имеющих параллели в других подобных случаях: а) метатеза польск. *ja* в прус. *ai:pjasta*—*paista, ср. ст.-польск. *mjasto*—prus. *mysta* (GrA 2, GrF 8 «Stadt»), *maista* (GrG 3 ‘то же’); ст.-польск. *jazwa*—prus. *aizva в E 159 *eyswo* ‘рана’; б) добавление неэтимологического *s*- в анлауте заимствования: ст.-польск. *pjasta*—prus. *paista—*s-paista acc. sg. E 322 *spaystan*, как ст.-польск. *krzyż*—prus. *s-cr̄isin* (III 794), *s-cr̄isien* (III 81) и как ст.-польск. *kój*, *Xoju*—prus. *s-lais m. в записи E 379 *sloyo* «unslit».

3) E 118 *kraclan* ‘грудь, Brust’: концовка *-an*, выказывающая средний род этого существительного, является трудным для объяснения фактом¹². Если же согласиться с эмендацией *kraclay и чтением /kraeklai/, то получим форму plurale tantum лит. *kr̄eklai* m. ‘груди’, ожидающую форму в названии парного органа. Лит. *kr̄eklai* употребляется в Постилле Даукши следующим образом:

118₁₃ *Paḡt̄os īscioś kuriōs tawē neþf̄io ir kr̄eklai kuriūs tu īndai*

491₁₄ *kuriū ... sawaiseis kr̄eklais v̄z̄peneiō ir v̄žaugiño*

517₂₉ *žijskite ižg kr̄ekl̄u bažn̄iczios mótinos iūsu*.

Что касается разницы в вокализме *kraclan*: *kr̄eklai*, то см. ниже раздел 4 s.v. *pagaptis*.

¹¹ Этимология E 770, исходящая из эмендации *reupalo, представляется нам сейчас лучшей, чем этимология, основанная на чтении *reupalo* и связывающая прусское слово с лит. *rūtpala* ‘перепелка’ через дифтонгизацию *u>eu*, как в E 597 *reuse* ‘сосна’: лит. *rūšė* ‘то же’ (ср.: Smoczyński 1985, 108; 1986d, 27, примеч. 19). — Траутман (1910, 393) исправляя *renpalo* на *perpalo для связи с рус. *перепел*. Эндзелин (1943, 222) предполагал диссимиляцию *reipalo>*renpalo*. Мажюлис (1981, 305) читает E 770 как [tempalā], но своего чтения с этимологической точки зрения не обосновывает.

¹² Попытка Топорова (1984, 150) обосновать прус. *neitum* сопоставлением с рус. dial. *kr̄ykl̄o* ‘стропило’ не убедительна, между прочим потому, что рус. я как будто представляет *e, т.е. вокализм корня, отличный от балтийского.

3. E 453 NOLINGO

Согласно общему мнению исследователей, ошибочное написание <*i*> вместо так называемого длинного <*ſ*>=s появляется в ЭС в пяти случаях:

E 735 *czilix*—*czifix ‘чиж’, читай /siziks/ или /ziziks/, заимствование из ст.-польск. *czyżyk*:

E 563 *lalafso*—*laſafso ‘лосось’;

E 574 *palaſallis*—*palaſaffis ‘рыба, похожая на лосося’;

E 74 *mulgeno*—*muſgeno ‘мозг’;

E 677 *wolistian*—*wosiſtian ‘козленок’. Ср. лит. *ožys* ‘козел’; fem. *ožkà* ‘коза’, чему может соответствовать прус. E 676 *wosee* ‘Ziege’—*wosce [ошибочное <*e*> вместо <*c*>=k] ср. с. 39.

Если, опираясь на указанные примеры, исправим E 453 *nolingo* ‘вожжа, Zügel’ на *nosingo, то это проблематичное слово¹³ можно будет объяснить как рефлекс */na:sing/, т.е. как дериват на -ing- от названия ‘носа, ноздри’, которое в ЭС записано как 85 *nozy* (:лит. *nōsis*, -ies ‘то же’). Ср. еще E 86 *noſeproly* ‘ноздри, отверстие в носу’, которое связывается с лит. dial. *naſtrai* ‘морда, пасть; жерло’ (см. выше с. 27).

Так как суф. -ing- служит в балтийских языках для деривации прилагательных (Skardžius 1943, 106 сл.), можно предположить, что в случае **nosing-* мы имеем дело с субстантивацией прилагательного со значением ‘связанный с ноздрями (лошадиными)’. Такое прилагательное могло определять ремень вожжи, который крепился возле ноздри, например, **nosingo cordo*¹⁴. С эллипсисом соответствующего существительного его прежнее определение подверглось лексикализации как название предмета. Подобный процесс следует предположить для E 651 *ragingis* ‘Hirsch’, которое являет собой субстантивированное прилагательное ‘рогатый’, т.е. ‘рогач’ (отсюда затем ‘олень’). Прусское соотношение *ragingis:ragis* ‘рогатый’ (E 705) равносильно литовскому *rągingas* ‘рогатый’: *rāgas* ‘рог’.

В семантическом плане *nosingo ‘вожжа’ можно приравнять к литовскому слову *peñosis*, которое означает ремень упряжи, накладыва-

¹³ По мнению Траутмана (1910, 386): “zu einem *nolingt ‘herniederschaukeln’”. Подобным образом Мажюлис (1981, 301), который читает E 453 как [nōlingā] и видит здесь отлагольное образование на -ā- от сложного глагола **nō-ling-* ‘sich hinschaueln’ (op. cit., 285, примеч. 115). Оба автора связывают название ‘вожжи’ с названием ‘стремени’: E 447 *lindo* ‘Steigbügel’, что вызывает возражения семантической природы. По нашему мнению, *lindo* можно вывести из более ранней фонетической формы *lindo в силу изменения *nd>ng*, засвидетельствованного в топонимии (см. AON 223, § 25). В результате это слово объясняется как родственное лит. *lendù*, *lindaū*, *l̄isti* ‘лезть, всовываться во что-л.’. Ср. особенно *ni-l̄isti*, *n̄lenda* ‘влезть, проникнуть в узкое, тесное место; влезть на что-л. или слезть с чего-л.’ (LKŽ VII 583), это значение является удобной отправной точкой для объяснения прусского деривата *linda ‘стремя’ как ‘петли, в которую всадник вдевает ногу, садясь на коня’.

¹⁴ Ср. сложное слово E 313 *[a]ucl̄o-cordo* ‘Leitseil’, где *aucla* означает ‘узду, Halfter’ (E 451), а *cordo* (чит. *korda* f.) является иноязычной лексемой, заимствованной из ср.-в.-нем. *korde* f. ‘Seil, Schnur’ (предположение Траутмана 1910, 298 о заимствовании из польск. *korda* не приемлемо с точки зрения хронологии). См. сн. 32.

смый на морду лошади: "kamānq dirželis, einantis arkliui per nosi, antprusnis" (LKŽ IX 843). *Peñnosis* так относится к *nósis* 'ноздря' (диал. также *nósa* f. 'то же'), как *peñugaris* 'шлея, ремень вдоль спины в конской упряжи' к *núgara* 'хребет, спина' (ср. LKŽ IX 844). В литовском примером субстантивации прилагательного, образованного от *nósis*, является *nósinės* pl. f. '1. насморк, выделения из носа, 2. сап, болезнь носа у животных' (LKŽ VIII 868), ср. *nós-inis, -inė* 'относящийся к носу, носовой'.

4. E 362 PAGAPTIS И ВОПРОС О ГРАФЕМЕ <а>=/e/

Одной из характерных черт прусской графики является употребление *promiscue* букв, обозначающих звонкие и глухие согласные (ср. Trautmann 1910, 180, Endzelin 1935, 95). Если говорить о заднеязычных, то /k/ записывается либо как <ck>, <k>, либо как <g>, а /g/ — либо как <g>, либо как <k>, <ck>. Фонему /k/, записанную графемой <g>, определено находим в четырех случаях:

E 80 *agins* acc. pl. 'глаза' = III 2×*ackins* (лит. *akīs* 'глаз');

E 786 *girmis* 'червяк': лит. *kirmis* 'то же' (ср. прусское название озера 1364 *Kirmys*, 1367 *Kermesse*, AON 63);

E 125 *lagno*—*iagno 'печень': лит. *jēknos* pl. f. 'то же';

E 629 *sagnis* 'корень': лит. *šaknīs, -iēs* 'то же'.

В качестве пятого примера принимается в расчет:

E 337 *singslo* 'тесто, Teig', если читать его /zinksla/ и — допустив инсерцию *k* — выводить из *zinsla<балт. *žind-slā: лит. *žiedžiū, žiēšni* 'месить, формовать из глины' (Smoczyński 1987, 190 сл.).

По образцу чтения *agins*=/akins/ и *girmis*=/*kirmis*/ предлагаем читать *pagaptis* 'вертел для жарения мяса, Bratspieß' как [ракæptɪs]==/rakeptɪs/. Это чтение обнажает образование от балтийского корня **ker-* 'печь, обжаривать' (лит. *kerū, kēpti*, лтш. *seri, serpti*), который сам представляет метатезу первоначального **pek-* (и.-е. **pek^ū-*), сохраненного в славянских языках, ср. ст.-сл. *pekъ, pešti* 'пек^ūся' (Trautmann 1923, 211).

Интерпретация компонента <gap> как [kæp] продиктована двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что для альтернативного чтения [kap] с гласным /a/, нет поддержки в балтийском материале. Литовско-латышские данные свидетельствуют о том, что глагольный корень **ker-* 'печь' является апофонически неподвижным, т.е. не образует ни ступени *o* (отсутствие **kar¹⁵-*), ни нулевой ступени (отсутствие **kip¹⁶-*). Второе обстоятельство филологического харак-

¹⁵ В отличие от славянского, где имеем ст.-сл. *rotъ 'ідрѡс'* (из **rök^ūto-*) и *орока 'скала'*. Ср. также греч. ἄρτο-κόπος 'пекарь' (ºκόπος из *ºποτος): πέσσω 'искуварю' <**pek^ū-io*.

¹⁶ Опять-таки в отличие от славянского, где наряду с indic. *praes. rek̥r* имеем *imperat. ryc̥i ſę* с нулевой ступенью **pik-* (ср. Vaillant 1966, 162). Теоретически и в литовском возможна была бы нулевая ступень **kip-* от *ker-* (ср. *kibti, kimbu, kibai* 'повиснуть, уцепиться' к *keb-*: *kabū, kabēti* 'висеть' (Kuryłowicz 1968, 238). Возможно, что инфицированный презенс лит. *kertp̥* (*kerai*, *kēpti*) 'печься, сохнуть, высыхать на солнце, обветриваться (о губах)' из **kimpr̥*, испытавшего воздействие *ker-*.

тера и связано с приемом записи гласных в ЭС: каждый, кто внимательно рассмотрит все записи, в которых используется графема <a>, неизбежно придет к заключению, что в значительном числе примеров эта графема представляет этимологический передний гласный *ě.

Вот подборка прусского материала, который имеет достоверные литовские соответствия:

a) графема <a> в ударном слоге (с литовской точки зрения):
E 60 *assaran* 'озеро': лит. *ēžeras*;

E 572 *assegis* 'ерш' = /ežegys/: лит. *ežegys*;

E 606 *abse* 'осина' (синкопированное из *epusē): лит. *ērišē*;

E 125 *iagno, письм. *lagno* 'печень': лит. *jēknos* f. pl.;

E 282 *wayos* f. pl. 'луга': лит. *vējos* f. pl.;

E 56 *ladis* 'лед' (ср. E 543 *lat-tako* 'подкова'): лит. *lēdas*;

E 223 *pelanno* 'очаг, топка': лит. *pelēnē*;

E 520 *raples* 'щипцы, клещи': лит. *rēplēs* (ap-rēpti 'хватить');

E 118 *kraclan* 'труди': ст.-лит. *krēklai* m. pl. (см. выше с. 30);

E 530 *tackelis* 'точильный круг': лит. *tēkēlas* 'точило, точильный круг', *tēkinti* 'точить' (caus. к *tēka, tekēti* 'бежать, течь');

E 767 *tatarwis* 'тетерев': лит. *tētervas*;

E 24 *same* 'земля' (ср. с этим I 717 *sammay lesuns* «nidergestigen»): лит. *žemė*, прус. I *semmin*, II—III *semminen*, III *semmian, semmai*;

E 633 *kalmus* 'ствол дерева': лит. *kélmas*, лтш. *cēlm̄s* (отношение прус. *al*: лит. *él* воспроизводится в III 314 *galbitai* 'помогаем': лит. *gélba, gélbēti*, ст.-лит. З л. *praes. gg̥lb̥t* DP² 5162);

E 351 *podalis* «босетор»: лит. *puodēlis* 'кружка, горшочек'.

b) графема <a> в безударном слоге (в литовском соответствии):

E 237 *samy[n]e*¹⁷ 'пашня, нива'. Ср. лит. диал. *žemýna* 'мать-земля', лит. древнее *Žemýna* 'Erdgöttin'; adi. *žemīnē* 'из земли, земляная';

E 60 *assaran* 'озеро' = /ezeran/: лит. *ēžeras*, acc. *ēžera*;

E 767 *tatarwis* 'тетерев' = /tēterev¹⁸/: лит. *tētervas*;

E 778 *glosano*, исправь на *glodano* 'желтопузик, уж': лит. *gluodenā*, лтш. *gluōdēna*;

E 743 *melato* 'зеленый дятел': лит. *meletā* (ср. также параллельные записи прусского имени собственного *Misato/Miseto* от *Mise*, APN 61);

E 615 *wobalne* 'яблоня' (синкопированное из *(v)a:belin- букв. 'яблоневое scil. дерево': *obelīnis* (mēdis); *obelis, óbelj*;

E 660 *weware* 'белка' = /vē:veri/: лит. *vēveris*, лтш. *vāvere*.

III 121₈ *wessals* 'веселый' = /v̥esels/: *wesselangi* 'весело'. Ср. лтш. *v̥esels* 'здравый', ст.-слав. *vesels*.

Для полноты картины отметим еще такие случаи, когда графема ЭС <a> представляет этимологическое *ě в словах, которые пруссы заимствовали, а именно:

1) из польского языка:

E 14 *assanis* 'осень' <*lesenis* из ст.-польск. *jesień*; с утратой *j-*

¹⁷ Записано: *Samyē*, с диакритическим знаком, указывающим на сокращение интервокального *n*. Чтение *samy[n]e*, вместо традиционного *samy[e]n*, обосновал автор (Smoczyński 1986a, 174) — тем фактом, что знак сокращения растянут на две буквы (r̥e), а не над одним только e.

на прусской почве, что подтверждают два других полонизма: Е 596 *addle* < *jadlē из ст.-польск. *jodla* (чуждая группа *dl* повторяется в III *maddla* ‘Bitte, Gebet’ из ст.-польск. *modla*) и Е 776 *estureyto* «eudexe» < **jestur-īt-* из ст.-польск. *jeszczur-ka*;

Е 17 *nadele* «sontag» < **nedel-* из ст.-польск. *niedziela* (ср. ст.-лит. *nédélia* наряду с *nedéłę* ‘Sonntag’ и ‘Woche’ из рус. *neděļja*, Skardžius 1931, 139);

Е 368 *ratisnsis* ‘кетхе’, вместо ожидаемого *retunsis из ст.-польск. *rzeciądz*, gen. pl. *rzeciądzy* ‘цень’;

2) из немецкого языка:

Е 359 *lapinis* ‘ложка’ < *lep-imis, преобразование путем мены суффиксов формы *lep-elis, которая передавала спр.-в.-нем. *leffel* m.; об

Е 292 *clattoj* ‘лопух’ = [klæt'a] из **klet'a* < спр.-в.-нем. *klette* f.; об интерпретации <o+y> см. выше с. 20;

Е 365 *galdo* ‘лохань, квашня’, вместе с лит. *gélدا*, лтш. *gélda* из спр.-в.-нем. *gelte* f.;

Е 428 *staka-meczer(is)* ‘кинжал’ < *steaka-t из спр.-в.-нем. *stéch-mezzer* nt.;

Е 54 *keytarō* ‘град’: можно исправить на *keycāro, читать [k'i(:)kətə] и выводить этимологически из *klikera f. как заимствование спр.-в.-нем. слова *kicher* f. ‘горох’ (ср.-в.-нем. слово *kicher* было двоякого рода, как f., так и m., спр. Lexer 1986, 107; мужская форма обнаруживается в прусском заимствовании Е 264 *keckers* ‘горох’, которое отражает первичное немецкое значение ‘Erbse’);

Е 578 *grundalis* ‘рыба Gobio fluviatilis’, где прус. *-alis* передает концовку *-el* спр.-н.-нем. соответствия *grundel* ‘Gründling’ (ср. выше соотношение Е 351 *podalis*: лит. *puodēlis*);

Е 288 *pannean* «тюсебрuch» из **renne-* < спр.-в.-нем. *venne* nt. ‘Fenn’¹⁸; написание <pa> для *re* представлено также в III 85 *lapali* ‘таблица’ < спр.-н.-нем. *tapele* f. ‘Tafel’;

Е 553 *twaxtan* ‘банный веник’: если <tw-> не ошибка вместо <cw->, из **kv'ekstan* < **kv'estan*, acc. sg. m. от *kyesis – спр.-н.-нем. *quest* m. ‘Badequast’. Вставка *k* перед *st* как в Е 333 *klexto* ‘метелочка’ = /klakst'a/, из **klast'a*: лит. диал. *klastà* ‘то же’.

Из этого разбора видно, что в ЭС есть много случаев написания <a> там, где с этимологической точки зрения ожидалась бы скорее графема <e>. Такое ожидание оправдано наличием в ЭС графемы <e>, с которой в литовских лексических соответствиях соотносится гласный /e/. Ср., например, Е 106 *petis*: лит. *petys* или *petis*; Е 202 *pellekis*: лит. *pēlekas*; Е 119 *spenis*: лит. *spenys*; Е 147 *pentis*: лит. *pénxis*; Е 668 *bebrus*: лит. *bebrüs*; Е 12 *mettan*: лит. *mētas*, *mētai*; Е 391 *meddo*: лит. *medüs*; Е 586 *median*: лит. жем. *mēdē*; Е 731 *gegužė*: Е 295 *kelan*: лтш. *cel-* в *ducele* ‘двухколесная повозка’; Е 21 *ketwirtire* ‘четверг’: лит. *ketwiřtas*. Из заимствований спр., например,

¹⁸ Добавление *-an* как показателя среднего рода объясняется заметной в прусском языке тенденцией к морфологической имитации грамматического рода эквивалентных немецких слов. Это наблюдается не только в заимствованиях, спр. выше примеч. I. – До сих пор Е 286 считали словом, связанным прародством с гор. *fani* ‘Kot, Schlamm’, др.-сакс. *feni* ‘Sumpf’ (ср. Pokorný 1949, 807–8).

E 474 *kelmis* < спр.-в.-нем. *hēlm*; Е 568 *smerlingis* < спр.-в.-нем. *smērlinc*, -ges; Е 437 *weloblundis* < ст.-польск. *wielbłdąd*.

Представляется, что по причине значительной частоты написания <a> для передачи прусского переднего гласного /e/ объяснение, апеллирующее к отсутствию фонетической компетентности у немецкого писца Эльбингского словаря, было бы рискованным. Более вероятным кажется другое предположение, а именно – что написание <a> может отражать в прусской системе передний гласный нижнего подъема, который характеризовался необычайно открытой (широкой) артикуляцией, подобной той, которой отличается литовское [æ] в *rēnas* [r'æ:nas], *tēka* [t'æ:ka] и *kēpa* [k'æ:ra]. Писец-немец не имел, естественно, соответственного коррелята в своей системе гласных и по этой причине мог быть склонным идентифицировать прус. [æ] с немецким гласным [a], следствием чего было использование графем <e> и <a> promiscue. При этом толковании графемы <a> = /e/ остается, однако, не ясным, почему писец не обозначил каким-либо образом позиционной палатализации согласного, предшествующего этому переднему нижнему [æ]¹⁹. Трудно было бы допустить, что прусский не знал такой палатализации и что, к примеру, *same* (Е 24 ‘земля’) в устах прусса звучало скорее [zæ:m'e], нежели [z'æ:m'e] (ср. лит. *žemė* = [z'æ:m'e] и прусское написание I *semmin*, II *semmin*, III *sem(m)ien* ‘земля, Erde’). Представляется, что решение этого вопроса связано с оценкой фонологической значимости графем <i>, <y>, которые в ЭС появляются в окончаниях таких слов, как 438 *maldian*, 586 *median*, 699 *medione*, 386 *dragios*, 419 *brunyos*, и которые вообще считаются показателями палatalности согласных²⁰, используемыми по образцу польской орфографии²¹. Если бы мы, однако, — вопреки господствующему мнению — приписали графемам <i> и <y> в анти-вокальной позиции фонологическое значение /ij/ (например, *maldian* = /maldijan/, как *Mařan* = /mařjan/, III *biātwei* ‘бояться’ = /bi-já: tvei/: лит. *bijótis* и как III *crixitia* ‘крещу’ = /kríkstija/: лит. /kríkštiju/, то тем самым исчезла бы сама проблема “непоследовательного” обозначения палatalности. Тогда следовало бы просто признать, что немец-писец ЭС систематически игнорировал прусскую палatalность согласных (ср. Е 617 *crausy*: лит. *kriáuš*; спр. III *aulāt*: лит. *liáutis*) и делал это потому, что в немецкой графической системе, которой он пользовался, не было средств для передачи того совершенно чуждого ему фонетического явления, каким была палatalность согласных. С этой точки зрения запись гласного [æ̯] в *same* (: лит. *žemė*) или в *galdo* (: лит. *gélda*), *kalmus* (: лит. *kélmas*) была бы нотацией только вокальной окраски, как бы отвлечённой от прусского

¹⁹ В литовском языке эта палатализация очень отчетлива, ср. фонетическую транскрипцию слов *rēnas*, *tēka* и *kēpa* (Vitkauskas 1985, 218, 315, 140).

²⁰ Ср. чтения Мажюлиса 1981: 275 [*mald'an*], 290 [*med'an*], 288 [*med'ānē*], 280 [*drag'as*], 315 [*brun'ās*]. См. также: Karaliūnas 1968, 75; Schmalstieg 1976, 118–9.

²¹ Endzelin 1943, 18. Гипотеза о польском орфографическом влиянии в прусских памятниках весьма сомнительна. Кроме предполагаемого использования <i> как показателя мягкости, нет никаких особенностей письма, которые могли бы быть признаны специфически польскими.

консонантного контекста и воспринятой через фильтр немецкой системы гласных, которая в ряду гласных нижнего подъема не отличала переднего гласного типа [æ] от заднего [a].

В результате вышеприведенного экскурса представляется уже вполне допустимой интерпретация <*pagaptis*> как /rakeptis/. В плане словообразования это абстрактное существительное на *-ti-*, произведенное от приставочного глагола типа лит. *rakēri*, *rakērii* ‘всунуть в печь, вставить для жарения’ (LKŽ V 588). Этимологическим значением было здесь *nomen actionis*, как, с одной стороны, в инфинитивах лит. *kēpti*, *rakēpti* и ст.-сл. *rešti* ‘πεσθεῖν’, а с другой стороны, в образованиях греч. πέψις ‘готовка; жарение’ и др.-инд. *raktiḥ* ‘действие приготовления пищи; готовленная пища’²², которые продолжают и.е. *pek⁴ti-. Коль скоро прус. *pagaptis* обозначает ‘вертел’, т.е. ‘приспособление для жарения’, то нужно признать, что первичное название действия (‘жарение’) подверглось здесь конкретизации значения. О том, что такого рода семантическая эволюция является правдоподобной, свидетельствует ситуация в славянском: ст.-сл. *ресть*, рус. *печь*, польск. *piec* и т.д. имеют формальный облик старого *abstractum* (б.-сл. *pek⁴tis< и.-е. *pek⁴tis), но значение конкретное: ‘устройство для печения и варки’. Ср. с этим лтш. *cer-lis* ‘печь’ (:seri, *ceri*).

Как *nomen instrumenti* на *-ti-* прус. *pagaptis*=/rakeptis/ можно сравнить со следующими литовскими образованиями: *krýtis*, *-iēs* ‘черпак для ловли рыбы’: *krejū*, *kriēti* среди прочего ‘ловить рыбу’ (LKŽ VI 575), *saḡtis*, *-iēs* ‘пряжка’: *seḡū*, *seḡti* ‘застегивать’, *vyt̄is*, *-iēs* ‘прут, розга’ (‘то, что служит для свивания, плетения’): *vejū*, *vijāi*, *výti* ‘вить, сплетать’ (ср. слав. *vítъ*). В прусском материале можно привлечь к сравнению по крайней мере два слова: Е 360 *lanc̄tis* “Gabel mit hakenförmigen Spitzen”: лит. *lank̄tis*, *-iēs* ‘мотовило’ при *lenkiù*, *leñkti* ‘гнуть, наклонять’ и ‘мотать нитки’ (Endzelin 1943, 53, 202), а также Е 443 *pastagis* ‘подхвостник, ремень в упряжи, идущий вдоль спины под репицу лошади’, которое через эмендацию *pasagtis (см. Smoczyński 1988b) можно сблизить с лит. *pasagà* ‘подпруга в конской упряжи’: *paséḡti* ‘пристегнуть, прикрепить к чему-л.’ (ср. выше лит. *saḡtis* ‘пряжка’).

Приведенная этимология, апеллирующая к двум особенностям прусской графики: <g>=/k/ и <a>=/*e/, — отвергает принятую до сих пор сближение с лит. глаголом *gabenù*, *gabénti* ‘переносить, перевозить’ (ср. Trautmann 1910, 387, Mažiulis 1981, 29, примеч. 105), которое было неудовлетворительным с семантической точки зрения.

²² То, что Майрхофер (1963, 183) в связи с *raktiḥ* приводит прус. *pectis* ‘Ofenschaufel’ (Е 322), является недоразумением. Прусское слово не может относиться к и.-е. *pek⁴ti-, поскольку этот корень в балтийском подвергся метатезе в *ker-*, ср. лит. *kerū*, *kēpti*, лтш. *seri*, *serti*. Е 332 *pectis* следует, вероятнее всего, исправить на *pettis* (см. параллели: Endzelin 1935, 103, пункт 13) и связать с Е 106 *pettis* ‘лопатка, Schulterblatt’, так как латышское слово *lāptis* показывает нам, что значения ‘Schaukel’ и ‘Schulterblatt’ тесно связаны между собой (Endzelin 1943, 225). См. также лит. *lōpetà*, которое обозначает как ‘лопату’ (:слав. *lopata* ‘то же’, прус. Е 548 *lop̄ta* ‘заступ, Spaten’), так и ‘лопатку, плоскую кость в верхней части спины, scapula’.

5. E 454 TUCKORIS

Это слово, обозначающее ‘ткача, ремесленника, занимающегося ткачеством’, принято считать заимствованием “прапольской формы” **t̄kar*, относящимся к эпохе до падения славянских еров. Ср. Trautmann 1910, 451; Endzelin 1943, 267; Milewski 1947, 35, 42, 54; Levin 1974, 99.

Объяснение это весьма сомнительно. Вряд ли сегодня вызовет возражения мнение, что материальным обоснованием реконструированной формы, называемой “прапольской”, могут быть только исторически засвидетельствованные польские формы. Между тем, если заглянуть в *Słownik staropolski*, легко убедиться, что в нем нет заглавного слова **t̄karz* и что ‘textor’ по-польски называется единственно *tkacz* (от 1443 г., SStp IX 157). Отсюда следует, что “прапольская” реконструкция, привлекаемая для этимологического объяснения *tuckoris*, ничем не доказана.

Другим названием профессии также польского происхождения является в ЭС 329 *peccore* ‘пекарь’. Интересно, что при объяснении этой формы исследователи воздерживаются от выведения из “прапольского” и как источник указывают просто засвидетельствованное польск. *piekarz* (ср. Trautmann 1910, 392; Endzelin 1943, 221; Levin 1974, 97). Почему *peccore* должно быть заимствованием эпохи исторической, а *tuckoris* должно восходить к предыстории, для меня неясно. Ясно, однако, что подавляющее большинство полонизмов прусского языка без труда выводится из форм, которые регистрирует *Słownik staropolski*²³. Попробуем поставить *tuckoris* в один ряд с *peccore* и посмотрим, к каким выводам позволяет прийти признание *tuckoris* формой, которая передает исторически засвидетельствованное польское *tkacz*.

а) Польская консонантная спайка *tk-*, чуждая прусской фонотактике, оказалась устраниной путем аналитисма *i*, отсюда прус. *tuck-*²⁴. Подобным же образом объясняется преобразование начала слова в двух других полонизмах: Е 409 *kumetis* “Bauer” (а не *kmetis) из ст.-польск. *kmieć* ‘крестьянин, владелец земледельческого хозяйства’ (от 1391 г., SStp III 300)²⁵; Е 183 *komaters* “Gevatter” (а не

²² Это утверждение автор обосновывает в статьях 1986b, 1986d, 1988c, 1988d.

²³ Несколько иначе, с помощью протетического гласного, устраняет чуждую группу *tk-* литовский язык: *atkōčius*<польск. *tkacz*, *atkōčkà*<польск. *tkaczka*; старое *atkonicas*<ст.-польск. *tkanica* в *Dictionarium Shirvindasa* (s.v. *Tkanika*). Ср. еще ст.-лит. *iskala* ‘школа, молельня’<польск. *szkola*; *iskada*<польск. *szkoda*; *izgada*<польск. *zgoda*; *izbraja*<польск. *zbroja* (*Skardžius* 1931, 86—7, 89), лит. диал. *izbonas* или *izbonas* ‘жбан’, польск. *mazowiecki*. *zban*. — Двойкий способ адаптации той же самой чуждой консонантной группы: через аналитисис или вокалическую протезу — отмечается в литовских диалектных формах, таких как *mišid* или *imšà* (Лаздуны) ‘месса’<польск. *msza*; *pasálme* или *apsálmas*<польск. *psalm* (ср. Petruskas, Vidugiris 1985, 92; Zinkevičius 1966, 135).

²⁴ Эндзелин (1943, 19), Милевский (1947, 42, 54) и Левин (1974, 97) излишне выводят *kumetus* из прапольск. *kъtъtъtъ. В том, что прус. *ku-mētē* может быть результатом фонотактической транспозиции польского слога *kmtē*, нас убеждают очевидные литовские параллели. Ср., например, лит. диал. *kumuras* ‘хмурый, мрачный’ (LKŽ VI 888—9) из польск. *chmurny*; лит. диал. *kumunaī* (или *akmūnas* наряду с *kmynaī* ‘Сагум’ из польск. *kmin* (LKŽ V 802); лит. диал. *kurváunykas* ‘*kraujažolē*’ из польск. *krwawnik* (LKŽ VI 983, но без пометы, что это полонизм).

**kmatri*s из ст.-польск. *kmotr* ‘свидетель при крещении, крестный отец, кум’ от 1455 г., SStp III 304)²⁶. Ср. имя собств. *Cometris* 1315> *Cumdris* 1287 (APN 48, 49).

б) Польск. окончание *-acz* преобразовано в прус. *-ātis (в прусском нет фонемы ā). В связи с частым в ЭС обозначением /a:/ через <o> польское слово могло быть записано *tuckotis. Ср. E 349 *nagotis* “eherner Topf” (: E 145 *nage* ‘нога’); E 170 *mothe* ‘мать’: лтш. *māte*; E 173 *brote* ‘брать’: III *brāti*, лтш. *brālis*.

с) При копировании ЭС запись оригинала *tuckotis могла быть искажена, откуда *tuckoris*.

Постулированная в пункте с) буквенная ошибка <t>—<t> имеет следующие параллели:

E 21 *ketwirire* ‘четверг’—*ketwirt-ite, что было словообразовательной калькой польск. *czwart-ek* (от *czwarty*); прусский суф. -it- является субститутом польск. -ek;

местн. название 1344 *Inpreiten*, *Inpreyten* как графическая ошибка вместо 1344 *Impteniten*, от *Impten* (AON 49);

местн. название 1411 *Quirtin* вместо 1411 *Quittin*, 1431 *Quitteyn*, *Quetteyn* (AON 79).

Обратная ошибка — <t>—<t> — засвидетельствована в:

III 83₁₇ *Chistum* вместо *Christum*;

GrG 32 *kekirs* вместо *kekirs* (=GrA 57, F 57 *keckirs*);

MBS₆ *petantros* вместо *perantros* (=ibid.: *perandros*, *par antres*).

6. E 229 SEWEYNIS

Это слово стоит в ЭС s.v. *Sewstal* и означает ‘хлев для свиноматки’, ср. нем. *Saustell*: *Sau* ‘свиноматка’²⁷. Тот факт, что ‘свиноматка, самка свиньи’ имеет в прусском языке форму *skewre* (E 685 s.v. *Suwe*, *skaura* (GrG 45 s.v. *Saw*), заранее исключает возможность связи с ней названия *seweynis*. Нельзя, однако, не заметить разительного тождества элемента *sew-* в двух формах, составляющих заглавное слово E 229: *Sewstal*: *Seweynis*. Ситуация эта напоминает такие случаи, как: 220 *Stobe*: *Stubo* ‘изба’, 226 *Stal*: *Staldis* ‘хлев, скотный двор’, 711 *Falk*: *Valx* ‘сокол’; 578 *Grundel*: *Grundaļis* ‘вьюн, Misgurnus fossilis L.’, 428 *Stechmess(er)*: *Stakamecczer(is)* ‘кинжал’, 174 *Swester*: *Swestro* ‘сестра’, 156 *Hewt*: *Keuto* ‘кожа’ и т.п., когда стоящее справа прусское слово является попросту немецким заимствованием, причем не всегда вполне

²⁶ В этом случае Эндзелин (1943, 196) принимает старопольский источник, тогда как Милевский (1947, 34) и Левин (1974, 97) прибегают к “лемитскому” праслову *kototer или *katoter, реконструированному из словинского *kuqtuqter* ‘крестный отец’. — Для проблемы фонотактической адаптации прусских полонизмов существенное значение имеют параллели в виде литовских славизмов с аналитическими и протетическими гласными; подборку их представил Зинкевич 1966, 135.

²⁷ До сих пор E 229 *Sewstal* интерпретировалось как ‘свинарник, Schweinstall’ (Trautmann 1910, 425, Endzelin 1943, 247, Mažiulis 1981, 23, 279) (*kiaulidė*). Ср., однако, отчетливое разделение средневерхненемецких названий: *sū-lac* m. ‘*Saustell*’ при *swīn-kobe* m. или *swīn-gadem* m. ‘*Schweinstall*’ (Lexer 1986, 217, 223).

ассимилированным (ср. 711 *Valx*, 156 *Keuto*). В случае *Sewstal* речь не идет о заимствовании всего сложения, поскольку отношение E 226 *Stal*: *Staldis* заставляет предполагать, что в E 229 было бы тогда не *Seweynis*, но *Sewstaldis. Не исключена однако возможность, что немецкое сложение было транспонировано таким образом, что компонент *sew-* был заимствован в прусский в немецком звучании²⁸, тогда как компонент *-stal* был переведен соответствующим прусским словом, что дало в результате гибрид *sew-eynis*. Вопрос, чем был бы в таком случае конечный компонент *-eynis*, разрешается исправлением <e> на <c>: *sew-cynis, читай /zau-kinis/, ср. лит. *kiaūlės kinis* ‘логово свиньи’. Эта эмденция не нова. Пищащий эти строки обнаружил ее случайно в обширной рецензии, которую А. Бецценбергер (1874, 1248) посвятил “*Thesaurus*” у Г.Г.Ф. Несельмана. Р. Траутман (1910, 425) по неизвестной причине обошел молчанием замечание своего учителя по поводу *seweynis*, так что со временем оно было забыто²⁹.

Конъектуру Бецценбергера можно сейчас подкрепить следующими аргументами:

а) Ошибочное <e> вместо <c> появляется в ЭС и в двух других местах. Ср.: 1) E 439 *wilenikis* ‘лошадь, идущая шагом’, т.е. медленно и размеренно’ (“*czeldenpfert*”), эмнд.: *wilcnikis. Это *nomen agentis* на -nīk- (о суффиксе см.: Endzelin 1943, § 82) от глагола, соответствующего лит. *velkūos*, *vilkāis*, *vilk-iis* ‘тащиться; с трудом двигаться; медленно идти или ехать’³⁰. 2) E 676 *wosee* ‘коза’, эмнд. *wosce, читай /va:ska/ = лит. *ožkà* ‘то же’ /иначе Endzelin 1943, 277³¹.

б) Обозначение дифтонга /au/ через <ew> (*sewcynis=/zaukinis/) имеет параллель в E 685 *skewre* ‘свиноматка’, чему в Словаре Гру

²⁸ В ЭС из пяти названий свиньи, приведенных s.v. E 682—686, два определенно немецкого происхождения:

1) E 682 *swintian* ‘свинья’ (“*swin*”), эмнд. *swinitan, это деминутив на -ī- (типа лит. *vilkýtis* ‘волчонок’: прус. название 1300 *Wilch-yt-ien* AON 201) от заимствования ср.-в.-нем. *swīn* pt. ‘Schwein’;

2) E 683 *cuylis* ‘самец свиньи, которого держат для расплода, хряк’ (“*beer*”), следует читать, по-видимому, /gūilis/ и выводить из прус. *gūilis/*<cp.-v.-нем. gūl* m. ‘самец свиньи, Eber’ (ср. Lexer 1986, 78). Графема <c>=/*g*/, как в E 47 *ayculo* ‘игла’=*aigula*/ и в названии местности 1236 *Sircay* (AON 158)=/*zirgai*/ pl. m.: E 430 *sirgis* ‘коны’. Дифтонг *ui(l)* в *cuylis* вторичен, в результате антиципации мягкости в [u:l], как в E 666 *luysis* ‘рыси’<*[*lu:sis*]>: лит. *lūšis* ‘то же’, лтш. *lūsis*. Ср. двоякого рода топонимические записи: 1378 *Luyen/Lusen*, 1411/19 *Lussin* / 1423 *Luyssen* (AON 91), запись имени собственного *Gyres*= [*guiris*] от *Gure* (APN 37), а также запись апеллятива E 692 *suiristio*, ‘сыроватка (сырная)’ — вероятно, исказженное *suiristis<*/*sū:ristis*/, ср. лит. *sūriškas* ‘сырный’ от *sūris* ‘сыр’. Ср. также топонимы лит. *Rōduinia*< *Rōdūnia*, *Airiōgala*<*Ariogala*; лит. *buūis* рядом с *būis* ‘то же’.

²⁹ Не упоминают о нем также Endzelin 1943, 247, Топоров 1980, 369 (s.v. **kin-*), Mažiulis 1981, 23, 279.

³⁰ Для исправления *wilenikis* на *eidenikis или *aidenikis, которое предлагают Trautmann 1910, 461 и Mažiulis 1981, 32, не видим достаточных филологических или вещественных оснований.

³¹ Что касается отношения прус. -e: лит. -a f., ср. с ЭС: 789 *wobse* ‘оса’; лит. *vapsà*, 607 *laxde* ‘лоза’; лит. *lazdā*, 145 *nage* ‘нога’; лит. *nagà* (‘копыто’), 725 *sarke* ‘сопорка’; лит. *šárka*, 601 *[e]ipe* ‘липа’; лит. *lēpā*.

нау соответствует *skawra* (GrA 19) или *skaura* (GrG 45) ‘то же’. Кроме того, дифтонг /au/ записывается в ЭС как <eu>: 156 *keuto* ‘кожа’, 762 *keutaris* ‘дикий голубь’, 597 *peuse* ‘сосна’ (ср. топоним 1333 *Pewselauk* наряду с 1340 *Pauselauke* AON 121, 117); единично <ev> в 72 *kevpmetis* ‘чепец’=/*kaupmetis*/*cr.-v.-нем. houbet/houpt* ‘голова, лоб’ (ср. название леса: 1321 *Pews*, 1354 *Peus* наряду с 1322 *Povs*: *peuse* ‘сосна’, AON 128).

с) Прус. *sew-cynis как гибридное сложение с иноязычным начальным элементом находит параллели, например, в E 593 *buccareisis* ‘буковый орешек’—ср.-в.-нем. *buch-ecker*; E 714 *sperglawanag* ‘ястреб-перепелятник’, где I элемент=прус. *sper-klas из ср.-в.-нем. *sperw-er* ‘перепелятник’, а II элемент соотносится с лит. *vānagas* ‘ястреб’; из III ср.: *kīrk-is teikūsnan*—нем. *Kirch-en-ordnung*: *po bītas 7din* ‘после вечери’ (где /bī:tas/ — gen. sg. от **bi:ts*<*(a)bints)—нем. *Abend-mal*; *kāimaluke*, эменд. *kāimlauke ‘наказывает’, от *kaim-laukit—нем. *heim-suchen*, ср. *laukīt* ‘искать’ (иначе Топоров 1980, 148)³².

д) Хотя в литовском языке и нет сложения **kiaul(ia)kinis*, синонимичное *kinis*, -io слово *migis*, -io такое сложение образует: *kiaūliamigis*, *kiaūlmigis*, *kiaūmigis* ‘логово свиньи’ (LKŽ V 693, 700—1).

е) О том, что лит. *kinis* может обозначать в частности ‘логово свиноматки’ (как прус. *sew-cynis), свидетельствуют выражения, приведенные в LKŽ V 811: *Kiaulē kinj taisos, greit paršiuosis. Paršeliai po vienas kito lindo iš kinio.*

ф) В плане структуры сложение *sew-cynis стоит в одном ряду с прусскими местными названиями, которые имеют в качестве второго члена основу *kin-*, этимологически сопоставимую с лит. *kinė* или *kinis* ‘1. сухое место на болоте, 2. остров на озере или реке’. Ср. 1258 *Kamp-en+kin*; *Karkst-er+kin*; 1339 *Crumsti-chin*; 1352 *Lauk-is+kin*, ср. 1364 *Lauk-es+lauken*; 1515 *Pent-kynne*; 1379 *Preite-kynne* (AON 55, 56, 74, 84, 119 и 134, где большинство упомянутых названий получило иную интерпретацию).

Графема <y> в ЭС обозначает как /i:/ (ср. E 510 *ylo* ‘шило’=лит. *yla*), так и /i/. Форма <cynis>=/*kinis*/ сопоставима с E 142 *uccroy* ‘икра (ноги)’:ст.-лит. *ikrai* pl. (LKŽ IV 32), E 589 *sylo* ‘пуша, дремучий лес’:лтш. *sils* ‘большой лес’, лит. *šilas* ‘бор’ и E 575 *sylecke* ‘сельдь’; лит. *silkē* ‘то же’.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Источники

- I, II, III — Самбийские катехизисы: I, 1545; II 1545; III 1561 (Энхирдион). Цит. с указанием страниц и строк по фототипическому изданию В. Мажюлиса (1966).
 AON — Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin: Leipzig, 1922.
 APN — Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.
 DP — Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.
 Е — Эльбингский словарь. Цит. по фотокопии (Mažiulis 1966).
 Gr A, F, G — Словарь Симона Грунав. Цит. по изданию Mažiulis 1981, с. 47—61.
 LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941—.
 SStp — Słownik staropolski /Pod. red. S. Urbańczyka. Wrocław, 1953—.
 Wilent — Catechismas maſas ... isch Wokischka liebuwia ant Lietuwischka ... per-gulditas per Baltramieju Willenthia. M.D. LXXXIX. Цит. по изд. Bechtel 1882.
 ЭС — Эльбингский словарь. См. Е.

ЛИТЕРАТУРА

- Arumaa 1934 — Arumaa P. Intorno al nominativo di alcuni temi in consonante lituani // Studi baltici, IV. 1934, 81—85.
 Bechtel 1882 — Bartholomäus Willent's litauische Übersetzung der Luther'schen Enchiridions... / Hrsg. von F. Bechtel. Göttingen, 1882.
 Bezzenger 1874 — Bezzenger A. [Peu:] Nesselmann G.H.F. Thesaurus linguae prussicae: Der preussische Vocabelvorrath. Berlin, 1873 // Göttingische gelehrte Anzeigen. Stück 39, 1221—1250.
 Brückner 1898 — Brückner A. Preußisch und Polnisch // Archiv für slavische Philologie, 1898. Bd. XX, 481—518.
 Endzelin 1935 — Endzelin J. Prūšu tekstu grafika // Filologu biedrības raksti, 1935. XV, 86—103.
 Endzelin 1942 — Endzelin J. Altpreußisches: I. Falsches i für n // Zeitschrift für slavische Philologie, 1935. XVIII, 104—106.
 Endzelin 1943 — Endzelin J. Senprūšu valoda: ievads, gramatika un leksika. Riga, 1943.
 Fraenkel 1955 — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955.
 Karaliūnas 1968 — Karaliūnas S. Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausių sančių klausimai // Lietuvių kalbotyros klausimai, 1968. X, 7—100.
 Kudzinowski 1977 — Kudzinowski Cz. Indeks-słownik do "Daukšos Postilė", I: A—N, II: O—Ż (Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu, ser. Filologia bałtycka, N 2). Poznań, 1977.
 Kuryłowicz 1968 — Kuryłowicz J. Indo-germanische Grammatik. Bd. II: Akzent, Ablaut. Heidelberg, 1968.
 Kuryłowicz 1969 — Kuryłowicz J. Deux notes sur la conjugaison grecque // Buletyn PTJ XXVII, 9—17 (=Esquisses linguistiques, II. München, 1975, 307—315).
 Lebedys J., Palionis J. Seniausias lietuviškas rankraštinis tekstas // Bibliotekininkystės ir bibliografijos klausimai III, 109—133 (=Lebedys J. Lituanistikos baruose. I. Vilnius, 1972, 31—54).
 Levin 1974 — Levin J.F. The Slavic element in the Old Prussian Elbing Vocabulary (Univ. of California Publications in Linguistics, vol. 77). Berkeley; Los Angeles; London, 1974.
 Lexer 1986 — Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch, 37. Auflage mit Nachtrag. Leipzig, 1986.
 Mayrhofer 1963 — Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. II: D—M. Heidelberg, 1963.
 Mažiulis 1966 — Prūšų kalbos paminklai / Parenė V. Mažiulis. Vilnius, 1966.
 Mažiulis 1981 — Prūšų kalbos paminklai. II. Vilnius, 1981.
 Milewski 1947 — Milewski T. Stosunki językowe polsko-pruskie // Slavia Occidental, 1947. XVIII, 21—84.

³² В прусском есть гибриды и с конечным иноязычным членом, например: E 311 *a<u>clo-cordo* «leitseyl» (ср. ср.-в.-нем. *korde* f. ‘шнур, веревка’); E 484 *silk-as+drimbis* ‘шелковый наряд’ (ср. ср.-н.-нем. *drembil* ‘Prunkkleid’; прусский заменяет *e+N* на *i+N*, см. Smoczyński 1987, примеч. 5). Из Энхирдиона ср. III 85₁₆ *stai buttas tapali* «die Haus-tafel», где второй член — заимствование ср.-н.-нем. *tapele*, первый же член имеет форму gen. sg. на *-as* от *butis ‘дом’ (лит. *būtas*), ср. 3×III 85₁₆ *ains buttas+taws* «ein Haus-vater», 77, *galw-as+delliks* «Haupt-stück».

Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. Neunzehnte Auflage bearbeitet von W. Mitzka. Tübingen, 1963.

Petrauskas, Vidugiris 1985 — Petrauskas J., Vidugiris A. Lazūnų tarmės žodynas. Vilnius, 1985.

Pokorny 1949 — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949.

Schnalstieg 1976 — Schnalstieg W.R. Studies in Old Prussian: a critical review of the relevant literature in the field since 1945. The Pennsylvania State University Press. University Park; London, 1976.

Schmid 1963 — Schmid W.P. Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum. Wiesbaden, 1963.

Skardžius 1943 — Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.

Skardžius 1931 — Skardžius P. Die slavischen Lehnwörter im Altltauischen // Tauta ir žodis. VII. Kaunas, 1931.

Smoczyński 1985 — Smoczyński W. Altpreußisch: neue Lesungen und Etymologien // International Conference of Balticists. October 9—12, 1985. Abstracts. Vilnius, 1985, 107—108.

Smoczyński 1986a — Smoczyński W. Staropruskie lekcje i etymologie. I // Biuletyn PTJ, 1986. XL, 167—183.

Smoczyński 1986b — Smoczyński W. Kilka polonizmów języka staropruskiego // Język Polski, 1986. LXVI, 225—230.

Smoczyński 1986c — Smoczyński W. Le viux-prussien wobsdus E 670: lecture et étymologie // Lingua Posnaniensis, 1986. XXIX, 49—59.

Smoczyński 1986d — Smoczyński W. Uwagi o słowniku bałtycko-słowiańskim // Majowa J. (red.). Język i jego odmiany w aspekcie porównawczym (Prace Slawistyczne PAN, N 53). Wrocław, 1986, 17—45.

Smoczyński 1987 — Smoczyński W. Zur Schreibung im apr. Enchiridion I // Baltistica, III (1) Priedas 1989, 179—195.

Smoczyński 1988a — Smoczyński W. Sullo strumentale plurale in prussiano // Europa Orientalis, VIII. Roma, 1988.

Smoczyński 1988b — Smoczyński W. Etymologie pruskie I // Acta Baltico-Slavica, XIX, 1988.

Smoczyński 1988c — Smoczyński W. Über einige bedenkliche baltisch-slawische Ansätze // Indogermanische Forschungen, Band 93, 1988.

Smoczyński 1988d — Smoczyński W. Krytyka zbiórki staroprusko-słowiańskich // Sprawozdania z posiedzeń komisji naukowych Oddziału PAN w Krakowie za rok 1986, t. XXX/1—2, 123—126.

Smoczyński 1988e — Smoczyński W. Języki bałtyckie: litewski, łotewski, staropruski // Języki indoeuropejskie // Red. L. Bednarczuk. T. II. Warszawa, 1988, 817—905.

Stang 1966 — Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966.

Топоров 1975; 1979; 1980; 1984 — Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь. А—Д. М., 1975; Е—Н. 1979; І—К. 1980; К—Л. 1984.

Trautmann 1910 — Trautmann R. Die altpreußischen Sprachdenkmäler: Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch. Göttingen, 1910.

Trautmann 1923 — Trautmann R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Vaillant 1966 — Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. III: Le verbe. Paris, 1966.

Vitkauskas 1985 — Vitkauskas V. Lietuvių kalbos tarties žodynas. Vilnius, 1985.

Zinkevičius 1966 — Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

Авторизованный перевод с польского Т.М. Судник

С. КАРАЛЮНАС

ЗАМЕТКИ ПО ЛИТОВСКОМУ ЯЗЫКУ

1. ЛИТ. *ÉRGTI* ‘БЫТЬ, УДАРЯТЬ’

Глагол *érgti* (-ia) ‘быть, ударять; сдирать, сцарапывать, соскребать’ впервые зафиксирован в словаре А. Юшки¹; известен он также в отдельных говорах (Lygumai, Varduva) литовского языка². Регулярным его производным является *argóti* (-ója) ‘быть, ударять; рвать, драть’, удостоверяющий исконное значение ‘быть, ударять’ основного глагола. Наряду с глаголами с основой на -io- в литовском языке встречаются производные от того же корня с основой на -ā- (>лит. -o-), ср., напр., *glébtí* (-ia) ‘охватывать’: *glabótí* (-ója) ‘охватывать, обнимать’; *plésti* (*pléšia*) ‘расширять...’: *platótí* (-ója) ‘стлать, по-, расстилать’; *répti* (*répia*) ‘взлезать, взбираться’: *rapótí* (-ója) ‘тяжело идти’, ползать’; *skélti* (*skélia*) ‘колоть, раскалывать’: *skalótí* (-ója) ‘обдираться, трепаться, покрываться задоринами’.

Представляется возможным этот редкий литовский глагол, еще не имеющий надежной этимологии³, сопоставить с др.-ирл. *orcid*, *org(a)id* ‘бьет, уничтожает’, арм. *harkanem* ‘быть, разрубать’, а также с хетт. *hark-* ‘гибнуть’, который встречается рядом с назальным презенсом *harni(n)k-* ‘губить, уничтожать’, имеющим характерное для этого типа глаголов каузативное значение⁴. Этимологической идентификации литовской лексемы способствовало бы предполагаемое первоначальное неразграничение переходности и непереходности (‘быть, уничтожать, губить’ // ‘гибнуть’) у данной индоевропейской основы⁵.

С морфологической точки зрения древнесирландская форма имеет корневой вокализм *o* и основу на -o- (наряду с атематическим спряжением в др.-ирл. *h-oirg*), а хеттский глагол принадлежит спряжению на -mi (3 л. ед. ч. наст. вр. *har-ak-zi*), однако отсутствие “полного написания” (*scriptio plena*), по-видимому, указывает на нулевую ступень корневого вокализма в хеттских атематических формах (**h₃rg-*), что, возможно, является результатом генерализации⁶. Форма Зл. настоящего времени в литовском (*érgia*<*-io) представляет основу на -io-, которая могла замещать как древнюю основу на -o-, так и атематическое спряжение⁷. В литовском глаголе с его акутовой интонацией, по-видимому, засвидетельствована продленная ступень корневого во-

¹ Юшкевич А. Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках. СПб., 1904. I. С. 396.

² Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1969. II. P. 1142 (в дальнейшем — LKŽ).

³ Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1962. I. S. 16 (s.v. *arkýtis*).

⁴ Иванов Вяч.Вс. Общесиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965. С. 175—176.

⁵ Там же. С. 62 (сн. 16).

⁶ Kimball S.E. The Anatolian Reflexes of the IE. Syllabic Resonants // IF, 1986, 91. P. 83—86.

⁷ Karaliūnas S. Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. Vilnius, 1987. P. 62—79. © С. Караблюнас, 1989

кализма (*h₂érg-mi) (наряду с нормальной степенью этого вокализма в его производном: **h₂erg-* → **org-ā-* → *argó-ti*), что представляет исключительный интерес в связи с реконструируемой от этой основы формой **h₂erg-t(i)* индоевропейского инъюнктива⁸.

2. ЛИТ. *RAŠYTI* 'ПИСАТЬ'

Й. Эндзелин⁹, Э. Френкель¹⁰, а также в последнее время К. Каулис в своем "Этимологическом словаре латышского языка"¹¹ лтш. *rakstīt* 'писать' и *raksīts* 'письмо' этимологически сопоставляют с глаголом *rakti* (*ruoku*, *raku*) 'рыть, копать'; при этом *raksīts* сравнивается с лит. *rākštas* 'гроб; надгробный памятник, надгробие', производным от *rākti* (*rāka*) 'колоть, кольнуть; ковырять; копать, рыть' при помощи суффикса *-st-*. Формально это сопоставление представляется вполне возможным: *raksīts* является деноминативом от *raksīts*, которое — как и лит. *rākštas* — образовано при помощи *-st-* из *rakti* (Й. Эндзелин), или *rakstīt* представляет собой производное от того же *rakti* при помощи итеративного суффикса *-st-*; при этом от *rakstīt* впоследствии образовалось *raksīts* (К. Каулис). Возможно данное сопоставление также семасиологически: во-первых, лтш. *rakstīt*, кроме того, обозначает 'делать, оставлять следы на земле', что согласуется со значением глагола *rakti* 'рыть, копать'; во-вторых, семема 'писать' восходит к значению 'колоть, рубить, высекать, делать зарубки' (данное значение и значение 'рыть, копать' часто передаются родственными словами, ср. слав. *kopati и лит. *karoti* 'рубить'), ср. лат. *scribere* 'чертить, вырезывать (письмена), гравировать; писать', этимологически, по-видимому, связанное с лит. *skriēbti* (-ia) 'чертить (круг, кругом); рубить, резать, царапать, вырезать, копать; писать'¹²; др.-исл. *rita* 'резать, царапать; писать', др.-англ. *writan* 'царапать, вырезать, копать; писать'¹³; хетт. *hattai* 'писать, сообщать': *hatta-* 'колоть, резать, ударять'¹⁴.

Из сказанного становится ясным, что такое этимологическое объяснение неприемлемо для лит. *rašyti*, так как оно предполагает его связь с лит. *rākti* (*rāka*), что невозможно фонетически. Ничего здесь не объясняет также замечание Э. Френкеля о том, что *rašyti* своим ȝ вместо ожидаемого k обязано контаминацией с близким по смыслу *piēsti*, *paišyti* 'рисовать'¹⁵. Из сказанного также вытекает, что лит. *rašyti* 'писать', *raštas* 'письмо' и лтш. *rakstīt* 'писать', *raksīts* 'письмо' этимологически вряд ли совместимы, так как сочета-

⁸ Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. М., 1981. С. 41—42; Kimball S.E. Op. cit. P. 85.

⁹ Endzelīns J. ME. III. P. 475.

¹⁰ Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1965. II. P. 694, 701—702.

¹¹ Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīgā, 1989.

¹² Karaliūnas S. Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. P. 74.

¹³ Seebold E. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague; Paris, 1970. P. 566.

¹⁴ Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar. Innsbruck, 1978, Lief. 2. P. 226.

¹⁵ Fraenkel E. Op. cit. P. 702.

ние *-kst-* в литовском полностью сохраняется, во многих деривационно изолированных лексемах при этом переходит в *-kšt-*.

Что же тогда в этимологическом плане представляет собой лит. *rašyti* 'писать'?

Первичные значения глагола *rašyti* и его производного при помощи суф. *-ta-* *rāštas*¹⁶ представлены в говорах и древних письменных памятниках: в восточнолитовских говорах (Dusetos, Kamajai, Kirdeikiai, Svēdasai, Molētai, Žilva) *už-rašyti* имеет значение 'рубить, высекать, делать зарубки; чертить' LKŽ XI 223. В первом словаре литовского языка К. Ширвидаса *ap-skrietu* (инф. *ap-skrieti*) и *ap-rašau* являются синонимами и определяются следующим образом: *okreszam co || circumscibo aliquid terminis, praescribo modum, termino, statuo, prorono modo alicui*¹⁷, т.е. 'очерчиваю, определяю'. В говорах (напр., Kvēdarna) и древних текстах (напр., в переводе Библии Й. Бреткунаса) *rāštas* имеет значение 'знак (на металле), зарубка (на дереве)', ср.: *Ir išlupo baltus raštus ant jų* 'И вырезали белые зарубки на них (т.е. на палочках)' из этого перевода.

С этими значениями тесно связаны значения 'набивать, украшать, орнаментировать (набивка, украшение, узор, орнамент)' [семасиологически ср. лтш. *ranīt* (-i, -iju) 'рубить, высекать; ткать с полосами (mit Streifen weben)', которые у *rašyti* и *rāštas* широко представлены в говорах, текстах народных песен и древних письменных памятниках. Дальнейшее семантическое развитие привело, с одной стороны, к возникновению значения 'писать (письмо)', которое отмечается уже в катехизисе М. Мажвидаса, первой книге на литовском языке; с другой стороны, к появлению значения 'определенный торт при молотьбе с цепями' у *rāštas* как следствие осмысления набивки, узора, орнамента как чего-то повторяющегося, ритмического.

В связи с определением значения 'рубить, высекать, делать зарубки; чертить' у *rašyti* как эвентуально исходного исключительный интерес представляет то, что аналогичные значения имеет глагол *réžti* (-ia) 'резать, резнуть; при помощи чегонибудь острого чертить, делать знаки на поверхности; резать, вырезывать, гравировать...'. Семантическую близость этих лексем, по-видимому, следует истолковывать как проявление их этимологического единства.

Появление -ȝ- (*rašyti*) вместо ожидаемого -ȝ- (*réžia*) объяснялось бы или как результат влияния близкого по смыслу *piēsti*, *paišyti* 'рисовать', или — что более правдоподобно — как следствие колебания звонкого и глухого согласного в исходе слова, весьма частого в литовском (ср., напр., *klēpti* / *klēbti*, *šēlti* / *šēlbti*, *kreikti* / *kreigti*, *čiuōžti* / *čiuōšti*, *liēžti* / *liēšti*). Лит. *rašyti* 'писать; набивать, украшать, орнаментировать; рубить, высекать, делать зарубки; чертить...' (<*raš- / *raž-) в таком случае воспринималось бы как производное от глагола *réžti* (-ia) 'резать, резнуть...' (<*rēž-).

При примарных глаголах с ē в корне в литовском языке действитель-

¹⁶ Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. P. 322.

¹⁷ Pirmasis lietuvių kalbos žodynas // Konstantinas Sirvydas. Dictionarium trium lingvarum. Vilnius, 1979. P. 360.

но имеются итеративы с суф. *-st**yti* и корневым вокализмом *a*, сп., напр.: *knēbti* (*-ia*) ‘щипать’: *knabýti* (*knābo*) ‘хватать, схватывать’; *sékti* (*-ia*) ‘подсказывать, шептать’: *sakýti* (*sāko*) ‘говорить, сказать’; *glébti* (*-ia*) ‘охватить, охватывать; прижимать, опекать’: *glabstýti* (*glābsto*) ‘прижимать, ласкать...’; *grébti* (*-ia*) ‘грести (граблями), сгребать’: *grabstýti* (*grābsto*) ‘собирать, сгребать’. Так что структурно-деривационные отношения этимологическому сопоставлению *rašyti* с *rēžti* не противоречат.

Возведение лит. *rašyti*, лтш. *rakstî* и лит. *rāštas*, лтш. *raksts* к одной балтийской праформе возможно лишь в том случае, если принять исходность литовских лексем, а латышское *raksts* считать имеющим вставочный *-k-* (**raz-t->rasts>ra-k-sts>raksts*)¹⁸ и давшим впоследствии глагольную лексему (*raksts*—*rakstî*). В таком весьма сложном объяснении, однако, нет никакой необходимости. Как лит. *rašyti*, *rāštas* (:*rēžti*), так и лтш. *rakstî*, *raksts* (:лит. *rakt*, лтш. *rākštas*) могут быть полностью самостоятельными и независимыми друг от друга образованиями, тем более что соответствие лит. *rēžti* в латышском отсутствует. Для передачи понятия ‘писать’, заимствованного из языков (латинского, немецкого, русского), имеющих более древнюю письменную традицию, в литовском и латышском языках использовались имеющиеся внутренние средства.

Лит. *rēžti* (*-ia*), ст.-слав. РѢЗАТИ, РѢЖЖ и греч. φήγυνμι ‘ломаю, разрываю’ восходят к и.-е. корню* *̥wreg-*¹⁹, алломорфа с нулевым вокализмом которого (**̥wreg-*) представлена в греческом как пассивным аористом φαγῆναι, так и существительными φαγή (δια-) ‘трещина, щель, царапина, расселина’, φάγος ‘тряпка, лоскут’ и др. В лит. *rašyti* может скрываться эта алломорфа или вариант корня с нормальной огласовкой (**rog-*), если принять связь лит. *rēžti*, слав. *rēzati с лат. *ērigere* ‘ставить прямо, поднимать, водружать; возводить, строить...’, *regere* ‘править, управлять...’, *rēx*, *rēgis* ‘царь’, др.-инд. *rāj-* ‘то же’ и др. < и.-е. **reg-* / **rēg-*²⁰.

3. ЛИТ. RĀŽNAS ‘СУХОЙ ПРУТ...’

Лит. *rāžnas* ‘сухой прут; прутяная метла’ LKŽ XI 342, ‘стебель; розга, хворостины’²¹, известное из юго-восточных диалектов литовского языка, отличающихся многими архаическими чертами (Gervėčiai, Armoniškės, Zietela, Dieveniškės, Lazūnai и др.), совпадало бы с ирл. *frace*, сп.-ирл. *fracc* (с *gg*) ‘игла’, если оно продолжало бы праформу **̥wrahñā* (с регулярным переходом **̥w-* в *-fr-* и **gh-* в *g*, который пишется то как *g*, то как *c*). Данное сопоставление подтверждало бы совпадение лит. *rāžis* ‘сухой прут; стержень, зуб...’, *rāžiai* ‘живые’ и гр. φάχις ‘спинной хребет, спина’²².

¹⁸ Или преобразованным под влиянием *rakt*, что не исключается также И. Эндзелином (МЕ III, 475).

¹⁹ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Р. 1181—1182.

²⁰ Топоров В.Н. Славянские комментарии к некоторым латинским архаизмам // Этимология 1972. М., 1974. С. 12—19.

²¹ Petrauskas J., Vidugiris A. Lazūnų tarmės žodynas. Vilnius, 1985. Р. 217.

²² Fraenkel E. Op. cit. Р. 710; Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. II. Р. 646.

В.Н. ТОПОРОВ

БАЛТИЙСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ГИДРОНИМИИ ПООЧЬЯ. II*

Жиздра, р. сп. г. Жиздра. ГБО 29; сп. неподалеку Жиздрица. 46. — Один из наиболее ярких и ранее всего установленных балтизмов русских территорий; спр. Погодин. Из ист. слав. передвиж. 1901; Vasmer Beitr. I, 1932; ЭСРЯ, с.в. и т.п. Спр. лит. *Žieždrė*, *Žieždras*, *Žieždris*, *Žieždrėlis*, *Žieždė*, *Žieždupis*, *Žieždris*, *Žiegždrėlis*, *Žieždrupė*, *Žieždupis*, *Zizdrā* и др. LUEV 201, 204, 205; Liet. hidr. dar. 63, 66, 115, 119, 236; LHEŽ 395, 401, 402 (:лит. *žieždras*, *žiegzdrā*, *žieždras* и т.п. ‘крупный песок’, ‘гравий’) и далее — *Žvīrgždas*, *Žvīrgždē*, *Žvīrgždys*, *Žvīrgždē* и т.п. (:*žvīrgždas*); *Žiegždriai*, *Žiegždžiai*, *Žieždriai*, *Žieždrėlē* и др. LATSŽ 360. прус. *Syxdro*, 1387, позже — *Sysdroy-Fluß*; *Syxdrin*, 1387, *Seghesdrien*, ок. 1420, позже — *Sysdroy-See*; *Syxdeniten*, 1338, *Syxdenighen*, 1344, позже — *Siegesdicken*; *Sixdelawks*, 1339, *Zisde-lauken*, *Syselauken*, ок. 1400, *Sixdoluken*, 1419, позже — *Sieslack*. APON 158; спр. лтг. *Zvīrgzdiņš*, *Zvīrgzdažs*, *Zvīrgzdukalni*, *Zvērgzdines pog.*, *Zvīrgzdine*, *Звиргэдино* и т.п. PN. Latg. 596; висл. *Zyzdrojska Struga*, *Zyzdrojowa Struga*, *Zyzdrój*, *Duży Zyzdrój*, *Mały Zyzdrój*, *Wielki Zyzdrój*, HW 192, 195; Słown. nazw Mazur. II, 161, 177, 340, 350 — {**Zizdr*, **Žeigzdr*-}.

Шершина, л.р. Жиздры, вар. Широшина, спр. д. Шершина. ГБО 29; м.б., Шершиневка. 99; далее Шерша. 219, 270 и др. — Для подмоск. Шершина было предложено объяснение из балт. Не отвергая возможности истолкования этого гидронима как ‘шершневого’, уместно и обращение к балт. параллелям; спр. лит. *Šerkšnà*, *Šeřkšnē*, *Šerkšnys*, *Šerkšnupis*, м.б., *Šiřkšnē*. LUEV 163, 165; LHEŽ 329 (:лит. *šeřkšnas* ‘серый’, ‘сивый’, ‘седоватый’, *šerkšnà* ‘иней’, ‘изморозь’); *Šerkšnai*, *Šerkšnēnai*. LATSŽ 302; м.б., лтш. *Sirsnipu pl.* LVV 1, 118 и т.п. — {**Šer(k)š-in*-}.

Сенет, л.п. Жиздры, вар. Сенета. ГБО 29; спр. по соседству Сенет, вар. Сенеч. 33 (ср. вблизи Сенец, вар. Сетнец; M. Сенец. 29). — Неясно. Одна из причин неясности — источник корневого гласного. Если речь идет о *ē* (ē), то допустима реконструкция типа **Sain-et-/it*. К корню спр. прус. *Sayn*, 1395, позже — *Zayn-Fluss* и *Zayn-See*; *Sagyn*, 1340; *Says*, 1326. APON 148. Известен и вокализм корня *ei* — прус. *Seynicz*, 1321, *Seinsburg*, XV в., позже — *Sensburg*. APON 154. На основании *Seynicz* восстанавливается форма близкая к Сенет — **Sein-ēt* — спр. к корню лит. *Seinà*, *Sainas*, *Sainēlis*. LHEŽ 293—294; *Sajna*, *Sajno*, *Sajnówka* и др. Słown. nazw Mazur. 11, 119, 184, 276, 289, 301, 307, 311; HW 168, 185, 202. Этимологическую проблематику балт. *Sain-/Sein-* см. LHEŽ 294 и др.

Буканка, л.р. Сенета; оз. Буканское, д. Буканова, хут. Буканский. ГБО 29. — Допустим ряд объяснений, в частности, из Nom. гр. *Bukān*. Возможны балт. ассоциации, спр. лтш. *Bukāns*, *Bukaiši*, *Buka*, *Buks*, *Buki*, *Buk-rags*, *Buk-straits* и др. LV I, 1, 140—141; лтг. *Buka*, *Bukališkas*,

*Начало статьи см. в предыдущем выпуске ежегодника: Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 154—177.

Bukatepi, *Букатини*, *Букутенъ*, *Букутены*, *Bukati*, *Bukatina*, *Buki*, *Bukure* и др. PN. Latg. 71, 72; лит. *Būkiškės*, -is, *Bukėnai*, *Букайти* и др. LATSŽ 43, 44; Спрогис 31. — {*Buk-an-}.

Бытва, л.р. Сенета. ГБО 29; ср. *Бытенка*. 100; *Бытник*. 100 и др. — Неясно. К корню ср., возможно, лит. *Būtē*. LUEV 24; LHEŽ 74 (лит. *būtē* ‘жилое место’); лтш. *Būta*, *Būte*; *Būtaishi*, *Buhien*. 1811, *Būteniški*, *Būtiņi*, *Būtuli*. LV I, 1, 152. — {*Būt-(u)va, *Būt-in-}.

Пыренка, р., д. *Пыренка*. ГБО 29; м.б., *Пырятинка*. 34; *Пырятинской* 34. — Неясно. М.б., к *Перинка*, см. с притяжением к рус. *пырять* — {*Pir-in-/en-}. Но не исключена и связь с балт. **Pūr-*, ср. лит. *Pūrupis*, *Pūrupys*, *Pūrai Pūr-balē*, *Pūrynas*. LUEV 129—130; Liet. hidr. dar. 242, 244; LHEŽ 269 (к лит. *pūras*. LKŽ 10, 947; ср. впрочем, Nom. pr. *Pūras*, *Pūrys*); LATSŽ 251; в лтг. названиях *Pūr-* иногда скрывает *Pury-*, курш. *Pure*, 1230, *tho den dorpe Puren*, 1387; Dorf *Puhren*. 1495. KF 143 (: лтш. *pūri*); прус. *Puringe*, 1310. APON 137 (: прус. *pure*). Балт. апеллатив, обозначающий пшеницу, генетически связан с рус. *пырей* и под. — {*Pūr-in-/en-}.

Ослинка, п.р. Сенета. *Осянка*, д. *Ослинка*. ГБО 29. — В связи с днепр. *Ослинка*, *Осянка*, *Осленка*, *Ослик(а)*, *Осливка* высказывалось предположение об исходном **Sel-/Syl-*. ЛАВП 219, ср. также *Силенка*. 207 (ятв. /?/ *Slīna* < *Silina, ср. *Silina* у Дюсбурга); подмоск. *Селеня*, *Силенка*. Б.-сл. сб. 234, 247. В таком случае ср. также в Поочье *Селенка* 31, 46; *Селенское* 125; *Селинка*. 45, 47, 62, 155; *Селинское*. 125; *Селинкой*. 43, 62, 127, 138, 150, 213; *Селитенское*. 128; *Селитинка*. 116; *Селиченка*. 30, 39, 45; *Селна*. 85, 170; *Селяня*. 88, 170; *Сельня*. 31; *Селянка*. 116; *Селятинка*. 116 и др., хотя, конечно, некоторые из подобных названий могут объясняться и иначе. В балт. перспективе напрашиваются два ряда ассоциаций: или к балт. **Sel-*, или к балт. **Sil-*. В первом случае ср. лит. *Sēliupis*, *Sēliupys*, *Sēlinē*. LUEV 143; LHEŽ 295 (и.-евр. **sel-* ‘скакать’, ‘прыгать’ или к этониму, обозначающему селов; ср. также *Kuzavinis* Baltistica, 1, 1966, 180); *Sēlē*, *Sēlenaī*, *Sēlenēliaī*, *Sēlēniai*, *Sēlēnē*, *Sēliškēs*. LATSŽ 274; лтш. *Sēllite*, *Sellite* (карточка LV); м.б., лтг. *Seļina*, *Селишки*. PN. Latg. 450; м.б., прус. *Sellen*, 1507, позже — *Sollainen*; *Selniken*, 1426, *Selnicken*, 1458, позже — *Sollnicken*. APON 155; ср. висл. *Slīna*, *Selina*. HW 165. Во втором случае, ср. лит. *Syl̄ys*, *Silupis*, *Syl̄upis*, *Sileliq raistas*, *Syl̄ia-kalnis*, *Sil̄ynē*, *Sil̄ūkas*. LUEV 146; LHEŽ 298 (неясно); лтш. *Sil̄-upe*, *Sil̄ip up*, *Sil̄ēna aīsa pl̄*, *Sil̄ipuors*, *Silene pl̄*; *Sil̄u-purvs*, *Sil̄u-pl̄ava*, *Sil̄iete* и др. LVVI, 9, 88, 124, 174 и др.: карточка LV; лтг. *Silepi*, *Sil̄ipi*, *Silenes pilsk.*; *Silinīki*, *Silinieki*, *Силиники*; *Silieši* и др. PN. Latg. 452, 453; курш. *Sillen*. KF 161 (возможно и другое объяснение); прус. *Silleniken*, 1419; *Sillikaym*, 1347, *Silkaym*, *Silekaym*, 1405, позже — *Sielkeim*; *Siln*, 1338, *Siln*, *Sillun* (!), 1339, *Sillen*, 1423, *Sielen*, 1481, позже — *Siellen* и др. APON 156—157 (к прус. *sylo* ‘пуша’, лит. *šilas*, лтш. *sils*, ср. *silipas*, *Erica vulgaris*, *silq zeme* и т.п., см. Fraenkel 983). К и.-евр. параллелям см. Krahe BNF 1964, 8 и др. — {*Sel-in-/en-, *Sil-in-/en-}.

Селиченка, п.р. Ослинки, *Силиченка*. ГБО 30. — Вероятно, связано с *Ослинка* см. выше.

Которянка, р., *Катарянка*, с. *Которь*. ГБО 30. — Ср. *Котурка*, *Которь*, *Котырь*, *Kaityrka* и др. СГУ 277, отнесение которых к этим названиям в Поочье не вполне ясно. — Балт. происхождение весьма вероятно. Ср. лит. *Katāré*, *Kairā*, *Katrélka*. LUEV 70, 71; Liet. hidr. dar. 94, 131, 216; LHEŽ 150 (к и.-евр. **kataro-*, ср. *Catarona* и др.; Krahe Vorgesch. 1957, 10; *Karaliūnas* Baltistica 3, 1967, 221 /лит. *kaiāryti*, *katālyti*/; Schmid Baltistica, 7, 1971, 40 и др.); *Katrà*. LATSŽ 126; возможно, лтг. *Katras-kalns*; *Kotorani*, *Katariškas*, *Которышки* и др. PN. Latg. 228 (не исключено, что ряд “екатерининских” названий в Латвии связан со старым балт. **Kai(a)r-* см. LV I, 2, 59—60); не вполне ясны прус. *Cother*, 1289, *Cottir*, 1289. APON 71; Пр. яз. 3, 1980. 266—267. — {*Kat(a)r-en-/in-}.

Селиченка, р., *Селинка*. ГБО 30, см. выше.

Бутынка, р. *Ботинка*. ГБО 30, см. выше.

Драгошанка, п.р. Которянки, *Драгожанка*, с. *Драгошань*. ГБО 30; м.б., сюда же *Дорогонка*. 75 и др. — Есть основание думать о балт. **Darg-uš-/už-*, **Darg-aš-/až-* и под., которые, в частности, могут реализоваться и в личных именах, ср. далее. Корень *Darg-* широко распространен в балт. топонимии и гидронимии (ср. также **Derg-*), ср. лит. *Dargē*, *Dārgelē*, *Dargiōji*, *Dargūpē*, *Dargupys*, *Dargūžis* (: *Драгож/анка*). LUEV 27; Liet. hidr. dar. 51, 120, 170, 215; LHEŽ 80 (лит. *dargùs* ‘ненастный’, *dárgana* ‘ненастье’, ‘слякоть’); *Dárgiai*, *Dárgaičiai*, *Dargaitėliai*, *Dargáliai*, *Dárgēnai*, *Dárginai*, *Dárgišké*, -ės, *Dargupiai*, *Dargūžiai* (многократно), *Dargužiškiai*, *Dárvainiai*. LATSŽ 54; лтш. *Dardzēni*, *Darginis*, *Dargaiša-pl̄ava*, *Dardzeites-kalns*, LV I, 1, 196; лтг. *Dargine*, *Dardzinka*, *Dargeļi*, *Dargeleva*, *Dārdzine*, *Dōrdzines kaļneņš*. PN. Latg. 97, 108; курш. Nom. pr. *Darge*, 1355—1362; *Dargenn*, 1540; *Dargasche*, 1540; *Dargudte*, 1582, 1585. KF 271; прус. *Dargen*, ок. 1340, позже — *Dargainen-See*; *Dargels*, 1314, позже — *Dargels*; *Dargow*, 1359, *Dargaw*, 1374, *Dergaw*, 1411—1419, позже — *Dargau*; *Dargowayn*, 1327, *Dargnen*, 1331, *Dargen*, 1331, *Dorgen*, 1515, позже — *Dargen*. APON 26; Nom. pr. *Darge*, *Darghe*, 1435, *Dorge*, 1315, *Dargel*, 1419, *Dargelo*, 1282, *Dargell*, 1416, *Dargenne*, 1394, *Dargil*, 1344, *Dargoits*, 1327, 1339, *Dargote*, 1299, *Dorgote*, *Dargothe*, 1371; *Darguse*, 1384, *Dargute*, 1299, *Dargebuth*, 1363, *Dargals*, ок. 1385 (**Darg-& gal-/!*), *Dargaude* и т.п. APN 22, 23, 102, 119, 135; Пр. яз. 1, 1975, 300—302; ср. также днепр. *Дорготня*, *Дороганка*, *Дорогань*, *Дороговля*, *Дорогонка*, *Дороговша*, *Дорожанка* и др. ЛАВП 183—185; висл. *Dargowo*. HW 229; *Dargainen See*, *Dargeinen See*, *Dargajny*, *Dargin*, *Dargiss See*, *Dargist*. Słown. nazw Mazur. II, 364, 377; к зап. от Вислы — *Dargowe*, 1230 и т.п. — {*Darg-aš-/až-, *Darg-uš-/už-}.

Устечек, р., *Устики*, л.р. Которянки, с. *Усты*. ГБО 30, см. *Устека*. 219, *Устаковка*. 20 и др. — Наряду с *Восток*, *Востока*, *Восточинка* и т.п. 93, 95 в Поочье эти названия могут толковаться как отражения балт. *uz(už)* & *tek-/tak-*, ср. лит. *Ūžtakis*. LUEV 181; LHEŽ 357; *Užtakai*. LATSŽ 327 и т.п. См. выше об *Устаковка*. — {*Uz/ž-tek-}.

Бутынка, вар. *Буденка*. ГБО 30, см. выше.

Брынь, р. ГБО 30, вар. *Брынка*; с. *Брынь*, хут. *Брынский*, сц. *Брынцы*, тут же в ближайшем соседстве — *Брынец*, п.р. *Вороны*, *Брынец*, 30;

Брынь, п.р. Брыни. 30; **Брынь**, п.р. Брыни (вторая река того же названия подряд); **М. Брынь**, п.р. Брыни (предыдущей). 30; в индексе ГБО 302 указано **Б. Брынь**. 30, отсутствующее в этом месте текста. Также ср. **Брынов**, о.; **Брыновский**, в. ГБО 16; **Брыновец**, руч., в басс. р. Дорна. ГБО 44. — Ср. **Брынские леса**, в частности, в русском былинном эпосе, имя которых через **Брянск**, назв. города (ср. **Брянка**. ГБО 35), соотносят с названием, восходящим к **дебрь**, отраженном, кстати, и в гидронимии соседних мест, ср. **Дебрик**. ГБО 35, 36; **Дебрица** (?). 35; **Дебрин**. 33; **Дебря**. 39; **Деберинка**. 28 и — далее — **Деберка**. 172, 200; **Дебирка**. 172; **Дебиринской**. 172; **Деборка**. 200; **Дебринской**. 162; **Дебревой**. 116; **Дебрь**. 108. — Но нельзя считать исключенным и предположение о балт. происхождении. Ср. лтш. *Brūnais, Brūnas, Brūna-purvs, Brūni, Brūnu-mežs, Brūn-diķis, Brūnene pl., Brūnine pl., Brūn-upre, Brūniki, Brūniņi, Brūniši*. LV I, 1, 1, 135; лит. *Brūnupis*. LATSŽ 40. Обычно эти названия связываются с лтш. *brūns* ‘коричневый’, ‘бурый’, лит. *brūnas*, заимствованными из н.-нем. *brün* (*Alminauskas. Germ I*, 1934, 35; LEW 60 и др.), с чем трудно спорить. Однако для **Брынь** и под. такое объяснение несостоитально. Можно думать, что это название, как и, возможно, некоторые балт., непосредственно отражает и.-евр. **bhrū-n-*: **bhrou-n-* ‘блестящий’, ‘коричневый’ — тем более, что балт. названия плотвы (ср. *leuciscus rutilus*), видимо, содержат этот корень; ср. прус. *brunse*, лит. диал. *brūñšé, -is, -as*, *bruišis, bruiže, -is, brūñžē* (из пракурш. **brūñše*, курс. **brunse*), лтш. диал. *brunča, bruncis, -ītis* (ср. соответствующую топономастику). См. Пр. яз. I, 256—257. В густобалт. гидронимическом контексте этих мест и.-евр. **bhrū-n-* естественнее всего определять как балтизм. — {*Brūn-is}.

Брынец. ГБО 30. см. выше.

Брынь, п.р. ГБО 30, см. выше.

Брынь, п.р. ГБО 30, см. выше.

М. Брынь. ГБО 30, см. выше.

Леменка, р. *Ламенная*. ГБО 30, см. выше *Ламенка*.

Пака, р., **Пакуша**. ГБО 30; ср. **Пока**. 118; м.б., **Покой**, **Пакой**. 26, 36. — О подмоск. **Пока**, **Почь** см. Б.-сл. сб. 1972, 235, 248. Возможно, балт. происхождения. К корневому элементу **Pak-*, ср. прус. *Pakutiten*, 1286, *Pokutitie*, 1286, *Pokotiten*. APON 113 (Nom. гр.литовца *Pakutatis*); лит. *Pakuteniai*, *Pākutiuvėnai*. *Pakusinė*. LATSŽ 219 (гидроним *Pakusà, Pakūsa*. LHEŽ 241 склонен толковать как славизм, см. также LKŽ 9, 218); не вполне ясны и лтг. *Pāki, Pōči, Pakē, Почь* и др. PN. Latg. 360, 384. В целом неясно. — {**Pak-*, **Pak-us-/?*}.

Боршовка, п.р., **Боршевка**, д. **Боршовка**. ГБО 30; ср. также по соседству **Борошовка**. 32 и далее **Боршевка**. 82, 166; **Боршова**. 28; **Боршевской**. 82, 136, 159, 169 и т.п. — При ряде неясностей, возможно, к балт. *Burs-*, см. выше **Боршова**, **Бурсенка**.

Коща, р. ГБО 30; здесь же **М. Коща**. — Неясно. Следует обратить внимание на названия **Кост-**, ср. **Костинка**. 79, 124, 135, 189; **Костинской** 80, 84, 96, 121, 134, 174; **Костовка**. 79; **Костенка**. 159, 174 и др., которые, как и днепр. **Коста**. ЛАВП 191, могут быть объяснены из балт. **Kast-*. Ср. лит. *Kastinė, Kastynė, Kastinis, Kastinukas*. LUEV 70; Liet. hidr. dar. 159, 160, 167, 193; LHEŽ 149 (лит. *kastinis*, букв. ‘вы-

копанный’); лтш. *Kastes-upre*. LV I, 2, 56; прус. *Costus*, 1339, *Costos*. 1423, позже — *Kohsten*. APON 71 (к лит. *kukštas* ‘пучок’, ‘клок’?). Другие возможные параллели в балт. ареале и за его пределами (“центральноевропейский” ареал) см. Пр. яз. 3, 1980, 265—266. — {**Kast-ia/?*}.

Орлинка, р. ГБО 31; см. выше.

Клетенка, р. Клеченка. ГБО 31, см. выше.

Дрисенка, р. ГБО 31; ср., м.б., **Дрисела**, р. *Дризовской Исток*, р. 127; тут же **Дриселево**, **Дрисолово**. 127. — Несомненный балтизм, как и **Дрисса/Дрыса** в басс. Зап. Двины, несмотря на некоторые неясности конкретной формы исходного гидронима. Название **Дрисвяты** (*Dryswiaty*, 1784), возможно, представляет собой вариант основ на *-i* (ср. **Дрис-в-**: **Дрис-**), см. LHEŽ 91, 92 (**Drū-*, **Drūv-*, **Dru-j-*. Otrębski. Z polsk. stud. 1963, 274 и др.)

Щева, п.р. **Дрисенки**, р. *Сцева*. ГБО 31. — Видимо, балт. происхождения. Или из **Skei-* (ср. лит. *skiautė, skevaina, skevélida*. LEW 804), или даже из **Skei-v-/Ski-v-* (ср. лит. *Skaivónys*. LATSŽ 278 и т.п.).

Лукосна, р. ГБО. 31. — Есть основания говорить в данном случае о балтизме. Ср. лтш. *Laūksnis*, pl. LV I, 2, 272 и другие названия, где корень *lauk-* расширен суф., содержащим *-s-*: лтш. *Laukesa, Laukeses ēzēts, Lauķese, Lauķese; Laucēsa, Lauces/e/s-upre, Lauces-upre, Laucese, Lāucesīte, Laucēsas-pagasts*. LV I, 2, 268, 270; лит. *Laukesà, Lauķesas, Laukestà*. LUEV 88; Liet. hidr. dar. 93, 136, 137, 172, 185; LHEŽ 183; *Laukesà*. LATSŽ 155; днепр. **Лучеса**, **Лучесянка**, **Лучесенка**, см. Büga RSI. 6, 1913 = RR I, 1958, 518, 279, 415 и др.; Vasmer Beitr. I, 1932, 652; LEW 345; ЛАВП 194—195 и др. — Как более отдаленные параллели ср. прус. *Lauken*, 1306, *Locazar*, 1308, позже *Lockhäuser; Laucyn*, 1351—1382, *Laucke*, 1419, позже — *Lauk*; *Lawke*, 1411—1419, позже — *Lauck*; *Laukins*, 1317; *Laukiskin*, 1352, *Lawkischken*, 1517, позже — *Laukischken*; *Laukiten*, 1419, позже — *Laukitten*; *Launkiithe*, 1388, *Laukenithen*, 1427; *Laukappe*, 1321; *Laukemedien*, 1326; *Laukosede*, 1295, *Luxeten*, 1339; *Lauchogede*, 1473; *Laukoslauk*, 1318 и т.п. APON 83—84, (: *laucks* ‘поле’); Słown. nazw Mazur. II, 91, 302, 306, 307; HW 187; лит. *Laūkė, Láukinė, Laukinis, Láukinis, Laukojýs, Laukipé, Laūkipé, Laukupýs, Laūkipis, Laukūpis, Laukų upális, Laūktakis, Laūkbūdis* и т.п. LUEV 88; LHEŽ 183, ср. LATSŽ 153—155; лтш. *Laūks, Laūkaipi, Laūkaiši, Laūk-upre, Laūkupis, Laūkas-purvs, Lāucis, Lauce, Laūči, Lāucines, Lauciniškas, Laūcipas, Laūcipš, Laūcipi, Laūcinieki, Lāucene* и т.п. LV I, 2, 267—268, 270—272; лтг. *Lauki*, **Лавкаинь Большая**, *Lauku ez.*, **Лавкояни**; *Lauciipi, Lāucines, Lauciniškas, Lauciški, Laucupniki* и т.п. PN. Latg. 263, 264 и др.; ср. курс. Nom. гр. *Lauck, Louke, Loucke* и т.д. KF 301 и др. — Возможно, что в этом контексте и такие названия, как **Лукошкин**, **Лукошкина**. ГБО 92, 102 или *Łukoszyn(o)*, ср. *Lukosino*, ок. 1240. Nazwy róþn. Maz. 250, могут выводиться не от имени *Łuka, Łukosza*, как иногда думают, но и — в отдельных случаях — от балт. **Lauk-as-*. — {**Lauk-asn-(as-in-?)*}.

Другусна, р., вар. **Другуска**, **Другуска**. ГБО 31; ср. тут же по соседству **Другусна**. — Не вполне ясно (в частности, это относится к связи с названием **Другой**, нередким в Поочье, см. ГБО 17, 22, 23, 49, 53, 58, 162, 236, 237, 264, и нек. др.). Тем не менее допустимо думать

о балтизме — или от балт. *Draug-* с суф. *-us-* (*-as-*),ср. к корню лтш. *Draūgi*, *Drāudzīpi*, *Draudzene*, pl., *Drauguolis*. LV I, 1, 223 (:лит. *Dráuginiškè*); PN. Latg. 109 и т.п., или как преобразование, ориентирующееся на слав. *Drug-*, таких типов, как лит. *Drūkšinai*. LATSŽ 65; *Drūksā*, *Drūkšē*. LUEV 32; LHEŽ 92 (ср. лтш. *drukšpāt* ‘грязнить’, к семантикеср. *Грязна*, *Грязная* и т.п. по соседству с Другусной, см. ГБО 28, 34, 36, 41 и т.п.); лтш. *Drudzipl-būda* и др. LV I, 1, 229, откуда могло бы быть **Drug-sъn-* > *Другун-*. — {**Draug-us-(as)-in-*; *Drugs-in}. — При непосредственном обследовании (Козельск, август 1987 г.) информанты называли эту речку только *Дургуска*. Разумеется, эта форма может быть результатом поздней метатезы. Однако теоретически можно думать и о старой форме, напр., типа **Darg-us-*, которая подверглась ассимиляции (**Darg-us-* > **Durg-us-*). В таком случае эта предполагаемая форма могла бы быть сопоставлена с балт. названиями типа лит. *Dargūžis*, а также *Dargē*, *Dargióji*, *Dárgelé*, *Dargáitē*, *Dargùpé*, *Dargupýs*. LUEV 27 (ср. и *Derg-* и под.); LHEŽ 80; Liet. hidr. dar. 51, 78, 120, 170, 215; *Dárgiai*, *Dargiai*, *Dárgenai*, *Dárginiai*, *Dárgalíai*, *Dárgaičiai*, *Dárgišké*, -ēs, *Dargupiai*, особенно *Dargūžiai* (9 раз), *Dargužiškiai*. LATSŽ 54; лтш. *Dardžēni*, -āni, *Dardzeites-kalns*, *Dargainis*; *Dargaiša-pļava*. LV I, 2, 196; лтг. *Darginē*, *Dardzinka*, *Dargeļi*, *Dargeleva*. PN. Latg. 97 (ср. *Deŕdzipi*, *Дзердини*; *Deŕdzipu* az., *Дерзинское оз.*; *Dergeli* и т.п. 103); прус. *Dargels*, 1314; *Dargen*, ок. 1340 (позже — *Dargainen-See*); *Dargow*, 1359, *Dargaw*, 1374, *Dergaw*, 1411—1419 (позже — *Dargau*); *Dargowayn*, 1327; *Dargnen*, 1331; *Dargen*, 1331, *Dargewayn*, 1394, *Dorgen*, 1515. APON 26 (к словообразованиюср. *Dargusen* и другие примеры на *Darg-* в антропонимах, см. APN 22—23, 102, 119, 135 и др.; Пр. яз. 1, 300—301; но эти названия скорее всего объясняются иначе, чем водные). Видимо, к лит. *dargūs* ‘ненастный’, ‘скверный’, *dárgana*,ср. *dérfti* и под., см. *Драгошанка* — {**Darg-uz-/?*}.

Орденка, р., д. *Орденка*. ГБО 31; ср. по соседству *Орденка*, п.р., Б. *Ординка*, Б. *Одринка*, д. *Орденка*; М. *Ординка*, п.р., р. М. *Одринка*; *Ординка*, л.о., р. *Одринка*; *Ордынка*, *Ардынка*, р. ГБО 36, ср. *Ардынка*. 116. — Несино, как и в случае днепр. *Одринка*, *Ординка* (с меной др:рд). ЛАВП 225, но, как и в этом случае, возможны разнообразные предположения о балт. источниках. Один из них напрашивается в результате анализа вариантов названия днепр. *Одринка* — *Адров*, *Одров*, *Одрошка*, *Одра* — балт. **Drav-/* Dru-*, ср. лит. *Drāvinė*, *Dravinė*, *Drēverna*; *Sausdrāvas*, *Sausdrāvē*, *Sandravā*. LUEV 32, 142, 143; Liet. hidr. dar. 105, 162, 224, 225; LHEŽ 90—91, 290, 292; лтш. *Dravas*, *Drave*, *Draveli*, *Dravieniki*, *Dravipas*, *Dravîte*, *Draviešens*. LV I, 1, 223—224; *Draviene*, Grenz. 476; курш. *villam Draven*. 1334; yn dem dorpe to *Drâven*, 1406; *Dravveen*, 1582—1583, 1585. KF 92; прус. *Drawe*, 1303. APON 30; Пр. яз. 1, 1975, 370—371; ср. HW 225; Słown. nazw Mazur. II, 66, 72, 233, 315 и др. Другое предположение может быть связано с балт. **Vad-r-* (: **Ved-r-*), как в лит. *Vädrē*. LUEV 182; LHEŽ 358; *Vadrinis*; *Vadrēliškē*. LATSŽ 330 (: *Vedrēkē*, *Vēdrupýs*, *Vēdrēs*, *Vēdrīai*; лтш. *Vēdrū līķis*; ср. днепр. *Ведра*, *Ведерка*, *Ведречь*, *Ведрич* и т.п. ЛАВП 178) с переосмыслением *V-* в анлауте как протетического звука (ср. обратный процесс *Осъма* — *Восьма* в Поднепровье). Третий (менее вероятный) вариант истолко-

вания этого названия в варианте *Орденка*, *Ардынка* и т.п. предполагает связь с балт. *Ard-*, ср. прус. *Ardappen*, 1423; *Ardinghenen*, 1364; *Ardelauches*, 1284. APON 10; лтш. *Ārdavs* (LV I, 1, 42; к лтш. ērdavs, лит. *eđvas?*), *Āđiēpi*, 1, 1, 42; ср. лтг. *Ardova*, *Ordovo*, *Vōrdova* и др. PN. — Latg. 21; куршск. *Ardus*, 1230; *Arden*, 1253; *Arden*, 1355—1362. KF 79 и т.п. (более широкий контекст — Пр. яз. 1, 1975, 101), ср. такжепольск. *Ordzieja* = балт. *Ardijā*. Otrebski. Z polsk. stud. 1963, 272 и др. — Соответственно реконструируются разные возможности объяснения из балт. — {**Drav-* > **Odr(av)-in-*; **Vadr-* > **Odr-in-*; **Ard-in-*}.

Клютома, р. в басс. Жиздры. ГБО 31; ср. *Клютома*, л.р. Клетомы. ГБО 32. — Несино; отношение *Клютома*: *Клютома* (приток и принимающая его река) также далеко от ясности (в Козельске записана форма *Клютомада!/?* — 1987, август). Естественно думать о связи с субстратным суф. *-ma*, широко распространенным к сев. и вост. Но, видимо, можно указать и более узкий гидронимический контекст — шесть рек в ограниченном р-не в басс. Десны (*Клютома*, *Ветьма*, *Ветма*, *Лузма*) и смежном ареале басс. Днепра (*Вязма*, *Чередемо*) см. ЛАВП 154, 158. Естественно сюда включить и окскую *Клютома*. Учитывая выделимость суф. *-ma* (*Ветьма*: *Веть*, м.б., *Вязьма*: *Вязьмень:вязь*), наличие *-ta* в балт. гидронимах (*Nerema*, *Aulama*, *Bradumas* и т.п.), балт. соответствие названиям рек этого р-на (*Волма*, басс. Березины: *Волма*, басс. Немана, прус. *Wolmen*), наконец, общий густой балт. гидронимический контекст, можно поставить вопрос о целесообразности проверки названия *Клютома* с балт. точки зрения. Ср., напр., лат. *Kliūtis*. LUEV 76; LHEŽ 160; Liet. hidr. dar. 45 (ср. *kliūtis* ‘препятствие’, ‘помеха’: *Tame ežere daug kliūčių*. LKŽ VI, 138 и под., *kliáutis*, *kliaučias* и др.) — {**Kl'yt-am* или **Kl'aut-am*}.

Бестань, л.р. Клютомы, р. *Бестенка*, д. *Бестань* (*Бестынь*). ГБО 31; ср. по соседству *Бестенка*, р., *Бестань*. 32 (ГБО 299, индекс, указывает *Бестинка*, отсутствующее в тексте), а также, м.б., *Бесвинка*. 132; *Бедстенка*. 122, 140; *Бесенка*. 122. — Сходного типа варианты зафиксированы и в верхнем Поднепровье — *Бестань*, Б. *Бестань*, М. *Бестань*, *Бестенка*, *Бественка*, *Бедстенка*. ЛАВП 177; здесь же ставится вопрос о возможной принадлежности к этому кругу таких названий, как днепр. *Бестрень*, *Бестренка*, *Бестринка*, *Бестрина*, *Бестрынь*, *Бестря*. Вероятно балт. происхождение — из **Best-*, ср. лит. *Bestinis*, *Bestinēlis*, *Bestiňka* LUEV 18; Liet. hidr. dar. 114, 160, 223; LHEŽ 63 (:лит. *besti* ‘копать’); *Beščiai*. LATSŽ 34; *Beste*. Спрогис, 22; лтш. *Beste*, *Bestenīca*, *Bestnieki*, *Bestes*, *Bestes-kalns*. LV I, 1, 100; лтг. *Bestenīca*. PN. Latg. 51; курш. *Besten*, 1422, dat *Besste-landt*; м.б., *Bestien*, 1338, *beke*, de *Beste genomet*, 1466 и др. KF 86; Endzelin ZfslPh. 11, 1934, 145. В связи с русскими вариантами ср. висл. *Bestwińskie Stawy*. HW 3 (в верховьях Вислы), ср. также *Bestrówka*. 94. — *Bestinka* в Литве и *Bestenīca* в Латгалии фиксируют уже стадию славизаций этого балтизма, находящую параллели в Поднепровье и в Пooочье. — {**Best-in/-en*; **Best-an-* (?)}.

Лубянка, л.р., р. *Лубна*, д. *Лубенка*, с. *Лубны*. ГБО 31. — Ср. в Пooочье еще *Лубянка*. 22, 37, 90, 117, 171, 172, 182, 184, 272; *Лубна*. 87;

Лубня. 182; Лубинка. 23; Лубенка. 135; Лубенской. 19, 61, 121, 164 и т.п., см. индекс ГБО 345. Названия этого типа известны в басс. Днепра, в частности, и на Украине, см. СГУ 328. Во многих случаях нельзя установить, слав. или балт. источник лежит в основе этих гидронимов, ввиду единого б.-сл. *lub-(: *lup-). Во всяком случае ср. балт. перспективу—prus. *Lubayn*, 1317; *Lubano*, 1331—1335; *Luben*, 1331—1335; *Lubyen*, 1317; *Lubowe*, 1240, *Lubouw*, 1243, *Lobow*, 1400; *Lubekaym*, 1427. APON 91; лит. *Lubinis*, *Lübupis*, *Lubēlis*. LUEV. 94—95; Liet. hidr. dar. 81, 121, 164; LHEŽ 196 (: лит. *lubā*, лтш. *luba*, слав. *lubъ); *Lubiai*. LATSŽ 165; лтш. *Lubas*, *Lubaūši*, *Lubāns*, *Lubāna*, *Lubāni*, *Lubānes* pl., *Lubene*, *Lubeniece*, *Lubenieki*, *Lubija*, *Lubeja*, *Lubine*, *Lubiņi*, *Lubiķis* и т.п. LV I, 2, 342—343; лтг. *Lubōns*, *Lubōna* az., Лубань, *Lubōni*, *Lubāni*, Лубаны, Лубань-Пурва; *Lubōniši*, *Lubāneņš*. Лубанчик, *Lubenka*, *Lubenka*, *Lubanka*. PN. Latg. 289; курш. *Lubbessemen*, 1582—1583, im dorpe tho *Lebeneck*, 1351 (=Lubenek). KF 123; мазур. *Lubienko*. Słown. nazw Mazur. II, 144; висл. *Łubna*, *Łubnia*, *Łubienko*, *Łuba*. HW 82, 222, 233 и др.: к зап. от Вислы см. Slav. Prag. 8, 261; Б.-сл. сб. 1972, 247 и др. — {**Lub-in/-en-*}.

Селенка, л.р. Лубянки, р. Сельна. ГБО 31; см. выше.

Сверогоща, л.р., р. *Сваригоща*. ГБО 31. — В целом не вполне ясно (днепр. *Серагоща*, *Сырагоща* объяснялись из *Сыро-и-гоща*. ЛАВП 220), хотя не исключены связи с балт. источниками. Первый член гидронима мог бы быть соотнесен с балт. **Sver-*, ср. лит. *Svérē*, *Svērupis*. LUEV 158; LHEŽ 323 (к лат. *svētī*, с идеей изгиба, уклона; ср. в картотеке LKŽ: *Upē sverias ī rytus*); *Svēriāi*. LATSŽ 296; лтг. *Сверинцы*. PN. Latg. 497 (неясна интерпретация первого члена в лтг. речка *Сверкоуна*. 497; к *svir/k/s:-zvirgzd-*, о песке, ср. курш. die heide, *Schwircksche* heide genhömet, 1551 или *stagnum Swierkesche* sehe dictum, 1397); прус. *Sweroth*, 1389. APON 179; Słown. nazw Mazur. II, 349 (= *Dzwierzut See* и т.п.) относят к *swīrins* ‘зверь’, т.е. **zvēr-*, ср. лит. *žveris*, лтш. *zvērs*; более сложны *Swerin*, 1411—1419 и *Swerepe*, 1355. APON 179 (: *swerjapis*). Что касается второго элемента, ср. лит. *Gästupis*, *Gästamas*, *Gästaminas*. LUEV 43; LHEŽ 107—108; *Gastai*. Kalvaitis, 1910, 33; лтш. *Gastis*, *Gastiņ-kalns*, *Gastēlēni*, *Gastilāni*, *Gastalāni*. LV I, 1, 303; лтг. *Guostīņš*, *Gostīpi*, Гостуни, Гостуни. PN. Latg. 149; о балт. Nom. pr. на *Gast-* см. Пр. яз. 2, 1979, 168; Arumaa Sc.-Slav. 6, 1960, 144 сл., 174 сл.; ЛАВП 217 и др. — {**Sver-& gast-ja* (?)}.

Серена, л.р. (*Серёна*), р. Серена, Серенка, с. Серенск, д. Серена, Серенский завод. 145, 147; Серенейка. 145; Серенейской. 145; Серененка. 145; Серенга. 147. — Вероятен балт. источник, реализующий и.-евр. элемент **Ser-/*Sir-(: *Sar-) со значением ‘течь’. Ср. с одн.ой стороны, лит. *Serē*, *Serenelė* (: *Serena), *Serenta*. LUEV 144—145; Liet. hidr. dar. 129, 214; LHEŽ 296 (связь с лит. *Sariā* и т.п.; вторичность форм с анлаутом Š-: *Šerenta*); лтг. *Sereni*. PN. Latg. 451; м.б., курш. *S(z)errendorp*, 1545, *Serendorp*, 1561. KF 158—159 (с иным объяснением, ср. также Endzelīns TN 1, 164); прус. *Seria*, 1388, *Serige*, 1451, позже — *Sorge-Fluss*; *Serie*, 1389, *Passeria adir Seria*, позже — *Passarge-Fluss*; *Seringe*, 1331—1335 (: подмоск. Серенга/?), *Serung*, 1415, *Serenge*, 1411—1419; *Seringe*, 1419, позже — *Sarong-See*; *Serappin*, 1400, *Surappen*, 1400, позже — *Seerappen*; м.б., и *Serenappe*, 1420. APON 155 (иначе — к лит. *Šernas*,*

Šernupys); *Zerewet*, 1246 (к балт. *Ser-* в первом члене и лит. *vietā*, лтш. *vīeta* во втором); ср. также *Seria*, *Serie*, *Serien*, *Seringe*, *Serung*, Słown. nazw Mazur. II, 77, 216, 219, 247, 297; днепр. Сереня, в басс. Припяти (СГУ 498). С другой стороны, ср. лит. *Sirija*, *Sirijus*, *Sirapē* (< **Sir-upē?*) и особенно *Siriēnē*. LUEV 146; Liet. hidr. dar. 146; LHEŽ 146 (: лит. *sirénti* ‘понемногу пузыриться’ и под.); *Sirūčiai*, *Sirūškė*, *Sirāčiai*. LATSŽ 278 (?); лтг. *Siri*; *Sirjankas ez.*, Сырянка (?). PN. Latg. 454; прус. *Syreyn*, 1263, *Syrien*, 1279; курш. *Sirien*, 1253 толкуется как связанное с обозначением леса название (ср. лтш. *dzīja*, *dzire*, лит. *girià*, *girè*), см. Bielenstein. Grenz. 284; Būga LKŽ XCV; KF 162, но, учитывая написания типа *Zirgen*, *Zyrgen*, с одной стороны, и прус. *Sirgite*, 1298, *Zergitten*, 1458; *Sirgelauwk*, 1427 и их толкование в связи с *sirgis* (APON 157—158), с другой, допустима попытка подобной же интерпретации и курш. форм, которые, следовательно, и в этом случае не связаны с приведенными выше примерами на *Sir-*. — {**Ser-en-/*Sir-en-*}.

Мерея, р., Мерая. ГБО 31. — Как и днепр. *Мерея*, вар. *Mireja*, *Mirejka*. ЛАВП 195, балт. происхождения (ср. Būga TŽ 1, 1923, 30), что может быть подтверждено формами типа лит. *Merā*, *Meriā*, *Merāitiš*. LUEV 101; Liet. hidr. dar. 76; LHEŽ 204, 211 (к и.-евр. **mer-/*mor-*, ср. лит. *mārēs*, *mārios*, *Marā*, лтш. *Maras-ype*; слав. *more и т.п.); прус. *Merunen*, 1353; *Meruniska*, 1326, позже — *Mierunskien*. APON 98; висл. *Mieruniskie Jez.*, *Mieruńskie Jez.*, *Mieruniszek*, *Mieruniszki*, *Mierunskien See*, *Mierunskener Fliess*, *Meruner Fliess*, *Meruner See*, *Merunskener See* и т.п. HW 167 (по Нареву), ср. *Merynos*. HW 277 (?); Słown. nazw Mazur. II, 55, 57, 59, 322. — {*Mer-ēja*}.

Нигва, р. Б. Нигва, л.р. ГБО 32; в непосредственной близости — *M. Нигва*, л.р., *Ниговка*. — Неясно. Возможно, следует исходить из *Nigъva < *Nig-uva, т.е. формы балт. типа. В связи с корнем названия заслуживает внимания учет лтш. *Nigaste*, *Nigastes*, *Nigasti*. LV I, 2, 479; лит. *Nigēstis* (но и *Negāscius*). LUEV 108, 110; LHEŽ 226, однако иногда лтш. слово объясняют как финноязычный элемент, главным образом, из-за суф. -si- (см. Būga RR III, 618—619). Не исключено, что тот же корень отмечен в лтш. *Nigra*, *Nigulis*. LV I, 2, 479 (второе слово сопоставляется с эст. *Nigula*); курш. Stück Landers, genannt *Niegrande*, 1500. KF 131 (суф. -and-; к корню ср. лтш. *nigrs* ‘сердитый’, ‘злой’ и т.п.); Būga LKŽ XCV; прус. *Nigra* — все из балт. **Nig-r-*. В связи с этими названиями ср. еще в Поочье *Negra*. ГБО 89 и ее вариант *Negля*. 89, которые могли бы восходить соответственно и к *Nigra, **Nig'l'a* (ср. лтш. *Nigli*, LV I, 2, 479) или **Nigul'a* через *Nbg-* (>*Heg-*). Названия указанного типа отмечены и в других местах балт. ареала, в частности, в Поднепровье и в басс. Зап. Двины, ср. *Negra*. ЛАВП. 197; *Negryńka*, ср. *Negro*, *Negriča*, которые в свое время объяснялись из **Nedr-* (лтш. *niedre*, лит. *nēndrē* ‘тростник’, см. Трусман. Этим. Вит. губ. 202), что, однако, далеко не очевидно. В связи с *Nigva* стоит указать и на висл. *Nigwacz*. HW 261, остающееся не вполне ясным, особенно имея в виду варианты — *Niechwaszsz*, *Niechwarz*, *Niechwarszcz*, *Niekwarz*, *Niechartz* (по Нижней Висле). — Возвращаясь к источнику названия *Nigva*, нужно, видимо, принять во внимание и близкое ему речное название

Никва, особенно широко распространенное на русских (и на ряде других славянских) территориях в варианте *Пониква*, ср. в Поочье: *Пониква*. 89; *Пониковец*. 17; *Пониковка*. 123; *Поникуша*. 30 (по соседству с *Нигвой*), 91, *Поницкой*. 156; *Поничка*. 174; *Поника*. 196, 267; *Понивка*. 89 и т.д. Название *Никва* (*Пониква*) совершенно очевидно связано с особым характером течения реки и не может быть отделено от глагола *никнуть*, *поникнуть* и т.п. Поэтому возникает предположение о параллелизме, своего рода дублетности названий *Нигва* — *Никва*, что могло бы быть подтверждено параллелизмом соответствующих глаголов в балт. — ср. лит. *niegti* — *niekti* или *neigtī* — *neikti* и т.п. в принципе примерно с той же семантикой, что и *никнуть* (см. LKŽ 8, 1970, 625 и др., 770 и др.). — {**Nig-uv-*, **Neig-uv-*}.

Верзневка, л.р. М. Нигвы, р. *Вержневка*. ГБО 32; выше. *Варзенка*.

Китенка, р. ГБО 32; относится ли сюда же *Китно*. 263; *Кита*. 241; *Китов*. 159; *Китовой*. 264; *Китовской*. 272; *Китарка*. 190, — сказать трудно. — Если это *Кит-* из **Kyt-* < **Kūt-*, то, возможно, нужно объяснять из балт. источника типа **Kut-in-/en-*; ср. *Kutenā*, *Kūtuvis*. LUEV 85; Liet. hidr. dar. 131, 213; LHEŽ 176 (допускается связь с лит. *kūsti* / *kut-* / ‘усиливаться’, ‘крепчать’, ‘растя’, *kūtinti*, *kutruš* ‘быстрый’, ‘энергичный’ и т.п.); ср. также разнородные примеры, не всегда до конца ясные, типа *Kutai*, *Kutāčiai*, *Kutāliai*, *Kutēliai*, *Kūtēliai*, *Kūtiškēs*, -iai, *Kutiškiai*, *Kūninkai*, *Kūtiškē*, *Kuturiai* и т.п. LATSŽ 149; лтш. *Kutēns*, *Kutēni*, *Kutnieki*; *Kuti*. LV I, 2, 184; лтг. *Kutēns*, ручей Кутаны; *Kuti*, *Kutinava* и др. PN. Latg. 255—256; м.б., курш. *brock*, de *Kutze* genometh, 1466. KF 115 (: лтш. *kūts*); прус. *Kuterin*, 1289. APON 78(?) и под. — {**Kūt-in-/en-*}.

Турея, п.р. Б. Нигвы. ГБО 32; см. выше.

Кормянка, л.р. ГБО. — Правдоподобно балт. происхождение, ср. лит. *Kařmē*. LUEV 69; LHEŽ 148; с другим корневым вокализмом. ср. *Kermēžys*. LUEV 72; LHEŽ 153: к лит. *kermēti* ‘обильно растя’ и т.п.; лтш. *Cērmēna-ez̄ers*. LV I, 1, 163. Некоторые другие примеры не вполне ясны. К ним относится курш. топоним *Carmese* (ср.: *villa Carmese* si p. dicta, 1386). KF 215 предлагает (правда, с сомнением) связывать его с эст. *kaarmas* ‘малина’ или с лтш. *kařš* ‘война’ и *mežs* ‘лес’; однако в контексте лит. *Kařmē*, *Kermēžys* можно было бы реконструировать курш. *Karm-ez. Висл. *Karmickie Jez*. (если это не опечатка, вм. *Karmickie Jez*. HW 230, 336) двусмысленно. — {**Karm-en-*}.

Клютома, л.р. Клетомы. ГБО 32, см. выше.

Б. Локнава, р., *Лакнава*, р., сц. *Локонское*. ГБО 32; см. выше *Локна*.

Тушинка, п.р., ср. тут же *Тушинской*, л. отв. ГБО 32; а также *Тушинка*. 64, 139; *Туша*. 164. — При наличии возможностей объяснения из слав. (ср., в частности, Кратк. топ. слов. Белор. 381 и др.) наиболее вероятно балт. происхождение, что согласовалось бы с распространением подобных гидронимов на старых балт. землях (ср. *Туша*, вар. *Туща* в Поднепровье. ЛАВП 211). Можно думать о связи с балт. “тихими” названиями, ср. прус. *Tuseine*, 1296, *Tusseyn*, позже — *Tusseine*. APON 189 (к *tusnan* ‘тихий’, ср. *tussise*; Nom pr. *Tussine*. APN), м.б., висл. *Tussen*. HW 197 (но вар.: *Duszne*, *Dusne*, ср. *Dusianka*; также *Tusen*. HW 194 при *Tejsowe* и т.п., ср. Słown. nazw Mazur. II, 158, 179);

лит. *Taūsalas*. LUEV 172; Liet. hidr. dar. 85; LHEŽ 342 (: лит. *tausyti* ‘тихать’, ‘спокойствовать’, лтш. *tusēt* и под.); м.б., *Tausēnai*, *Tausiūnai*. LATSŽ 314—315; лтш. *Tausala* (ср. RR II, 629—630; III, 625; Daubaras Baltistica 14, 1978, 59), ср. *Tušinka* в Латгалии. PN. Latg. 527 и т.п. Другой вариант объяснения из балт. — связь с лит. *Tāusē*. LUEV 172; LHEŽ 342 (к лит. *taūsti* ‘тихать’ и под.), ср. еще *Taušēlē*, *Taūš-laukiai* и особенно *Taušinē*; лтг. *Touša*. PN. Latg. 521. — {**Tus-in-/ein-*; **Taūš-in-*}.

Сикерка, л.р. Семеновки, р. *Сикирна*, д. *Сикерки*. ГБО 32; ср. также *Секерка*. 89; *Секеринка*, *Секеринской*. 211; *Секерья*. 273 (ср. *Сека*. 112); *Сикерка*. 89. — Неясно. М.б., к прус. *Sekerinen*, 1394. APON 155? (ср. лит. *Sikariškiai*. LATSŽ 277?). К суф. с элем. *-r* — ср. висл. *Siekierzanka*, *Siekierna* при *Sikor-*, см. HW 123, 407, которые, разумеется, могут быть и слав., ср. Słown. nazw Mazur. II, 174, 177. — {**Sek-er-/ir-*; **Sik-er-/ir-*}.

Сижна, л.р. Сикерки, о. *Сиженской*. ГБО 32; ср. также *Сижна*. 45; *Сиженка*. 75, *Сижинка*. 71, 75; *Сижинской*. 75 (ср. *Сижня*. 32, согласно индексу, 378; в тексте отсутствует); *Сижовка*. 214, но и *Сежа*. 40, 82; *Сежинка*. 71; *Сежка Сух*. 82; *Сежиковка*. 44. — Ср. *Сижка*. ДДГ 160, 329), *Сишка*, подмоск. *Сежа* и др. Б.-сл. сб. 1972, 222. В целом неясно. Теоретически не исключено объяснение из ф.-угор. (“сиговые” названия, ср. вепс. *sigā*, *ziga*, эст. *siig*, лив. *sigā* и т.п., ср. LHEŽ 298: о лит. *Sykē* и под.; Bednarczuk Acta. B.-Sl. 9, 1976, 52; Laumane Ziv. nosauk. 1973, 215). Вместе с тем, возможно, следует учитывать и такие балт. факты, как прус. *Segelen*, 1344; *Segilken*, 1359 (< **Seg-el-ik-*, Nom. pr. ?); *Segeniten*, 1310. APON 154; лтш. *Sēg'enieki*; прус. *Zygeniten*, 1310 (: Nom. pr. **Sygene*) APON 156 связывает с *Siglawken*, 1491 (от Nom. pr. *Syge*), а первый член названия соотносит с лит. *Žyg-*, *Žig-*; неясен исходный анлаут в мазур. *Sigennek*, *Siegensee*. Słown. nazw Mazur. II, 221 и др. Ср. лтг. *Seiga*, *Siga*. PN. Latg. 448 (?) — {**Sig-in-/en /?*; **Seg-in-/en /?*}.

Бестенка, р., *Бестань*, см. выше.

Столбенка, р., *Столбянка*, р. ГБО 32; см. выше.

Б. Гвита, п.р. Воробьевка, р. *Гвидка*, р. *М. Гвита*. ГБО 32. — Неясно. При первом подходе вырисовываются не вполне ясные возможности связи с балт. **gui-t-* (ср. лит. *guiti* ‘тихать’ и под., см. LEW 152) > **guit-* > *git-* или **Guv-it-* (ср. лит. *guvūs* ‘проворный’, ‘быстрый’) > **Гъвит-* > *Гвит*.

М. Радопля, р., Б. Радопля, р. ГБО 32; здесь же поблизости *Radoppl*, л.в. 33. — Вероятно балт. происхождение. Можно предполагать источник в виде **Rad-ap-/ip-*. Во втором члене балт. название реки — прус. *ape*, лит. *yré*, лтш. *ire*, обильно засвидетельствованное в разных местах старого балт. ареала в русской гидронимии, о чем подробнее см. ЛАВП; Б.-сл. сб. 1972, 268, где, в частности, подводятся итоги исследования этого вопроса, начиная с первых исследователей вплоть до Буги и Фасмера. К первому члену ср. лит. *Radeikis*, *Radūtis*, *Radūtē*, *Radēlé*, *Radinys*, *Radynaī*. LUEV 130—131; Liet. hidr. dar. 108, 109, 201, 210, 211; LHEŽ 270 (с сомнением допускается связь с *rad-/rāstis* ‘показываться’, ‘начинаться’, ‘возникать’ и т.п., но также и с гидронимическим *Rod-*, ср. лит. *Ródumas*. LHEŽ 279); *Radeikiai*, *Radeikiskē*, -is, *Radūtē*, *Radūtis*, *Radūtiškēs* и др. LATSŽ 254—255; лтш.

Rad-gravis (картопека LV); особенно характерны лтг. примеры — *Radopoles*, *Radapole*, *Радополь*, но и *Raduten see*, *Raduten bēke*, *Радуты*. PN. Latg. 409; висл. *Radaune*, *Radaunen See*, *Radau*, м.б., *Radan* и др. HW 266, 281 и др. Днепр. *Радея*, возможно, дает основания для реконструкции балт. *Rad-ēja, но ср. вар. *Рудея*. ЛАВП 203. Следует, однако, помнить о возможных взаимодействиях двух моделей — балт. **Rad-ap-/ip-* и слав. **Rad-pol'e* (ср. лтг. факты). — {**Rad-ap-/ip-*}.

Рессета, п.р., р. *Ресета*, ср. в ближайшем соседстве *Ресетица*. ГБО 33; но и *Peca*, *Ресса*. 45; *Ресетица*. 34; *Ресеть*. 35. — Скорее всего балт. происхождения (в частности, ср. суф. *-eta*, хорошо известный в русской гидронимии старых балт. территорий, напр., в Поднепровье — *Heseta*, *Скверета*, *Кичета*, *Веренета* и др. ЛАВП 133), Ср. прус. *Resen*, 1508, позже — *Rosen*; *Resiten*, 1411—1419, позже — *Rositten*; *Resow*, 1326, позже — *Rehsamer See*; *Resenygeiten*, 1400, *Resyngieytin*, 1400, *Resiniten*, ок. 1405, позже — *Rosignaiten*; м.б., *Resia*, 1250 (Герулис иначе — к **reis-*). АПОН 141; курш. *Rese*, 1253, *Resse*, 1483 (?) КФ 148 (с иным объяснением: лтш. *riezis*, *rieža*, в связи с идеей "нареза", границы). Неясность зависит в основном от двусмысленности корневого вокализма в *Ресета*. Если здесь *e* из ē(ѣ), то, видимо, открывается возможность для предположений о балт. **Rais-(t)* как обозначении сырого места (ср. лит. *raistas* 'болото' и т.п., *Raistas*; прус. *Reysten*, *Raystopelk* и т.п.) или о балт. **Rais-(t)*, *Reis-* и под. в "ореховых" названиях (ср. прус. *buccareisis*, 'буровый орешек', лит. *riestas*, лтш. *rieksts*), к проблеме см. ЛАВП 204—205, с соответствующими примерами из Верхнего Поднепровья. Но даже если верно предположение об одном из этих двух типов, речь идет о существенном переоформлении по типу гидронимов на *-et-*, откуда (в этом случае) возникает вторичное *Peca*. — {**Res-et-*; **Rais-/et-/*(?)}.

Клетенка, р. ГБО 33; см. выше.

Пеневицкой, п. руч. Полоницы. ГБО 33; см. ниже.

Боручка, р. ГБО 33. — Допустимо думать о связи с балт. *Bar-ut(i)*, расширенном слав. суф. *-ька*(**Bar-ut/i/-ька*) к *-ut-* ср. Liet. hidr. dar. 209—211 (характерно решительное преобладание суф. в виде *-utis*, *-utē* при единичных *-utas*, *-uta*, что дополнительно способствовало палатализации *t > č*). Этот тип представлен в ряде примеров (чаще всего Nom. pr.), ср. прус. *Barutin*, 1294. АПОН 17 (при Nom. pr. *Bareyke*, *Boreyke*, 1397; *Barim*, 1354 и др. APN 17); ятв. *Боруть*. Ипат. летоп.; курш. *Boruttas*. КФ 267; лит. *Barutiškai*. ЛАТСŽ 29 (: *Barūtis*), см. Пр. яз. 1, 1975, 193—194 (к лит. *bárti* 'ссориться', 'ругаться' и т.п.). Характерны такие локализуемые на старом балт. ареале в Нижнем Повисленье гидронимы, как *Borucza*, *Borucin*, *Boruciškie Jez.*, *Boruckie Jez.* HW 210, 221, 281; *Borucin* (*Barutin*), *Borucino*, *Borucice* (*Baruthe*). Słown. nazw. geogr. PZP 20. — {**Bar-ut-*}.

Желанейка, р., Желаняка, р. ГБО 33; ср. также *Желнянка*. 34; *Желанейка*. 44; *Желаненка*. 44; *Желонья*, 40, 41; *Желонка*. 99; *Желенка*. 131 и др. Возможно, сюда же относятся некоторые названия типа *Жилинка*. 99, 127; *Жилична* (?). 26; *Жиличка*. 26; *Жилетовка*. 115 и др. — Среди вероятных днепр. параллелей ср. *Желень*, *Жилень*, *Желень*, *Жолонь*, *Желонка*, *Желонька*. ЛАВП 188, 233 (отдельные примеры свя-

заны с обозначением желны, ср. Кратк. топ. слов. Белор. 121—122, 125). Другие "сходные" примеры (ср. *Желань*, *Желанна* и т.п. СГУ 194) или сюда не относятся, или требуют особого рассмотрения. Балт. источник для большинства этих названий вероятен, но частности остаются неясными. Выбор должен производиться между "топокорнями" **Gel-* и **Gil-*, расширенными суф. с опорным элементом *-n-*, *-in-*, *-en-*, *-ain-*). Ср. прус. *Gelayne*, 1339; *Gilleynen*, 1411—1419. АПОН 39, 41 (при *Gelyen*, 1419; *Gelyteyn*, 1409; *Gelow*, 1419; *Gilge*, 1391 / = *Gilijs*), ср. Nom. pr. *Gellenne*. АПН 31; ср. *Matusevičiūtė* APhil. 8, 1939, 12 (: *Gelynde*); Пр. яз. 2, 1979, 198, лит. *Gelainė*, *Gelainis*; *Gilinė*, *Gylinė* и др. LUEV 44, 47 (при *Gelā*, *Gelys*, *Gylē*, *Giliā*, *Gilioji*, *Gilis* и т.п.); Liet. hidr. dar. 73, 74, 159; LHEŽ 110—111, 115 (к лит. *gélūs* 'пресный' в первом случае и *gilūs* 'глубокий', во втором); *Gelainiai*, *Gilyne*. ЛАТСŽ 81, 84; лтш. *Gilēni*. LV I, 1, 353 (: *Gīla*); м.б., лтг. *Zelepi*, *Zilepi*, *Zilepu az.*, Зилино, Зелени и др. PN. Latg. 587, 590—591 и др. — {**Gel-en/-in-*; **Gil-en/-in-*}.

Велья, л.р. ГБО 33; выше.

Ресетица, л.р. Вельи. ГБО 33; см. выше.

Селишна, р. ГБО 33.— Видимо, из *Селична* < **Sel-it-ъ-ьп-*, ср. в Поочье *Селитинка*. 116; Селитенское. 128; *Селитчина*. 97; Селиченка. 30, 39, 45; Селиченской. 192; Силиченка. 30; подмоск. Селитенка. Б.-сл. сб. 1972, 252 (: балт. **Sel-it-*). Балт. соответствие см. выше (Селиченка, Силиченка, Ослинка и др.). — {**Sel-it-en/-in-*}.

Миленка, л.р., р. *Миленка*, д. *Миленка*. ГБО 33; ср. *Миленка*. 158; *Милиновка*. 103; *Милитинка*. 117 и др.; ср. также *Мелинка*, *Меленка* и т.п. ГБО 349 (индексы). — Допустимо думать о балт. источнике. Ср. лтш. *Mīlenis* (приводимое Эндзелином объяснение скорее всего принадлежит к числу тех, которые имеют как таковое лишь вторичное значение, ср. "pie Mīleņa ietekas vēl bijis redzams dzirnavu [v. *Mühle*] dambis"); *Mīlene pļ.*; *Mīlens*. LV I, 2, 443 (ср. с кратким вокализмом корня: *Mila*, *Mil-upē*, *Milas-upē*, *Mili*; *Milāni* и др. I, 2, 436—437); м.б., курш. *bete tor Mylen see*, 1422 (?). КФ 128 (к прус. Nom. pr. *Myle*, *Mile*, что представляется спорным); лит. *Mylinė*, *Mylē*; *Milys*, *Miliotė*, *Milupe*. LUEV 103; Liet. hidr. dar. 96, 162, 190, 208, 216; LHEŽ 215—216 (ср. лтш. *mila*, лит. *milas*, о грубошерстном домотканом сукне в одних случаях; лит. *milti*, *milti* 'опускать раскаленные камни в воду' в других; Nom. pr. лит. *Milis*, *Milys* в третьих — как предлагаемые ориентиры для истолкования); *Miliai*, *Miliai*, *Myliai*, *Miliškės*, *-iai* и т.п. ЛАТСŽ 185—186; ср. висл. *Milica*, *Miliczka*, *Miliska*. HW 276 (в низовьях Вислы); м.б., *Milin*, *Milice*, *Milica* и под. *Słown. nazw geogr. PZP* 191; днепр. *Милинка* (вар. *Мылинка*, *Камылинка*). ЛАВП 190, 196; *Мильня*, в басс. Десны. СГУ 362 и др. Выбор из предлагаемых возможностей пока неясен — {**Mil-en/-in-*}.

Ловать, л.р., с. *Ловать* (*Ловать*). ГБО 33; ср. в ближайшем соседстве *Ловатица*, п.р. *Ловати*, *Ловатица* (еще одна — *В.Т.*). 33; *Лова*, *Ловка*. 33; *Лова*, *Ловенка*. 162; *Ловка*. 214; *Ловинской*. 58; *Ловца*. 106; *Ловынь*. 124 и др. — Название *Ловать* (в связи с наиболее значительной рекой этого имени, впадающей в озеро Ильмень, др.-рус. *Ловать*. ПВЛ) объяснялось из финноязычных (Mikkola Ält. Bez. 1938, 10: из

*Lavatjoki; иначе Фасмер Beitr. II, 1934, 374; ЭСР 2,508: из **Alvatti/joki*, от *alve* 'выводок', из балт. (более чем спорные попытки в последнее время) и даже из слав. (Кратк. топ. слов. Белор. 206) источников. Объяснение из финноязычных диалектов кажется предпочтительным, но окончательного и даже вполне удовлетворительного ответа все-таки нет; некоторая возможность объяснения из балт. или через него остается (осторожнее, однако, было бы говорить о взаимодействии балт. и финск. элементов в данном случае). В его пользу могли бы свидетельствовать и корень гидронима и словообразовательные типа (-*at*, -*in*, м.б., -*ān*). Ср. лит. *Loviai*. LUEV 94; Liet. hidr. dar. 36; LHEŽ 196 (: лтш. *lovūs* 'русло реки' и т.п.); *Loviai*. LATSŽ 165; *Lóvaičiai*, *Ilgój Lóva*. 98; лтш. *Lāviena*, *Lāvēn-pļava*, *Lāvenieki*, *Lāvaiši*, *Lāvas-kalns*. LV I, 2, 287; лтг. *Lāvaiši*, м.б., *Loveiki*, *Lovuški*, Ловушки (?). PN. Latg. 287. При обсуждении балт. возможностей следует помнить, что, как убедительно показал Скардюс, лит. *lóva*, *lovūs* и лтш. *lōva* не являются заимствованиями из слав. (см. LEW 387) и что вопрос о связи этих слов с лит. *liáutis* пока остается не до конца ясным (LEW 362—363, 387), а именно от его решения многое зависит и в истолковании названия гидронима. Другой вариант "балт." объяснения — связь с лит. *Alvito ēžeras*, *Alvitas*, LUEV 5; LHEŽ 41 (ср. **Al-*/*-El-*: **Alu-*/*-Ely-*, ср. *Alantā* и под.); LATSŽ 8; лтш. *Alwe*, 1850, 1858; *Alwit*, 1795; *Alvītis* ez., *Alviši*, *Alvīks*, *Alvēni*, *Alvene* pl. LV I, 1, 25 и т.п. Ср. еще Kolbuszewski LPosn. 25, 1986, 156; Агеева Происх. имен рек, 1985, 95; невероятно — Kunstrmann WdSlaw. 30, 1985, 390—1. — {*Lov-at, *Lov-in-?/; *Alv-at, *Alv-in-?/}.

Жизна, р. ГБО 33; ср. Жизновка. 36; Жизнявской. 61; м.б., Жизлянка. 112; Жизлинка. 103, 112; Жизлов. 15. — Ср. днепр. Жизанка. ЛАВП 188 (отнесено к балт., но без объяснений); *Żyznów*, *Żyznogóra*. Słown. nazw geogr. PZP 392. В целом неясно. Пожалуй, целесообразно проверить два предположения: 1) Жизна как "песчаная", см. выше Жиздра; как известно, балт. обозначение песка подвержено очень существенным фонетическим изменениям; одно из них — выпадение *r* (или его исконное отсутствие в части форм), ср. прус. *suxdo*, подтверждаемое такими примерами, как *Sixdelawks* 1339 и др. APON 158 — наряду с *Syxdro*, 1387 и др.; вместе с тем именно прусский фиксирует "песчаные" названия с суф. -*n*, ср. *Syxdeniten*, 1338; *Sisdenyke*, 1430, *Zydenyke*, ок. 1430, *Sesenicken*, 1480, но и *Syxdrin*, 1387. APON 158; в этом контексте правдоподобна реконструкция балт. *Žižd-in-/-*en*-, *Zizd-in-/-*en*-, которое через стадию *Žiž-in->*Žizyn- могло привести к Жизна; допустимо предположение и о формах без *d*, ср. прус. *Zizelaukin*, 1411—1419. APON 159 (иначе: к лит. Nom. prg. *Sīsas*); в случае, если Жизна, действительно, "песчаная" река ср. в ближайшем соседстве с нею Песочная. ГБО 33 и другие "песчаные" гидронимы; 2) Жизна как результат преобразования *Жизма, *Жижма, о балт. соответствиях которого (лит. *Žižmā*, лтш. *Zizma*, *Zizmas* или лит. *Žiežtiob* и др.) см. LHEŽ 402, 405; зм>зн, жм>жн и в др. примерах. — {*Žiž-in, *Ziz-in- и под.}.

Ловатица, п.р. Ловати. ГБО 33; см. выше.

Ловатица, в басс. Ловатицы. ГБО 33; см. выше.

Калуня, л.р. ГБО 33; ср. Калунка. 216; м.б., Калинка. 158; Калитка. 225 и др. — Не исключены балт. связи: *Kal-un- (?). Ср. прус. *Kalow*,

1400, позже — *Kahlau*; *Calyen*, 1419, *Kalgyn*, 1491, позже — *Kalgen*; *Calis*, 1303, *Kalis*, 1349. APON 54; *Colenen*, 1384, *Coleen*, 1392, позже — *Callehnen*; *Colisten*, 1411—1419, *Kalisten*, 1427, позже — *Kallisten*; *Colitten*, 1485. APON 68—69; ятв. *Kal-inā. Falk. Ze stud. 1973, 18; Acta B.-Sl. 10, 1976, 102—104 (ср. сувалк. *Kalita*, -*eta*); лит. *Kalupė*, *Kälupis* и др. LUEV 66; LHEŽ 144 (лит. *kalė*, *kälé* 'сука' или из *Kalv-ūpē и под.); *Kalénai*, *Kalínas* и др. LATSŽ 116—117; лтш. *Kalupe*; *Kalups*; *Kale*, *Kalēnes*, *Kalipš*, *Kališkas*; *Kalins-pļāv* pl., *Kalīte*, *Kalieši* и др. LV I, 2, 11—13, 15—16, 26; лтг. Калюп, *Kalupnieki*, *Kalupe*, *Kalite*, *Kališkas*, *Kale*, *Kaleši* и др. PN. Latg. 192—194; *Kálites*, *Колиты*, *Kolina*; *Kolups'*, *Kalupes*, *Kolun*, *Kolup*, *Kalupa* ez., *Kolupka*, *Kolupa meži*, *Kolupe* и др. PN. Latg. 219, 221; курс. дсрп. *Calitzen*, 1495, *Kalitsche*, м.б., *Calaten*, 1253, *Kaleterr*, 1566 (?). KF. 108. Ср. также днепр. Калита. ЛАВП 190; подмоск. Калятинский. Б.-сл. сб. 1972, 232; висл. Калитка. HW 237; к западу от Вислы *Calant*, *Kalant*, *Kalenth*, *Calitz*, *Kalen*. EOSON II, 21; МН 16, 19, 71 и др. Ср. также Пр. яз. 3, 1980, 163—164. — {*Kal-un-}.

Сусяйка, л.р., р. Сусенка; Сусей. ГБО 33. — Ср. лит. *Sausinė*, *Sausinaitė*, *Sausupis*, *Sausvingis*, *Sausdrāvas*, *Sausas ežerėlis*, *Sausėlio ēžeras*, *Sausiniųk* ēžeras; *Saušakis* (< *Saus-šakis). LUEV 143; Liet. hidr. dar. 77, 159, 248, 251, 265, 274; LHEŽ 292 (лит. *saūsas* 'сухой'); *Sausiai*, *Sausinė*, *Sausiniukai*, *Saušlaukis*, *Saušilis*, *Sausgiriai*, *Sausdrava*, *Sausdravėnai*, *Sausišrasis*, *Sausalaükė* и др. LATSŽ 273; лтг. *Sausiņi*, *Sausais purvs*, *Sauspuri*, *Caycanypa*, *Sausiniki*, *Saus(e)nieki*; *Sausā-sala*, *Sausās priedes* ez., *Sausupe* и др. PN. Latg. 446; курс. *Sausen*, 1574—1576, *Sausen*, 1585; *Saussegaln*, 1593 (: к лит. *sausgalis*, о дереве с засохшей вершиной). KF 154; прус. *Sawsyn*, ок. 1420; *Sawseyne*, 1419; *Sausilas*, 1261, *Sausillas*, 1400; *Sausekert*, 1343, позже — *Sausgarten*. APON 153; мазур. *Sausel* (Hennenberg II, 20), *Sausel Bach*, вар. *Suszyca*. Słown. nazw Mazur. II, 69 и др. — Ср. по соседству с Сусейка, Сусенка такие слав. названия, как Суханка. ГБО 34, 110; Сухая. 17, 40, 72, 84, 86, 91 и т.п.; Сухменка. 42; Суходол. 16, 25, 26, 79, 81, 82 и т.п.; Суходольская. 33; Сушка. 29, 32, 43, 69, 89, 94, 97, 98, 99, 118 и т.п.; Сушица. 29, 154, 155; Сушанка. 29, 34, 46; Суша. 51 и многие другие — {*Saus-en-/-*in*; *Saus-ej-}.

Сенет, л.р., р. Сенеч. ГБО 33; см. выше.

Мельмух, л.р., Мельмуха. ГБО 33. — Возможно, что речь идет о слав. оформлении балт. корня. Ср. лит. *Mélmentas*. LUEV 101; Liet. hidr. dar. 135; LHEŽ 210—211 (обсуждается возможность связи с лит. *melmano* 'кострец', *mélmenys*, лтш. *mélmeni* и несоответствие ей таких вариантов этого гидронима, как *Milmantas*, *Milmontas*; ср. лит. Nom. prg. *Milmantas* и др.; более вероятна связь с лит. *mēltas* 'бледный'); лтш. *Mēlmanta*(*Malmuna*), *Mēlmute*; *Melman(i)*. LV I, 2, 410 (ср. *Mēltēri*. 437/?); лтг. *Mēlmute*, *Mēlmana*, *Malmuta*, *Малмута*; *Malmona*; *Malmuļi* ри. PN. Latg. 304. Гласный у в суф. -уха, как и в ряде других подобных случаев, возможно, предполагает наличие соответствующего звука в балт. (ср. *Mēlm-ute* или *Melm-yre). — {*Melm-}.

Лова. п.р. Мельмуха; р. Ловка. ГБО 33; см. выше.

Расовка, р. ГБО 33. — При всех неясностях не исключено предположение о балт. источнике. Ср. "росные" названия типа лит. *Rāsupis*, *Rasēika*, *Raseikà*, *Rasēlē*, *Rasiōs balūkē*. LUEV 132; Liet. hidr.

dar. 107, 109; LHEŽ 272—273 (лит. *rasà* ‘пока’, *rasóti*, *rasénti*); ср. LATSŽ 258; лтш. *Rasa*, *Rasaiñi*, *Rasene*, *Rasica*, *Rasicasęz̄ers*, *Rasupi* (карточка LV); лтг. *Rasene*, *Rasenice*, *Rasica*, *Rasicu az.*, *Rasiñas*, *Расинь* и т.п. PN. Latg. 412, 426; м.б., и прусск. *Resow*, 1326, позже — *Rehsauer See*, *Resiten*, 1411—1419, позже — *Rositten*; *Resia*, 1250, позже — *Riesenkirch* и др. APON 141; Thr.-dak. St. 1969, 29. — {**Ras-*}.

Ресетица, р. ГБО 34; см. выше.

Обельна, п.р., *Абелейка*, р. *Абелына*, *Абельня*, *Аболыня*, *Обельна*, р. *Бельна*; д. *Обельна* (*Бельная*), д. *M. Обеленка*. ГБО 34; ср. *Абелейка*. 42. — Балт. происхождение (“яблочная” река, ср. в непосредственном соседстве *Яблонской*. 33, также 50 и др.; *Яблонка*. 23 и др.; *Яблоновка*. 42, 71, 88 и др.), см. выше. *Обля*. — {**Abul-in-*, **Abol-in-*}.

Босна, р. ГБО 34; ср. *M. Босенька*. 151. — Возможен балт. источник. Ср. лтш. *Basi*, *Basītes*. LV I, 1, 86 (?); лтг. *Basacine*; *Босец*. PN. Latg. 41, 62—63; м.б., курш. *Bassen*, 1338, 1355—1362. KF 85 (: лтш. *bass* ‘босой’); м.б., прус. *Bosin*, 1326, *Bosym*, 1369, *Bosem*, 1426, позже — *Bosemb*. APON 23 (к *Buzemith*); мазур. *Bosin*, *Bosim*. Słown. nazw. Mazur. II, 158; о подмоск. *M. Босенька* см. Б.-сл. сб. 1972, 256; ср. также днепр. *Бася*. ЛАВП 176. Учитывая балт. гидронимы на *Bes-*, можно думать об исходных вариантах **Bas-in-* (> **Босын-*, *Босеньк-*): **Bes-in-* или даже **Bas-en-*: **Bes-en-* (к последнему может относиться и лит. *Besenis*, о котором — иначе — см. LHEŽ 62, ср. лтш. *Beseniks*). Но возможен и другой вариант объяснения — *Босна* из **Босына* < **Bast-in-* (в таком случае *Босенька* позднее образование от *Босна*), к которому ср. лтш. *Bastenes*, рѣ., *Basta-rags*. LV I, 1, 87; лит. *Bastūnai*. LATSŽ 30; *Басъце*, *Baszczaï*. Спис. Сувалк. (ср. днепр. *Бостя*. ЛАВП 177). Ср. также *Best-*: лит. *Bestinis*, *Bestinka*, *Bestinēlis*. LUEV 18; Liet. hidr. dar. 114, 160, 223; LHEŽ 63 (: *bestinis*, к *bèsti* ‘копать’); *Best-upis*, *Бесте*. Спрогис, 22; лтш. *Beste*. LV I, 1, 100; днепр. *Бестань*, *Бестенка* и под. ЛАВП 177. — {**Bas-in-* или **Basti-in-*}.

Сосенка, р. ГБО 34; см. выше. *Сосна*.

Амжеренка, п.р., *Амжиренка*, *Анжиренка*, р. *Б. Омжеренка*. ГБО 34; тут же в ближайшем соседстве *M. Омжеренка*, п.р. — Неясно. Предлагается на обсуждение два “балт.” варианта объяснения. Первый связан с возможностью наличия в составе этих гидронимов “озерного” элемента, ср. лит. *Ežerýnas*, *Ežerínis*, *Ežerýnų upėlis*. LUEV 40; Liet. hidr. dar. 34, 166, 269; LHEŽ 101; LATSŽ 73; лтш. *Ezerene*, *Ezerepi*, *Ezérēni*, *Ezeriňš*, *Ezeriþi* и т.п. LV I, 1, 279—280; лтг. *Ezerepi*, *Ezerini*, *Ezeriňi* pu., *Ezerníki*, *Ezernieki* и др. PN. Latg. 129—130; курш. *Esserinschen*, 1582—1583; *Esering*, 1479, *Esserin*, 1500; *Eserneek*, 1510; *Eezeryne*, 1496; *Aeseren*, 1546 и др. KF 97—98; прус. *Azara*. 1318 и под. APON 11; Пр. яз. 1, 1974, 131—132; при этом предположении можно думать, что в начале слова отражен в искаженном виде какой-то еще элемент, напр., префикс типа *an(i)*; во всяком случае указанные беспрефиксальные примеры и такие, как лит. *Aniežerij* *ëžeras*. LUEV 6; LHEŽ 43; *Añtežerai*, *Añtežeris*. LATSŽ 12, дают возможность постулировать возможность балт. форм типа **An(i)-ežer-in-/en-* > **An(e)žer-in-/en-* > *Амжеренка*. Второй вариант исходит из “угревого” обозначения (ср. *Угричка*, *M. Угричка*. ГБО 43, по соседству), напр., из такой его разновидности, как **Anger-in-*,

ср. лтш. *Añgéri*; *Cersangere*, *Eñgure* и др. LV I, 1, 30, 274; Zfsl Ph. 11, 1934, 113—114; Baltistica 1972, I priedas, 58—59 (ср. PN. Latg. 532—533); курш. *stagnum Angere*, 1253; die *Angersche Sehe*, 1641 (*Anger-See*, *Engurežers*); *Angherbeke*, 1353, *foenicidium dictum Angeren*, 1387, *Angermünde*, 1439 и др. KF 206; прус. *Angerow*, 1399. APON 10; *Angerap*, позже — *Angerapp* (впрочем, объясняемые иногда и иначе, см. Пр. яз. 1, 1974, 88—89 при лит. *Unguriniš*. LHEŽ 353; *Unguriné*, *Ungurýné*. LATSŽ 323, но и *Angerringis* (пример, приводимый Эндзелином. LV I, 1, 30). **Anger-in-/en-* также могло дать *Ам(н)жеренка*. Ср. также в Поочье *Унгор*, *Унгорь*, *Унгарь*. ГБО 187, 190, 221. — {**An/t/-ežer-in-/en-* или **Anger-in-/en-* ?}.

М. Омжеренка, п.р. ГБО 34; см. выше.

Пеневлянка, р.; д. *Пеневичи*. ГБО 34; ср. в близком соседстве *Пеневицкой*, п. руч. 33 — Неясно. Наряду с предположением о слав. происхождении (“пневые”, “пенные” названия ?), не исключен и балт. источник. Ср. прус. *Penep*, 1423, позже — *Pöhnen*; *Penithen*, 1425; *Penekayte*, 1419, *Penikayt*, ок. 1420. APON 119; курш. *Pene*, 1253; *Penen*, 1355—1362; *dorfe Penen*, 1594 и др. KF 136 (с вариантами объяснения, ср. Grenz. 283); м.б., лит. *Peneikiškis*, озеро в Утенском р-не (?); днепр. *Пенейка*. ЛАВП 201. К лит. *pène* (= *pelkānē*), название болотного растения, ср. LEW 570 (: *paniabūdē*, к прус. *pannean*, лтш. *pane*, *para*), или к *peneti* ‘кормить’, ‘питать’ и под. ? — {**Pen-ev-(=jav-)* ?}.

Вытебеть, п.р., *Витебеть*, р., *Вытебедь*, р. *Вытебет*, р. *Вытебить*, ср. с. *Вытебить*. ГБО 34, тут же — в. *Вытебецкий*, д. *Вытебецкие верхи*, д. *Что на Вытебецких верхах*. 34. — Неясное название, вызывающее на ряд объяснений. Прежде всего обращает на себя внимание сходство с названием города *Витебск* в Белоруссии на реке *Витеба* (*Видба*. ПСРЛ VII, 240, блр. *Віцьба*), которую иногда объясняют из топографического термина *вить*, влажное место, топь, ср. также *Вить* в басс. *Припяти* (Кратк. топ. слов. Белор. 52—53); об этом сходстве см. Назв. др.-р., гор. 41. Характерно, что гидроним *Вытебеть/Вытебеть/Вытебедь* ближе названию города (ср. его старые формы *Видбескъ*, *Витбескъ*, *Витъпескъ*, *Витепескъ*), а не названию реки (*Видба*, *Витъба*), хотя именно от последнего произведено и название города. Для *Витебска* и *Витъбы* (как и *Вити*) объяснение из слав. представляется крайне спорным, учитывая несомненный и весьма густой балт. гидронимический контекст этих мест, относительную значительность *Витъбы* и раннюю фиксацию *Витебска* в памятниках (ср. под 1021 г.: *и оттоле призваль к себе Брячислава и даль ему два города Восвяч и Видбеск*. ПСРЛ XXV, 374; ср. также в “Списке городов”: *Видбескъ, три ствны камены, а рѣка Видба и Двина*. ПСРЛ VII, 240). Поэтому целесообразнее в данном случае искать балт. источник (для *Витебск* и *Витъба/Видба* это почти бесспорно, для *Вытебеть* же довольно вероятно). На этом пути открывается ряд возможностей, и любая из них неизменно предполагает и “неорганические” языковые изменения. Учитывая наиболее ранние формы — *Видба* и *Видбескъ*, уместно, например, постулировать балт. источник в виде сложного слова **Vid-up-*, что-то вроде “Средней реки” (ср., с одной стороны, лтш. *Vid-zeme* и др., а с другой, в ближайшем соседстве с *Вытебеть* такие гидронимы, как *Средняя*. ГБО 29, 33; *Средней* 27,

31, 33 и др.). Эта форма **Vid-up-* через **Vid-yr-* органически должна была дать *Видба*. Название города *Видбескъ/Витебск* в таком случае восходило бы к **Vid-yr(b)-ьскъ* (**gorodъ*) > *Видбескъ* (при альтернативном развитии — *Витебскъ*; кстати, здесь могла иметь место ассимиляция редуцированных по мягкости: ь — ь — ь > ь — ь — ь;ср. иной вариант — **Vit-yb-ьsk-*), вполне соотносимым с *Вытебецкие верхи* в Поочье (**Витебъск-* > **Витебецк-*). Реконструируемая форма **Vid-up-* соответствует реально засвидетельствованным названиям типа лит. *Vidupé*, *Vidupis* (неоднократно). LUEV 193; Liet. hidr. dar. 186, 236, LHEŽ 376—377; лтш. *Vidupe* и др. при "простых" названиях типа лит. *Vidauja*, *Vidaujáité*, *Vidaujúkas*, *Vidénis*, *Vidiñkstas*. LUEV 193; LHEŽ 376—377 (ср. вопрос о *Vydeikà*, *Výdupis*, *Vydupýs* и его связях с *Vidauja* и др.) и даже *Vidurinè*, *Viduriniš*, *Vidürbalis*; *Vidutinis* и др. (*vidurinis* 'средний', *vidutinis*, то же); ср. еще Zfsl Ph. 11, 1934; 116; LEW 1238; Arumaa Nam. Mitteleur. 1972, 5 и др. Менее вероятен в качестве источника тип *Vit-up-* (ср. лит. *Vit-upis*, LUEV 199; LHEŽ 390; возможно, из Nom. pr. *Vitas-*, ср. также *Vytinè* и т.п., к лит. *vytiné* 'лоза', 'прут', 'розга' и т.п.), хотя и из него через **Vit-yr-* при ассимиляции по звонкости /V-tp-/ > V-db/ получается *Видба*, ср. *Витебск* и особенно старые формы *Витъпескъ*, *Витепескъ*. Допустимо обсуждение и некоторых других вариантов. В свете этих "балтийско-белорусских" форм может объясняться и *Вытебеть* (с вариантами) в Поочье. Относительно формы этого гидронима следует сделать ряд замечаний: элемент -et- исторически возник из -ьскъ > -ьцк- > -ец- > еть (дезаффикатизация ц, вероятно, ассимилятивного характера): анлаут подвергся переосмыслению: *Vi-* > *Вы-*; в корне утвердился глухой согласный *m* (д...б [...m] > m...б [...m]). Ср. теперь Дуриданов БЕз. 33, 1983, 311—13. — {**Vid-up-* или **Vit-up* (?)}.

Артуш, л.р., о. *Ортуш*. ГБО 34. — Неясно. Возможна связь с группой неи.-евр. названий на -ys (Киструс и под.), среди которых дважды отмечено *Artus*. 196, 271 (ср., м.б., *Артюшка*. 105). Теоретически не исключена возможность балт. **Art-uš-* (к суф. -uš- ср. лит. *Kertušà*:/*Kertus*/, *Miliušà*, *Blañdušè*, *Gilùs*:/*gilùs* и под. Liet. hidr. dar. 208—209); к корню ср. лит. *Artavà*; *Artùliai*, *Artóji* и др. LUEV 8; LHEŽ 47—48 (в одном из вариантов объяснения — к лит. *artūs* 'близкий'); м.б., лтш. *Ařtuški*. LV I, 1, 43 (ср. блр. *Арцюшы/Артюши* в Щучинск. р-не и др., для которых допускается связь с лит. *artūs*. Кратк. топ. слов. Белор. 15). Если эта связь реальна в случае *Артуш*, то ср. по соседству *Близня*. 29; *Близнец*. 29 и под. В целом недостаточно надежно. — {**Art-uš-* (?)}.

Шкава, л.р., р. *Шкава*, *Шкова*; д. *Шкава*, д. *Нижнее Шкава*. ГБО 34. — Неясно. Ср., однако, лтг. *Škaina*, *Šķaines*, *Škaine*, *Шкавно*, *Шкавна*, *Szkawno*, *Szkowno* и др. PN. Latg. 506—507 (ср., м.б. мазур. *Szkwa*. Słown. nazw Mazur. II, 347 и др.), см. выше *Щева*. 31: к **Skeu-*: **Skau-*. Целесообразно обсуждение и другой возможности — *Шкава* из **Шкава*, восходящего к образованию типа лит. *Šik-upis*. LUEV 164; LHEŽ 331 (лит. *šiktì*). — {**Skeu-/*Skav-* или **Šik-av-*}.

Улот, р. ГБО 35; возможно, сюда же *Уланка*. 106; *Улупинка*. 117 и т.п.. — Неясно. Уместно обратить внимание на днепр. Улица и под. ЛАВП 211: *Ул(л)a*, в басс. Зап. Двины, трактуемое как балтизм

еще Кочубинским ЖМНП 1987, январь, 84 и др. Ср. лит. *Ulà* (*Aūlamas*, *Aulè*), лтш. *Ulupi*, *Ulupji* (*Auča*) и др. LHEŽ 353 (: **aul-*, **Aul-at-* (?)).

Сороча, р., р. *Сорочка*. ГБО 35; ср. *Сорочинка*. 74, 112; *Сороченка*. 107; *Сорочка*. 38 (по соседству) и под. — Несмотря на возможность объяснения из слав. (во всяком случае трудно отрицать понимание некоторых из этих названий как "сорочьих"), балт. происхождение следует считать более правдоподобным. Уже Фасмер St. balt. 3, 1933, 27 сл. объяснял *Сороть*, приток р. Великой, из балт. **Sart-*, ср. лит. *Sartai*, *Siesartis*; ср. также *Sartà*, *Sařtis*, *Sařtě*, *Sartālē*, *Sartēlis*, *Sartikē*, *Sařtupis* (но и *Seřtupis*), *Sartupýs*, *Sartvalkýs*. LUEV 142—143; Liet. hidr. dar. 28, 86, 121, 149, 248, 249, 251, 256, 257; LHEŽ 291 (: лит. *sařtas*, лтш. *särtas* как цветообозначение; связь с *Sarià* и под. по модели *báltas*: *bälás*, *Páltis*: *Palà*); *Sařtupis*, *Sařtininkai*, *Sartēniškis*. LATSŽ 272; лтш. *Särte*, *Särt-upē*. Endzelin ZfslPh. 11, 1934, 126; м.б., мазур. *Sortex*, 1409, *Sorteyke*, 1359, *Sortejka*, *Sorte Fliess*. Słown. nazw Mazur. II, 221 и др. Существенно иметь в виду и такие примеры, как лит. *Sarōčių ēžeras*. LHEŽ 291 (: *Sarōčiai*, km), отсылающие к **Sar-ot-*. — {**Sart-ja*, **Sar-at-ja* (?)}.

Синболна, р., р. *Селибенка* (?). ГБО 35. — Неясно. Названия *Синболна* и *Селибенка*, видимо, как-то связаны (ср. "консонантный" остов: *C-n-b-l/n/-C-l-b-n-*) и могут, скорее всего, объясняться как варианты, подвергшиеся к тому же порче. В басс. Днепра отмечен сходный случай — *Синполька*: (*Синболна*), *Синаюлка* (при *Синия*, *Син*. ЛАВП 207), отнесенный к балтизмам по общим основаниям, но признанный неясным. Не исключено, что речь идет в данном случае о сложном названии типа **Sein-pal-(n)-* или **Sein-bal-*. К первому члену, ср. лит. *Seinà*, *Sainàs*, *Sainēlis*. LHEŽ 293—294 (: лит. *at-sainùs* 'небрежный', 'ленивый', 'медленный', *seīnyti*, *seinà*, *seiné* и т.п.); прус. *Seynicz*, 1321, позже — *Sensburg*; *Sayn*; 1395, *Says*, 1326, *Sagyn*, 1340, позже — *Zayn-Fluss*. APON 148, 154 (: **Sein-*); мазур. *Sajna*, *Sajno*, *Sajnówka* и др. Słown. nazw. Mazur. II, 119, 184, 276, 289, 301, 307, 311 и др.; HW. 168, 185, 186, 202. Ко второму члену ср. или лит. *Palà*, *Palangà* и под. (: *pālios*, "болотный" термин, см. LKŽ 9, 265); лтш. *Pala*, *Palejas*, *Palejs-purvs* (: лтш. *palas*, *pałas*) и т.п. или лит. *Balà*, *Bäl-upis*, *Bäl-ažeris*, *Balinis*, *Balátis* и т.п.; лтш. *Bala*, рු. *Baliņa* и т.п. (ср. лит. *balà* 'болото'). Семантика второго члена ("болото", в частности, "болото, возникшее из заросшего озера") объясняет и возможную семантику первого члена — "медленный", "ленивый" (о течении, см. выше), ср. *Ленивой*. ГБО 58, неподалеку от *Синболна*, и другие "Ленивки". — {**Sein-pal-(n)-*, **Sein-bal-(in)-*}.

Тусца, л.р. ГБО 35; ср. *Тусца*. 66; м.б., *Тусна*. 46; *Тусовской*. 113. — Возможно балт. происхождения, ср. прус. *Tusckythen*, 1419, *Tuszktitten*, 1521. APON 189 (: Nom. pr. *Tuscoten*); *Tuseine*, 1296; *Thussyen*, *Thusieyn*, 1336, *Tusseyen*, 1372, позже — *Tusseinen*. APON 189 (к прус. *tusnan* 'тихий', *tussise*; ср. Nom. pr. *Tuss-ine*); висл. *Tusko* (?). HW 228; *Tusko*, *Tusen*. Słown. nazw Mazur. II, 179, 254; лтг. *Тускова/Тускаво*. PN. Latg. 527; возможно, днепр. *Туща*. ЛАВП 211. Вероятно, речь идет о балт. гидронимическом диалектизме ("регионализме"). — {**Tusk-*, **Tus-ik-*}.

Велья, р. ГБО 35; см. выше.

Люлеица, л.р. ГБО 35; м. б., сюда же *Люловка*. 115 и др. — Неясно. Напрашивается сравнение с лит. *Liūlýs*, *Liūlupis*; *Liūlenčia*. LUEV 94; Liet. hidr. dar. 66, 134; LHEŽ 194 (к лит. *liūliūoti* ‘волноваться’, ‘колыхаться’ в одном случае и к лит. *liuleti*, то же); *Liūliné*, *Liūliai*, *Liūliškiai*, *Liūliškis*. LATSŽ 164; лтш. *Liūla*, *Liūlājas* pl., *Liūlākas*, *Liūlēkas*, *Liūlāni*, *Liūlēni* и др. LV 1, 2, 362; лтг. *Люлишки*, *Luliški*. PN. Latg. 299; м.б., прусск. *Lulegarbis*, 1331; *Lulen*, 1356. APON 92 (лит. *liūlýnas*). К семантике ср. в Поочье — поблизости — *Волнушка*. 31, 37; *Волнушка*. 39, а также *Волна*. 110, 112, 132 и др. — {*L'ul-ej- (?)}.

Рессеть, л.р. Люленицы. ГБО 35; см. выше.

Велейна, р. ГБО 35; см. выше. *Велья*; днепр. *Веленя*, *Велейка*, *Веленка* и т.п. ЛАВП. 179 и др.

Пальна, л.р. р. *Полная*; сц. *Пальна*. ГБО 35; ср. *Пальна*. 103; *Пальная*. 164; *Пальница*. 117, 132; см. выше *Полинка*, *Паленка*.

Домасловка, п.р. *Пальны*, р. *Домословка*. ГБО 35. — Неясно. Наряду с возможностью объяснения из слав., нельзя исключать и предположение о переосмыслении балт. источника. См. выше *Домашов* и т.п. в Поочье, *Домашня*, *Домашка*, *Домашния* и т.п. в Верхн. Поднепр. ЛАВП 184. и др. — {*Damaš- & *lov- (?)}.

Перестряжка, л.р., с. *Перестряж*. ГБО 35. — Ср. прус. *Stringele*, озеро, ок. 1340, позже — *Strengeler-See*. APON 175 (: лтш. *stringt* ‘засыхать’); *Słown. nazw Mazur.* II, 367 (*Stringele*, *Stregiel*, *Strelengel*, *Gross Strengelner See* и др.); курш. *vlith* ... geheten de *Strigus uppe*, 1525; *Strieges Dexsche*. KF 168 (: *Strīgusi, Part. Pf. Act. от лтш. *strīgt, ср. “куронизм” *stringt*); лтг. *Stringułova* (?). PN. Latg. 487. В таком случае название обозначало “Пересохшая”. Нельзя, однако, исключать связи и с балт. семьей *-strig-*, ср. лит. *Strygà*, *Strigùtinè*; лтш. *Strig-upite*, *Strigu-purvs* и т.п. (см. LHEŽ 316; лтш. *strieuonis*, *strieuons*, о сыром болотистом месте). — {*Per-string-, *Per-strig- (?)}.

Страпна, р. ГБО 35. — Неясно. М.б., к лтг. *Strapi*, *Strapīši*, *Stropi*, *Stropu az.*, *Стропы*, *Стропон*, *Стропица*, *Strappiesze beke*, 1519; *Strappenberg*; *Strapisze*, *Stropoka* ez. (?) и др. PN. Latg. 488—489; лтш. *Strapi* и под. — {*Strap-in- (?)}.

Обельца, руч. ГБО 35. — Возможно, из балт., см. выше *Обельна*. — {*Abul-ik- > *Объльц- > *Объльц- > Обельца}.

Сетница, л.р. Дальцы, р. *Сетница*, ср. р. *Сетища*. ГБО 35; ср. также в Поочье *Сетенец*. 29; *Сетинка*. 101; *Сетиной*. 48; *Сетовка*. 119, 120; *Сетунка*. 42, 113; *Сетунской*. 55; *Сетунь*. 113, 114; *Сетунька*. 114; *Сетуха*. 24, 28, 55; *Сетушка*. 20, 114; *Сетка*. 20, 112, 146 и др. — Часть этих названий, вероятно, связана с балт. **Set-* : **Sat-*, о варианте **Sai-* ср. подмоск. *Сатовка*. Б.-сл. сб. 1972, 242; днепр. *Сатунь*. ЛАВП 206 и его соответствие в Прибалтике типа прус. *Satho*, 1398; *Sattenicken*, 1357; *Satheken*, ок. 1400. APON 152 (: лит. *Satà*, лтш. *Satikì*); курш. *by dem dorpe Sathen*, 1422; *ihn den grotten Saten*, 1513; *Fluss Satuph*, 1636; *eyn brok Satepurne geheten*, 1439; *Land ... Sate genandt*, 1570; *Sateken*, 1387, to der *Satiken see*, 1422 (?) и др. KF. 153—154; лтш. *Satikì*, *Satikù ez.*, *Satiupe* и др. Примеры реализации балт. **Set-* в связи с окскими гидронимами двусмысленны из-за неясности корневого глас-

ного *e* (*e*, *ë*?). Для ориентации ср. прус. *Zetyn*, 1377; *Setlauken*, 1419. APON 156 (: *Sethen*, “villa sancta”). SRP II, 81 = *Šetà*); лит. *Sētēni* *ežerēlis*, *Sētikēs* *ùpē*, *Sētikis* и др. LUEV 145; LHEŽ 296—297 (с отсылкой к *Šatà*, *Šēta*); LATSŽ 276; м.б., лтг. *Sētnieki*, *Sētniki*, *Сетнек* и др. PN. Latg. 451, 455 и др. — {**Set-in-*}.

Очка, л.р. [Очки ?] ГБО 36; см. выше *Ока*.

Вашковка, р. ГБО 36; есть ли связь с *Васковка*. 95; *Васков.* 27, 120; *Васкин*. 56; *Васкина*. 144 и под., сказать трудно. — Неясно. При первом подходе уместно обратить внимание на лит. *Vaškutė*; *Vaškė*, *Vaškinės*, *Vašk-a-pievis*. LUEV 188; LHEŽ 368 (м.б., к лит. *väškas*, лтш. *vask* ‘воск’); *Vaškai*, *Vaškēliai*, *Vaškiai*, *Vaškuškē*, *Vaškūčiai* и др. LATSŽ 338; лтш. *Vaska leja*, *Vaska bedre*, *Vaska kaksts*, *Vaskupes pļava* (картофека LV); лтг. *Vaskova*, *Васькова*; *Vaskina*, *Vaski*, *Vaski*, *Ваську*. PN. Latg. 547 и т.п. М.б., не менее вероятно предположение о финноязычном происхождении (фин. *vaski* ‘меди’; эст. *vask* и под.), ср., впрочем, топонимы типа фин. *Vaskela*, *Vaskala*, *Vaskijärvi*, *Vaskujärvi*, эст. *Vaska talu* и т.п. Курш. *inn der Waßkensei*, 1450 и [land] geheten de *Wasszel* (*Wasskel* ?) KF 243; в таком случае из ливского языка. — {**Vašk-*, **Vask-* (?)}.

Полная, п.р. ГБО 36; см. выше *Пальня*, *Паленка*, *Полинка*.

Ординка, р. (*Ардинка*); тут же в непосредственном соседстве *Орденка*, п.р., р. *Б. Ординка*, *Б. Одринка*, д. *Орденка*. ГБО 36; см. выше *Орденка*.

Вертеба, л.р. Орденки; д. *Вертебы*. ГБО 36; ср. *Вертеб*. 77; *Вертебинской*. 52. — Ср. лит. *Vertybiskio* ēžeras. LUEV 192; LHEŽ 375 (: *Vertybiskis*); LATSŽ 341 (?) — {**Vert-ib-*}.

М. Ординка, п.р. ГБО 36; см. выше.

Ординка, л.о., р. *Одринка*. ГБО 36; см. выше.

Купренка, р. ГБО 36; ср. *Куприн*. 89. — Балт. происхождения. Ср. лит. *Kūprē*, *Kuprinis*, *Kuprēlē*, *Kupriškē*, *Kūprupis*. LUEV 84; Liet. hidr. dar. 63, 115, 160, 177, 235; LHEŽ 173 (: лит. *kuprà* ‘горб’, ‘подъем’ и т.п., лтш. *kuprs*); *Kūprēnai*, *Kūpriai*, *Kuprēliškis*, -iai, *Kūprēs*, *Kūpriškis*, -iai. LATSŽ 147—148; лтш. *Kupris*, *Kupri*; *Kuprene* pl., *Kuprēni*, *Kuprini* pl., *Kuprinka*, *Kupric(a)* и др. LV I, 2, 177; лтг. *Kuprine*, *Kuprina*, *Kuprauka*, *Kupriši*, *Купрыши*, *Купришки*, *Kiprova*, *Kuprava* и др. PN. Latg. 252; прус. *Cupritin*, 1411—1419. APON 76; Пр. яз. 4, 1984, 294—295 (здесь же данные о распространении *Kupr-* в антропонимии). — {**Kupr-in-(en)-*}.

Чучнево, п. оз. ГБО 36. — Неясно. Относятся ли сюда же окские *Чуча*. 196; *Чучев*. 239; *Чучерка*. 222; *Чучулка*. 189, сказать трудно. В качестве аналогий и вариантов приближения могли бы быть рассмотрены лтш. *Kukēns* (: Чучнево), *Kukuli* (: Чучулка), *Kukuri* (: Чучерка), *Kukis*, *Kukì* (: Чуча) и т.п. LV I, 2, 238—239; лит. *Kiukiškiai*. LATSŽ 135 или лтш. *Čiða*, *Čiðas*, *Čiðire*, *Čiðiņa-pļava*, *Čiðer-pļava*. LV I, 183 и т.п. Возможны и другие варианты ономатопеического типа, ср. лит. *čiūčiūoti* ‘баюкать’, *čiūčēnti* (*čiūčia lūlia...* при убаюкивании), лтш. *cūcēt* ‘спать’; с лит. *čiūčinti* ‘идти с трудом’, ‘волочиться’ и т.п. связывается название реки *Čiūčius*. LHEŽ 77. — {**K'uk'-in- : *Cūc-in- ; *K'uk'- : *Čið- ; *K'uk'-ul- : *Čið-ul- ; *K'uk'-er-(ur)- : *Čið-er-(ur)-* и т.п.}.

Жизновка, л.р. Дровосечной. ГБО 36; см. выше *Жизна*.

Слатовенка, р., *Слаговинка*, л.р.; д. *Слаговищи*. ГБО 36;

тут же и *Слатовенка*. — Несколько. Выбор исконного варианта (*t* или *c*) также затруднен, хотя *Слат-* предстает в виде-таки несколько более вероятным, ср. *Слотика* 125; *Солотина* 122; м.б., *Слачин*. 56 и т.п. Этот гидронимический корень отсылает к ареалу, лежащему на юго-западе польск.-висл. *Słotwina*, *Słotwinka*, *Słotwiński*, *Słotówka*. HW 59, 69, 74, 89, 97, 107, 148; *Słołtwinia*, *Czarna Słołtwinia*, *Słołtwinika*, *Słołtwinia*. HW. 58, 66, 67, 89, 95, 97, 147, 148 (в основном в басс. Сана); *Słotwina*. *Słown.* nazw geogr. PZP 296 и т.п., см. подробнее о гидронимах *Soltina, *Soltvina Udolph. Stud. slav. Gewäss. 261—268 (к рус. *сфлоть*, *соловтина*, укр. *солотва*, *солотвина*; польск. диал. *słotwina*, *sołtwinia*, чеш., слвц. *slatina*, *slatvina*; словен. *slatina*, с.-хорв. *слатина*, болг. *слатина*, ст.-сл., ц.-сл. *слатина*), особенно карты 28 и 29, судя по которым соответствующие гидронимы в басс. Оки и Днепра, на подавляющей части территории Украины, в Белоруссии, северной половине Польши засвидетельствованы лишь редчайшими примерами — в противоположность юго-западной Славии, где они распространены повсюду и в большом количестве. В этой ареальной перспективе название *Слатовенка* могло бы рассматриваться как переоформление из **Солот(в)инка* и как гидронимический раритет в Поочье. Но в более широком ареальном контексте это название может обрести и иные связи (следует обратить внимание на отсутствие признанных соответствий этому слав. гидронимическому типу), которые помогли бы восстановить "дополнительную" (условно — "балтийскую") часть и тем самым обосновать гидронимическое единство этой части Европы в отношении указанного типа. Оставляя в стороне такие по-разному объясняемые примеры, как балт. *Salt-* в лит. *Salt-ragys*. LHEŽ 289 (*salta*, *saltas*, *saſčenos* или *sálti* 'течь') или лит. *Salótis*, *Salótis*, *Salóté*, *Satote*, *Salóčius*. LUEV 149; LHEŽ 289 (: *salà* 'остров' /?/); лтг. *Salatu* ez. PN. Latg. 441 и т.п., уместно особо выделить две категории случаев: 1) лит. *Šaltója*, *Šaltupē*, *Šaltupys*, *Šaltuonā*, *Šalteikē*, *Šaltiūškē*, *Šaltūjū ipēlis* и др. LUEV 159—161; LHEŽ 325 (: лит. *šáltas* 'холодный', лтш. *šálīs*); лтш. *Salt-* в гидронимии; лтг. речка *Салтня*, *Шалтуры*, *Šaltupe*, *Šaltne*, *Soltupe* и др. PN. Latg. 442, 504 и т.п.; 2) лит. *Šaltinis*, *Šaltiniai*, *Šaltinē*, *Šaltinēlis*, *Šaltináitis*, *Šaltinuōtis*, *Šaltiniūkas*, *Šaltindaubē*, *Šaltinravis*, *Šaltinupis*, *Šaltiniū ipēlis*; *Šaltēnis*, *Šaltēniai*, *Šaltēnaris*, м.б., *Šaltanūpis* и др. LUEV 159—160; Liet. hidr. dar. 37, 63, 78, 128, 196, 207, 236, 237, 239, 271; LHEŽ 325 (: лит. *šaltinis* 'источник', 'ключ'). Эти две группы — "холодные" и "источниковые" ("ключевые") названия — объединяются и исторически (общность происхождения), и по существу, синхронно. Название *студенец*, обозначающее ключ, источник, отсылает и к идеи холода, студеного. В этой связи примечательно исклучительное обилие в Поочье (и в частности, в соседстве с *Слатовенка*, *Слотина*, *Солотина*) "студенных" гидронимов — *Студенец*, *Студенецкой*, *Студенка*, *Сух. Студенка*, *Студенов*, *Студеное*, *Студеной*, *Студенок*, *Студенцов*, *Студенка* и т.п., см. ГБО 383, указатель. Разумеется, сказанное не исключает связи со слав. *soltъ и б.-сл. **salt-* (Trautmann BSL 249; LEW 960—961 и др.) и не снимает проблемы определения исходного значения элемента и путей семантического развития. — {**Salt-*}.

Лузинка, п.р. Ладыженки. ГБО 36. — Из балт. источника, отраженного в разных "экспрессивных" вариантах типа лит. *luzg-/luzg-, lusk-/luks-*, *liauzg-* и т.п., ср. *luzgēti* 'двигаться', *lüzgti* (*luzg-*), *lüzgana* и т.п.; *luskis*, *luskā*, *lükštas*, *lukštenti* и т.п. Возможно, к этой же семье относятся лит. *Lükštas*, *Lukštā* и т.п. LUEV 95; LHEŽ 198; лтш. *Lukste*, *Luksts*, *Luksta-ęz̄ers*. LV I, 2, 346 (*luksts*, о сыром, болотистом луге), см. LEW 393; Urbutis Baltistica 8, 1972, 208 и др. Слав. **luzg-* — балт. регионализм или общее наследие предыдущей эпохи. — {**Luzg-in-*}.

Ваца, в. ГБО 36; ср. также *Б. Ваца*, *М. Ваца*, *Вацы*. 87; относятся ли сюда же *Вача*. 249; *Вачка*. 196; *Васца*. 37 (в непосредственном соседстве), 88, 131, 224; *Васцанка*. 37, 131; *Васцовка*. 111, 124, остается не вполне ясным. — Как один из вариантов объяснения может рассматриваться сравнение с лит. *Vóke*, *Vókipis*, *Vokupys*. LUEV 200; LHEŽ 391 (: *vókiti/s/* 'убирать /урожай/', 'чистить' и т.п.), ср. LEW 1272—1273; Karaliūnas. Mūsų gamta 1971, N 10, 30; лтш. *Vac-*; м.б., лтг. *Vacainiki*, *Vacainieki*, *Vačainia*. PN. Latg. 540 (или из **Vęcain-*?). — {*Vak-ja}.

(Продолжение следует)

Т.В. ЦИВЬЯН

ЗАМЕТКИ ПО БАЛТО-БАЛКАНСКОМУ МИФОЛОГИЧЕСКОМУ ГЕРБАРИЮ: РУТА

Анализ каждого самостоятельного фрагмента мифологического словаря или кода модели мира (ММ) можно представить как реконструкцию глубинного уровня, который нередко выступает на поверхность в секуляризованной форме, скрывая свои истоки, тянувшиеся к некоему сюжету, мотиву, к некоей мифологеме. Такого рода многослойность наглядно проступает в "растительном" фрагменте/коде ММ.

В этой короткой заметке мы пытаемся немного приоткрыть мифологическое досье руты (*Ruta graveolens* L.). Пришедшая с востока и нередко упоминаемая в паре с мяты ("Но горе вам, фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей..." Лука, 11, 42) и распространившаяся в Средиземноморье, а затем в Европе, рута с древнейших времен известна своими медицинскими и кулинарными свойствами (Теофраст относит ее к овощам, наряду с базиликом и укропом). Универсальные апотропейные свойства руты как средства защиты от злокозненных существ самых разных обличий и функций присыпаются ее ядовитости, но прежде всего — острому запаху. Предполагается, что на север Европы рута путешествовала вместе с монастырской фармакопеей, и это "герметизировало" знания о ее лечебных и соприкасавшихся с ними магических свойствах. Впрочем, такого рода герметизация знаний о лекарствах характерна для любой ММ, в том числе и "окультуренной" — ср. в наших больницах табу на название прописываемых лекарств, которое отзывается пережитком

убеждения, что колдовство-лечение потеряет силу, если пациент узнает его технику.

Итак, если магические свойства руты в общем прикровенны, она в буквальном смысле расцвела в не-мифологических жанрах фольклора, прежде всего в лирических песнях. Балканский седеф, балтийская зеленая рута прочно вошли в символику девичества, чистоты и привлекательности невесты, став основным флористическим клише (особенно для балто-славянской традиции). Конечно, и здесь пропадает "теневой портрет" руты: гарантом девической неприкосновенности служат апотропейные свойства руты. Рутовый веночек — не только украшение, но и средство защиты, а в этом своем качестве рута может быть жестокой — она и пахнет, и отправляет, и вызывает воспаление кожи ("жжет"). Так проявляется амбивалентность руты, объединение в ней противоположных значений. Это, впрочем, свойственно мифологическому гербарию. "Травой милосердия" (*Herb of Grace*) называют руту потому, что она изгоняет Дьявола и злых духов¹, и здесь объединение Добра и Зла не только иллюстрирует эту особенность руты, но указывает на следы мотива *превращения* в ее мифологическом досье, что, в свою очередь, может отсылать к сюжету и далее — к мифологеме.

Магические функции руты сосредоточены на ее свойстве быть одновременно и ядом, и противоядием. Эта амбивалентная связь с ядом прочно прикрепляет руту к "змеиной теме", как непосредственно (ср. сербскую традицию, где рута выступает как надежное противоядие против укуса змеи и ядовитого паука²), так и в обществе ласки, одного из ярких представителей мифологического бестиария. О том, что ласки едят руту как противоядие от укусов змей (предполагается, что они с ними сражаются), говорил еще Плиний. В средние века это поверье было широко распространено, ср. у Одо из Мена³:

Ласки нас учат, что рута поистине дивный противник
Всяческих ядов: они поедают руты побеги,
Если им предстоит с ядовитыми змеями биться.

"Змеиная" тема переходит таким образом в змееборческую, и здесь предстоит обратиться уже к двойственности ласки. С одной стороны, она выступает как враг змеи и едва ли не единственный ее победитель. С другой стороны, она обнаруживает глубокое родство с хтоническими животными и прежде всего со змеями. Об этих свойствах ласки в связи с балканской и славянской традициями писалось⁴, и отмечалась взаимозаменяемость ласки и змеи по признаку ядовито-

¹Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. N.Y. 1950. S.v. *rue*.

² Чайкановић В. Речник српских народних веровања о биљкама. Београд., 1985.

C. 211. 1976. C. 100.

³ Одо из Мена. О свойствах трав. М., 1976. С. 109.
⁴ Цивьян Т.В. К мифологическим обоснованиям одного случая табу: ласка (*mustela vulgaris*) // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 191—192;
Гура А.В. Ласка (*mustela nivalis*) в славянских народных представлениях. 2 // Славянский и балканский фольклор. М., 1984. С. 131—133.

го укуса. Еще один общий признак — усиление ядовитости с помощью особых трав, кака фармака у Гомера, см. Ил. XXII, 93—95:

Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
Трав ядовитых накрившись и черной наполняся злобой,
В стороны страшно глядит, извиваясь вокруг над пещерой..

В этом случае яд совершенно явно выступает не как антидот, а как оружие, направленное против врага. Перед нами, таким образом, раскрывается технология того, "как стать ядовитым", т.е. опасным. Уже упомянутый мифологический словарь соединяет мотив ласки, наевшейся руты и запасшейся ядом, с "ядовитой девицей" из *Gesta Romanorum*, XI, которая становится опасной ("ядовитой") потому, что сама ест яды.

Возможно, отсылка от ласки к *Poison damsel* не случайна: здесь и прописывает мотив *превращения*. Хтонические животные, в число которых входит и ласка, уже были рассмотрены в контексте мифологемы "Громовержец и его семья", в которую включен мотив превращения детей. В связи с лаской можно говорить о "женском варианте" этого мотива (ср. многочисленные легенды о превращении в ласку женщины в наказание за определенные проступки). Не рассматривая сюжеты, связанные с метаморфозами ласки более подробно, подчеркнем лишь неслучайность змеиной темы, отсылающей к противнику Громовержца, Змею-Дракону. Это подкрепляется средневековыми поверьями о том, что ласка — и только она — может победить *василиска*.

В христианской традиции василиск олицетворяет Антихриста, Дьявола и под., однако драконообразная сущность этого персонажа, появившегося из яйца, снесенного жабой или петухом (откуда его представление в виде крылатого змея с петушиной головой), несомненна⁵. Его значимое имя, 'царек' *βασιλίσκος*, толкуется как *rex serpentinum*. Ласка, сражающаяся с василиском — это уже иная мифологическая ступень, это не взаимоотношения разных представителей животного мира (ср. "Рикки-Тикки-Тави"), а поединок Героя с Драконом (*Громовержца с его Противником-Змеем), выраженный в зооморфном коде ММ. Поскольку в ММ возможен переход от одного кода к другому, поскольку мотив рутиы как средства, необходимого для победы ласки над *vasiliskom*, может привести к транспонированию этой же самой схемы в растительный код.

В открытом в 1974 г. Музее религиозного искусства в Удене (небольшой городок в Голландии) воспроизведен монастырский аптечный садик. В каталоге растений⁶ ruta, эта "волшебная трава"⁷, единственная удостоилась средневекового стихотворного "мифологического комментария", принадлежащего Якубу ван Meerланту (XIII в.).

⁵ Средневековый бестиарий. М., 1984. С. 192. О вражде ласки и змеи там же, с. 111.

⁶ Средневековый бестиарий. М., 1984. С. 192. О вражде ласки и змеи там же, с. 111.
⁶ Artsenijhof. Geeneskrachtige kruiden bij het museum voor religieuze kunst. Uden. 1987. P. 9.

⁷ Folkloristisch woordenboek van Nederland en Vlaams België. 's Gravenhage: Batavia, 1949. P. 479.

Описав руту как антидот, как средство для лечения ран, автор переходит к "змеиной теме":

Ruten roeke scuwet elc serpent,
Alsmen over waer dat kent.
Wie so hem met groenre Ruten
Al omme ende omme behanghet buten.
Hi mach sonder sorghe gaen
Den balsilicus doet verslaen.

— Сообщив, что заиаха руты боится змея, что для того, чтобы чувствовать себя в безопасности, надо с ног до головы обвешаться зеленою рутой (ее, так сказать, "общеапотропейное" действие), он добавляет, что таким образом, т.е. с помощью руты, можно победить василиска.

Как и в случае с лаской, рута выступает в двойственной роли: из оружия оборонительного (антидот) она превращается в оружие наступательное, необходимое в поединке с василиском. Прочность этого мотива свидетельствуется польскими данными⁸ (Marcin Siennik, 1568): "kto się obłoży rutą że miejsca gołego nie będzie, tedy taki może bazyliszko zabić bez wszelkiej szkody i obrązy". В данном случае мы не касаемся вопроса о происхождении этого поверья, о первоисточнике текста, обращая внимание только на единство мифологической информации. В рамках растительного кода ММ можно говорить о том, что это обвешивание рутой, или "переодевание рутой" соответствует превращению в руту, которая таким образом оказывается воплощением Героя, вступающего в поединок с Драконом. Это вызывает в памяти и другие обряды "переодевания растением" и прежде всего балканскую Пеперуду, одетую ветками бузины (или другой зелени) и связанную с тем же сюжетом, или "куст" — св. Георгий, победитель Дракона (мотив Диониса).

В случае руты и василиска, как будто, выступает только одно растение. Однако родство названий дракона — *василиск* — и мифологически значимого растения — *базилик* —, восходящих к одному и тому же источнику, греч. βασιλεύς нельзя обойти вниманием. В определенном смысле здесь можно предполагать перекодировку противника руты в растение. В данном случае это может показаться слишком смелым. Однако в балто-балканском флористическом коде, описывающем брачные отношения, рута соответствует *девушке* (не является ли рутовый веночек остатком "переодевания"-превращения в руту?), а базилик — *юноше*. Вообще особая роль лексемы *царь* в названии мифологически отмеченного растения (в другом ареале функции базилика принимает на себя *vasilek*⁹) и "царя змей" в контексте языкового кода ММ (шифровка с помощью слова) должна быть отмечена особо: слово перекрывает реалии, и лингвистическая информация оказывается сильнее любой другой.

В данном случае тексты с участием руты оказалось возможным

возвести к определенной мифологеме (свернутому сюжету). Кроме того, рута втянута в свою орбиту полярных персонажей-тезок. Вопрос о том, не является ли это совпадение имен указанием на сходство — родство — тождество их носителей, указанием на возможность перехода от одного кода к другому и т.п., весьма интересен, но это — особая тема.

Л.Г. НЕВСКАЯ

МОТИВ "ДОЖДЬ ПРИ СОЛНЦЕ" В ЛАТЫШСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПЕСНЯХ

Мотив слепого дождя встречается в зачине нескольких погребальных песен¹, настолько единообразных, что их можно считать вариантами единого текста². Большинство песен представляют собой четверостишия — "наиболее архаический тип индоевропейского "праэпического" текста"³. В подавляющем большинстве случаев каждая строка заключает в себе законченное предложение, и лишь несколько раз (3—4), (7—8), (15—16), (21—22) синтаксическое единство охватывает две стихотворные строки.

1. Lietipš lij, saule spīd:
2. Veļa māte kāzas dzēra.
3. Veļu bērni dancodami
4. Dzelzes kurpes noplēsuši (EK 4162)

'Дождичек идет, солнце светит: Мать усопших душ играет свадьбу. Дети усопших душ, танцуя, Железные башмаки истрапали'.

5. Lietus lija saulītē:
6. Velēnieši kāzas dzēra,
7. Ja es būtu tās kāzās,
8. Man sadegtu lindraciņi (EK 4163)

'Дождь идет при солнце: Души усопших свадьбу играют. Если бы я была на той свадьбе, Мне спалили бы юбочонку'.

9. Lietipš lija saulītē:
10. Velēnieši kāzas dzēra,
11. Mans bālipš jauns nomira,
12. Velās pēma līgavīpu (EK 4300)
- 12a. Vaj tas pēma līgavīpu? (BW 27798)
- 12b. Kozin tas sievu pēm? (BW 27798)

¹ В статье использованы тексты из собраний: *Latvju dainas* Kr. Barona un H. Vissen dorffa izdotas. III. Jelgavā; Pētersburgā, 1915 [варианты под № 27798] и *Latvju tautas dainas*. Redīģējis prof. J. Endzelīns, sakārtojis R. Klaustiņš. X. Rīgā, 1932.

² Об изначальной реальности вариантов, а не "первоначального, исходного для них протекста" см.: Топоров В.Н. К реконструкции одного цикла архаичных мифо-поэтических представлений в свете "Latvju dainas": [к 150-летию со дня рождения Кр. Барона] // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С. 45.

³ Там же. С. 44.
© Л.Г. Невская, 1989

⁸ Nowiński M. Dzieje upraw i roślin leczniczych. Warszawa, 1980. S. 105.

⁹ Ср. еще название луговой руты — *василистник желтый*: Залесова Е.Н. Полный русский словарь-травник и цветник. СПб., 1900. Т. III. с. v. *Рута луговая*.

‘Дождик идет при солнце: Души усопших свадьбу играют. Мой братик молодым умер, Он обручился с невестой из усопших душ / Не он ли с невестой обручился? / Может, он женился?’

13. Lietipš lija saulītē:
14. Vejānieši kāzas dzēra.
15. Vejānieši kāzas dzēra
16. Augstajā piekalnē.
17. Man nomira jauns bāliņš,
18. Vai tam veda līgavīpu? (EK 4301)

‘Дождик идет при солнце: Души усопших свадьбу играют. Души усопших свадьбу играют под высокой горой. У меня умер юный братец, Не ему ли ведут невесту?’

И текст, осложненный мотивом инцеста:

19. Lietipš līst saulītē:
20. Vejānieši precejās.
21. Man pašai brāls ar māsu
22. Tie kopā kāzas dzēr (BW 27798)

‘Дождик идет при солнышке; Души усопших сватаются. Мои собственные брат с сестрой, На той могиле свадьбу играют’.

Таким образом, каждая дайна представляет собой от двух до четырех соположенных “сообщений”. При этом не только каждый элемент лаконичной и архаичной латышской песни многозначен, но совокупная семантика ее обогащается за счет дополнительных смыслов, возникающих от их соединения. Здесь будет предпринята попытка реконструировать семантическую структуру дайны этого типа.

Уже в зачине песни парадоксальным образом состыкованы оппозиционные представления: солнце — дождь (*lietiņš lij, saule spīd; lietus lija saulītē*), смерть — свадьба (*veļa māte* ‘мать усопших душ’, *veļi bērnī* ‘дети усопших душ’, *velēnieši, veļānieši* ‘усопшие души’ — *kāzas dzēra* ‘свадьбу играют’). Тема и смерти, и свадьбы/браха дублируется в заключительном двустишии (*mans bāliņš — jauns nomira, veļās nēta līgavīri* ‘мой братец молодой умер, обручился с невестой’ — также принадлежащей к сонму умерших душ). Сложность взаимоотношений концептов усугубляется амбивалентностью и свадьбы/браха (брах как смерть в переходных ритуалах), и смерти⁴. Последнее особенно видно в сюжете “похорон невесты” — *печальной, унылой свадебки* — и шире — похорон незамужней/неженатого⁵ и в соответствующем погребальном фольклоре:

Но пора тебе, не времечко —
Эти годы переставиться...

⁴ Весь комплекс проблем, связанных с взаимоотношением погребального и свадебного ритуалов, рассмотрен в специальной работе: Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд [в печати].

⁵ Об интерпретации похорон через свадьбу в разных отношениях [акциональный план обряда, участники его, предметы и, наконец, метафорическая лексика типа *замуж собираницца* ‘об умирающем’ и под. ем. Седакова О.А. Обрядовая терминология и структура обрядового текста: Погребальный обряд восточных и южных славян. АКД. М., 1983. С. 3—4.

Ужь мы ждали от тебя,
Братец-батюшка,
Ужо свадьбы веселыя,
Веселыя, скрутныя⁶.

Отмеченность для балто-славянского сознания представления неизжитого века, смерти до срока (помимо эмоциональных и нравственных аспектов) обнажает идею преждевременной смерти (*mans bāliņš jauns nomira, man nomira jauns bāliņš*) как обеспечивающей наибольшее покровительство оставшимся и будущее благополучие вообще⁷. Символическим воплощением такого дара может быть и благодатный дождь (см. толкование лтш. *pēc lietus saule spīd* как ‘audzēlīgs lietus — благодатный дождь’; Mühlenbachs—Endzelīns II 507).

Возможно, что интерпретация слепого дождя типа серб. *kiša pada, sunce sija, vile se kiraјu*⁸ и инвертированное в отношении субъекта *andeli se kiraјi* (там же, 77), полес. *ангелы купаюца в этом сонце, матэр божа купаецца*⁹, а также рус. *архиерей в бане* также следует рассматривать в связи с глубинной семантикой переходных обрядов, обусловливающей параллельность отдельных их фрагментов, в данном случае омовение/обмывание соответственно в свадьбе и похоронах (что предполагал еще М. Кууси).

Обозначенное в зачине дайны отношение детерминации (*Lietus lija saulītē: velēnieši kāzas dzēra* ‘Дождь идет при солнышке: Души усопших свадьбу празднуют’) имеет типологические параллели в других “свадебных интерпретациях” слепого дождя: *черт дочь замуж выдает* (По мнению малоруссов, если “дощ идет кризъ сонце, то чорт... дочку замижъ виддае”¹⁰, болг. *вали дъжд, баба иска мъж*. Слынче грее, дявола се жени (Kuusi, 139), когда на една страна дъждди, а на другата грее слынче, казват, се женели егюпциите (там же, 164); сербск. *кад киша pada и сунце сија жени се Циганин* (там же, 165). См. также *карпат. и полес. циганск'э вέрэмна, цыган'с'кий дошч, циганський дождь*¹¹, а также *жыдоўскі дошч* (Полесский архив Института славяноведения), к которому см. лтш. *saule spīd, lietus līst, vecam židam svārkī plīst* ‘солнце

⁶ Смирнов Вас. Народные похороны и причитания в Костромском крае. Кострома, 1920. С. 66.

⁷ Параллельно этому принесение в жертву невинного молодого существа также обеспечивает высшую эффективность. Об этом см.: Цывьян Т.В. Мотив первожертвы в основном мифе // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры. М., 1986. С. 41.

⁸ Kuusi M. Regen bei Sonnenschein: Zur Weltgeschichte einer Redensart // FF Comtemporaries. N 171. Helsinki, 1957. S. 132. — В этой монографии собраны и классифицированы обширные материалы о дожде при солнце. Типологические параллели, касающиеся балто-славянского ареала, почерпнутый из этой работы, в дальнейшем будут помечаться непосредственно в тексте.

⁹ Азимов Э.Г. Из полесской народной метеорологии: слепой дождь // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 215.

¹⁰ Афанасьев А.Н. Поэтические возвретия славян на природу. Цит. по: Азимов Э.Г. Слепой дождь. С. 214.

¹¹ Усачева В.В. Из наблюдений над метеорологической лексикой Полесья и Карпат // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 218; Азимов Э.Г. Слепой дождь. С. 213.

сияет, дождь льет, у старого еврея пиджак трещит' (и хотя *svārki plīst* появилось здесь главным образом по законам звуковой гармонии (рифма с *lietus līst*), см. все же "попорченную юбочку" в латышской дайне: *ja es būti tās kāzās, man sadegtu lindracīpi*, отдавая себе отчет в том, что введение элемента 'огонь' следует в первую очередь интерпретировать в связи со способом погребения — трупосожжением. Несомненно "свадебная метафоризация" представления о слепом дожде в курск. *ведьма масло колотит*¹², польск. *deszczyk kropi, słońce świeci, czarownica masło kleci* (развернутое в детской игре: *Leje deszcz, słońce świeci, czarownica masło kleci; nakleciła, postawiła. Przyszła świnia – świetci, czarownica masło kleci; na kleciąta, postawiła*. *Przyszedł pies – wszystko zjadł* [Kuusi, 155], действующие лица которой также релевантны представлению о слепом дожде, см. ниже). Во всех приведенных случаях субъектом являются мифологические персонажи с негативными функциями, связанные в конечном счете с низшим миром смерти и мрака и тем самым синонимичные душам усопших — *velēnieši* — латышской дайны¹³. Триединая связь слепого дождя, свадьбы и смерти косвенно присутствует и в такой интерпретации его, как *сирота замуж идет / женится* (белорусско-литовское пограничье, материалы Т.М. Судник), где смерть опосредована указанием на сиротство. См. к этому же обычное в погребальных причитаниях клише сиротской доли: *visi lietelai užlis 'все дождички (его) зальют'*.

На первый взгляд стоящее особняком рус. *слепой дождь*, в действительности входит в круг общих представлений. Типологический механизм этого можно видеть на примере лтш. *mārga, mērga*, правда, отмеченного лишь в значении 'мелкий дождь', этимология которого предполагает энантиосемические выходы в противопоставленные сферы¹⁴: 'изобилие света, сверкание, сияние, блеск', см. лтш. *mirdzēt, mirdzināt*, лит. *mirgēti* 'сиять, блестеть, мерцать, пестреть в глазах', *margas* 'пестрый' (см. обычный предикат при 'мелком дожде': *lietus mirdzina, līst lieti pi margo udam i* от *margot* 'мерцать, поблескивать') (Mühlenbachs—Endzelīns II 563), рус. *мерцать* и т.д. и 'ограниченное, малое количество света, сумерки, потемки': лит. *merkti, mirkčioti* 'мигать, моргать, закрывать, жмуриТЬ глаза', рус. *меркнуть, жмуриться, мрак* (Fraenkel LEW 410; Фасмер II 652), польск. (*z)mierzch* 'сумерки', *mierzchnąć* 'смеркаться', рус. *морох(a)* 'слабый, мелкий дождь' и др. (Фасмер II 657), перм. *морговатый* 'плохо видящий' (СРНГ 18, с. 269),

¹² Хроленко А.Т., Климан И.С., Малыхина Т.М. С полесской программой в курское село // Полесье и этногенез славян. М., 1983. С. 122.

¹³ О сложном семантическом комплексе, связанном с корнем *vel-, см. в работах В.Н. Топорова; специально в связи с латышскими дайнами: Топоров В.Н. Латышские народные песни как источник для реконструкции архаичных мифопоэтических представлений // Слово в нашей речи. Вып. 5. Рига, 1985. С. 34—56; Он же. К реконструкции одного цикла.... особенно с. 48—58.

¹⁴ Соединение противопоставленных сущностей, свойственное амбивалентному мышлению, "уравнивает" избыток зрения и слепоту. Об этом см.: Иванов Вяч.Вс. Глаз // Мифы народов мира. I. С. 306, а также "Свойство непроницаемости объединяет "слепящий" блеск с "таинственным" мраком" Аверинцев С.С. Золото в системе ценностей ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. М., 1973. С. 47).

тульск. *морок*: *нашел на нее морок, она ничего не видя* (там же, с. 272). Таким образом, соотнесенный с миром мрака и смерти идеологически, концепт 'дождь при солнце' подтверждает эту же связь и на языковом уровне. В литовских представлениях слепой дождь и смерть связываются напрямую: *ponai mirs – jau su saule lietus lyja* 'барин умрет — дождь при солнце польет', *ką lyja su saute, varazija, ką kunigas pamirė* (LKŽ XII 191) 'когда при солнце идет дождь, говорят, что **ксендз умер**', при этом субъекты также оказываются маркированными, но в плане социальной иерархии (также лит. *Jej saulei šviečiant lyja, karalius miręta*). Аналогично рус. *полковник скончался*, а также "дождь пополам с солнышком — праведник /ср. лит. *kunigas/ помер*") (Kuusi, 103).

Имеющиеся материалы, связанные со слепым дождем, демонстрируют постоянную игру на амбивалентных смыслах субъектно-предикативных единств. Так, если, как правило, смерть ассоциируется в этих представлениях с позитивными субъектами (ксендз, праведник и их социальные трансформации), то 'рождение', напротив, — с негативными: серб. *kad kiša pada i sunce sija, rodila se veštica* ('колдунья'), *sunce grije, kiša ide, vještice se legu* 'колдуны выплываются', *rodile se vile... cigani se radaju; sunce grije, kiša pada, ništa se ne radi. Dučići se žene, a kučke se štene* 'солнце греет, дождь идет, ничего не происходит; дучичи женятся, сучки щенятся' (Kuusi, 131, 168, 199).

Обозначение дождя при солнце как *заячьего дождя* (полес. *заёцкий, заячиковый, зайчёкобы, зайцёв дождь*)¹⁵ актуализирует те же отношения дождь — свадьба¹⁶ (со всеми коннотациями и, в первую очередь связанными с плодовитостью) и смерть (последнее, главным образом в приметах о смерти, соотнесенных с зайцем, и как зооморфное воплощение души умершего:

Покажись — приди надежная головушка,
Хоть с под кустика приди да серым *заюшком*¹⁷).

Семиотически сближено с предыдущим наименование слепого дождя *свиным дождем* (полес. *свиный дож, свинячий дощ*), см. также лит. *jei saulei šviečiant lyja, kiaulė juokiasi* 'если дождь идет при солнце, свинья смеется'. Стойкие связи свиньи с дождем известны по народным приметам¹⁸. Однако в нашем случае не менее важна связь этого классификатора с противником Громовержца¹⁹.

Аналогично этому буковин. *күр'ачий дош*, укр. *күр'ячий дощ* 'краплистий, коротконосий дощ у сонячний день'²⁰, т.к., как свидетельст-

¹⁵ Азимов Э.Г. Слепой дождь, с. 213.

¹⁶ Обширный материал, касающийся любовно-брачной семантики зайца, собран в работе: Гура А.В. Заяц // Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словаря. Предварительные материалы. М., 1984. С. 129—149.

¹⁷ Причтания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. I. М., 1872. С. 19.

¹⁸ Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1983. С. 170.

¹⁹ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 88, 129—131, 134.

²⁰ Усацева В.В. Из наблюдений..., с. 217. К связи 'слепой дождь — курица' см. также болг. *сънце грее, дъжд вали, радвайте ее, кокощици, да ви растат опащици* (Kuusi, 48).

вуют обильные материалы, постоянно соотношение курицы с культом Велеса и далее многообразны ее связи с представлениями о смерти²¹. Последние фразеологизмы вводят в рассмотрение вопроса о слепом дожде тематику основного мифа, в частности, сюжет семьи Громовержца, ссоры его с женой, наказание жены и детей, превращение их в хтонические существа и грибы. Так получает семиотическую мотивировку рус. *грибной дождь*²² (см. также примету: грибы — к войне). Возникновение такого дождя может интерпретироваться как в связи с женой Громовержца (серб. *kada pada kisha i istovremeno sunče greje, u narodu se kazuje da tada ĥavo tuche svoju ženu*²³, западнополес. *чорт жынку бъе*²⁴, лит. *jei saulei šviečiant lyja, velnias savo pačią tarsi* (Kuusi 103), так и с его детьми: *bāreņi raudot* ‘сироты плачут’, *bāreņi asaras* ‘сиротские слезы’, а возможно и “плачут неродившиеся дети, умерщвленные в утробе матери”²⁵. Мотив превращения сына Громовержцем в гриб для проверки своего отцовства внутри литовского материала находит типологическую параллель в назывании внебрачного ребенка *kiškio vaikas*²⁶, что является дополнительным аргументом в пользу синонимичности глубинных смыслов грибного и заячьего дождя.

Идея плодородия, связанного с битьем, зайцем, грибами и под., замыкая круг, возвращает нас к сюжету латышской дайны, где в мотиве преждевременной смерти присутствует та же идея обеспечения максимального благополучия. Не в этом ли ключе следует рассматривать и интерпретации слепого дождя, как слезы (учитывая одновременно, разумеется, поэтическую метафору, созидающую образ)?²⁷ При этом здесь также семиотически сближены субъекты: блр. *Божая маци плача, Матушка Боская через слезы смеца*, лтш. *Dievs žēlo tūsu kattro bīri*, рус. царевна плачет, польск. *królowa płacze*, лит. *jei saulei šviečiant lyja, dangaus aniolai verkia* (Kuusi, 80, 181, 193) и не удивительное при универсальной амбивалентности балто-славянского мифоэтического мышления *ведьма плачет* (там же, с. 151).

Текст дайн, представляющий собой соположение от двух до четырех “микросюжетов”, как бы намеренно исключает указание на мотивировки, причинно-следственные или взаимодeterminирующие отношения между ними. Их можно найти за пределами собственно текста погребальной песни. То, что при анализе относящихся сюда сущностей

²¹ Успенский Б.А. Разыскания..., с. 150—156.

²² О грибах, в частности в связи с комплексом ‘смерть — плодородие — жизнь’, см.: Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // *Balcanica. Лингвистические исследования*. М., 1979. С. 234—297.

²³ Кулишић Ш., Петровић П., Пантелејић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970. С. 119.

²⁴ Азимов Э.Г. Слепой дождь..., с. 214.

²⁵ Гриб А.В. Некоторые элементы традиционной духовной культуры с. Бурмаки Дрогичинского района // Полесье и этногенез славян. М., 1983. С. 119.

²⁶ Paulauskas J. *Lietuvėčių kalbos frazecologijos žodynus*. Vilnius, 1977, 127.

²⁷ В пользу такой интерпретации отчасти говорит толкование дождя во время свадьбы: бог плачет по невесте, выплачивает ей долю. См.: Гура А.В. Дождь во время свадьбы // Славянский и балканский фольклор. 1986. М., 1986. С. 31.

разворачивается в сложную схему неоднократно инвертированных отношений, с гениальным лаконизмом выражено в четверостишии, вобравшем в себя рождение — свадьбу — смерть — и посмертное благополучие, обеспечивающее живущим преждевременной смертью молодого человека.

К. КАРУЛИС

Г.Ф. СТЕНДЕР И ЕГО РОЛЬ В ЛАТЫШСКОМ КНИЖНОМ ДЕЛЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И ЯЗЫКОЗНАНИИ

Готхард Фридрих Стендер (Stender; 1714—1796), или Старый Стендер, — выдающаяся личность в истории латышской культуры. Он был богослов по образованию, учился в Йене и Галле. Несколько лет был учителем в Латвии и Германии, занимаясь математикой и географией, но большую часть своей активной деятельности был священником в Бирзгале, Жайме (в Литве), последние же 30 лет своей жизни провел в Селпилском и Сунакстском приходах у Даугавы, неподалеку от Екабпилса. Во времена феодального гнета и беспрavия Г.Ф. Стендер побуждал латышей развивать ум и сохранять этические ценности. Он написал и перевел множество книг, среди них — первые светские литературные произведения, первая научнопопулярная книга на латышском языке, обширные труды по языкоzнанию. Немец по национальности, он любил латышский народ и латышский язык, об этом говорит выбранная им надгробная надпись: *Латыш.*

ВКЛАД В КНИЖНОЕ ДЕЛО

У латышского книжного дела давние традиции. Первые сведения о печатной книге на латышском языке относятся к 1525 г., когда магистрат Любека приказал уничтожить как еретические лютеранские тексты на латышском и эстонском языках. Латышских книг, напечатанных в XVI столетии, было немного, причем все они религиозного содержания. С конца XVI в. два направления христианской веры — католицизм и лютеранство — использовали книги на латышском языке как орудие борьбы за сферу влияния в крестьянских массах.

Когда на территории Латвии устроили типографии (первая типография появилась в Риге в 1588 г., в Елгаве — около 1667 г., вторая типография в Риге — в 1675 г.), создалась техническая база для расширения латышского книжного дела. В XVII в. было напечатано довольно много книг на латышском языке, в том числе такие большие труды, как перевод Библии (1685—1694), но опять-таки почти все издания были религиозного содержания. В числе нескольких светских книг были два словаря и две грамматики для иноземцев,

изучающих латышский язык, и появившиеся в конце столетия небольшие азбуки.

Затянувшаяся на два десятилетия Северная война и последовавшая за ней эпидемия чумы уничтожили большие массы населения, разрушили хозяйство и почти полностью парализовали книжное дело. Эта работа возобновилась только к 30—40 гг. XVIII в., но и то лишь для нужд религии. Курземе пострадала меньше в Северной войне, и с постепенным восстановлением хозяйства там быстрее развивалась культурная жизнь, в частности, книжное дело. Особенный расцвет книжного дела наблюдался в 60-е гг. В 1761 г. управлением типографии герцога в Елгаве занялся бывший работник типографии Вильнюсской академии К. Литке, который усовершенствовал типографию, а также взялся за печатание более объемных работ. Его преемником в 1769 г. стал И.Ф. Стефенхаген, который превратил эту типографию в самую большую на Балтике. Книги также печатали переплетчик И.Г. Рихтер и торговец И.Ф. Хинц (в Елгаве и Айзпурте). В 1763 г. в Елгаву прибывает И.Ф. Харткнох, чтобы заведовать одним из филиалов предприятия по книготорговле в Кенигсберге. Вместе с Хинцем он стал владельцем этого филиала, а в 1765 г. перебрался в Ригу, где создал крупную типографию и книжный магазин. Харткнох специализировался на издании и распространении научной литературы. Книжному делу способствовала основанная в 1775 г. академическая гимназия (*Academia Petrina*), профессора которой публиковали научные труды. Гимназия получила право на издание журнала и календарей в Курземе.

В оживленную культурную жизнь, особенно в книжное дело, с 50-х гг. XVIII в. включается Г.Ф. Стендер. Не удовлетворенный сравнительно низким техническим уровнем типографии в Елгаве, Стендер отдавал свои первые книги для печатания в Германии. Только в 60-х гг. после больших перемен в Елгавской типографии Стендер установил непосредственный контакт со всеми книгоиздателями Елгавы, а также с Харткнохом в Риге. Заслуга Стендера была в том, что елгавские издатели обратились к новым для латышской книги жанрам, начав издавать не только религиозную литературу (которая все еще оставалась одним из основных источников дохода книгопечатников), но также художественную литературу, учебники и научно-популярную литературу о латышском языке. Стендер писал сам, переводил или составлял работы для публикации. Популярность книг Стендера показала, что латышские читатели обеспечивают спрос на соответствующую светскую литературу и издатели не рисуют, издавая ее.

Книги Стендера явились переломным моментом в сознании латышского читателя: если до этого существовало убеждение, что чтение является составной частью религиозного культа, так как было связано лишь с текстами Катехизиса, религиозных песен или Библии, то книги Стендера показали, что смысл чтения намного шире — оно открыло новые горизонты для художественной литературы, для более глубокого миропонимания. Сам Стендер подчеркивал мысль о значении книги для самообразования:

Cik spēdams, mācīes grāmatu,
Tas prātu uzcila,
Tas ved pie augstas gudrības
Un godu sataisa¹.

По мере возможности учись грамоте,
Это развивает ум,
Это ведет к высокой мудрости
И делает честь.

Объясняя значение книг, он посвящает им стихотворение:

Grāmatas
Cienījamas īgavīpas,
Manas mījas grāmatas!
Jūsu runas, jūsu zipas
Ir man skaidras mācības,
Kas man rāda, ko nezinu,
Taisni stāsta, ko neminu,
Manu prātu isskaidro
Un man sirdi ielīgsmo.

Katra lapa, ko es lasu,
Ir man salda mutite,
Kas ar man, cikreiz es prasu,
Mīji, jauki istērē.
Zem' un debess, Dieva likums,
Gods un jaime, prāts un tikums,

Tas ir jūsu valoda
Un ta ista gudrība.
Ak jūs, dārgas zeltenites,
Manas mījas grāmatas!
Esiet manas dveselites,
Mantas visu dārgakas.
Jūs palikset mana rota,
Ka no debess manim dota.
Ak, ka saldi kavēšos
Jūsu gadros padomos.²

Книги
Досточтимые невестушки,
Мои дорогие книги!
Ваши речи, ваши вести
Для меня ясное учение,
Которое показывает мне то, чего не знаю,
Просто рассказывает, что не разгадываю,
Мой ум **проясняет**
И радует мое сердце.

Каждая страница, что читаю,
Для меня сладкие уста,
Которые со мной, сколько прошу.
Мило, славно беседуют.
Земля и небо, Божий закон,
Честь и счастье, ум и добродетель,

Это ваш язык
И его истинная мудрость.
Ах вы, дорогие девицы,
Мои милые книги!
Вы мои душеньки,
Самые дорогие вещи.
Вы останетесь моим украшением,
Которое послано мне с неба.
Ах, как я буду наслаждаться
Вашими мудрыми советами.

Г.Ф. Стендер начал свои публикации на латышском языке в 1753 г., как только стал служить священником в Жайме в Литве. Очевидно, рукопись первой книги была подготовлена им хотя бы отчасти на прежнем месте работы — в Бирзгале. Там Стендер интенсивно занимался изучением латышского языка, оценил его выразительность и богатство лексики, относящейся к явлениям природы³. Богатство языка и его возможности Стендер хотел показать через поэтический перевод, выбрав для этого оду популярного в XVIII в. немецкого поэта Б.Х. Брокеса (1680—1747) "Rāms laiks pēc rēkgona briesmas"⁴ ("Затишье перед грозой"). Для Стендера это было также проверкой знания латышского языка и умения переводить стихи. Он пока еще не думал о латышских читателях, а обращался к тем немецким интеллигентам, которые знали латышский язык и могли оценить эту работу. Поэтому титульный лист издания написан на немецком языке и только в конце его дано название оды по-латышски. И все-таки работа

¹ Jauna ABC un lasišanas mācība. Jelgavā, 1797. 16 lpp.

² Jaunas zipīges pēc jaunām meldejām, par gudru islustešanu. Jelgava un Aisputē, 1774.

³ "Что касается описания природы, в латышском языке — изобилие слов" (Neue, vollständigere lettische Grammatik. Braunschweig, 1761. S. 154).

⁴ В поздних изданиях "Затишье после грозы". В оригинале: "Die auf ein starkes Ungewitter erfolgte Stille".

Стендера стала началом новой эпохи в латышской литературе: это была первая публикация светской поэзии на латышском языке.

Перевод стихотворения напечатали в Кенигсберге на листах большого формата (19,5×30,5 см); подобный формат был необычным для книг, зато часто использовался для печатания поздравительных стихотворений, юбилейных пожеланий и тому подобных торжественных текстов. То, что Стендер специально выбрал для издания перевода эту непривычную форму, подтверждает яркий инициал текста, выполненный в медной гравюре в стиле барокко. Стендер достиг задуманного: несколькими годами позже он убедился, что знатокам эта работа понравилась⁵. Следует добавить, что и в дальнейшем Стендер заботился о художественном и полиграфическом облике книг, в этом отношении они приятно отличались от изданий других авторов того времени. Ко многим книгам Стендер рисовал иллюстрации и виньетки (даже для книги церковных песен).

Жаймский период для Стендера был плодотворным в литературе, за это время им были подготовлены многие работы на латышском и немецком языках. Правда, пока он еще шел по стопам своих собратьев по ремеслу, обеспечивая латышей религиозными текстами. В 1754 г. сочиненные им песни и молитвы были помещены в "Kurzemes jauna jā un pilnīgajā dziesmu grāmatā" ("Курземской новой и полной книге песен"). Двумя годами позже в Кенигсберге вышла одна из наиболее популярных книг Г.Ф. Стендера "Svēti stāsti" ("Святые сказания", которые затем вышли в свет пятью изданиями под названием "Maza bībele" — "Малая библия"). В книгу вошел пересказ отдельных библейских сюжетов в популярной форме с вопросами и ответами, а также с поучительными выводами. В основе ее был немецкий учебник библейских рассказов И. Хюбнера, изданный впервые в 1714 г.⁶; книга была столь популярна, что в течение столетия вышло более ста изданий. Объем книги Стендера вдвое превышал немецкий образец: Стендер сохранил структуру книги, но во многих местах переводил текст Хюбнера, расширив его и приспособив к условиям Курземе. Так как в Курземе школ еще почти не было, книга Стендера предназначалась главным образом для домашнего обучения детей. Оригинальными были стихотворения из шести строк, которые сопровождали каждый рассказ⁷ поучительными выводами ("святыми мыслями"). Эти стихи были так популярны, что некоторые из них учили в латышских школах и в 20-х гг. нашего столетия — например, строфы об Авессаломе, сыне царя Давида, восставшего против отца; убегая, он запутался волосами в ветвях дуба и был убит:

Nāciet, bērni, šurp ar bariem,
Skataities uz ozolu.
Redziet pie tiem kūpiem zariem
Absalomu pakārtu.
Nācieties tur visi klāt
Tēv' un māti godināt.

Идите, дети, сюда гурьбой
Посмотреть на дуб.
Видите на тех пышных ветвях
Повешенного Авессалома.
Учитесь же там
Чтить отца и мать.

⁵ Neue, vollständigere lettische Grammatik. S. 154.

⁶ Hübner J. Zweymal zwey und funfcig auserlesene biblische Historien aus dem Alten und Neuen Testamente. Liegnitz, 1714.

Хотя "Святые сказания" Стендера предназначались для читателей разного возраста, они стали, главным образом, книгой для детского чтения. Книга дает представление и о жизни в Курземе. Так, мы узнаем, что в то время курземские латыши еще мало знали христианскую веру и широко соблюдали древние обычаи. Дети боялись священника: "многие дети священника не знают и, когда он едет навестить их, от него бегут и прячутся, как от медведя" (с. 290).

Обучение детей и просвещение были в центре внимания Стендера. Пересказывая библейские сюжеты, он во многих местах побуждает детей учиться и упрекает хозяев в том, что те оставляют без внимания обучение дворовых (например: "вы не можете ... оправдаться тем, что этот ребенок или воспитанник не хочет учиться, или тем, что у него тупой ум или что он еще не соображает. Даже собаку можно обучить, не говоря уж о человеке! И если ребенок не обучен, это происходит оттого, что некоторые хозяева не желают обучать детей", с. 291).

Результатом серьезного изучения языка стали грамматика и словарь латышского языка Стендера. Живя за границей, первую свою работу по языкоznанию Стендер напечатал в Брауншвейге в 1761 г. Это был обширный курс грамматики латышского языка, написанный на соответствующем тому времени научном уровне; к нему прилагались словарь и несколько стихотворений⁸. С небольшими изменениями второе издание книги вышло там же через два года, но полностью переработанный курс грамматики увидел свет в Елгаве в 1783 г.⁹ — на этот раз без словаря, ибо его Стендер переработал и дополнил для самостоятельного издания. "Lettische Lexicon" вышел в 1789 г., его напечатали на средства Курземского герцога и помешиков. Он состоит из двух частей — латышско-немецкого и немецко-латышского словаря. Это самая большая из подготовленных Г.Ф. Стендером книг, не только по объему (1178 с.), но и по культурно-историческому значению. Над составлением словаря он работал всю жизнь, начиная с той поры, когда был еще домашним учителем в Лиелберсте (приблизительно с 1740 г.).

Когда в 1765 г. Стендер вернулся из-за границы в Елгаву и в следующем году принял обязанности священника в Селпилсе и Сунаксте, он был глубоко убежден, что для культурного развития латышей недостаточно только религиозной литературы. Он занялся подготовкой книг в области изящной словесности и научной литературы для народа. Уже в 1766 г. К. Литке издал в Елгаве книгу Стендера "Чудесные сказки и рассказы, написанные для латышей как мудрое учение". Второе, дополненное издание книги вышло в 1789 г. Самыми популярными стали сборники сочиненных и переведенных Стендером стихов или, по его терминологии, песен. В 1774 г. в издании И.Ф. Хинца вышли "Новые песни на популярные мелодии для умного

⁷ Neue, vollständigere lettische Grammatik, nebst einem hinlanglichen Lexico, wie auch einigen Gedichten.

⁸ Lettische Grammatik. (На титульном листе обозначено как второе издание).

⁹ Lettisches Lexicon. In zweien Teilen abgefasset und den Liebhabern der lettischen Literatur gewidmet.

веселья". Ко всем песням приводится мелодия или указывается оригинальное ее название на немецком языке — Стендер предполагал, что любители латышской культуры из немцев помогут этим песням прижиться среди латышей. Под названием "Zīdgu lustes" ("Песенные радости") сборник в дополненном виде (60 песен) выходил несколькими изданиями с небольшим интервалом (1783, 1785 и т.д.). В 1789 г. вышли два издания второй части сборника (в Риге и Елгаве), а в XIX в. были напечатаны повторно обе части вместе. Среди 53 песен второй части имеются пять хороводных песен ("Веселые пляски"). О них Стендер пишет во введении к книге, говоря о значении игр в школьной работе: когда в каком-либо поместье организовывалась школа, то "латышские дети считали ее местом пыток и шли туда плача", игры же привлекали детей к школе.

Г.Ф. Стендер хотел, чтобы его песни вошли в быт латышей уже с детства, играя затем особую роль в отношениях между молодыми людьми ("Любовные песни") и обогащая свадебные традиции ("Свадебные песни").

В том же 1774 г. И.Ф. Хинц издал "Augstas gudrības grāmatu" ("Книгу премудрости"). Опираясь на научные достижения своего времени, Стендер написал своеобразные пояснения к традиционным церковным догмам и издал одновременно с "Книгой премудрости" ("Книжка священной мудрости", 1774). Через два года вышла того же плана "Книга христианских поучений", которая в XIX в. пережила еще три издания (с переработкой). Книга церковных песен ("Новая, улучшенная книга песен", 1783; 2 часть, 1792), написанная в духе рационализма, не имела успеха.

Новый путь Г.Ф. Стендер начал с обучения детей чтению. В 1782 г. в Елгаве вышла его "Новая азбука и обучение чтению" (следующие издания в 1787 и 1797 г.). Этим он заложил основу перехода от ранее существовавшей методики разбора по буквам (когда детям сначала нужно было назвать каждую букву и только потом читать слог или слово) к более рациональному звуковому методу. Например, буквосочетания старой орфографии sch, tsch Стендер не велел называть отдельными буквами (эс-цэ-ха, тэ-эс-цэ-ха), но слитно — как звуки (sh, ch); знак долготы ī читался вместе с гласной буквой (ah=a). Были рационально размещены комбинации букв в слогах. В примерах фрагменты катехизиса были заменены связанными с бытом предложениями.

В 1787 г. вышла нова иллюстрированная азбука "Bildu ābice" (факсимильное издание в 1977 г.) — первая латышская азбука с иллюстрациями: каждую букву алфавита сопровождал рисунок предмета, две строчки стиха помогали понять его. В азбуке поощрялось чтение и восхвалялась мудрость книг. Например, букву B иллюстрировал пчелиный улей со строчками:

Bites ziedos medu salasa,
Tā no grāmatām nāk gudrība.

Пчелы собирают мед с цветов,
Так из книг приходит мудрость.

В 1797 г. вышло методическое наставление для обучения чтению — "Такое обучение, что учителя, которые будут учить детей чтению,

могут легко научить их". Во введении Стендер наглядно показывает непригодность старых методов.

"Прежние азбуки ориентировались на зазубривание, а Стендер (рационалист!) — на разумное обучение"¹⁰. "Азбука в картинках" стала выдающимся явлением в развитии латышского книжного дела: "До сих пор ничего подобного в латышском книжном деле не было... Это первая, составленная с художественным размахом, книга светского содержания"¹¹.

В последние десятилетия своей жизни Г.Ф. Стендер написал и опубликовал и ряд менее крупных работ на латышском, немецком и латинском языках. Из них интересна книжка на двух страницах "Новогодние пожелания на любой вкус" (Елгава, 1782). И здесь подчеркивается большое значение учения:

Mācies augstas gudrības,
Tas tas ceļš uz laimības.

Учись высокой мудрости,
Это пусть к счастью.

"Высокомудрие" в понимании Стендера — это наука и философия, и это наставление, выразившее одну из основных мыслей его книжного наследия, вызывает чувство глубокой признательности, так как оно было обращено к подавленным и неимущим крепостным латышам.

На то, как мало было в XVIII в. читателей среди латышей, указывает пояснение к слову *книголюб* в словаре Стендера: "кто умеет читать и кому принадлежит книга"¹². Достаточно было иметь одну книгу, чтобы стать книголюбом! Стендер не добился быстрого прироста числа грамотных — его задерживали нехватка школ, книг, тяжелое бремя крепостничества. Но все же материал для чтения Стендера создал новое представление о книгах, это было началом развития навыков чтения и последующего расцвета латышского книжного дела. Начатый Стендером, поток светских книг не прервался, книги выходили все чаще и охватывали новые области жизни. Уже в 1783 г. в Елгаве вышла первая лекарская книга — "Назидание акушеркам" К. Мейера и первая книга с советами по сельскому хозяйству — Г.Ф. Мечевского, переработавшего книгу И.К. Шубарта "Об уходе за землей и за домом, на благо молодым латышам"; в 1795 г. к ним добавилась "Книга о здоровье" М. Стобе, а в 1803 г. вышла первая школьная книга для чтения — "Новая школьная книга" Г. Милиха. Все эти авторы опирались на работы Г.Ф. Стендера и сохраняли его терминологию. Своими книгами Г.Ф. Стендер открыл путь первому журналу на латышском языке — отредактированному М. Стобе "Latviskai Gada Grāmatai" ("Латышскому ежегоднику") (1797—1798), который своим содержанием продолжал издания Стендера в области художественной и научно-популярной литературы.

¹⁰ Апинис А. Только ли азбука? // Старый Стендер: Азбука в картинках. Рига, 1977. С. 31.

¹¹ Виллеруш В. Документ эпохи // Там же. С. 40.

¹² "Der lesen kann und ein Buch hat" (Teil I. S. 76)

ВКЛАД В ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Г.Ф. Стендер стоит у истоков художественной литературы на латышском языке. Он обращался как к поэзии, так и в прозе, количество его оригинальных сочинений, переводов и адаптаций было так велико, а роль их в латышской культурной жизни так значительна, что в течение нескольких десятилетий после его смерти почти все авторы рассказов и стихов продолжали его традиции; произведения Стендера стали настолько популярными, что многие из них вошли в фольклор.

Как представитель своего времени в художественной литературе, Г.Ф. Стендер следил за ведущими литературными направлениями в Западной Европе, особенно в Германии. Находясь в оппозиции к политическому абсолютизму и догмам консервативной церкви, литература в Германии XVIII в. не стала радикальной, но литераторы сконцентрировали свои творческие силы на проблемах внутреннего совершенствования индивида: это был расцвет сентиментализма и рационализма. "Малодушный сентиментализм и бедный по содержанию рационализм в то время оставались единственными способами выражения внутренней жизни народа и письменности", — так характеризовал это время А. Упит¹³. Рационализм в Германии сформировался как отражение идей просвещения с сильной религиозной окраской: это была попытка приспособить религию к запросам ума и науки, рационализм связывался с гуманизмом. В свою очередь, сентиментализм был тесно связан с поэзией о природе, которая в XVIII в. процветала во всей Европе и носила псевдоклассический характер: сцены идиллической природы переплетались с античными сюжетами. Поддавшись этим литературным течениям в годы учения, Г.Ф. Стендер находился под их влиянием длительное время в Курземе, тематически приспособливая свои произведения к местным условиям. Например, античные персонажи, даже в переводах, заменялись им на деревенских парней и девушек.

Г.Ф. Стендер писал не только для развлечения читателей. Глубоко проникнутый гуманизмом, он хотел просветить латышских крестьян, этически воспитывать, совершенствовать мир их чувств и эстетический вкус. Он считал это своей обязанностью, заявляя своим братьям по сословию в предисловии к написанным на немецком языке "Сказкам и рассказам" (1766): "У нас есть долг перед этим презренным народом. Ибо они — наши кормильцы. Природа их щедро одарила многими добродорядочными свойствами, их только нужно развить. Эти люди охотно учатся, они честные, добродушные, верные, терпеливые, работающие и веселые. Исключения — это лишь следствие этого ярма, которое они несут с тяжелым вздохом, недостатка воспитания и духовного света". У каждого литературного сочинения должно быть рациональное зерно, иначе у него нет смысла. В предисловии ко второму изданию "Сказок и рассказов" (1789) автор учит латышского читателя: "Когда же ты, читая или рассказывая детям эти сказки, не посмотришь на наставления и забудешь их упомянуть,

¹³ Эгле Р., Упитс А. История мировой письменности. Рига, 1932. Ч. 3. С. 406.

то эти сказки будут бесполезными и будут служить как красивый, но слепой конь. Ибо сказка без хорошего наставления — как раскрашенная картинка, на которой ты хоть и видишь чудные жемчужины, но не узнаешь, что эта картинка обозначает. Пусть сказка останется сказкой, уважай только эти наставления как путеводитель к доброй мудрости".

Рациональное зерно стихов и хороводных песен заключено в самом содержании, и только изредка в конце дается еще наставление в специальном высказывании. Например, "Школьный танец" заканчивается строками:

Paldies tūjām grāmatām.
kas mūs gudrus dar!

Спасибо любимым книгам,
Которые делают нас мудрыми.

Наоборот, каждая сказка и рассказ обязательно заканчиваются наставлением, иногда довольно длинным, включающим несколько пунктов. Эти наставления относятся к различным жизненным ситуациям и соответствуют взглядам Стендера на хорошую и разумную жизнь. Например, одна из сказок заканчивается так: "Кто хочет долго жить, пусть бережется от водки и табака как от смертельного зелья. Ибо водка есть мать, а табак есть отец, которые, как супруги, рождают безумие и слабость и сокращают жизнь"¹⁴.

Выражая смиренение с существующим общественно-политическим строем, Стендер все же не избегал критики правящего сословия, например: "Здесь с господами невозможно много судиться. Они, словно львы, подбрасывают другим работу и печаль, а плоды оставляют себе"¹⁵.

Несмотря на склонность к дидактике, творчество Г.Ф. Стендера все же формировалось на достойном художественном уровне. "Не писавший ничего только ради удовольствия, Стендер все-таки неизменно писал с радостью, с полной самоотдачей, с любовью, которая сочинениям этого моралиста и дидактика придает живое дыхание"¹⁶.

Свое творчество на латышском языке Г.Ф. Стендер начал с переводов поэзии, он включал стихи во все свои работы, дополняя стихами не только сказки и рассказы, но и "Латышскую грамматику" и "Книгу премудрости". Он считал поэзию лучшим средством воспитания чувств. В немецких предисловиях (1783) к сборнику "Песенные радости" автор пояснил: "Я пытаюсь вдохнуть в сердце крестьянина более нежные чувства. ...Зачаток их в невинной любви к противоположному полу, что заложено самой природой". Поэтому любовные мотивы в песнях Стендера являются доминирующими. Наряду с этим, основные мотивы его поэзии — набожность, идиллические изображения природы и быта, тема радости, общественные отношения и этические нормы.

Восторженные картины природы вплетаются во многие стихотво-

¹⁴ Рассказы и сказки, 1789. С. 55.

¹⁵ Лев и другие звери // Там же. С. 65.

¹⁶ Кундзиньш К. Старый Стендер и начало светской литературы // История латышской литературы. Ч. I. Рига, 1959. С. 442.

рения, но некоторые из них специально посвящены этой теме, например, "Месяц цветения" ("Приходи, месяц цветения, нарядно укрась рошицы"). Обычно изображения природы связаны с деятельностью человека и восхвалением Бога. Хутор с его окружением и человек в этой среде часто изображались как сентиментальная идиллия, например:

Man patīk mana klusa sēta,
Mans dārziņš, mana drūviņa,
Še mana laime izredzeta,
Gan maza, tomēr mieriga.
Lai muižas godu apcieni,
Bet tur tu manis nevedi.
Mans lauciņš maizes dod papilnam
Un lopīņš gārdū aiseļiju.
Man aitīpas no savām vilnām
Apģērbj ar siltu svārciņu.
Man cirvis ir par zobini
Un sunītis par sulaini.

("*Sētas laime*")

В противоположность прежней религиозной поэзии и прозе, которая проповедовала отказ от радостей светской жизни. Г.Ф. Стендер побуждал радоваться и веселиться до самой старости:

Lai mēs dansajam un dziedam,
Kamēr mēs kā rozes ziedam,
Kad mums vecums virsū spiežās.
Tad lai mūsu bērni griežās!

("*Tēvu dansīs*")

В книгах проповедей, особенно в литературе братских приходов, мир характеризуется как "дом немощных". Против этого выступил Стендер:

Ta skaista Dieva pasaule
Nav vārgu nams nemaz.

Этот прекрасный Божий мир
Вовсе не дом немощных.

("*Ta mīla Dieva-zemīte*")

Некоторые стихи звучат анакреонтическим весельем:

Bes vīna un bes cērešiem,
Bes sieviņas un kaimiņiem
Kas būtu mūsu dzīvība!
Tad ēd un dzer, un mīlo tā,
Kā pieder dzīvot priecīgi,
Bet deveju nepiemirsti!

("*Jauna gada vēlešanas*", 1782)

Этические размышления пронизывали все творчество Г.Ф. Стендера до последнего года жизни. Если человеческий долг выполнен и совесть чиста, в стоическом спокойствии можно терпеть несправедливость и в старости встретить смертный час:

Jau mans sirmums mazam velkās,
Tuvu kapu rād!
Kluss un mierigs es tam preti iemu.
Kad Dievs grib.

("*Augsta ziņētē us saviem bērniem un bērnu-bērniem*")

Мне нравится мой тихий двор,
Мой садик, моя нива,
Здесь собрано мое счастье,
Хоть маленькое, но спокойное.
Пусть достоинство поместья славится,
Но меня туда не веди.
Мое поле дает хлеб в достатке,
А скотина — вкусное дополнение к нему,
Овечки дают мне свою шерсть
На теплую одежду.
Топор мне служит мечом
А собачка — слугой.

("*Sētas laime*")

Будем петь и танцевать,
Пока мы, как розы, цветем,
Когда же к нам придет старость,
Пусть наши дети танцуют!

("*Tēvu dansīs*")

Этот прекрасный Божий мир
Вовсе не дом немощных.

("*Ta mīla Dieva-zemīte*")

Без вина и без жаркого,
Без жены и без соседей
Чем была бы наша жизнь!
Так ешь и пей, и люби так,
Как подобает жить в радости,
Но кормильца не забывай!

("*Jauna gada vēlešanas*", 1782)

Седина уже приближается ко мне,
Показывает могилу.
Тихий и спокойный, я выйду навстречу,
Когда Бог пожелает.

("*Augsta ziņētē us saviem bērniem un bērnu-bērniem*")

Г.Ф. Стендер писал в разных поэтических жанрах. Начав литературную деятельность с перевода оды X. Брокеса ("высокие песни") "Затишье после грозы", он неоднократно обращался к этому торжественному поэтическому жанру, и одна из его последних поэтических работ — упомянутая выше ода "Высокая песнь своим детям и внукам". У Стендера много оригинальной и переводной лирики о природе и любви. Вот пример:

Us zelta spēriņem vasariņa,
Nolaizdamās no debestiņa,
Mums līgo jaunu jaukumu.

Лето на золотых крыльях,
Спускаясь с небосклона,
Несет нам новую прелесть.
("*Maijīgāi*")

Значительное место принадлежит эпической поэзии с очень длинной вереницей наставительных строк, например, "Хороший хозяин" (230 строк), "Владение феи" (50 строк), "Березка" (96 строк).

И в оригинальной поэзии, и в переводах Г.Ф. Стендер достиг довольно большой гибкости языка и яркой образности, чем (как и интригующим сюжетом) объясняется популярность этой поэзии. Уже в первом опыте перевода на латышский язык — в оде X. Брокеса — есть стихи, которые по выразительности соперничают с оригинальными, а в отношении языка более совершенны, чем религиозные стихи современников Стендера.

Особое внимание Стендер уделял рифмам, подбирая их более или менее удачно, местами из-за рифмы изменяя слова.

Наибольшего совершенства языка и звучания строф Стендер добился в эпических стихах, в особо торжественных строфах. Так, например, в стихотворении "Господин-судья" (по латинскому тексту "Judicabit judices judex generalis") начало звучит:

Vīpas dienas tiesas-kungs
tiesas-kungus tiesās,
Tur neģeldēs augstība,
kas šē dzem pēc miesas.
Ko tad bēdās muižnieku,
lai pats lielskungs būtu!
Grēcinieks, kas vainigs ir,
sodu cietis gfūtu.

В поэзии Стендера нередко неестественное ударение слов. Следуя традициям религиозной поэзии, слова, образованные с помощью приставок, Стендер употребляет с двояким ударением — и на первом (приставки) слоге, и на корневом слоге.

Г.Ф. Стендер оставил советы по развитию поэтического искусства. В издании "Латышской грамматики" 1783 г. он поместил раздел об искусстве поэзии с наставлениями тем, кто желает предаться этому занятию. В частности, Стендер указывал, что "кандидатам в латышскую поэзию нужно постараться получить изрядное знание латышского языка, познакомиться с обычаями и образом мыслей этого народа и совершенствовать знание языка с помощью грамматики; будущему латышскому поэту нужно уметь по-латышски думать и свободно говорить" (с. 294). Стендер предвидел, что по его стопам пойдут другие литераторы немецкой национальности, которых заботили судьбы латышской духовной культуры.

Столь же популярными были переведенные, адаптированные и сочиненные Стендером рассказы и сказки. В наиболее полное издание 1789 г. ("Сказки и рассказы для латышей о веселье и мудром учении") вошли 80 сказок, 69 рассказов, в приложении 20 загадок и 10 поверьй ("вера в чепуху"). Сказки Стендера — это басни, в основе которых произведения Эзопа, Федры, Лафонтена, Геллерта и других авторов, большая же часть сюжетов взята из немецкого фольклора. Классические басни Стендер свободно пересказал. Как к сказкам, так и к рассказам присоединены наставления. Не только при жизни Стендера, но и долгое время после его смерти эти сказки и рассказы были одними из самых излюбленных книг для чтения. Некоторые басни многократно печатались в учебниках XIX в. Многие сюжеты вошли в устную народную традицию и варьированном виде передавались из поколения в поколение. Так, полностью фольклоризовались и как народные сказки вошли в сборники А. Лерхай-Пушкайтиса и П. Шмита басни о гагачих войнах, о глупой хозяйке, об умной лисе, о лисе и волке и др. Фольклоризовались даже отдельные речения, слившиеся с латышскими народными пословицами, например, "ворона что пареная, что не пареная" ("Ворона") —ср. "черного кобеля не отмоешь добела". Из той же сказки пошло выражение "украшаться (гордиться) чужими перьями". Подобных примеров довольно много.

Фольклоризация произведений Стендера свидетельствует не только об их популярности, но также об их приближенности к духовному миру латышей, чей духовный кругозор они во многом расширили. В духовном мире латышей художественные произведения Стендера нашли место рядом с богатым фольклорным наследием, но не заменили его, как желал того сам Стендер. Отношение Стендера к латышскому фольклору было двойственным. С одной стороны, он признавал древность народных песен, обратил внимание на мифологические образы, которые сохранились из далекого прошлого, изучал также другие тематические группы, анализировал строение народных песен и приемы пения (в грамматическом разделе "О поэзии"). С другой стороны, Стендер говорил о несовершенстве и наивности народных песен, объясняя это низким культурным уровнем народа. В свадебных песнях ему виделось попрание нравственности и, наверное, именно они побудили Стендера назвать латышские народные песни "вздорными" и попытаться заменить их своими песнями. Прозаический фольклор он также презрительно называл "бабьи старые сказки", где в противоположность его собственным дидактическим басням царит "бессмыслица и праздное времяпрепровождение" ("Сказки и рассказы", 1789. С. 4).

Песни Стендера и в самом деле уменьшали роль народной песни в латышском быту, также как хороводные его песни сузили функционирование народных игр. Но здесь, по-видимому, вина не только Стендера (большой ущерб латышскому фольклорному наследию причинили проповедники христианской религии и особенно движение братского прихода; к тому же у всех народов наблюдается уменьшение роли фольклора в связи с развитием письменной литературы).

С XIX в., когда И.Г. Гердер и его последователи вновь обратили внимание на народную поэзию, началось возрождение фольклора, и народное творчество вместе с письменной традицией заложили основы начала и быстрого развития латышской национальной литературы.

Литературная деятельность Стендера вызвала волну подражаний не только среди латышских писателей немецкой национальности, но и среди самих латышей. Особенно это относится к песням Стендера, которые служили образцом М. Витиню, Э. Динсбергу, Э.Ф. Шенбергу, Лапас Мартыню и другим литераторам вплоть до конца XIX в. Однако малоценные в литературном отношении опыты авторов этих песен и стихов исчезли в новом национальном литературном течении, истоки которого лежат в творчестве Г.Ф. Стендера.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Г.Ф. Стендер тщательно собирали, упорядочивал и анализировал материалы латышского языка, добившись успеха в двух разделах языкоznания — грамматике и лексикографии. Он был убежден, что "никто не сможет написать правильную грамматику, если не составляет в то же время словарь, или хотя бы если у него в основе нет хорошего словаря, и наоборот — никто не сможет составить словарь, не будучи хорошим грамматистом".

Грамматика латышского языка¹⁷ Стендера в большой степени опиралась на грамматику латышского языка (1685) Х. Адольфи, в которую был включен языковой материал К. Фюрекера. Однако сам Стендер указал на принципиальное отличие от этой лучшей для XVII в. латышской грамматики: грамматика Адольфи была написана по образцу латинской грамматики Доната, Стендер же для своей системы склонения и спряжения искал основу в самом латышском языке. Полностью не освободился от системы традиционной латинской грамматики и он, как отметил Я. Эндзелин: "и Стендер искал в латышском склонении тот же самый ablativ, который имеется в латинской грамматике, и ошибочно принял за него наш локатив"¹⁸.

В общем Стендер хорошо уловил и понял звуки и формы латышского языка и представил их в грамматике на научном для того времени уровне. Он хорошо отличал использовавшиеся в письменном языке формы среднего диалекта от форм говора; лишь кратко охарактеризовав говоры, он все внимание посвятил культтивируемым в письменном языке звукам и формам среднего диалекта, помогая им таким образом стабилизироваться в текстах. В сильно переработанном третьем издании грамматики¹⁹ принято следующее деление ма-

¹⁷ Neue, vollständigere lettische Grammatik nebst einem hinlänglichen Lexico, wie auch einigen Gedichten. Braunschweig, 1761 и издание 1763 г. (там же) с небольшими изменениями.

¹⁸ Эндзелин Я. Латышская грамматика и словарь Старого Стендера. Друва, 1914, N 9. С. 908. Ср.: Избранные произведения. Ч. 2. Рига, 1974. С. 549.

¹⁹ Автор считал его вторым изданием. Титульный лист оригинала: Lettische Grammatik. Zweite Auflage, von dem Verfasser selbst verbessert und von neuem umgearbeitet. Mitau, 1783.

ТРИ ЗАМЕТКИ О СТАРОМ СТЕНДЕРЕ

I. ДЕЛО И СЛОВО СТЕНДЕРА

Готтхард Фридрих Стендер (1714—1796), сам называвший себя Старым и нередко называемый так и поныне, был ярчайшим деятелем латышской культуры второй половины XVIII в. В целом, несмотря на ряд интересных и полезных исследований, написанных в прежние годы или появившихся за пределами теперешней Латвии, он все еще не оценен по достоинству во всей полноте сделанного им. Отрадно, что после большого перерыва появились признаки возрождения интереса к Стендеру и запланировано издание отдельных его сочинений. Но уже сейчас ясно, что нужно готовиться к изданию полного собрания его сочинений, потому что без этого в книге истории латышского просвещения именно основная ее глава окажется неполной и приблизительной. Кем был этот человек, скромно подписывавший свои книги именем серпильского и сунакстского учителя и пастора¹ и лишь в автоэпитафии осмелившись сказать о себе — тоже скромно, но все-таки не без гордости — "Латыш"²? И что это было за время, которое призвало его и теперь по праву может быть названо "стендеровой" эпохой латышского просвещения? И то и другое плохо известно русскому читателю, и потому уместно сказать об этом несколько слов.

Начало XVIII в. не сулило ничего хорошего этому уголку Европы. Северная война не только сохранила, но и увеличила раздробленность страны. Курляндия, Лифляндия и Латгалия существенно различались в политическом, экономическом и культурном отношениях. Бедствия этой войны и ужасы чумы тяжело поразили все эти части Латвии. Деревни обезлюдили, бедность приняла неслыханные размеры. Жизнь в городах и даже в самой Риге как бы приостановилась и замерла. И только к середине века стали заметны первые, пока еще робкие следы консолидации экономики и культуры³. Во второй половине века экономическая ситуация выправляется. Материальный

¹ Ср.: "Masa Bihbele. Tai irr: Swehti Stahsti [...] istaisiti no ta wezzā Sehrpilles Mahzitaja Stendera" или "Pasakkas un Stahsti [...] No jauna pahrluhkoti un wairoti no ta wezzā Sehrpilles un Sonnakstes Baſnižkunga Stender", или, наконец, "Ta wezzā Stendera Augstas Gudribas Grahmata [...] no jauna pahrluhkota un wairota no to jauna Stendera Sehrpilles un Sonnakstes Baſnižkunga". Благодаря любезности К.А. Каулиса автор имел возможность пользоваться прижизненными изданиями сочинений Стендера и другой труднодоступной литературой.

² Sche aprakts / Gotthard Friedrich Stenders / Latwīs / dsim. 1714 / mir. 1796 / ar sawu gaspaschu — Написано на могильном камне на кладбищенском холме в Сунаксте.

³ Ср.: Arndt J.G. Gedancken über den Anfang der schönen Wissenschaften in Liefland. Riga, 1754, — где уже говорится о "bemerkbare kulturelle «Morgenröte»". Подробнее о латышской культуре XVIII в. говорится в замечательном исследовании, богатом и фактами и оригинальными взглядами: Johansons A. Latvijas kultūras vēsture. 1710–1800. Stockholm, 1975. — перевод которого на русский язык весьма желателен.

© В.Н. Топоров, 1989

териала (по терминологии того времени): введение (о латышском языке), орфография (включая фонетику), этимология (имя существительное, имя прилагательное, местоимение, причастие, глаголы со спряжением, предлоги, наречия, частицы, производные и сложные слова), синтаксис (употребление различных частей речи и их изменение, некоторые особенности латышской речи), диалекты, идиоматизмы (пословицы, загадки; мифология), поэзия.

Латышский язык Стендер сравнивал с литовским (назав его сестрой латышского языка) и с русским языком, но ошибочно считал, что балтийские языки произошли от славянских языков. Стендер также не понял некоторых грамматических форм (например, супин), но в общем хорошо рассмотрел и прокомментировал грамматический строй латышского языка: "Насколько можно спрашивать с человека того времени и при том нелатыша, следует оценить работы Стендера в языкоznании на "хорошо", — признал Я. Эндзелин²⁰. Грамматика латышского языка Стендера оставалась лучшей и наиболее полной на протяжении многих десятилетий — до издания в 60-х гг. XIX в. грамматики А. Биленштейна.

Первый вариант латышского словаря Г.Ф. Стендера был присоединен к грамматике (1761 и 1763). Значительно дополнив и полностью переработав, Стендер издал словарь как самостоятельную книгу в 1789 г²¹. В его замысле входило составить полный словарь латышского языка, который содержал бы весь словарный запас. Для этого он включил в словарь не только услышанные и записанные им слова, но также лексикографический материал из словаря К. Элверса (1748) и словаря И. Ланге (1772—1777).

Словарь имел большое культурно-историческое значение. "На протяжении примерно ста лет это было самое широкое обобщение словарного состава латышского языка, которое послужило и первым авторам латышской национальности в их литературной работе, а позднее младолатышам, которые начали заботиться о создании латышского литературного языка. Многие пометки Райниса на собственном экземпляре словаря Стендера свидетельствуют о том, что поэт тщательно изучил его, чтобы использовать лексику в своей работе"²².

²⁰ Эндзелин Я. Латышская грамматика и словарь Старого Стендера. Друва, 1914, N 9. С. 910. Ср.: Избранные произведения. Ч. 2. С. 553.

²¹ Lettisches Lexicon. In zweien Teilen abgefasset und den Liebhabern der lettischen Literature gewidmet. Mitau, 1789. Параллельно это издание появилось как издание И.Ф. Харткноха в Риге.

²² Розе Л. Мир с точки зрения словаря. Рига, 1982. С. 64.

достаток лифляндского дворянства вызывает потребность в предметах роскоши и культуры. Строятся замки, дворцы, богатые особняки. Появляется интерес к садово-парковой культуре. Быстро расширяется книгоиздательская деятельность и книжная торговля. Основываются библиотеки, архивы, появляются частные художественные собрания, открываются первые музеи. Несомненны успехи школы и образования. Возникают ученые общества, и, хотя поддержка со стороны официальных инстанций обычно отсутствует, они успешно функционируют, и можно даже говорить о моде на науку, об интересе к некоторым ее результатам (в частности из числа "курьезных") среди известной части городского населения. Театр, музыка, литература все глубже внедряются в быт и в определенном кругу становятся потребностью. Пробуждается интерес к народной словесности, к крестьянским обрядам, к пережиткам латышской языческой мифологии — вплоть до попыток создания старого латышского псевдо-пантеона (J.J. Harder, K.L. Tetsch, J. Lange, P. Einhorn, G.F. Stender). Особенно велико значение деятельности Гердера как "открывателя" народной песни. Оно имеет резонанс по всей Европе, но, как предполагают, толчком к этому открытию было знакомство с латышскими дайнами⁴. Общественная и культурная жизнь активизируется и вырабатывает новые формы. Рига становится бесспорным лидером при наличии и других более или менее влиятельных центров. Налаживаются более интенсивные контакты с Германией и немецкой культурой — поездки в Германию и приезд иностранцев, установление личных связей, издания немецких книг, внимание к новинкам немецкой литературы и т.п. В этом отношении показательна роль рижского "ратсгерра" И.Хр. Беренса (особенно в 1764—1769 гг.) и лиц, входивших в его круг. Сам он в течение всей своей жизни поддерживал дружеские отношения с Кантом и Гердером и был одним из ведущих проводников просвещения⁵.

Культурная жизнь Курляндии во второй половине XVIII в., отражая общие тенденции развития и так или иначе испытывая влияния, идущие из Риги, входившей в состав Российской Империи, тем не менее весьма специфична. В этот период можно говорить об относительном благосостоянии Курляндии⁶. Жизненный уровень крестьян здесь был выше, чем в Лифляндии, а культурная жизнь верхов отличалась, пожалуй, особой интимностью и тонкостью, той достойной аристократичностью, которая нередко сохраняется в просвещенных монархиях, не имеющих особых внешнеполитических амбиций и на время выпавших из-под притязательной опеки более сильных и влиятельных соседей: Польше, Швеции и Пруссии в эти десятилетия было не до Курляндского герцогства, а Россия, не спуская с него

⁴"Das Herdersche in Herder ist in Riga gewachsen" — скажет один исследователь, см.: *Stavenhagen K.* Herder in Riga // Abhandlungen der Herder-Gesellschaft und des Herder-Instituts zu Riga. I, 1, 1925 (цит. по книге: Johansons A. Op. cit.). Ср. также: Wegner A. Herder und das lettische Volkslied. 1928.

⁵ В 1790 г. в Либаве вышло первое издание кантовской "Critik der Urtheilskraft" (фирма De Lagarde & Friedrich).

⁶ См.: *Rechenberg-Linten E. von.* Zustände Kurlands im vorigen und diesem Jahrhundert. Mitau, 1858; Johansons A. Op. cit. и др.

взгляда с начала века, пока не торопилась; польские дела интересовали ее прежде всего и сулили ей большее. И тем не менее Курляндия как самостоятельное государство доживала свои последние дни. Политическое аутсайдерство вовне и осознаваемая и ценимая "влюбленная тишина" внутри способствовали развитию культурной жизни в этом краю. В ожидании неизбежного времена как бы отключилось, замерло, но ни о какой дремотности и застое говорить в этом случае нельзя. Напротив, в течение трех-четырех десятилетий именно в Курляндии склубился некий очень своеобразный и привлекательный культурный комплекс, который пока не нашел ни своего конгениального исследователя, ни такого же своего певца⁷. Жизнь этого культурного "курляндского" универсума была короткой, пространство его ограниченным, но сам он и сейчас не может не привлекать к себе сочувственного внимания какой-то особой проникновенностью и интимной уютностью, печатью мистических ожиданий и той открытостью и свободой разума, которая лишь ненадолго освещает своим лучом лучшие моменты эпохи Просвещения, контролируемой рафинированностью своих вершинных проявлений и разумной и нравственной простотой, практичностью "низовой" культуры⁸.

Говоря о культурной жизни образованных верхов Курляндии, нужно, хотя бы панорамно, напомнить о дворе обоих Биронов, об изысканных герцогских замках и садово-парковых ансамблях;

⁷ Им не стал и Зиедонис, почувствовавший, однако, потребность цельного постижения "курляндского" феномена ("Kurzemite").

⁸ Изучение культуры Курляндии второй половины XVIII в. весьма важно и в связи с проблематикой русской культуры этого времени. Ряд выдающихся фигур были деятелями обеих культур. Культурные связи Курляндии и Петербурга были в это время довольно регулярными, хотя многое относительно их остается пока еще не выясненным. Курляндия была для русских путешественников XVIII в. первой "заграницей" и окном в Европу. В Пруссии попадали через нее, и она была необходимым переходом. Покинув Hôtel de Petersbourg в Риге, Карамзин во время своего путешествия направился на юг. В записи, помеченной "Курляндская корчма, 1 Июня 1789", находим: "Восходящее солнце разбудило меня лучами своими [...] Мы въехали в Курляндию — и мысль, что я уже вне отечества, производила в душе моей удивительное действие. На все, что попадалось мне в глаза, смотрел я с отменным вниманием, хотя предметы сами по себе были весьма обыкновенны. Я чувствовал такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовал. Скоро открылась Митава. Вид сего города некрасив, но для меня был привлекателен. Вот первый иностранный город, думал я — и глаза мои искали чего-нибудь отменного, нового [далее краткое описание города и герцогского дворца. — В.Т.]. Мы остановились в трактире, который считается лучшим в городе [кажется, десятью годами ранее здесь останавливался граф Калиостро. — В.Т.]. Тотчас окружили нас Жилы с разными безделками. Один предлагал трубку, другой старый Лютеранский молитвенник и Готшедову Грамматику [того Готшеда, который сильно повлиял на Стендера, особенно своим трудом "Erste Gründen der gesammten Weltweisheit", 1733. — В.Т.], третий зрительное стекло. [...] Выехав из Митавы, увидел я приятнейшие места. Сия земля гораздо лучше Лифляндии, которую не жаль проехать зажмурясь"; ср. далее о ночлеге в корчме, о вечерней прогулке по берегу реки и воспоминания о гуляниях с Пт. под Андроньевым монастырем при заходе солнца, о Чистых Прудах. — "Думал ли я тогда, что ровно через год буду наслаждаться приятностями вечера в Курляндской корчме?" (и, как оказалось, думал: еще в Москве автор задумывал роман о путешествии, где преподлага-

о курляндском барокко в интерпретации Растрелли (дворец в Митаве и опытах рококо; о митавском "маленьком Версале" Людовика XVIII, пережидавшего здесь бури французской революции, о других знатных гостях и путешественниках, среди которых были Казанова и Калиостро; о той атмосфере мистичности и таинственного ожидания, которая окружала последнего во время его пребывания в Митаве и так проницательно воссоздана Кузминым, о ложах свободных каменщиков с их высокими духовными устремлениями; о "цейтишрифтах", возникавших как грибы после дождя⁹, об Academia Petrina в Митаве и Академическом Гимназиуме, о немецких школах и выдвижении вопроса о просвещении латышских крестьян¹⁰; о митавской "akademische Sternwarte" и Hoftheater'e, о школьной драме в Митаве, итальянских певцах и проникновении в Курляндию современных романсов, о формировании литературных вкусов и оформлении самого статуса литератора, об увлечении Я.М. Ленцем (1751—1792) и Ф.Г. Линднером (1772—1845), о курляндских поэтах — К.А. Кютнере (1749—1800) и Хр.Ф. Неандере (1723—1802); о церковной литературе на латышском языке и прежде всего духовных песнях, о переводческом деле и просветительской деятельности пасторов с их воскресными "Bekanntmachungen", читаемыми в кирках; о более глубоком проникновении христианства в быт латышского крестьянина и приобщении к "мировой" культурной истории; о курляндском патриотизме (*Kuronia* resp. *Kiota* Кютнера) и чувстве социальной справедливости (штейнековская канцата против курляндского дворянства и сочувствие к крестьянству, предвосхищающие гуманные идеи Г. Меркеля); о развитом морском флоте — военном и торговом, о курортном деле в Курляндии (она была в этом отношении первой на Балтике) и о бальнеологии и т.д. и т.п. — вплоть до курляндских пейзажей и мира вещей (интерьер, nature morte), которые, кажется, только к концу века стали не только необходимыми рамками жизни, но и эстетическими категориями.

Все это и составляло тот мир, в котором жил Стендер, и определяло два его полюса — европейскую культуру (прежде всего в ее "немецкой" версии) и латышскую народную культуру, которую он наблюдал, познавал, изучал и для которой он так много сделал, пытаясь, насколько это было тогда возможно, приблизить "латышский" полюс к "европейскому". Здесь нет необходимости подробно говорить о жизни Стендера и о деле (или точнее — многих делах)

лось изобразить именно то, что он встретил в действительности). — Не одному русскому путешественнику, проезжавшему через курляндские дюны, приходили в голову мысли, сходные с тютчевскими *Через ливонские я проезжал поля...* Став частью Российской Империи, Курляндия все-таки еще долгое время сохраняла свою культурную самостоятельность, хотя неповторимость и цельность культурной картины прелыдающей эпохи была утрачена.

"Ср.: "Mittauische Nachrichten", "Mittauische Anzeigen", "Mittauische Monatsschrift", "Der Philanthrop", "Für Leser und Leserinnen", "Geoponika" (с середины 60-х годов до конца века).

¹⁰ Ср.: *Elverfeld C.G. Philosophische Abhandlungen, Reflexionen und Remarken jedem denkenden Kopfe lesbar*. Libau, 1793 (немецкий пастор о "die Aufklärung der Bauern").

его жизни. Они сейчас довольно хорошо известны¹¹, и здесь достаточно упомянуть его основные сочинения в хронологическом порядке, чтобы представить себе объем сделанного и его последовательность:

- 1753 — Die auf starkes Ungewitter erfolgte Stille..., ins Lettische übersetzt ... Rāms laiks pēc pērkona briesmas.
- 1756 — Svēti Stāsti (другие издания под названием *Maza Bībele*) — 1790, 1839, 1854, 1864 и др.).
- 1761 — Neue vollständigere Lettische Grammatik, nebst einem hinlänglichen Lexico, wie auch einigen Gedichte (2-е изд. — 1783, см.).
- 1766 — Jaukas Pasakas un Stāsti.
- 1766 — Pasakas un stāsti (2-е изд. — 1789); переработанное издание Jaukas Stāsti.
- 1771 — Gedanken über die Lavaterschen Aussichten in die Ewigkeit.
- 1772 — Wahrheit der Religion wider den Unglauben der Freigeister und Naturalisten (2-е изд. — 1784).
- 1774 — Jaunas ziņges.
- 1774 — Augstas gudrības grāmata no pasaules un dabas (2-е изд. — 1776; переработанное и дополненное — 1796).
- 1774 — Svetas gudrības grāmatipa.
- 1776 — Tās kristīgas mācības grāmata.
- 1782 — Jauna ABC un lasīšanas macība (другие издания — 1787, 1797).
- 1782 — Jauna gada vējšanas pēc ikkatra gribēšanas.
- 1783 — Lettische Grammatik (см. 1761).
- 1783, 1792 — Jauna izskaidrota dziesmu grāmata. 1—2 d.
- 1783 — Ziņgu lustes. I daļa (другие издания — 1785, 1795).
- 1787 — Bildu ābice.
- 1789 — Zipg'u lustes. II daļa.
- 1789 — Ielūzes divpadesmit svētas dziesmas.

¹¹ Значение Стендера хорошо сознавалось уже его современниками. Не прошло и десяти лет после смерти Стендера, как появилось первое его жизнеописание: *Czarnowski J. Stenders Leben*. 1805. Более важны, однако, появившиеся позже труды о Стендере, особенно: *Kundziņš K. Vecais Stenders savā dzīvē un darbā*. Jelgavā, 1879 (ср. его же издание: *Vecā Stendera raksti*); *Kundziņš K. G.F. Stendera bibliografija* // *Cejī IX*, 1939; *Klaustiņš K. Latviešu pastorālā līrika* // *Mājas Viesa Mēnešraksts*, 1900; *Bērziņš L. Latviešu tautas dzeja Stendera un Herdera laikmetā* // *FBR VII*, 1927; *Lejnicks K. Vecā Stendera dzīve un darbi* // *Vecais Stenders. Dzīve un darbi. I. Rīgā*, 1938, 9—78; *Johansons A. Op. cit.*, 202—208, 237—241, 326—329, 406—409, 426—429, 433—440, 463—478, 547—550 и др. Уместно обратить внимание еще в самом начале XX в. (работа К. Клаустиньша 1900 г.), ср. позже: *Stepermanis M. Latviešu stavoklis XVII un XVIII g.s. un apgaismotāju kusūtā Latvijā* // *Latviešu literatūras vēsture* / Prof. L. Berzīpa visredakcijā. II. Rīgā, 1935; *Idem. Vecā Stendera sabiedriskie uzskati* // *Izglītības Ministrijas Mēnešraksts* 10—11, 1936 (далее — IMM) и др. К сожалению, эти работы практически недоступны русскому читателю. Публикуемая здесь заметка К. Каулиса может служить первым введением в "стендероведение" для русской аудитории. Из современных латышских работ о Стендере ср.: *Latviešu literatūras vēsture. I. Rīgā*, 1959, 437—466; *Karulis K. Latviešu grāmata gadsimtu gaitā*. Rīgā, 1967, 58—64.

1789 — Pasakas un stāsti (2-е переработанное и дополненное издание).
1789 — Lettisches Lexikon. I—II.

Этот перечень станет еще более конкретным и весомым, если сказать, что над "Латышским словарем" Стендер работал сорок лет, и ряд других трудов также были плодами многолетней работы, а особенно если хотя бы вкратце очертить весь круг занятий этого великого труженика.

Стендер был немец, и все немецкое было ему близко и дорого — по рождению и по душе, по необходимости и по свободному выбору, и от "немецкого" он никогда не отказывался. Более того, он гордился этим наследием и ценил его очень высоко. Но это никак не ставит под сомнение его укоренность в латышской жизни. Род Стендера происходил из Голландии, но задолго до рождения Стендера его предки переехали в Латвию, и четыре их поколения учительствовали в "беднейших и темнейших" (как говорит биограф Стендера) частях Курземе и Латгалии. Сам Стендер родился и умер в Курзeme, хотя учился в Германии (Иенский университет) и в Дании¹². Латышский, специально курземский патриотизм Стендера бесспорен, и ставить его подлинность в зависимость от того, "прогрессивны" ли были его взгляды на латышское крестьянство, значит нарушать и здравый смысл, и дух историзма¹³, невольно требуя (и, кстати, считая это лучшим выходом), чтобы Стендер думал так, как крестьяне, и хотел того, что и они. Но как пастор и учитель он стоял выше крестьян. Именно в этом было его преимущество, его "избыток", которым

¹² О его пребывании в Дании см.: *Jēgens O. Vecais Stenders Kopenhāgenā // Daugavas rakstu krājums*. Uppsala, 1957.

¹³ В определении таких понятий, как "патриотизм" или "любовь", можно опираться или на то, что человек чувствует, или на то, что он сделал для объекта своих "патриотических" чувств или любви. Первое чаще всего скрыто, но и когда человек открыто говорит о своих чувствах, ему нередко склонны не доверять. Второе надежнее, и в случае Стендера оно говорит само за себя: его дела, несомненно, свидетельствуют о его отцовской привязанности и заботе о латышском крестьянине. Он не был и не хотел быть Дон Кихотом; напротив, он был очень практичен и очень трезв. Все, что он делал, всегда соотносилось не с благими, но иллюзорными пожеланиями и мечтаниями, а со сферой возможного и необходимого. Только стоит на такой позиции, можно было сделать так многое доброго, как сделал Стендер. И поэтому едва ли стоит излишне строго реагировать (и тем более делать неоправданно резкие заключения) на известный девиз Стендера — *Strādāt, peltīt, pataupīt, saviem kungiem paklausīt* 'работать, зарабатывать, копить, своих господ слушаться', тем более, что в этом изречении не только добрый (в понимании его автора) совет, но и несколько нарочитое, как бы предполагающее "смутьянскую" (и безусловно гибельную для того времени) альтернативу, указание исходной позиции, "разумного" status quo, минимума, который при частном следовании девизу даст многое, тот modus vivendi, который ведет к правильному пути. Каков был для Стендера идеальный крестьянин, можно судить по сочиненной им на мелодию "Kas kait man savā sētiņā" песне "Labs saimnieks" ("Хороший хозяин"). Ср.: *Es biju nabags audzēknis — Bet kāds es nu iedzīvojis! / Man sēta bagāta, / Redz, kādi lopi, zirdziņi, / Skat, kādi lauki, darziņi, / Un klēti pilnība! / Man maizes ir un kāposti/ Un godam cepel's, pīrāgi, / Labs alutīš iekš pagraba / Un piens un medus skapiņā. / ... Pie darbiem un pie sātības / Un dzīvošanas šķīs-tibas / Ir vesels viss mans nams. / Nāk slimība, tad padomu / Un zāles muižā meklēju / Viš skaidri izteikdams. / Bet kad pie visas kopšanas. / Tā liga tomēr niknojas, / Tad labu ārsti meklēju / Un gaidu Dieva palīgu. / ... Jau septiņdesmitis*

он мог делиться с ними. И они были десятилетия объектом его просветительской и филантропической деятельности, плоды которой были и устойчивыми и долговременными. Кроме того, он знал, что "Die Lettische Nation bedarf noch vieler Verbesserung (а о каком народе нельзя сказать этого! — B.T.), wenn sir menschlicher bilden und mehrern Nutzen fürs *gemeine Beste von ihr schöpfen will*"¹⁴. Его деятельность начиналась в узком круге прихода, где пастор обращался к пастве с проповедью в кирхе, а за ее пределами — с наставительными беседами и советами. Но этим узким кругом деятельность Старого Стендера не замыкалась. Более широкую, со временем почти общегосударственную арену открывало печатное слово на латышском языке, обращенное к латышам.

Три сочинения Стендера привлекают в этой связи особое внимание — "Augstas gudribas grāmata", "Svēti stāsti" (позже — "Maza Bībele") и "Pasakas un stāsti". Их значение состояло в том, что в сумме они были своего рода энциклопедиями или антологиями тогдашнего знания и литературы, художественной словесности, беллетристики, предназначеными для простых латышей, тем необходимым минимумом сведений и образцов, который вводил читателя или слушателя в круг элементарных представлений о природе и ее явлениях, о мире в целом и своей стране, о священной истории и основах христианской религии и знакомил с образчиками нарративного жанра — назидательными, развлекательными, иногда курьезными.

Трудно не податься очарованию многих страниц "Книги высокого ума"¹⁵, начиная с предисловного обращения к "дорогим латышам":

Mihļi Latweeschi!

Schē jums tohp ta augstas gudribas grahmata ohtru reisi un kā no jauna dohta. Juhs tanni daudz sweschas leetas lassiseet. Ne dohmaeet, ka semneekam tahdas augstas Sinnaschanas ne waijaga. Kad wiensch sawus lauku un mahjas darbus jeb kautkahdu ammatu proht, kad wiensch gudrs irraid

gadu vecs, / Vēl manas acis skaidri redz / Vēl nedreb rociņas. / Es klusā prātā dzīvojis, / No Dieva allaž dabūjis. / Kas der pie laimības. / Kas devis ūtēt to sākumu, / Tas dos man tur to pilnību, / Un taisna sirds iekš tīcības / man galvo debess svētības. — Ср. также стихотворение, напечатанное в первом издании "Lettische Grammatik" и обнаруженное хорошее знание автором и реального курземского крестьянина: Nabags zemnieks kurzemnieks, / Cik tev goda, kāds tev prieks! / Sausu maizi paēdi, / Ūdens malku nodzeri, / Darbi pillam, miega maz, / Dūmi izgrauž actīnas, / Pātags kapā pakalu, / Rīkstes brižam muguru. / Tomēr esi nebēdnieks, / Nabags zemnieks kurzemnieks. Ср. и "Bāriņš".

¹⁴ С этих слов начинается "Vorrede" к стендлеровскому "Lettisches Lexicon" (Mitau, 1789).

¹⁵ "Ta wezza Stendera Augstas Gudridas Grahmata no Pasaules un Dabbas taggad no jauna pahrluhkota un wairota no ta jauna Stendera Sehrpilles un Sonnakstes Baſnīzunga" (Jelgava, 1796), — "Jauns Stenders" — Александр Иоганн Стендер (1744—1819), сын Старого Стендера, пастор в некогда отцовском приходе, писавший также стихи, подражая отцу. Ср.: *Stenders A.J. Jauna-gada vēlešanas*. Jelgavā, 1793; *Idem. Dziesmas, stāstu-dziesmas, pasakas etc.* Jelgavā, 1805; *Idem. Dziesmu-Kalendars uz 1811-tu gadu...* Jelgavā, 1811. О нем в связи с латышским языком: *Ozols A. Veclatviešu rakstu valodas. Rīgā, 1965, 422—426* (раздел — Aleksandra Johana Stendera attieksme pret latviešu valodu).

pee mainischanas un pahrdohschanas, kad sawus pahtarus noskaitiht un kad daudſ, lassiht mahk, kam wehl 3ittas gudribas waijaga? Bet kadehl sakka Sahlamans: Gudriba irr labbaka ne kà pehrles, un wiss, ko tu tikkai warri ewehletees, ne irr ar tahs salind ſinajams. Pateesi, mihi Latweeschi, tà kà ta deewabijaschana derr pee wissahm, prohti garrigahm leetham, tà derr ta gudriba ir pee schahm, kà pee wissahm 3ittahm laižigahm waijad ſibahm. Jo wairak weena tauta ihstâ labbâ gudribâ peeaug, to ~~wiñas~~ laime jellahs. Gudrais ſinn wissâ likstê lihd ſetees, negudrais ar weenu grimst, kamehr isgaist. Gudriba aplaimo waldischanas, gudriba darra ſemmi augligu, gudriba dohd preeku, wesselibu, mantas un ilgu dſihwoschanu. Scho juhsu gudribu, kas nuhle tikkai maggeniht sahk aust, jo wairak skaidroht esmu es apæhmee, Deewam par gohdu un jums par gaischumu, to leelu pasauli un to dabbu eeksch tahs aprakstiht. Es to tà aprakstischu, kà ir juhs tohs gudrus padohmus un tahs taisnas ſiñas eeksch Deewa darbeem atſihtut. Jums bes tam, kà laužineekeem, ar dabbas-leetahm, kas wirs jums, apkahrt jums un appaksch jums irraig, wairak ja darbojahs, ne kà istabneekeem pilſatôs.

Ну тад, міхл/i Latweeschi, зилажеет працу, устахм аугсгс гудрибас леетамн, ко ес юмс кà Tehwos un Draugs исстахтисчу, пех3 та спекха, ко Deews ман дэвис, ар юмс но schlahdahm леетамн samannigi runнати [...].

Сама книга — о вселенной и природе. В ней очень просто, разумно и кратко в нисходящем порядке объясняется окружающий мир, среди обитания человека и сам человек и, конечно, излагаются главные мысли о Боге. Книга как бы совмещает в себе курсы природоведения, астрономии, физической географии, этнографии, истории, богословия, и поэтому она, действительно, для многих поколений была подлинной народной энциклопедией. Эта "энциклопедия" строится по тематическому принципу, который, во-первых, вообще был популярен в те времена и, во-вторых отвечал очередности тем (небо, земля, человек и т.п.) в мифологических фольклорных текстах о творении. Ср. разделы — No ta leela debbes-gaisa (к характеру описания: Tas leelajs debbes-gaisa isskattahs muhsu azzim, kà augsta sillä welwe, pee ka pee deenas saule staiga, un pee nakts mehnes spihd un swaigsnas mirds. Scho welwi mehs sauzam to augstu debbes nammu ... и т.п.), No muhsu semmes (Mehs ne runnajam schè no muhsu tehwa-semmes, kur mehs dñihwojam, bet no wissas semmes kas arridsan ta plascha pasaule appaksch saules saukta tohp...), No muhsu appakschaja gaisa, No teem wehjem, No tahm uhdengahm gaisa-leetahm, No tahm uggunigahm gaisa-leetahm, No tahm leetahm, kas gaisâ spihgušo, No tahm walstim wirs semmes (о европейских государствах), No Kursemmes¹⁶, No Widjemes un Igaunu-semmes. Очень интересна главка о Петербурге — Ta XI. nodalla. No Pehterburgas pilsata: Pehterburga, schis leelais pilsats, kur ta leela Kreewu keisareene ar saweem augsteem peederrameem ar augstu gohdu mahjo, bija preeksch simts gaddeem pohsta weeta; bet kad tas leelais Kreewu Keisars Pehters, eesahze wissu Kreewu walsti kà no jauna raddiht, tad wiisch scho sawu isredseja weenu pilsatu

¹⁶ Начало: Kapeh³ mums no Kursemmes, no muhsu tehwa-semmes, ko mehs pasihf-tam, dauds finnas waijaga? Es atbildu: Tas gan maſ buhs, ko nemahzihts semmneeks finna ... Конец: Tad Kursemme buhtu pateesi laimiga semme saužama, un pilnumbs buhtu wisses mallās.

uszelt, kur wiñsch neween pats ar gohdu warretu mahjot, bet arridsan karra-kuggus usbueht un ȝaur teem sawu walsti apstiprinaht un ȝaur juhƿas kuptscheschanu sawus pawalstneekus baggatus darriht [...] — и в финале: Maſ-sakkot, baggats schè wiss par sawu naudu dabbuht, un kahru sirdi us wissadu wihi apmeerinaht warr. — И далее: No tahn ȝittahm pasaules dallahm un semmehm (об Азии, Африке, Америке, Австралии), No kalneem un tuksnescheem, No juhƿas, uppehm un awoteem¹⁷, No daschahm sweschahm leetahm eeksch tahlahm sweschahm semmehm un juhƿahm, No tahn saules un wiñnas gahjuma apkahrt femmes¹⁸, No tahn mehn̄es, No saules- un mehn̄es aptusoschanas, No Kalendara (большой раздел с указанием латышских народных названий месяцев, перечислением праздников и приведением способов их вычисления), No tahn ſwaigsnehm, No muhsu passaules ehkas, No tahn ſiñnas, kà muhsu pasaules-ehka ȝittadi eetaisita, ne kà azzis rahda, No ȝittu pasauļu eedſihwotajeem, No wissa debbes-pulka, No tahn dabbas, No tahn dabbas ahra-pusses, No tahn dabbas eekschikigas buhschanas, No tahn dabbas likkumeen, No tahn mahjibahm pee pasaules un dabbas, No muhsu pasaules notikkumeem, jeb stahsteem (об ассирийском, персидском, греческом и римском государствах, наконец, V. Ta Tattaru-jeb Kreewu waldischana).

Вторая часть опять открывается с обращения, начинающегося с указания на то, что сказанное выше лишь небольшая часть знаний о вселенной и природе (Mihli Latweeschi! Schi nu irr tahs pasaules-un dabbas Mahžiba, ko es aprakstijis esmu. Ne dohma, kā schi mahžiba pilniga un jau wissa irraig. Kas warr Deewa darbus un stahdijumus beigt? Tas, ko es rakstijis esmu, irr tikkai eesahkumiensch. Simts grahmatas ne peetiks, Deewa darbus isstahstiht...), и кончающегося словами о Боге и о латышском народе — Tu wissuwaldigais Deews un Tehws, kas tu tahs zilweku sirdis lohžiht watti kā uhdens-uppes, kurp gribbedams, apgaismo jel zaur taweem wahrdeem un darbeem attīdsan to Latweeschu tautu, un lohži wiinu sirdis us tawu skaidraku atſihschanu Tew peederr gohds un peeluhgschana muhscham! Amen! Основной корпус второй части составляют стихотворения и песни (Augstas Dſeesmas un Singes), тоже в значительной степени тематические (Tas Rihts, Tas Wakkars, Rihta dſeesma, Ta Deewiba, Deewa nepahrwehrschama buhschana, Pasaules raddischana, Deewa Gohds и т.п.). Среди стихотворных текстов — Gaisma jaukums pehž pehrkona breesmas (Aus Brockes Irdischem Vergnügen in Gott, о чём см. далее) и еще один перевод из Брокеса, одного из любимых поэтов Стендера:

Ta muhschiba

Aus dem Brockes Augsta Si

Besgalligs wahrds tahs garris muhschibas!

Pec ka jau wiss prahti reibst un stahjahs!

Ak dsi'llums, ko ne weens isdibbinahs,

Lai wissas pasauls-dohmas kohpā krahjahs!

Ir engels paleek kluss, tew dohmadams,
Tew dohmadams, tew dohmadams.

¹⁷ Преимущественно о тех, что по соседству

¹⁸ Здесь приведена схема Курземе (с. 118).

Заключают книги — Augsta eepreežinaschana, Augstas gudribas dohmas no zilweka tapschanas, Augstas gudribas dohmas no Deewa padohma pec zilweka buhschanas. Philosophische Gedanken: Erstes Wesen aller Wesen. — Tu wisspirma buhschana, / Kuuras spehks un Deewiba / Wissas debbes-debbesis / No neneeka radjis!

Вторая книга — "Святые рассказы" ("истории")¹⁹, и она представляет собой антологию кратких переложений библейских текстов, "энциклопедию" Священной истории в рассказах, сопровождаемую катехитически построенным комментарием, подлинную "Малую Библию". В первой ее части 52 рассказа из Священной истории от сотворения мира до рождения Иисуса Христа "Latweescheem par labbu". Выбор историй сделан с большой продуманностью, само изложение их очень экономно и просто, во всем ощутима забота о читателе или слушателе. Все должно быть понято, усвоено и прочувствовано. Параллельно каждой истории дается список вопросов, которые в своей совокупности как бы еще раз "прорабатывают" содержание в его важнейших узлах и мотивировках. Тут же следуют так наз. "mahzibas", построенные как вопросо-ответные серии, рассчитанные не просто на понимание текста, но на умение сознательно пользоваться усвоенным, делать из него дальнейшие выводы. Чтобы понять структуру этой книги, уместно познакомиться с тем, как строится отдельный рассказ (далее цит. по 4-му изд., 1854). Ср.:

цит. по 4-му изд., 1854). Ср.:
Pirmais stahsts. No pasaules raddischanas. 1 Mohſ. graham. 1 un 2 nod.
1. No muhschibas ne bija neneeka , kà tikkai Deews (Dahw. ds. 90,2.
33,6). 2. kas ir weens weenigs eeksch sawas buhschanas, 3. bet trijads
eeksch ihpaschibahm, Deews tas Tehws, Deews tas Dehls, Deews tas
zeenigais swehtais Gars. 4. Schis trihsweenigais Deews raddija 5. pa-
saules eesahkumâ 6. debbesi un semmi un wissas 3ittas redſamas un
neredſamas leetas 7. no neneeka 8. zaur sawu wisspeh3igu wahrdu. 9. Un
ta femme bija eesahkumâ ne-istaisita un tukscha 10. un tas Deewa Gars
liddinajahs pa uhdens wirsu. 11. Eeksch seschahm deenahm istaisija
Deews wissas leetas, kas ween debbesis un ſemmes wiſū, ir, 12. sa33idams:
Lai tohp! 13. un wiss tappe un notikke tå, kà Deews bija sa33ijis. 14. pirmâ
deenâ gaisma dohdahs, 15. otrâ plattums debbesi, 16. treschâ juhr' un
sausums rohdahs, 17. zettortâ tee spihdekli, 18. peektâ ſiws un putniari,
19. sestâ tohp tee 3ilweki. 20. Scho wissu Deews tapeh3 raddijis, ka wiſch sawu
leelu gohdu parahditu. 21. Deews arridjan tohs eengelus irr raddijis,
22. bet kurra deenâ, to mehs ne warram finnaht, jo Deews mums to
swehtôs rakstôs ne irr parahdijis. 23. Kad Deews sawus darbus bij beidzis usskat-
tijahs wiſch wissu, ko wiſch bij raddijis, un raug! tas bija wiss lohti
labs. 24. Tad dusseja Deews septitâ deenâ no wisceem darbeem, 25. tas
irr, septitâ deenâ Deews neneeka wairs ne raddija. 26. Tapeh3 eeswehtija
Deews to septitu deenu un pawehleja teem 3ilwekeem, ikkatru septitu

¹⁹ "Swehti Stahsti, no Deewa Wahrdeem islaſſiti un ar iskaidrotahm un spehžigahm mahžibahm un swehtahm dohmahm istaisiti no ta wežza Sehrpilles Mahžitaja Stendera" (Kensbergā, 1756). В позднейших изданиях — "Masa Bihbele...". Перед Стендером при создании этой книги был образец в виде соответствующего переложения, сделанного Гюбнером. — Ср.: Adamovičs L. G.F. Stendera Mazā Bihele // RLB Zinību komisijas 19. rakstu krājums, 1929.

deenu swehtiht, 27. tas irr, no neddeñas darbeem astaht, un Deewam tannî deenâ ween kalpoht.

Jautaschanas

1. Kas bija no muschibas? 2. Kahds irr Deews no sawas buhschanas?
  3. Kahds irr Deews eeksch ihpaschibahm? 4. Kas irr semmi un debbesi raddijis? 5. Kad Deews to raddija? 6. Ko Deews irr raddijis? 7. No ka irr Deews to pasauli raddijis? 8. 3aur ko irr Deews wissu raddijis? 9. Kà bija ta semme essahkumâ? 10. Kas liddinajahs pasaules eesahkumâ pa uhdens wirsu? 11. Eeksch zik deenahm irr Deews wissu pasauli istaisijis? 12. Ko sa33iji Deews, kad wiñsch ko raddija? 13. Woi tas arridjan tà notikke? 14. Ko raddija Deews pirmâ deenâ? [...] 20. Kapeh3 irr Deews scho wissu raddijis? 21. Irr Deews arridjan engeleus raddijis [...].

Mahzibas

1. Ko mah3ees tu no tahs pasaules raddischanas? Atbildi: Es mah3ohs Deewu atsiht, kas sew 3aur pasaules raddischanu parahdijees.

(Tapeh₃ skattees un debbesi un us wisseem raddijumeem, ne kà lohps, bet kà prahrtigs 3ilweks, apdohmadams, ka tas, kas to wissu pataisijis, tas wissaugstakais Kungs irr, kam tew buhs kalpoht, paklausih un to gohdaht. Jo tu essi arridsan ~~wissa~~ rohku darbs).

2. Deews wissu pasauli no neneeka raddijis, ko mah3ees no ta? Atbidi: Ka Deews irr weens wiesspeh3igs Deews.

(Tapeh³ bihstee Deewu, io wiñsch spehj tohs greh³zinneekus ar meesu un dwehseli lai³igi un muhschig³ nomaitaht) [...].

Иногда в текст включаются стихотворения²⁰. В конце — оглавление, дополнения и полезный совет (*Derrigs radohms*). То, что из трех вышеназванных книг Стендер начал именно с переведения Священной истории, неслучайно и обнаруживает в нем уже тогда опыта, трезвого и расчетливого наставника, хорошо сознавшего и свои цели и возможности будущих читателей и слушателей "Святых рассказов" — их психологию и специфику их восприятия.

Третья из названных книг — "Сказки и рассказы"²¹, написанные "для развлечения и умного учения латышей", его, Стендера, духовных детей и питомцев. Именно к ним (Mihlēe Latweeschi), как обычно, обращается их мудрый наставник, желая им добра, здоровья, счастья (но и сам нуждаясь во всем этом с их стороны) и веря, что его книга — средство к достижению этих благ. Вчитайтесь: — Lai scheligs debbesu Tehws dohd, ka schi grahmata pee prahta zillaschanas palihd setu Walkajeet to wesseli un laimigi, un wehlejeet manneem sirmeem matteem wissu labbu, tà, kà es juhs mihlodams un juhsu labbumu mekle-dams, scho grahmatu ar dauds darboschanas sarakstijis esmu. Не только забота о простых людях, латышах, но и потребность в их добром отношении к его сединам (*manneem sirmeem mateem*). Не рисует

²⁰ Cp. стихотворение "Swehtas dohmas": *Kas warr paradihSei pee-eet, / Kur nei
sweedri, nei ta nahw? / Palihds Deewir wahrgam ee-eet // Tur, kur preeks besgalligs
stahw. / Tad es jaukâ debbes? / Tewi teikschu muhschigi.*

"*Paasakkas un Stahri, teem Latweescheem par islusterschanu un gudru mahžibu sarakstti. No jauna paahruhukoti un wairoti no ta we3za Sehrpilles un Sonnakstes Bañnižkunga Stender*" (Jelgawā, 1789).

ли всё это Старого Стендера в ином свете, чем тот, в котором его выставляли у нас в последние полвека?! В книге 80 сказок, в которых главные герои — животные (ср. названия сказок — "Breedis", "Wilks ar jehru", "Suns ar gallas gabalu", "Wilki un awis", "Strafsds", "Paipala", "Lapsa un stahrks", "Kurmis", "Sakkis un swirbulis", "Ahschi un wilks", "Kranzis", "Lauwa, lahjis, wilks un lapsa", "Rupuzis", "Lapsa pee lauwa bedres", "Stahrki", "Kahrigs suns", "Kohwahrs", "Kakka atraitne", "Wahrna", "Kuina", "Kraukls un lapsa", "Wilks un dserwe", "Lauwa ar pelles", "Diwi pelles", "Auni ar sunnū", "Kummelsch", "Diwi sunnū", "Schaggata un lapsa", "Suns un saglis", "Lahjis un pelle", "We3s suns", "Dsehrwes", "Kihwite", "Wilks pee ganna", "Suns pee wilka", "Wissta", "Lauwa ar zitteem swehreem", "Ehselis", "Bitte un suhdu-bambals", "Suns un aita", "Swirbuļa behrni", "Sirgs un mehrkis", "Gailis", "Balloschi un schaggata", "Gailis un lapsa", "Kummelsch un wilks", "Jahtneeks un bailigs sirgs", "Wilks preeksch teesas", "Muscha un skudra", "Ehrgle, kakke un mescha-zuhka", "Leela kunga sirgs un Semneeka sirgs", "Stirna un lapsa" и т.п.) и 70 рассказов, посвященных чаще всего человеку и миру социального и культурного (ср. название рассказов — "Augsts mahzitajs", "Deewa zelli", "Zella wihrs ar engeli", "Tehws us mirschanas gultas", "Diwi ubbagi", "Atrasta manta", "Tehws kas saweem behrneem mantu isdallijis", "Laima pee diwi kaimieem", "Wels pee Semneeka", "Tas wissu leelalajs gekkis", "Peedjebris Semneeks", "Dahwanas", "Gudrineeks", "Atraitnu nams", "zeetumneeki", "Diwi bahbas", "Wag-gares meita", "Pelnuruschkis", "Jahnu nakts", "Gans", "Neredsigs", "Trihs pre3zineeki", "Diwi muischneeki", "We3zi laudis", "Sirms wihrs", "Arrajs", "Paradneeks", "Andrejs", "Skohlas behrns", "Jauna atraitne", "Dehls no sweschuma", "Tehws zeetumā", "Kristihts zilweks ar paganu meitas", "Jeenia gaspascha", "Brahlis un mahsa", "Pasaules sweschineeks", "Malku nessejs", "Uttubunga", "Sahdscha seewas", "Mulke saimneeze", "Kuprs", "Leelskungs un Basnizas-Kungs", "Bruhtgams un bruhte", "Ilſes behrns", "Dusmu puhže", "Sapnis", "Keisera puischi", "Laiska", "Leelitaju melli", "Abbadjsijsch", "Mantoschana", "Burwis un raggana", "Laima pee wihra un seewas", "Nelaime", "Jehkabs un Edde", "We3s draugs", "Krischanas un Maije", "Arzeenihts Semneeks", "Trihs tuvi Raddi", "Saglis pee karratawahm", "Schihds uhdens breesmā", "Turkis un kristihts zilweeks", "Tennis", "Deewabihjigs skroderus", "Sehreneetis", "Laimigs Semneeka dehls", "Mihklaš" и т.п.). И в этих сказках и рассказах в полной мере проявляется стендлеровский дар краткости, ясности, полноты и учительности. В конце каждой сказки и рассказа — краткая мораль, поучение (*Mahziba*). Характер подобных поучений можно проиллюстрировать заключением сказки "Волк и ягненок" ("Wilks ar jehru": Wilks un jehrs nahze pee uppites nodsertees...), весьма близкой по тексту к известной русскому читателю басне Крылова. Ср.: *Mahziba*. Launs zilweks prett sawu nenoseedfigu tuwaku kā wilks prett jehru eemeslus mekle mellus grahbstdiams. Bet kad ar melleem ne watt istikt, tad tahds sawus naggus rahda. Ta irr pasaules bruhke, kas gohdigs, tam jažeesh, un kas warrens irr, tam irr arridſan ta teesa. Kad wilks gribb, tad irr tas jehrs wainigs. Иногда тематическое единство разделов (сказки, рассказы) несколько нарушается, ср. рассказ "Ehrms"

и сказки типа "Nahwe", "Nahwe ar jaunekli", "Wardes", "Pasaules maksa" и под. Такого же рода и сказка "Солнце и ветер", отличающаяся еще и тем, что она приведена в стихотворной форме (ср. соответствующую тему спора Солнца и Ветра в народных песнях)²². Значение этой книги латышских сказок и рассказов определяется как той ролью, которую эти занимательные и поучительные тексты были призваны сыграть в развитии латышской литературы и в просвещении (они пользовались популярностью и изучались в школах почти полтора века), так и тем, что это были по сути дела, первые надежные и достаточно разнообразные и полно представленные образцы нарративной прозы на латышском языке²³, близкие к фольклорным нарративам и меморатам, но и вместе с тем открывающие путь к собственно литературным формам эпического творчества²⁴.

Эти три книги по сути дела и стали той основой, на которой складывался новый, христианизированный универсум латышской культуры, существенно отличный от мифопоэтического универсума, насколько о нем можно судить по народной словесности, обрядам, обычаям. Вместе с тем эти книги уже могут свидетельствовать о потенциальной готовности латышского языка к выполнению еще одной функции — быть инструментом этой новой "европеизирующейся" культуры. В конце XVIII — начале XIX в. латышский язык держал важный экзамен и в основном его выдержал. И в этой области Старым Стендером было сделано очень много: и не только в практической области — создание книг на латышском языке, но и в теоретическом изучении и описании латышского языка. Оба варианта латышской грамматики и "Lettisches Lexikon", состоящий из двух больших частей (латышско-немецкий и немецко-латышский словари), стали важнейшей вехой в научном изучении латышского языка. По полноте материала и глубине его обработки эти труды решительно превосходят все предыдущие и составляют особый этап в развитии науки о латышском языке. Говорить об этом здесь подробнее нет нужды — тем более,

²²

Saule un wehjsch

Wehjsch ar sauli saderreja: Tas no abbeem stipraks buhs,
Kas patlabban zetta wiham mehteli nowilžis kluhs.
Papreksch wehjsch ar auku grusdams warrā noplehst usiemmahs.
Bet jo wairak puhsch un plohsahs, jo tas gahjejs aptinnahs.
Kad nu wehjsch bij welti trakkojs, tad nahk saule weeglijam,
Sahkama it silti spihdeht, lehti peekluhst gahjejam.
Pats jau nowelkahs lihds kreklam, saulei gohdā uswinnoht.
Reds tā lehns un gudrajs prahījsch wissem istikt labbak proht.
Ko tew palihds skreet kā wehjam un kā meetam peedurtees.
Turrees saules kahītā lehnam, tad tew wissur isdochsees.

²³ В том, что можно назвать "художественной литературой", этому опыту Стендера предшествовали только попытки Манцеля (1638, 1685) и "Laimiga Lailiba" Форманна (1690), не говоря о "Rāms laiks" самого Стендера (переводные стихи).

²⁴ Во всяком случае исследователи отмечают в "Pasakas un stāsti" многочисленные влияния Эзопа, Федра, Лафонтена, "фабулистов" XVIII в. (Геллерт, Хагедорн, Лессинг, Пфеффель и др.) и представителей протестантской дидактики (Лютер, Меланхтон и др.). — Ср. *Behrskaln A. G.F. Stenders lettische Fabeln und Erzählungen // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*, 1923/1924, 95—153; *Misiņš J. Stendera pasaku primais izdevums // IMM*, 1923, IX, 1019—1928 и др.

что о значении этих трудов не раз писалось²⁵. Но о замыслах и целях Стендера в связи с этими его исследованиями напомнить стоит. В обращении к герцогу Курляндии он пишет: *Als meine Bemühungen für die Bildung und Aufklärung einer Nation, auf deren Kultur und Sittlichkeit der hiesige allgemeine Glücksstand beruhet, sich den Beifall meines glänzenden Vaterlandes, zu meiner Ermunterung, erwarben, richtete ich dazwischen, durch eine Reihe von Jahren, immer mein besonderes Augenmerk auf meine erwürdige Mitarbeiter an der Erleuchtung der Letten, um ihnen den Eingang zu den Herzen derselben, durch nähere Kenntnisse ihrer Sprache und ihres Nationalcharakters, zu erleichtern. In dieser Absicht umarbeitete ich meine ehemalige lettische Grammatik und mein kleines Lexikon, und gab diesen Grundlagen nach und nach, mit dem mühsamsten fortgesetzten Fleiße, endlich die mir möglichste Vollständigkeit, als Mittel und Hauptbedürfniß zu jetzt gedachtem heilsamen Zweck. [...] Und es bleiben mir bei meinem hohen Alter keine Wünsche für diese Erde übrig, als nur noch für die uns ernährende, aber zu sehr vernachlässigte lettische Nation, welcher ich von je her, als einem gleichfalls göttlichen, dabei aber der Aufklärung bedürftigen Volke, mein Herz zu ihrem Heil gewidmet. Diese arme Volk empfehle ich einer gemeinschaftlichen Aufmerksamkeit, zur Verbesserung seines herabgefunkenen sowohl moralischen als häuslichen Wohlstandes. Glückselige Folgen für unser Vaterland und dereinst himmische Vorzüge werden diese Bestrebungen krönen*²⁶.

В отношении латышского языка позиция Стендера была двоякой и предполагала постоянное решение двух задач: с одной стороны, пристальное внимание к народному языку и его творениям (отсюда

²⁵ Ср.: Anmerkungen zu Stenders lettischer Grammatik // MLLG 1829, II, 1, 1—29; Fortsetzungen zu Stenders lettischer Grammatik von Mylich, Schulz, Wagner und Neander // MLLG, 1830, II, 2, 1—30; Napiersky C. Probe eines kleinen Beitrages zur kritischen Beleuchtung des Stenderschen lett. Wörterbuches // MLLG, 1835, V, 1/2, 133—143; Bērziņš L. Stenders kā valodnieks // Baltijas Vēstnesis 1896, 171; Idem. Vecais Stenders valodas ziņā // Austrums', 1897, 238—242; Endzelins J. Vecā Stendera latviešu gramatika un vārdnica // Druva, 1914, 9—12, 910—911; Ozols A. Op. cit., 367—416 (разделы — G.F. Stenders veclatviešu rakstu valodas vēsture; G. Stendera gramatikas /1761, 1783/; G. Stendera zinisko rakstu valoda / Augstas gudrības grāmata no pasaules un dabas, 1774—1776, 1796/; G. Stendera Jaunas ziņg'es /1774/ un Ziņg'u lustes /I, 1783; II, 1789/ kā jauna/ sentimentalā stila iedibinātājas; G. Stendera vārdnicas /1761, 1789/) и др.

²⁶ Ср. в "Vorrede" к словарю: Mein Lieblingsgeschäft ist von je her die Bildung dieser um uns so verdienten Nation, und meine Bemühungen in diesem Fach sind mit dem Beifall meines geliebten Vaterlandes beglücket, welches ich mit dem innigsten Dank erkenne. Ehe ich aber von dem Schauplatz dieser Welt abtrete, war mein Wunsch, einem der größten Bedürfnisse der lettischen Litteratur, sowohl für den Theologen, Juristen und Arzt, als für den Oekonomen und Naturforscher, abzuholen, und derselben mit einem zuverlässigen Lexikon, daran es bisher gefehlet, beförderlich zu sein. Wie froh ist meine Seele, daß mein Wunsch erreicht ist, und gegenwärtiges Lettisches Wörter- und Namen-Lexikon in zweien Teilen so vollständig, als es mir nur möglich gewesen, erscheinet. — Основательность Стендера проявляется, в частности, в его "Namen-Lexikon", содержащем "Taufnamen" (мужские и женские), названия стран и народов; городов, замков и поместий в Курляндии и Лифляндии, животных, птиц, рыб, червей, насекомых, деревьев и кустов, растений, трав, цветов, грибов.

усердное собирание латышских пословиц, поговорок, речений)²⁷; с другой, неустанные попытки применения латышского языка в новых ("европейских") жанрах литературы, в стихотворных произведениях, в переводах и т.п. Вторая задача была особенно важной для Стендера, и поэтому имя его по праву вошло в историю латышской литературы, и, более того, есть все основания говорить о выдающейся роли его в развитии этой литературы. В XVIII в. Старый Стендер был, несомненно, крупнейшим латышским писателем и деятельным проводником немецких литературных влияний (прежде всего Глейм, Брокес, Хагедорн, Вейссе, Бюргер и др.)²⁸. О переводе из Брокеса "Rāms laiks" будет сказано далее, а здесь уместно сказать несколько слов об оригинальном поэтическом творчестве Стендера.

Старый Стендер любил стихи, хорошо знал немецкую поэзию своего времени, имел, можно сказать, определенную слабость к своим и чужим стихам и часто включал их в разные свои сочинения, в частности, и отнюдь не поэтические. Возможные упреки в свой адрес он допускал, но на своей точке зрения стоял твердо, объяснив ее в предисловии к первой части "Ziņg'u lustes" ("Песенные развлечения", 1783; вторая часть появилась в 1789 г.)²⁹. Представляя читателю свои латышские "зинги" (вещь по сути дела неслыханную до того времени, — не дайны!) "в улучшенном и дополненном виде", Стендер допускает, что "серые головы" удивляются, что он на старости лет (а ему, действительно, было около семидесяти лет, когда появилась первая часть) стал сочинять какие-то "любовные арии"³⁰. И он объясняет свою позицию, признаваясь, что любит наставлять крестьянские сердца в более нежных чувствованиях, ибо это побуждает их становиться более любезными со своими стариками, своими господами и, наконец, более чуткими к Богу и религии. Первый росток подобной чуткости — нежности как раз и обнаруживается, по мнению автора, в любви к другому полу, и сама природа выступает в этом отношении примером. Естественно поэтому, что поэзия Стендера — в соответствии с его принципами и модой того времени — одновременно и "чувствительна", сентиментальна, иногда пасторально-идиллична, но и дидактична, существенно рационалистична, и это последнее ее качество образует удивительно специфическое сочетание с развлекательностью и чувствительностью.

И все-таки эти черты не исчерпывают поэзии Стендера. Его стихи несут не только следы литературных вкусов и мод того времени,

²⁷ А. Иохансон (op. cit., 432—434) сообщает, что в сочинениях Стендера обнаруживается свыше ста таких "текстов".

²⁸ Из латышских поэтов XVIII в. Стендер ценил Фюрекера. Ценил он и автора "Der Unteutsche Opitz" (1697) Вишманиса.

²⁹ Предисловие было написано на немецком языке, и, следовательно, Стендер считал нужным разъяснить свою позицию своим согражданам.

³⁰ Можно думать, что само слово "арии" отражает знакомство Стендера с творчеством Брокеса, у которого в состав многих стихотворений включены как самостоятельные фрагменты так наз. *Aria* (реже *Arioso*), иногда их несколько в одном тексте, и именно они характеризуются как наиболее "лирико-песенные" части текста. Есть и такие случаи, когда весь текст состоит из "арий", ср. "Zwo Frühlings-Arien" и т.п.

но и оказываются свидетелями сего места и сего времени в более конкретном, вещественном плане — Курземе, вторая половина XVIII в. И в этой связи не обращалось, кажется, должного внимания на то, что в преобладающей стихии "искусственно-литературного" Стендер то тут, то там, то так, то этак стремится создать "образные" островки, ориентированные на ходы, типичные для народной поэзии, для дайн (ср.: *Kungi un ļaudis aug kā ozoli, / Puiši un meitas zied kā magoni* и под.³¹). Как обычно, первое слово любви — к Курземе. "Zīg'u lustes" открывается разделом I. Kurzemes zīg'es, а он — программным стихотворением, посвященным родной земле.

1. Kurzeme. Mel. Jena du schöner, du reizender Ort.

Kurzeme mīlā, Dieva zemīte!
Vēl tevi apkāj Dieva paspārne!
Kungi un ļaudis aug kā ozoli,
Puiši un meitas zied kā magoni.
Kurzeme mīlā, : Dieva zemīte!

Kurzeme mīlā, maizes zemīte!
Druvas un lauki visur galilē,
Kupli ar pilnām Dieva dāvanām
Ar mūsu sviedriem labi pelnītām!
Kurzeme mīlā — maizes zemīte!

Kurzeme mīlā, ciemu zemīte!
Brāliši brāļus mīli apmeklē.
Karašas, pieniņš, siers un medutiņš,
Tas mūsu bagāts ciema vakariņš.
Kurzeme mīlā — ciemu zemīte!

Kurzeme mīla, tēvu zemīte!
Lai mūžam jaļo mūsu dzimtene!
Lai visās maļās līgošana skan,
Stabules, zīng'es, danči aīdzan.
Kurzeme mīlā — tēvu zemīte!³²

Следующее стихотворение — о крестьянах, "отцах хлеба", об их трудах и их значении: *Jūs, kungi, klausaities! / Mēs maizes tēvi esam, / Mēs jums to maizi nesam / Ar saviem sviedriņiem / Kā saviem audzēķiem. / No kā ir jūsu lauki / Tik bagāti un tauki? / Kas ar, kas sēj, kas pļauj? / Kas šķērpos mantu krauj? / Kas rījā kuļ un vēti? / Kas pilda jūsu kleti? / To mēs vis' padaram, / Priekš jums mēs sakrājam / ... / Mēs Dieva zemi aram / Un augļigu padaram, / Un Dievs to apsvēti / Ar pilnu maizīti ...* Но крестьяне и господа, "maizes tēvi" и "laimas tēvi" идиллически сочетаются в поэзии Стендера друг с другом³³, потому что каждый на своем месте приближает совокупное счастье. Эта идилличность едва ли объясняется социальной слепотой Стендера и едва ли целиком выводима из моды "гесснеровской" эпохи. "Идеальный" крестьянин и "идеальный" господин — не сколок с действительности, но pium

³¹ Здесь и далее цитируется по изданию 1938 г.

³² И вторая часть "Zīg'u lustes" начинается разделом I. Kurzemes zīg'es.

³³ Cp. "Laimas tēvi": / Lai dziesmas skan no labu kungu goda, / Tie mūsu laimas tēvi ir. / Tie labus glābj un launus soda, / Jo viņu cilts no debess ir. / Lai Dievs jūs, kungus, apsvēti, / Jūs esiet viņa vietnieku. / ... / Kas jāstrādā priekš jums, jūs Laimas tēvi, / To visā sirdi darīsim, / Un jūs jo vairāk būsiet tēvi, / Kad jūsu sirdis pelnīsim. / Mēs kalposim jums lusiņi, / Tad būsim visi laimīgi.

desiderium, то, что должно быть, потому что именно это соответствует и принципу разумности, и велению совести.

Поэтическая версия "нarrативности" представлена в разделе, называемом "Stāsti", куда входят относительно пространные стихотворения, как "Bandinieks" (с типичным "эпическим" зачином: *Tur bija vienreiz bandinieks. / Jauns, dižans un labs amatnieks, / Kā ābols sarkans vaigā, / Ikdiens baltām drēbēm staigā ...*), "Bāriņš", "Ciema meita", "Meitas stāsti", "Kārla gals", "Indriķis un Dārte", "Grieta ar olām", "Krancis". Эпоха "чувствительности" объясняет интерес автора к "любовным" песням, составляющим особый раздел — "Mīlibas zīg'es", но она же объясняет и их несколько условно-искусственный характер, господство типа над индивидуальностью, рационалистичность, оттесняющую непосредственные движения души, описательность (ср.: *Tā ir īsta meitiņa, / Mana līgaviņa, / Piens un asins vaidziņā, / Jauna iraīd viņa. / Galva koši puškota, / Rociņa it balta, / Tīra katra drāniņa, / Visa rota stalta...* и т.п. — "Krietna meita"). В этом духе написаны "Mīliba" (*Mīliba, māmiņ, tu sirdis loci / Un jaunas sirdis dailīgi moci...*), "Maijiņai", "Līgaviņa apsnaudusi", "Dārtīpas miegs", "Saldais miegs", "Līgaviņa vientule", "Gans ar līgaviņas", "Labs puisis", "Jauka zeltenīte", "Ak tu zelenīte", "Meita strādniece", "Skaista meita". В ряде случаев отчетливы элементы балладной поэтики. Особый раздел составляют "плачи" — "Gaudu zīg'es", ср. "Lagzdīgalas gaudas" (*Tu, naktu dziedātāja, / Tu, mīla lagzdīgala: / Kam tu tā gauži kunksti? ...*), "Dzimtenes piemiņa", "Jāpa gaudas", "Brenča gaudas", "Indriķa raudas", "Ilzes raudas", "Šķiršana", "Labu nakt". В раздел "Mācības" входит типичный образец "утренних песенок" — "Rīta dziesmiņa" (*Dievam gods! Jau saule staros / Pasauli no miega sauc, / Cīrul's gaisā putni zaros / Radītājam dziesmas jauc...*; ср. тут же и "Vakara dziesme", вечернюю песнь), но также "Grāmatas", "Augstas dziesmiņas spēks", "Draugs", "Dieva apgādāšana", "Stradnieka laima", "Zeltenītes gods", "Viss novist", "Nabadziņš", "Tiesas kungs". Два последние раздела — песни радости ("Priecības zīg'es") и песни развлечения ("Lustīšanas zīg'es"). Ср. соответственно стихотворения: "Sirds bez bēdām", "Lustīgs prāts", "Šodien", "Gana dziesma", "Sētas laima", "Savas kārtas patikšana", "Plaujamais laiks" и "Prieks", "Lustes", "Prieca", "Vasaras lustes", "Pārītis", "Meitene", "Brenča zeltenīte", "Vecs likums", "Ciema meitas", "Sapnis".

Вторая часть "Zīg'u lustes", появившаяся шесть лет спустя, повторяет некоторые разделы первой части. К ним относятся "Kurzemes zīg'es", также открывающие книгу ("Latviešu gavilēšana par to jaunu dzimtu princī" / Zelta dēliņš, Dieva dots! / Esi tēvu zemes gods!... /, "Pie dzimtu prinču šūpuli", "Lieka kunga godība"), "Stāsti" ("Meitiņa tauriņu kērēja", "Laumas valsts"³⁴, "Labs saimnieks", см. о нем выше),

³⁴ Cp.: Es biju Laumas valstibā — / Viss gatavs bij bez darbiņa. / Uz kokiem cepeši, / Tās upites ar pieniņu, / Ar medu, alu, brandvīnu, / Un krastos pīrägi, / Uz krūmiem goda drāniņas, / Pakrēslos mīkstas gultīnas, / Pie debess silta Saulīte, / Ko vesmiņs klusām norēde ... (ср. Ar medu, alu ... в связи с соответствующим сочетанием в дайнах).

"Mīlibas ziņg'es" ("Laba zeltenīte", "Laba sieviņa"³⁵, "Janekļa dziesma", "Līgavīpas dziesma"³⁶, "Zeltenīte kā eņģ'eļš", "Nakts trallinieks", "Spranča gaudas"), "Priečības ziņg's" ("Priecas ziņg'e viesība pie katra goda mielasta", "Veca tēva piedzīmšanas dienā"). Но зато во вторую часть введен ряд новых разделов, благодаря чему тематическая широта становится большей, а поэтический опыт использования латышского языка заметно углубляется и разнообразится. Раздел "Dabas ziņg'es" — о красоте Божьего мира или, иначе говоря, о пронизанности природы божественным началом, ср. особенно "Jauka pasaule" (*Dieva pasaул' priekus nes...*) и "Tā mīlā Dieva zemīte" — о радости и счастье "святой землицы":

Tā skaistā Dieva pasaule / Nav vārgu nams nemaz, / Un mīlā Dieva zemīte / Ir pilna svētības. / Kas viņu tikai labi kop. / Tam tā par svētu zemi top. //

Tā izdod savus auglipus / Pie darbiem pilnībā / Un baro savus bērniņus / Kā māte dēviga. / Kas glabā to, ko devis Dievs, / Var lūstīgs būt un priečāties. //

Lab' tam, kam zelta sātība / To sirdi aplaimo. / Lai kungi ceļas brangu-mā, / Tas tikai spīguļo / Pie zelta sievas rociņas / Ir gudram dods laimības...

(Ср. также "Priekšīme viņa pasaules", "Tie jušanas prāti", "Jau-nas vasaras dziesma", "Pavasaras rīta dziesma", "Ziedu mēnesis", "Pie saules lēkšanas", "Bišu skolas"³⁷ — из лучших стихотворений Стендера о природе, соединяющих достижения европейского поэтического сентиментализма с приемами народной поэтики, среди которых особенно рельефна игра на уменьшительных суффиксах и на повторительно-усиливающих ходах³⁸).

Новыми во второй части являются и довольно просторный раздел "Tikuma ziņg'es", где главный персонаж — человек, а основная тема — его нравственное достоинство: *Tu, cilvēks, Dieva līdzība, / Ar prātu izpuškots, / Tev dvēsele nemirsīga, / Tas cilvēcības gods, / Tev, kas par visiem lopiem celts, / Neuzvar visas pasaul's zelts... (Cil-vēcības vērtība)*". Ср. "Gods", "Laime sirdī" (*Cilvēks, laimu meklēdams, / Meklē sirsnīpā ... / Svēts, kad tava laimiņa / Labā sirdī spīd*), "Klusa sirds skaidrība", "Cilvēku mīlība", "Draugu biedrība", "Veselība" (*Tu, ve-*

³⁵ Ср.: *Nu gads, ka mana sieviņa / Man mana tapuši. / Šīs laicīņš man kā nedēļa / Aizgājis tikuši. / Tik ātri nekad dienas skrien, / Kā mūsu dieniņas. / Kur mana sirds ar vienu vien / Par viņas priečājas...*

³⁶ Ar kādu goda sirsniņu / Man Indriķis mīlina, / Par zeltu un par sudrabu / Es viņam mīlāka. // Viņš iraid mudrigs jauneklis, / Labs, atroš un uzticams. / Kā prišas viņa asinis. / Viņš godā pieminams. // Ar Saulītes iet lauciņā / Apstrādāt druvīņas, / Un kad viņš pārnāk vakarā, / Ar manim lustējas. / Vēl gulēt ledams pie man' nāk. / Man labu nakli dot, / Jau mana sirds to mīlēt sāk. / Nekas tā godu prot. // Bet kad man' vedīs bazīnīcā / Pie svētas laulības. / Tad tapsim vīrs un sieviņa / Ar pilnas mīlības — один из лучших у Стендера образцов этого рода.

³⁷ Обработка стихотворения Вейссе "Die Bienen", как бы отсылающая вместе с тем к латышским реалиям (ср. известное изображение роения пчел на рисунке из собрания Броце). Ср. также о тā gudrā biīte в "Jaunas vasaras dziesma".

³⁸ Ср., с одной стороны, *Gods Dievam par šo rītiņu / Pēc saldas naksniņas...* или *Appuško birzītes ... Plūķi vienu puķīti...* и т.п., а с другой, *Bet tur taps tūžu tūzīgi* и под.

selības māmiņa, / Tu dzīvo asins tīrībā, / Tu dodi jauku mudrību, / Un ieļej sirdi priečību ...), "Zelta cerība", "Pietiečība", "Zelta sātība" и т.п., и еще два заключительных раздела, посвященные свадебным ("Kāzu ziņg'es") и плясовым ("Danču lustes") песням и интересные с обрядовой точки зрения и в плане типологии их исполнителей, ср. "Derības ziņg'e", "Brūtes ziņg'e", "Brūtgama ziņg'e", "Vedēju ziņg'e", "Viesu ziņg'e", "Kronītes dancis", "Miču dancis", "Jaunu ļautīpu ziņg'e"; "Skolu dancis", "Tēvu dancis", "Bandinieka dancis", "Slipķu dancis", "Aunu dancis".

Книга завершается своеобразным приложением типовых новогодних пожеланий ("Jauna gada vēlēšanas pēc ikkatra gribēšanas", 1782, см. 233—240), интересных с обрядовой, этнографической, бытовой точек зрения. Несколько примеров: "Saviem cienīgiem vecākiem": *Lai Dievs jums, mīlie vecāki / Dod ilgi dzīvot mierīgi! / Šī laima ir tā lielākā, / Ko šīnī jaunā gadiņā / Jums vēlē jūsu bērniņi, / Tad būsim visi laimiņi* или "Savai vecai matei": *Tev, vecai mātei, atnesam / Par upuri, ko saprotam. / No tev' nāk mūsu māmiņa, / Kas tavai sirdij līdzīga, / Kā bilde skaidrā spieg'eli, / Kur eņģeļs skata eņģeļi: / Lai eņģeļišķa laimiņa / Tev' laimo šīnī gadiņa!*, или "Savam mīlām brālām": *Ko tev, brālīt, vēlēšu? / Zin' kā es tev mīlēju. / Audz kā dižans ozoliņš, / Zalo kā prišs vītolīnš, / Zied' kā dārzā magoni! — / Voi jau viss? — Pag. brālīti, / Vēl tev šogad vēlēju / Bučot jaunu sieviņu и др.*³⁹

Как ни велик объем сделанного Стендером в гуманитарной области и в деле религиозно-духовного просвещения латышского народа, он был не только филантропом, пастором, учителем, богословом, философом, проводником европейской культуры, грамматиком и лексикографом, собирателем фольклорных текстов, исследователем народных обрядов и обычаев, языческой мифологии латышей, поэтом, прозаиком, переводчиком, но и энциклопедически образованным человеком в области точных и естественных наук, которыми в разные периоды жизни он занимался именно как учений — математикой, астрономией, географией⁴⁰, естествознанием. Дитя рационалистического XVIII века, он, как и многие другие лучшие люди этого столетия, легко и естественно (и нет оснований особенно удивляться этому) сочетал точные знания научного характера с мистическим знанием, с интуитивным и художественным проникновением в тайны оккультного (известны его способности как музыканта /и музыкаведа/ и художника-рисовальщика). Стендер занимался алхимией¹⁴, он размышлял над проблемами лафатеровской физиognомистики и написал о ней

³⁹ Ср. также пожелания "Savam dēlam", "Savam tēvam", "Savai mīlai māsei", "Savai meitai", "Savam draugam", "Savam mīlām kaimiņam", "Savai līgavīpāi", "Savai zeltenītei" и т.п.

⁴⁰ Есть сведения, что Стендером во время его пребывания в Дании были сделаны для датского короля Фредерика V два больших глобуса (диаметром в 90 и 80 см), хранившихся в 20-е годы этого века в Датском Государственном архиве в Копенгагене. Но легенда это (как и профессорство Стендера как географа) или реальный факт, определить окончательно трудно. См. об этом: Johansons A. Op. cit., 193 и сл. и илл. XV.

⁴¹ О нем см. интересную заметку: Zēvers J. Vecais Stenders kā alķimists // Ilustrēts Žurnāls, 1925, 4. Rīgā.

специальное исследование, тайны магии влекли его к себе, и он искал ключ к ним⁴², подобно Калиостро и Magno Cavallo, если говорить о наиболее знаменитых тайновидах, с которыми были знакомы в Курляндии.

По широте своих интересов Стендер с известным основанием сопоставим с фигурой его русского современника Ломоносова. Конечно, Стендер уступал ему как ученый и поэт, соотношение занятий внутри целого было иным, и масштабы одаренности были разными, но пытливость духа, пытающегося постичь тайны вселенной во всем их разнообразии, и синтетические устремления к целому были, несомненно, сродни друг другу. Это напрашивающееся по независимым данным сопоставление двух этих фигур могло бы иметь продолжение почти детективного характера. Обычно считают, что, покинув Даннию, в 1765 г. Стендер приехал в Петербург, где искал работу в Академии наук (или же преподавателя). Здесь он мог — и на это немало шансов — увидеться с Ломоносовым в последний год его жизни. Правда, по другим сведениям, контакты Стендера с Петербургской Академией относятся к несколько более позднему времени, когда он уже из Курляндии присыпал в Петербург рукописи своих математических, языковедческих и музыковедческих работ.

Два века, прошедших со дня смерти Стендера, более чем достаточный срок для того, чтобы по достоинству оценить его жизненное дело. Оно говорит само за себя, и в реабилитации Стендер не нуждается. Но те, кто по невежеству или по злонамеренности порочили его, нуждаются в покаянии. Все это, конечно, не означает, что наследие Стендера изучено хорошо и что долг потомства ему заплачен. Напротив, в этой области сделано явно недостаточно — и в отношении деталей, и в отношении целого. Многое предстоит собрать, изучить, опубликовать⁴³, и, так как много времени упущено, нужно спешить. Сделанное Стендером — сознательный памятник и латышскому народу и — неосознанно — памятник самому себе. Но и наш не отлагаемый более долг — почтить жизненный подвиг Старого Стендера.

II. "RĀMS LAIKS PĒC PĒRKONA BRIESMAS" СТЕНДЕРА И "DIE AUF EIN STARKES UNGEWITTER ERFOLGTE STILLE" БРОКЕСА

1753 год — особая веха в истории латышской поэзии. В этом году в Кенигсберге, сыгравшем такую значительную роль в развитии письменности и литературы на балтийских языках, особенно на начальном ее этапе, появилось неожиданное издание. На титульном листе стояло:

Die / auf ein starkes Ungewitter erfolgte / Stille : / aus /
des seel. Herrn Brockes / irrdischem Vergnügen in GOtt, /
ins Lettische übersetzt / von Gotthard Friedrich Stender, /
Pastor zu Zeymen in Litthauen. // Rahms laiks pēhē pērkona
breesmas. / Kōnigsberg. / Gedruckt bey Johann Heinrich Hartung,
1753⁴⁴.

Позже этот латышский перевод был воспроизведен в "Augstas gudības grāmata" (в изданиях 1774, 1776, и 1796 гг.) под несколько измененным названием "Gaisa jaukumus pēc pērkona briesmas"⁴⁵. Этот латышский текст, посвященный описанию грозы и наступлению после нее тишины (собственно, о ней говорится и ранее, до начала грозы), представляет собой, по сути дела, маленькую поэмку, которая в свое время определялась как ода или — Стендером — как "augsta zipg'e", высокая песнь. Стендер был первым, кто отважился писать подобные "высокие песни" на латышском языке и, следовательно, привить почти сущестующей латышской "светской" поэзии принципы одической поэтики, наиболее распространенного и почитаемого жанра тогдашней европейской поэзии высокого стиля. Замысел Стендера носил отчасти экспериментальный характер: ему хотелось показать, что "zemnieciskajā valodā izteicamas ari augstākas, bagātākas domas". Эта вера в возможность изложения на "крестьянском языке более высоких и более богатых мыслей" побудила его обратиться к поиску сочинения, содержащего такие мысли, и на этом пути он пришел к "оде" своего любимого поэта Брокеса под названием "Die auf ein starkes Ungewitter erfolgte Stille". У нас, кроме специалистов-литературоведов, мало кто знает теперь о Брокесе, и потому необходимо сказать о нем и об этом его произведении хотя бы несколько слов.

Бартольд Гейнрих Брокс родился 22-го сентября 1680 г. в Гам-

⁴² В 1794 г. Стендером была закончена рукопись мистического трактата "Clavis magiae", позже хранившаяся в библиотеке Тартуского университета (теперьешняя судьба этой рукописи нам неизвестна). Мотто, украшающее рукопись, — известное место из Матфея VII, 6: "Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями". Текст рукописи был собственно ручно иллюстрирован Стендером. Особый интерес вызывает рисунок ритуального сооружения типа беседки, из крыши которой вырываются ветви. Надпись внизу — *Templum Sapientie [sic! — B.T.] ex Arbori Vitae. Cm.: Johansons A. Op. cit., ill. XVI.*

⁴³ Включая и эпистолярное наследие, содержащее, судя по имеющимся отдельным старым публикациям, много интересного. См.: *Misiņš J. Vecā Stendera vēstule. rakstīta 1766 g. Suntažu mācītājam J. Harderam // IMM, 1921, VII, 712—716; Idem. Vecā Stendera vēstules // Latvju Grāmata 1925, II; ср. также: Idem. Vecā Stendera rakstu pirmavoti un paraugi // Ibid, 1928, III.*

⁴⁴ Издание состояло всего из четырех страниц большого формата. Единственный экземпляр его хранится в Латвийской государственной библиотеке в Риге. Автору пришлось пользоваться одной из 10 сделанных Мисиньшем фотокопий, но цитаты далее даются по изданию Стендера (1938), в современной графике. Приведем начало текста в графике оригинала:

To nesenn appukkotu pasauli
Bij·baule jaw eeksch diwideemīte deenahm
Ittin ka ūmeedama apspihdejši,
To skattiht lustes bij' lihds schim ikweenam.
Tahs·baules spohschums jauki pusckoja
Tohs meschus, kalnus, lejas, zeemus, laukus,
Wieše sahze twihkt no wiha siltuma;
Jaw ne pasinnam leetutinis jaukus.

⁴⁵ Ср. редакцию в "Pasakas un stāsti" II.

бурге в семье купца и всю жизнь до самой смерти 16 января 1747 г. был связан с этим городом, не считая тех случаев, когда на время учения или по служебным поручениям он должен был покидать Гамбург. В 1700—1702 гг. Брокес изучал право в Галле и занимался юридической практикой в Вецларе; совершил "образовательные" поездки по Рейну, в Голландию, Францию, Италию. В 1704 г. он лиценциат права в Лейдене. Тогда же (1705 г.) он возвращается в Гамбург и, не имея официального положения, живет поэзией, музыкой, живописью. Постепенно Брокес вовлекается в культурно-общественную деятельность. В 1715 г. с Кёнигом и Рихеем он основывает "Teutschübende Gesellschaft", а несколько позже — "Patriotische Gesellschaft", издает еженедельник "Der Patriot" с сильным акцентом на моральных проблемах. С 1720 г. он сенатор в Гамбурге. В следующее десятилетие совершает ряд поездок с дипломатической миссией — в Вену, Копенгаген, Берлин, Ганновер, исполняет функции "амтмана" в Ритцебютtele и "ландгерра" Гамбургского округа и т.п.⁴⁶

Но, конечно, главным делом жизни Брокеса была поэзия, и именно благодаря ей он стал весьма значительной фигурой немецкой литературы "переходного" времени, между эпохой Опика, Гриммельсгаузена, Грифиуса, с одной стороны, и эпохой Гесснера, Клопштока, Лессинга, Виланда, с другой. Помимо переводов, диапазон которых от Марино до Томсоновых "Seasons" ("Jahreszeiten")⁴⁷, перу Брокеса принадлежит целый ряд оригинальных стихотворных собраний — "Der für die Sünden der Welt gemarterte und sterbende Jesus" (1712; спр. ораторию Генделя), имевшее исключительный успех — более тридцати изданий в течение полутора десятилетий; "Irdisches Vergnügen in Gott" (Bd. 1—9, 1721—1748), "Daphnis" (1733), "Auszug der vornehmsten Gedichte aus dem Irdischen Vergnügen in Gott" (1735), "Harmonische Himmelslust" (1741), "Schwanengesang" (1747). В 1800 г. вышло собрание сочинений Брокеса ("Werke").

Заслугу Брокеса видят в том, что он впервые выразил в поэзии подлинное чувство природы и тем самым положил начало поэзии "природы"⁴⁸. При всей условности и относительности таких понятий, как "впервые", "начало", "подлинный" и т.п., для немецкой поэзии первой половины XVIII в. Брокес, действительно, был новатором, который новым языком рассказал новую тему. И это было оценено уже в следующем поколении и подтверждалось не раз позже. Две цитаты о Брокесе, поскольку в них найдены более специфические черты его поэзии, чем ее "природность", и они говорят не столько о том, что было сказано поэтом, сколько о том, как это было сказано. Виланд увидел главное достижение Брокеса в его языке. "Lesen Sie, wenn

⁴⁶ Автобиография Брокеса была опубликована Лаппенбергом в "Zeitschrift des Vereins für hamburgische Geschichte" (Bd. 2, 1847). См. о нем также: Brandl. Barthold Heinrich Brockes. Innsbruck, 1878; Haufe E. Brockes oder der Aufgang der Naturherrlichkeit im deutschen Gedicht // B.H. Brockes. Im grünen Feuer glüht das Laub. Ausgewählte Gedichte. Weimar [1775], 129—146 и др.

⁴⁷ Брокес был полиглотом и говорил на восьми языках.

⁴⁸ Ср. типичные определения Брокеса как "Begründer der echtes Naturgefühlbekundenden religiös-philosophischen Naturdichtung der Frühaufklärung".

Sie den Reichtum und das Melodiöse unsrer Sprache, in Rücksicht auf Wohlklang und Singbarkeit, in seinem vollen Glanz sehen wollen, von eben diesem — weit mehr als anerkannt wird — um unsre Sprache und Dichtkunst verdienten Manne seine Gedichte ... und besonders seine ehmals so berühmten Beschreibungen des Nachtigallengesangs, denen schwerlich irgend eine Sprache etwas Reicheres und Vollkommeneres in ihrer Art entgegenzusetzen hat", — писал Виланд⁴⁹. Другая особенность подчеркнута Ароном Шмидтом — "оптичность" Брокеса: "Es beginnt zu beschreiben: das heißt: die Augenaufzumachen! Es ist die Zeit des überhaupt erst erwachenden Naturgefühls; geradezu schicksalhaft mit einem entscheidenden Fortschritt der "Optik" gepaart: nicht umsonst werden eben Mikroskop und Fernrohr populär ... Wir wollen mit dem Namen "Brockes" stets den "Ersten Realisten" verbinden".

Выработка нового языка, "зрительность" и ярчайшая "наглядность" поэзии Брокеса, благодаря которым совершенно оригинально "разыгрывается" и микроскопия природы (до травинки, листа, камешка или насекомого) и ее макроскопия (до солнца, царящего в зените, заката, звездной ночи или фантасмагории грозы), как раз и определяют долю сделанного поэтом в этот "переходный" период — между барокко XVII в. и преромантизмом Юнга, Томсона, Грея. В этой перспективе Брокес (во всяком случае в 20-е годы) воспринимается или точнее — должен восприниматься — почти как "авангардист", уведший поэтику барокко в новые пространства и столь изменивший ее, что она стала пригодной и для разработки новых тем, и для создания поэтических текстов совершенно иной фактуры. Младший современник Брокеса, известный как "открыватель" лирического пейзажа в европейской поэзии, отдавая должное своему предшественнику, писал не только о его "нежном чувстве", но и о "натурной" точности его описания": "...травка, покрытая росою и освещаемая лучом солнечным, приводила его в восторг; картины его иногда слишком обширны и ненатуральны, но его стихотворения суть собрания картин и предметов, снятых прямо с натуры"⁵⁰. Можно сказать (учитывая разумеется, различие в масштабах творческого дарования), что в отношении "изобразительной" микроскопии Брокес сделал в немецкой поэзии примерно то же, что было сделано в европейской живописи Дюрером двумя столетиями раньше⁵¹.

Но ограничиться указанием на расширение Брокесом сфер макро- и микроскопии недостаточно. Нужно подчеркнуть, что сугубая "изобразительность" его поэзии все время ориентируется на "глаз" читателя, который в процессе чтения как бы перевоплощается в зрителя

⁴⁹ Уже говорилось выше о связи "соловьиной" темы у Стендера ("Lagzdīgalas gaudas": Tu, naktu dziedātāja, / Tu, mīlā lagzdīgala, / Kam tu tā gauži kunsti...).

⁵⁰ Gessner S. Brief über die Landschaftsmalerei. 1772. — Русский перевод вслед за Р.Ю. Данилевским (Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984, 62) цит. по изд.: Полн. собр. соч. г-на Гесснера / С немецкого перевел И. Тимковский. М., 1803. Т. 4, 235. — Но и в XIX в. Брокеса помнили и даже обращались к нему: Führe mich, Alter, nur immer in deinen Geschöpferkeln Frühlings-/ Garten! Noch duftet und taut frisch und gewürzig sein Flor, — писал Мерике ("Brockes").

⁵¹ Ср., напр. стихотворение "Künstliche Struktur der Blätter" и под.

параллельно превращению стихотворного текста в своего рода "картины". "Живописная" установка проявляется и в том, что и как живописуется, и в "метапоэтической" фразеологии, изобилующей глаголами типа *malen*, *schildern* и под.⁵² Ориентация на зрителя, на "визуальность" изображаемой в тексте картины объясняет характер брокесовского колоризма, знаменующего дальнейший прогресс даже по сравнению с колоризмом "второй силезской" школы (Лоэнштейн и др.). Объектом изображения становится то, что легче всего описать через свет и цвет, особенно в их крайних или хотя бы просто "сильных", интенсивных проявлениях, в контрастах. *Glänzen*, *glühen*, *flammen*, *scheinen*, *funkeln* и т.п. — обычные обозначения интенсивности света и цвета в сфере глагола, дополняемые богатой цветовой палитрой, широко и часто используемой поэтом, между прочим, и в оксюморных, казалось бы, взаимоисключающих сочетаниях (ср.: *Im grünen Feuer glüht das Laub* и под.). "Визуальность" и цветовая интенсивность мира брокесовской поэзии приводят к своего рода форсированию "световых" и "цветовых" возможностей путем особого отбора "ярких" объектов. Поэтому столь характерны обращения к молнии, радуге, сияющему солнцу, закату и рассвету, ночному небу с луной и звездами, огню, мрачным тучам и светлым облакам, цветению и т.п.; с одной стороны, и к "переходным" состояниям, к изменению, смешению, движению⁵³, с другой: вечер, переходящий в ночь, ночь — в утро, зима — в весну, осень — в зиму, свет — в мрак, мрак — в свет и т.п. Необыкновенно разветвленными и богатыми оказываются "под-словари" предметов, характеризующихся интенсивным колоризмом — драгоценных металлов и камней (золото, серебро, бриллиант, жемчуг, рубин, сапфир, измарад, бирюза, хризолит, хрусталь и т.п.), тканей, растений, прежде всего цветов и т.п.⁵⁴ Но этот "живописный" мир Брокеса нередко столь же богато озвучен, причем нередко как бы приближается к сфере синэстетического. Потрескивающий огонь в камине вызывает следующую "звуковую живопись": "*Ihrer Flammen*

⁵² См.: Pfund H.W. Studien zu Wort und Stil bei Brockes. N.Y., 1935, 207—208. Впрочем, сам лозунг *ut pictura poesis* был актуален и для всей "malende Dichtkunst" (Gleim, Drollinger и др.).

⁵³ И в этом случае подобные явления не только описываются, но и становятся элементами "метапоэтического" описания (ср. частое употребление *Änderung*, *Bewegung* и под., в частности, в названиях стихотворений — "Die schnelle Veränderung", "Bewegung der Sterne", "Die verschiedene Bewegung verschiedener Thiere" и т.п.).

⁵⁴ Многие названия стихотворений говорят сами за себя, ср.: "Der Regenbogen", "Mond-Schein", "Der neue Mond", "Der Sonne Schönheit des Abends hinter einem Gebüsch", "Der Abend", "Der Morgen", "Der Mittag", "Die himmlische Schrift", "Die Sonne", "Der Tag gestern vergangen", "Finsternis", "Der Sommer", "Der Herbst", "Zum Herbst", "Herbst-Betrachtung", "Frühlings-Gedicht", "Luft im Frühling", "Winter-Gedanken", "Blumen in Winter", "Der Winter", "Gesang zur Zeit des Ungewitters", "Der Regen", "Der Wolken- und Luft-Himmel", "Schnell vergehende Wolken", "Das Feuer" и т.п.; "Gold-Käfer", "Der weiße Schmetterling", "Blühende Pfirsichen und Aprikosen", "Ein grüner und beblümter Wasser-Graben", "Die Schnee-Ball-Blume" "Schönheit der Bäume im Frühling", "Der gelbe Mah", "Die Mahblume", "Die weiße Rosenbusch", "Tapeten der Natur", "Das Norderlicht", "Die Rose" и т.п.

wallend Licht / Schnaubet, zischet, rauschet, sauset, / Lodert, knallet, prasselt, brauset. / Fast entsetzlich, und doch schön / Ist ihr Glanz und ihr Getön (Irdisches Vergnügen VII, 591, ср. ниже: *Zwitschern, seufzen, lachen, singen...* I, 63).

Эти "цветовые" и "звуковые" ряды, сами по себе избыточно, по-барочному разросшиеся и изощренные, часто подкрепляются игрой на фоническом уровне, тоже по-барочному щедрой и чрезмерной и типичной барочной метафорикой⁵⁵. Эти особенности отражают еще одну важную черту поэзии Брокеса — ее принадлежность к так наз. "декспритивной поэзии". В поэзии этого рода Брокес большой мастер. Он не только точный и аккуратный "описатель", но описываемый им мир очень широк и разнообразен, и "декспритивная поэзия" Брокеса образует род поэтической энциклопедии мира. Бог и человек, природа и культура, времена года и состав суточного цикла, небо и земля, флора и фауна, ботаника, зоология, минералогия, анатомия и медицина, химия, физика, естествознание, астрономия и математика, география, военное дело и корабельное дело, садовое искусство, право, торговое дело, ткани, ароматы, пряности, музыка, философия, мифология, религия и т.д. и т.п. — вот приблизительный объем этой энциклопедии⁵⁶. Эта грандиозность и яркая многоцветность описываемой картины, конечно, наследие барокко и эзфуизма⁵⁷, развитое "последовательным" поэтом, верным принципу полноты описания. Но с этой установкой неразрывно связана и определенная экстенсивность подобных описаний, превалирование внешнего над внутренним. И "Naturgefühl" оказывается поэту существенно ограниченным: так понятой и так описанной природе не отвечает адекватное опи-

⁵⁵ Ср.: *in der Unschuld weisse Seide (Unschulds-Seide), der Gewohnheit Schlamm (Gewohnheits-Schlamm), Unglücks-Sturm, der Gesundheit Sonnen-Schein, des Todes Frost, des Irrthums Zweifel-Strick, der Leidenschaften zähe Stricke, Andachts-Gluht, Andachts-Feuer, Freuden-Feuer, Andachts-Oele, Unglücks-Disteln, Sorgen-Hecken und Schmertzens-Dornen, Glückes-Blumen, der Laster Russ, Scheelsuchts-Gift, der Treue Gold, die Fackel der Vernunft, die Sünd-Fluht unsrer Schuld* и т.п. Как показал Пфунд (указ. соч., 204—206), эту позднебарочную образность Брокес разделяет с Лоэнштейном, Гофмансвальдау, Готшедом, Каницем, Галлером и др., пользующимся по сути дела теми же самыми метафорами. Сюда же относятся, конечно, и другие способы интенсификации текста — игра слов, "conceitto" как черта прециозного стиля, разного рода повороты и нагнетания ("скучивания"), антропоморфизация и персонификация природных явлений и т.п.

⁵⁶ О соответствующих "под-словарях" см.: Pfund H.W. Op. cit., 124 и сл., особенно 136 и сл. Из другой литературы о творчестве Брокеса см.: Stewart M.C. B.H. Brockes' Rendering of Thomson's Seasons and the later German Translations // Journal of English and German Philology. 10, 1911, 20ff, 197ff, 378ff (экстракт неопубликованной диссертации 1907 г.); Janssen O. Naturempfindung und Naturgefühl bei Barthold Heinrich Brockes. Bonn, 1907; Malinkowsky F. von. Die Welt- und Lebensanschauung in dem Irdischen Vergnügen von Brockes. Greifswald, 1914; Rosenbag G. Wörter und Worte beim alten Dichter Brockes // Festschrift für von Melle. Hamburg, 1933, 147—159; ср.: Gjerset K. Der Einfluß von James Thomson's "Jahreszeiten" auf die deutsche Literatur des 18. Jh. Heidelberg, 1898, — а также специальные исследования по немецкому барокко XVIII в.

⁵⁷ Особая проблема — наследие "маринизма" в поэзии Брокеса, непосредственно имевшего дело с текстами Марино. Ср. его "Verteutscher Bethlehemischer Kinder-Mord des Ritter Marino" (1715).

сание того, кто воспринимает ее. Жизнь души, внутренние переживания ее в целом остались за пределами возможностей поэзии Брокеса; его человек стоит перед Богом, и природу он все-таки понимает ограниченно: во всяком случае поэт не смог сделать того, что удалось примерно в то же время Юнгу и Томсону, потому что он не прошел через кризис просветительско-рационалистического умозрения.

Несомненно, что Стендер привлекала в поэзии Брокеса как его "энциклопедичность", так и его религиозно-пиетические настроения. То и другое находило опору и одобрение в самом Стендере. Но, конечно, ему нравились стихотворения немецкого поэта и сами по себе, как явления современного ему искусства. Он влекся к ним, переводил их (о чем см. выше, а также и далее), ссылался на них при случае. Брокес был для Стендера высоким авторитетом — и нравственным и эстетическим. Поэтому не случайно, что именно Брокес был избран им в качестве того автора, чья поэзия должна была облечься в новую форму, стать латышскими стихами, но этой новой формы практически еще не существовало, и ее предстояло найти в ходе самой переводческой работы. Нет смысла гадать, почему Стендер не стал переводить поэзию английских "преромантиков", самое новое слово в европейской поэзии того времени. Тому было несколько причин. Но здесь достаточно назвать одну, по существу важнейшую. В таком переводе он никак не мог рассчитывать на успех: к этому не были готовы ни сам Стендер, ни латышский язык, и изображение жизни души через жизнь природы превышало тогдашние возможности и переводчика, и языка перевода. Но дать энциклопедию "видимого", слышимого и осязаемого Божьего мира, т.е. описать его и состав его "Änderungen", хотя бы в общем и существенно упрощенном виде, Стендер мог, во всяком случае мог позволить себе попробовать свои силы на одном из фрагментов этой брокесовской энциклопедии.

Таким пробным фрагментом целого и стало для Стендера описание сильной грозы и последовавшей за этим тишины у Брокеса — "Die auf ein starkes Ungewitter erfolgte Stille"⁵⁸. Выбор текста представляется удачным. Его объем (несколько менее 200 стихов) довольно легко обозрим и вместе с тем достаточен для реализации некоего "сюжета", строящегося на контрасте двух противоположных состояний природы и подводящего к важному, но уже не "природному", а моральному выводу, венчающему весь текст⁵⁹. Кроме того, текст Брокеса эффектен своей картинностью, столкновением противоположностей, броскими художественными приемами. Наконец, и для Брокеса, как позже для Стендера, создание этого текста было пробой, попыткой, опытом,

⁵⁸ Этот текст входит в "Irdisches Vergnügen in Gott". Он был повторен и в "Auszug der Vornehmsten Gedichte..." (Hamburg, 1738, 270—276). Для удобства текст цитируется по кн.: Brockes B.H. Im grünen Feuer glüht das Laub: Ausgewählte Gedichte. Weimar [1975], 16—21.

⁵⁹ Впрочем, он подготовлен уже эпиграфом из Иова XXXVII, 5—11; GOTT donnert mit Seinem Donner gräulich, und thut grosse Dinge. — Die dicken Wolcken scheiden sich, daß helle werde, und durch den Nebel bricht Sein Licht. — Кстати, здесь задается не только тема, но и принцип фонетической организации: *donnert* — *Donner, bricht* — *Licht* и под.

испытанием языка⁶⁰. И, приступая к этому опыту, Стендер, конечно, не мог не иметь в виду того, кто может прочитать или услышать латышский перевод этого немецкого текста, конкретно — латышскую паству своего прихода. Тема грозы была доступна, понятна и близка латышскому крестьянину, одновременно наглядна и поучительна. Она была из его собственной парадигмы и естественно соотносилась со "своими" представлениями о грозе, особенно о громе и молнии, отраженными в соответствующих речениях, бытовых и фольклорных текстах, оберегах, обычаях, в виде пережитков — даже в обрядах⁶¹. По-видимому, Стендер вполне сознательно выбрал такой принцип перевода, который можно определить как "сближающий", причем сближение имеет в виду не только и не столько оригинальный текст, сколько круг представлений носителей той традиции, на языке которой выполняется перевод. Именно с этим принципом нужно связывать то, что при переводе ода Брокеса "фольклоризировалась" и "мифологизировалась". Утратив изысканность и изощренность оригинала, освободившись от тонкостей "кончеттизма" и престижных поэтических инноваций, латышский текст выглядит сильно опрошенным вариантом немецкого текста, сближенным и, если не подверганным, то смежным с тем миром представлений, который по-своему описывается в латышской народной традиции и является достоянием латышского крестьянина. Обращение к этому "опрощающе-сближающему принципу" подтверждает трезвость суждений Стендера — и в самооценке себя как поэта-переводчика, и в его оценке возможностей предполагаемого читателя или слушателя. Стендер отдавал себе отчет, что только на избранном им пути перевод может оказаться полезным и что в противном случае он окажется курьезом, текстом, не выходящим за пределы чистого эксперимента.

Именно поэтому при оценке текста латышского перевода, если иметь в виду цели и намерение Стендера, уместно отвлечься от темы адекватности перевода оригиналу. В данном случае она не может считаться основной. Но знать, от чего пришлось переводчику отказаться, тем не менее существенно. Важно также иметь в виду, что этот отказ-отступление, видимо, был результатом не поражения переводчика в "борьбе" с подлинником, но сознательного самоограничения уже с самого начала работы.

Прежде всего Стендер взял установку на сокращение текста оригинала. В принципе сокращение достигалось не за счет отбрасывания определенных стихов или целых групп их (в содержательном плане — отдельных мотивов и тем), но проводилось обычно равномерно и после-

⁶⁰ В кратком предведомлении к тексту Брокес пишет: "Es hat der Herr Verfasser in gegenwärtigem Gedichte vor andern eine Probe gegeben, wie Wort-reich die Deutsche Sprache sey...". Это *eine Probe* как бы перекликается с тем же словом в последней строке стихотворения, где субъектом опыта-пробы выступает Бог: ... So wie des Donners Grumm die Probe Seiner Kraft. — Нужно заметить, что обращение к теме грозы, бури, молнии, дождя не исчерпывалось рассматриваемым текстом. Ср. также "Ein Gesang zur Zeit des Ungewitters", "Der Regen" и др.

⁶¹ Достаточно обратиться к материалам, собранным в книге: Šmits P. Latviešu tautas ticējumi. III. Rīga, 1400—1421 (s.v. pērkons), 2070—2071 (s.v. zibens).

довательно, опять-таки с самого начала и, следовательно, осуществлялось не в силу вынужденных обстоятельств, но в согласии с установкой. 181 стиху оды Брокеса⁶² в латышском переводе соответствует 140 стихов. Это сокращение нужно считать весьма внушительным: оно составляет 22% всего немецкого текста. Но этим сокращение не исчерпывается, распространяясь и на длину стиха в слоговом измерении. У Брокеса, как правило, нечетные стихи состоят из 13 слов, четные из 12, а у Стендера соответственно из 12 и 11 слов. Следовательно, на каждой строфе латышский перевод экономит обычно еще четыре слова. В итоге текст перевода оказывается примерно на 700 слов — короче текста оригинала⁶³, т.е. на 14 строф меньше (приблизительно треть всего текста).

Стендеру пришлось также отказаться и от некоторых значимых нерегулярностей в слоговой схеме стиха оригинала, играющих у Брокеса эстетическую роль. Наряду с обычной длиной стихов в 13 и 12 словах у Брокеса есть и ряд существенных исключений, когда стихи сокращают число слов, и, чем больше это сокращение, тем ярче эффект "обрыва", контракта, снятия напряженности или, напротив, ее нагнетания⁶⁴. Латышский текст в отличие от немецкого совершенно правилен и более регулярен. Также в отличие от немецкого текста он построен строфично и последовательно выдерживает слоговую схему строфы: 10 — 11 — 10 — 11. Это стремление к "правильности", к "моно-тонности", регулярности существенно отличает Стендера от Брокеса. Соответственно оно отражается на ямбической схеме: в переводе всегда пятистопный ямб, в немецком же тексте при обычной шестистопности есть примеры и пятистопного, и четырехстопного, и даже трехстопного ямба. В целом Стендер справился с ямбической организацией стиха, хотя, учитывая ударность первого слога в латышском слове, задача переводчика несколько усложнялась по сравнению с автором, немецкого текста, поскольку в немецком языке ударность первого слога не закон, но лишь доминирующая тенденция. В целом, однако, и автор, и переводчик одинаково решают проблему выбора первого слова в стихе, стараясь помешать на эту позицию служебные или во всяком случае семантически ослабленные слова (местоимения). Ср. в немецком тексте *Die, Der, Des, Dem, Das, Es, Vor, Wie, Ein, Daß, Mit, Hier, Dort, Sich, Von, Und, Man, Nicht, Nichts, Was, In, Dann, Ob, Da, Weil,*

⁶² В варианте, где после стиха 85 (*Drauf brach das Wetter...*) следует еще четыре стиха, начиная с *Oft hörte man erstarrt...*, общее число стихов — 185.

⁶³ Некоторая неожиданность в подсчете объясняется тем, что у Брокеса есть несколько нерегулярных, более коротких стихов, чем в норме, об этом см. далее.

⁶⁴ Ср.: *Die Wolken, so das Firmament umzogen; In welchem sich, samt den beblühmten Hügeln* (по 11 слов); *Vor Warten und vor Furcht der Dinge; Drey Tannen in die Lüft gerissen; Entsetzlich hin und her geschmissen; Und oft die Sonne deckten, flogen; Mit zackiger Bewegung, liefe; Wie Diamante Kugeln lieget; Die Wiesen, Büsch' und Bäume spiegeln* (по 9 слов); *Viel' Erlen wurden umgekehrt; Und lange, welches unerhör't; Dem Herzengrös's re Furcht gemacht; Die, wo die Flut sich endet, stehn, / Und sich mit lispelndem Getön; Das jüngst gefall'n Himmels-Naß* (по 8 слов); *Wie schwer sie gleich, als Pfeile fort, — Die schnellen Vögel schwingen* (по 7 слов); *Daß es noch ungewiß, / Ob Licht, ob Finsterniß; / Das alles glänzt und lacht. / Die Lüfte sind belebt* (по 6 слов). Характерны эти две пары шестистопных стихов.

Noch, Ja, Wenn, Wann, Zu, Zum, Auf, Aufs, Aus, So, Bald и под. — при исключениях: *Schwamm, Besloß, Schoß, Flog, Erschricht, Brach* (дважды), *Verdickte, Verschluckte, Goß, Schaut, Sieht, Belustigt, Elpin, Besang* (ср.: *Entsetzlich, Drey, Solch*). В латышском переводе еще последовательнее проводится выдвижение на первую позицию в стихе неполнозначных слов (*Tas, Tā, To, Tās, Tos, Tie, Te, Ka, Kā, Jau, Viss, Itin, Līdz, No, Un, Tik, Nedz, Kamēr, Šo, Ar, Starp, Tur, Ir, Še, Kad, Daudz, It, Te, Arvieni, Bet, Caur, Par, Cits, Viņš, Jo, Tāpat* и т.п.) — при нескольких отступлениях: *Bij, Redž, Apņemti, Izvemj, Jauns, Jān's, Kungs* (ср. дважды *Cits*).

Но этими примерами ограничения, взятые на себя Стендером, не исчерпываются. В оде Брокеса представлена не столько даже разнообразная, сколько прихотливая система рифмовки: в принципе преобладают две схемы: а—б—а—б и а—б—б—а. Так построен первые 12 стихов: *Tagen — angelacht — Behagen — macht // Flüsse — hinein — Stein — Güsse // Stunden — Augenblick — dick — überwunden*. Но следующие три стиха образуют нерегулярную зону: *Höh — Blau — See*, после чего опять следует а—б—а—б, но с — с (*Schrecken — verstecken*) и опять а—б—а—б // а—б—б—а // а—б—а—б, опять с—с и т.п. Конец оды, данный как отдельная строфа из четырех стихов (в старых изданиях она отделена от остального текста тремя "звездчатыми" треугольниками), как бы отсылает к началу: а—б—а—б, но симметрия начала и конца не соблюдается, поскольку этой последней строфе предшествует три парных рифмы, более нигде не повторяющихся: с — с (*schwingen — singen*), d — d (*schön — gehn*), e — e (*Feld — Welt*). Стендер не берет на себя труд воспроизвести схему рифмовки немецкого текста. Разбиение текста на строфы позволяет ему, во-первых, отказаться от последовательной рифмовки почти всего текста, как в немецком тексте, а, во-вторых, остановиться на двух—трех стандартных схемах. Наиболее распространены два типа: первый, — где рифмуются четные стихи, а нечетные остаются без рифмы (строфа: *rasauli — dienāt — apspidēj'si — ikvienam*, ср. строфы 2, 6, 8, 10, 11, 18, 24, 25, 26, 28, 29, 31, 33); второй, — где выдерживаются перекрестная рифмовка а—б—а—б (ср. строфу 9-ю; *zars — šķelas — svars — ceļas*, 12, 13, 14, 16, 17, 21, 30, наконец, завершающую 35-ю строфу: *gan — atzīt — man — pazīt*). В остальных строфах представлен промежуточный тип, когда в нечетных стихах — неточная, иногда очень приблизительная, скорее "главная" рифма типа" *ligzdiņās — šāvās — kustējās — īvās* (5); *grozījās — malas — locījās — dalās* (7); *aptupas — gaisā — briesmīgas — izkaisa* (19); *tumsības — kājas — nomitas — nostājas* (22); *kluss — spoži — laūciņus — koši* (23); *putniņus — salas — kluss — lakšīgalas* (32). Заслуживают внимания такие примеры из нечетных стихов, как *briesmīgi — stiprāki* (15); *aptupas — briesmīgas* (19) или *iguī — plīsumi* (20), но, возможно, они скорее объясняются ослабленной селективностью, случайной потерей контроля, нежели поиском нестандартных рифм.

Как видно из ряда подобных примеров, иногда "правильность" не столько результат дополнительной (так сказать, "положительной")

организации перевода, сколько следствие упрощения его по сравнению с оригиналом, т.е. понижения степени организации текста.

Примерно такая же ситуация с фоно-эстетическим уровнем, обнаруживаемым в разных типах звукописи, прежде всего в аллитерации, большим мастером которой был Брокес, как, впрочем, и многие другие поэты барочной традиции. Собственно говоря, в предуведомлении к своей оде сам поэт говорит о центральной звуковой теме текста — звуке *r*, семантизируемом как знак грозы, грома. Заявляя о попытке автора испытать богатство лексики немецкого языка, он далее продолжает: "...indem Er, wie man finden wird, ein schönes angenemes Wetter, mit gänzlicher Vermeidung des sonst männlich- und etwas hart lautenden R beschreibt; in Bescheibung eines Ungewitters aber diesen Buchstaben häufig, und zwar, nach Erforderung der Sachen, mehr oder weniger wiederholet; wodurch zugleich der Einwurf saftsam gehoben wird, als wenn sich die Deutsche Sprache zur Musik nicht schicke". И, действительно, первые десять с половиной стихов и все стихи, начиная со 118 и до конца (кроме одного исключения), описывая "тишину" (*Stille*) обходятся без слов, содержащих *r*. То же делает в латышском переводе и Стендер (стихи 1—22 и 86—140), не в силах отказаться от вызова Брокеса в этом программном вопросе. Несколько примеров параллельных мест без *r*:

Nachdem die Sonne jüngst seit zweymahl funfzehn Tagen
Die neu-beblühmte Welt beständig angelacht;
Schwimm alles, was man sah, in Wollust und Behagen.
Die Gluht, die alles hell, die alles lebhaft, macht,
Befloß so Stadt als Land, bedeckte See und Flüsse,
Sie senkte sich so tief in Tellus Schoß hinein,
Daß Feld und Felsen glüht'; es glänzte Sand und Stein;
Man kennete fast nicht die feuchten Wolken-Güsse,
Bis endlich sich einmal, bey schwühlen Mittags-Stunden,
Ein kleines Wölkchen zeigt', und in dem Augenblick
Sich auszuspannen schien;

и далее, с середины стиха, в друг:

die Luft ward plötzlich dick;
Das Licht ward allgemach von Schatten überwunden;
Er stieg ein grauer Duft und Nebel in die Höh';
Des Tages Gold erbleicht; es schwand das heitre Blau;
Die dicke, dunckle Luft beschattete die See;
Die Bäche schienen schwarz, die Flüsse braun und falbe;
Der ganze Luft-Kreis ward von Duft und Regen schwer... и т.д.

Непринужденное течение текста "тишины" (без *r*) внезапно прерывается (и в этом смысле слово *plötzlich* выступает здесь в двойкой функции — как элемент текста, описывающего перемену состояния природы, и как элемент "метатекста", сигнализирующий о перемене самого текста), но внезапность перерыва не означает радикальности перемены. Она происходит постепенно: текст "тишины" продолжает плавно "дрейфовать" в уже изменившемся тексте: *Licht, Luft, Blau, Gold* и т.п. продолжают пока существовать, как и безмятежность, соотносимая не просто с отсутствием *r*, но с их положительно выраженной тишиной, мягкостью, светлостью, нежностью

с помощью звука *l*: этот звук сначала преобладает над *r* и здесь, потом уравновешивается с *r*, которое, однако, постепенно нарастая, все более и более основательно внедряется в *l*-структуру, подавляя и разрушая ее до тех пор, пока не завоевывает господствующего положения и не начинает определять всю сферу грозы—грома (*Ungewitter — Donner*).

Стендер в своем переводе выдерживает лишь сам принцип *r* и его отсутствия, но без той тонкости и изощренности, с какой это делает Брокес. Ср.:

To nesen appukotu pasauli
Bij saule jau iekš dividesmits dienām
Itin kā smiedama apspīdēj'si,
To skatīt lustes bij līdz šim ikvienam.

Tās saules spožums jauki puškoja
Tos mežus, kalnus, lejas, ciemus, laukus,
Viss sāce tvīkt no viņa siltuma;
Jau nepazinām lietutīpus jaukus...

— и т.д. вплоть до стиха 22 включительно:

No gaidišanas uz to, kas būs nākams,

после чего, правда, без того резкого "обрыва", как у Брокеса, начинается *r*-текст, в котором этот звук, однако, растет в своем количестве без тех тонких мотивировок, что определяют соответствующий фрагмент у Брокеса. Ср.: *Kāmer uz vienreiz viesul's briesmīgi / Šo visu gaisu sajauc, špākdams, krākdams. // Tas visur apkārt rūkdams grozijas ...* (*r*-текст охватывает стихи 23—85).

Особенно мастерски и эффектно построен у Брокеса *r*-текст, текст грозы и грома, следовательно, "громкий" (*vice versa* "тихий", ср. текст "тишины") текст, раскатистое *r* которого как бы отсылает к раскатам грома, сначала относительно коротким и не очень громким, а потом, в апогее, абсолютно-громким, когда гремит и содрогается вся природа, и тишине и нежности нет в ней места. Ср. несколько примеров:

...Daß man, wie sich kein Blat, kein Kraut, vor Schrecken, führte,
Vor Furcht selbst unbeweg't, mit starrem Augen spürte⁶⁵.

...Mit sausendem Geräusch' empor geführt,
Bald plötzlich unter sich gezogen,
Daß oft der Wipfel selbst die lose Wurzel führt'.
Hier borst und brach ein dick belaubter Ast;
Dort kracht und stürzt, vom Wipfel aufgefassst,
Ein tief bewurzelter bejahpter Eich-Baum nieder.
Der Blätter Heer, von Zweigen abgestreift,
Flog durch die graue Luft recht gräßlich hin und wieder...

⁶⁵ Иногда *r*-текст осложняется *w*-текстом, текстом веющего ветра, врывающегося вихря, тучевых валов и морских волн. Ср.: *Wie eine wilde Flut ... / Von allen Winden ward der Erd-Kreis überfallen; / Ein Wirbel füllte die Luft mit Sand und Staub; / Es schien der Wald ein Meer, drin grüne Wellen wallen / ... Bald in einander wild vermischet und verschrenkt; / Bald wurden der gepeitschten Blätter Wogen / ... Daß oft der Wipfel selbst die lose Wurzel röhrt, или ... Man sieht das Wasser schäumen; / Die Wellen heben an ... / Es wütet, wallt und wankt die ganze Wasser-Welt и т.п.*

И, приближаясь к апогею:

Dem stürmte, voller Wut, der strenge West entgegen;
Es stieß der Süd-Wind sich, gehüllt in dickem Regen,
Mit dem erzürnten Geist der frost'gen Mitternacht.
Brach dieser jenes Wut: so hielt der dieses Lauf
Mit heulendem Gezisch, Gepfeif und Brüllen auf.
Ein jeder stieg'st ergrimmt, des andern Wut zu schwächen:
Darauf musten nun die stärksten Mauern brechen.

И, наконец:

Drauf brach das Wetter selbst noch erst mit Schrecken los:
Öft högte man erstaunt, mit abgebrochenen Knallen,
Die Schläge Staffelweis, von oben abwechs fallend,
Und mit Erschütterung der stark gedrückten Erden,
Noch immer schrecklicher, noch immer schwerer werden.
Der Donner rollt und knallt, Blitz, Strome, Stralen, Schlossen
Vermischten ihre Wut: die getrenn Flammen flossen,
Und wallten überall, als wie ein feurig Meer...

И когда буря, достигнув своего максимума и вдруг, как бы неожиданно, истощившись, прекращается, как раз и наступает та "auf ein starkes Ungewitter erfolgte Stille";

Da blitzt es kurz, hier auch, wanns dorten zehnfach wittert,
Weil in dem langen Blitz der ganze Luft-Kreis zittert.
Noch stral'te Blitz auf Blitz mit furchterlichem Schein;
Der Donner sollte noch mit grässlichem Gebülle.
Allein im Augenblick nahm eine sanfte Stille.

Этот последний стих (118 или 122 при учете варианта с дополнительными четырьмя стихами) отмечает не просто конец грозы, грома и молнии (отсюда и до конца текста, на протяжении более чем 160 стихов, ни одного *r!*) и конец внезапный (*im Augenblick*), каким было и начало (*plötzlich*), но и явление "нежной (мягкой) тишины". И, как и в уже отмечавшемся ранее случае, это определение *sanft* относится не только к тишине, но и к изменению всего текста: лишенный *r*, все чаще и чаще обращающийся к *l*, он, действительно, "смягчается".

Соответствующие (*r*-текст) строфы "высокой оды" в переводе Стендера, выдержав испытание в главном (формирование и в латышском тексте двух "подтекстов" — *r* и *l* — с указанной семантикой), в деталях не выдерживают соперничества с оригиналом. О степени *r*-овости текста можно судить по таким случаям, как: *Ir čiukus, ir saknes kārtīja, / Un lapi pulks kā nobrāzts visur skrēja*⁶⁶; — *Daudz koki tapa rauti, apgāzti / Un kārtu kārtām šūrp tuvp griezti, mesti...; — Bet nule vēl jo trosnis briesmīgi / Ar bailēm vētras gaisā vijsū stājas. / Tas ūc un ducina jo stiprāki, / Viss ūb un ūc no tā, kas gaisā kājas. // Tas pērkons speļ un spērādams ilgi ūc ...; — Vēl pērkons šāve stiprām spēršanām ...* Но на фоне длинного заключительного фрагмента (стихи 87—140), где *r* ни разу не встречается, предыдущий *r*-текст обратным образом воспринимается рельефнее.

⁶⁶ Листьев полк (: *lapi pulks*) — характерный элемент русской "преромантической" поэзии конца XVIII — начала XIX в.

Выше, говоря о концовке немецкого текста (*l*-текст или при ином подходе, "без-*r*-овый" текст), упоминалось об одном исключении. Оно находится в последней строфе стихотворения, отделенной даже графически от остального текста и представляющей собою нечто вроде экспликации религиозно-нравственного смысла всего стихотворения. Он станет яснее, если вспомнить о двух "изолокальных" — (начало — середина — конец) и семантически соотнесенных друг с другом структурах: тишина — гроза — тишина // *l*-текст — *r*-текст — *l*-текст. Итак:

Elpin, den iitz die Lust, wie vog der Schrecken, t̄iebe,
Besang mit frohem Muht des Schöpfers Eigenschaft.
Es ist die helle Sonn' ein Bild von GOTTES Liebe,
So ist des Donners Grimm die Probe Seine K̄raft.

Это четверостишие как бы резюмирует структуру и семантику всего текста с помощью его "изнаночной" локальной проекции. Текст "грозы и грома" занимает начало и конец этого микротекста и опознается, кроме прямых указаний (страх, сила и под.), по присутствию *r* (11 раз, что явно выше нормы). Текст "тишины" в этой строфе в отличие от всего остального стихотворения, занимает середину (если не считать *Elpin* и *Lust*) микротекста и опознается по присутствию *l* (4 раза в одном стихе при двух *l* в остальных трех стихах!). Еще существенное другие следствия — как бесспорные, так и весьма вероятные или просто возможные. Прежде всего *l*-текст ("тишина") получает здесь как бы новые значения, позволяющие более глубоко понять эту звуковую символику, — светлость, солнечность, любовь ("возлюбленная тишина"), тогда как *r*-текст ("гроза") отсылает сначала к образам страха и гнева, а потом — в ключевом заключительном стихе — еще глубже: к силе и испытанию — обнаружению силы. Другое следствие состоит в том, что смысловым и ценностным центром *l*-текста оказывается Бог — GOTTE в противопоставлении (во всяком случае при первом подходе) центру "грозного" *r*-текста — грозе, Donper. В свете этого соотношения "сил" в заключительных стихах интерпретация всего текста стихотворения, где слово *Gott* не встречается ни разу, получает совершенно новое направление: теперь это уже не только и не столько описание природных "Änderungen", сколько "размышление о Божием величине" (см. далее) и о формах его проявления. Третье следствие — из числа возможных. Инверсия основной структуры в концовке приводит к тому, что Божья любовь, GOTTES Liebe, оказывается в середине микротекста, как бы упрантой внутрь, вглубь его. Наружу, обращенным во вне, оказывается текст "грозы" — гнев и страх. Именно они, как страшные и злобные стражи, не позволяют пробиться к Божьей любви, более того, скрывают ее от людей. Но, может быть, они сильнее этой любви, и она, как заложница, находится в их руках, в их власти? Но это не так. На втором шаге, при повторном размышлении, возникает, а потом и подтверждается мысль еще об одной инверсии. Бог и его любовь не только внутри, но и снаружи, она везде и всюду, и сами гнев, страх — "гроза" — субъект ("грозящий") и "гроза" — объект ("угрожаемый") — во власти Бога, и они не более чем проявление его силы ради того, чтобы ис-

пытать (*die Probe*), достоин ли человек этой Божьей силы. Его сила, *Seiner Kraft* как раз и венчает текст оды. Если излагаемое здесь верно, то перед нами выдающийся образец "кончеттизма" и то "остротумие" (*agudeza*), которое так характерно для лучшей поры барочной поэзии.

Концовка в латышском переводе по-своему хороша и удовлетворительно передает общий смысл подлинника:

Kungs Dievs, tavs briesmīgs pērkons rada gan
Šo tavu stipru Dieva roku atzīt;
Tāpat ir saules spožums māca man
Šo tam saldu mīlestību pažīt, —

но тонкости барочных ходов Брокеса остались совсем не отраженными да и, пожалуй, не понятыми переводчиком⁶⁷. Впрочем, можно представить себе, что Стендер более внимательно следил бы за новшествами европейской поэзии, глубже понимал бы ее особенности, был бы профессиональным поэтом-переводчиком, обладал бы большим поэтическим даром и, следовательно, был бы готов к переводу совсем иного уровня. Что изменилось бы? На это можно, пожалуй, ответить следующим образом: если верны наши представления о личности Стендера и если цель его жизни осталась бы неизменной, сам принцип перевода, его тип остался бы без существительных изменений. В этом случае переводчик стоял между изощренным образцом барочной поэзии, одним из вершинных проявлений ее во второй половине XVIII в., и практически неграмотным латышским крестьянином или ремесленником ("немецкая" грамотность в данном случае не в счет)⁶⁸. В этой ситуации любая специализация, любое приближение к одному полюсу неизбежно обозначало бы разрыв с другим — с латышом-реципиентом нового типа поэзии на родном для него языке. Едва ли Стендер был готов пойти на этот разрыв, и поэтому выбранная им позиция и отвечающий ей перевод были практически наиболее трезвым, полезным и потому правильным шагом. Перевод создавался Стендером как сознательно промежуточный текст, в котором европейский поэтический опыт должен

⁶⁷ Впрочем, судить о качестве перевода Стендера с полной ответственностью трудно. Сравнение с немецким подлинником в данном случае ("первый раз", "в начале") не может быть признано единственным мерилом. Другим мерилом (предшествующим переводу) могли бы быть иные поэтические тексты на латышском языке, имеющие "светский" характер и созданные до 1754 г., но они практически неизвестны. Наконец, еще одним (третьим) мерилом мог бы быть другой перевод (помимо стендеровского) этой оды Брокеса (впрочем, значение этого критерия для оценки "*Rāms laiks*" было бы весьма относительным), но и он отсутствует. Как бы то ни было, современный поэтический перевод Брокеса на латышский язык смог бы стать, видимо, событием в латышской культуре, и по нему можно было бы оценить степень прогресса переводческого дела. Признаки возрождения латышской духовной культуры позволяют надеяться на то, что будут сделаны попытки повторить старый опыт: Брокес благодаря Старому Стендеру не чужой человек для латышской литературы.

⁶⁸ Едва ли можно предположить, что, работая над переводом, Стендер не испытывал соблазна проверить его у тех, для кого латышский язык был родным, или что, получив вышедшую из печати книгу, он не захотел ознакомить с ней того, кто мог бы оценить ее, хотя бы со стороны языка.

был столкнуться с латышской мифопоэтической традицией. И присутствие этого последнего элемента в "*Rāms laiks*" не упущение переводчика, а сознательная его инициатива. Ода Брокеса о грозе и последовавшей за нею тишиной переводилась Стендером не только с немецкого языка на латышский, но и с языка немецкой (европейской) культуры на язык латышской народной культуры. Поэтому тот факт, что перевод оказался "фольклоризованным" и, следовательно, в той мере, в какой он был таковым, он отклонялся от немецкого подлинника, нельзя ставить в вину Стендеру. В тех исторических условиях "фольклоризация" текста была его заслугой: латышская культура могла остаться без Брокеса (или без "подлинного" Брокеса), но она уже не могла существовать без освоения новых идей, тем и образов, и перевод Стендера работал на латышскую культуру.

Опыт перевода оды Брокеса на латышский язык открывает еще один очень важный аспект — "мифологизирующую" роль языка, благодаря которой "чужое" становится "своим" или, точнее, "чужое", будучи переведенным на "свой" язык, как бы превращается в еще один, пусть вторичный, источник "своего". В самом деле, достаточно было Стендеру перевести нем. *Donner* через лтш. *pērkons* 'гром', что является совершенно естественным, можно сказать, автоматическим шагом, как сразу же оживает и начинает дышать та мифологическая почва, которая пресуществляет нейтральное, "светское", безлично-инструментальное в отмеченное, религиозное, персонифицированное, и к этому пока еще не определившему себя то ли имени собственному, то ли имени нарицательному, как к магниту притягиваются предикаты, все более и более персонифицирующие и, следовательно, мифологизирующие этот неопределившийся элемент языка и мира, который этим языком описывается.

Так, не имея особой опоры в тексте подлинника, к слову *pērkons* "собираются" те основные, наиболее характерные предикаты, которые в подлинно мифологических текстах определяют прежде всего самого Громовержца, бога грома Перконса. *Tas pērkons sper un sperdams ilgi rūc. / Ar zibiniet un krusu lietu jaukdams*, — сказано в "*Rāms laiks*", и эта фраза звучит как обмирощенный, секуляризованный вариант мифологического мотива. Ср.: *Vecais tēvs rūc un zibens sper, ar lodi tur, kur velns piesities* (*Šmits P. LTT III, 1401, N 23136*) при том, что *Vecais tēvs* — Перконс; *Pērkona laikā tie [latvieši] sacīja, ka Pērkons Jodu gainot un to meklējot ar zibenī nospert* (*Ibid., 1401, N 23137*); *Pērkons sper, tikai tur, kur kāds Jauns gars paslēpies* (*Ibid., 1402, N 23138*); *Ja pērkons rūc priekš Vasaras svētkiem, tad būs auglīga vasara* (*Ibid., 1411, N 23311*) и т.п., ср. *pērkona spēriens*, об ударе грома⁶⁹, а также многие примеры из "мифологических" дайн: *Pērkons spēra, zibinēja...; Pērkons spēra ozolā / Deviņiem zibeniem..; Pērkons rūc ... / Zibšķus met ozolā; Pērkona tevam / Deviņi dēli:/ Trīs spēra, trīs rūca, /*

⁶⁹ Ср. из стендеровских лингво-мифологических выкладок: *Perkühnis... Noch jetzt heißt der Donner Pehrkon (gleichsam Spehrkon von spehrt ausschlagen, einschlagen)...; cp.: Mannhardt W. Letto-Preussische Götterlehre. Riga, 1936, 619.*

Tris zībināja (к называнию Перконса "старым отцом", см. выше, ср. в дайнах: *Ei Pērkon, vecais tēvs...* Другой пример "мифологизации" и связанной с ней непроизвольной реконструкции архаичной формулы. Фрагмент из Брокеса — *Und schlug der Sterblichen erschrockne Augen-Lieder / Mit dicker Dunkelheit und so Pech-schwarzer Nacht, / Daß es noch ungewiß. / Ob Licht, ob Finsterniß / Dem Herzen grös're Furcht gemacht* — Стендер перелагает так: *Tad tūdał tumšums krit uz actīnām / Un baid' no jauna izbaiłotu prātu-/ Vēl pērkons šāve stiprām speršanām, / Arvieni vien vēl grauzdams itin klātu.* Сочетание *pērkons & šaut*, зафиксированное здесь, представляет собой балтийский формульный архаизм, подтверждаемый литовскими данными (ср. *Perkūnas šāuna. Perkūnija grumten, grum, griaun, dunden, bild, trenk, šau n.* LKŽ IX, 1973, 834 или в песнях Резы: *Tiki kai trečioji praslinko diena, šovimo liovē perkūnija*)⁷⁰. Неслучайность выбора этого глагола подтверждается и другими фактами⁷¹.

В другом месте, во второй строфе, Стендер рисует следующую картину: *Tās saules spožums jauki puškoja / Tos mežus, kalnus, lejas, ciemus, laukus*⁷², / *Viss sāce tvīkt no viņa siltuma...*, ср. строфу 24: *Un vis' no jauna jauki appuško...* Глагол *puškot* 'украшать', 'наряжать' (ср. *pušķis* 'букет' и под.) в мифологизированной картине цветущего мира (*Die neu-beblümte Welt* у Брокеса), залитого солнцем ("украшенного"), отсылает к образу прусского божества весеннего цветения ("опушения"), зелени Пуш(к)айтиса, которого Стендер, как и Ланге и некоторые другие "мифологи" XVIII в., пытался найти и у языческих латышей. "*Puschkeitis, der Gott der grünen Hayne* (von *puschķis*, dim. *puschķitis* 'ein grüner Strauss')" — писал он⁷³.

В отличие от Брокеса, у которого величественна не только гроза, но и "тишина" с ее солнечным великолепием и торжественностью, у Стендера картина "тишины" скорее идиллична, интимна, уютна. Его мир природы проще и ласковее, он "украшен" (ср. *puškot*) деталями, которые делают его более обжитым, так сказать, более латышским или во всяком случае не отличимым от латышского "природного" космоса. В этих случаях переводчик далеко уходит от оригинала, радикально "олатышивая" текст Брокеса, и подобные случаи — из числа лучших в этой "augsta ziņg'e". Исходя из фрагмента оригинала — *Die Bluhmen haucheten, an den bewachsnen Hügeln, / In doppelt-schönen Schmuck, den lieblich-süßen Duft, / Wie edlen Balsam aus, und füllethen die Luft. / Die Land-Volk kommt gemach aus den bemoss'ten*

⁷⁰ Ср.: *kad tave Perkūnas šaut* при белор. *Каб цябе Пярун сунуў*. Ср. прусское теофорное имя *Auschaus*, относящееся к богу, "отстреливающему" болезни, ипостаси Перкунаса. Подробнее см. статью автора: Индоевропейский ритуальный термин *souh-etro-(etlo, -edhlo)* // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986, 80–89.

⁷¹ Ср. в "Rāms laiks": *Tik bezdelīga vien it zemu Šāvās* (*schoß* в немецком тексте) или *Visapkārt visur sprāgst un ūauj un dauza*.

⁷² Характерный для Стендера прием перечисления, "усиливающий" оригинал. Ср. также *Maz sakot, pasaūl bij atjaunota, / Jo gaiss un meži, kalni, pļavas, lauki* и т.п.
⁷³ См.: Mannhardt W. Op. cit., 619.

Hütten..., — Стендер создает подлинно "латышскую" картинку:

No jauna smaku dod jo saldāki,
Jau bites iziet meklēt medutīpu
Tāpat pamazām iziet ļautīpi,
Ikvieni jau pamet savu istabīpu.

В этой строфе появляются и пчелы (ср. выше о переводе им "Die Bienen" Вейссе) и "медок", которых, строго говоря, нет в немецком тексте⁷⁴. Концовки 2-го и 3-го стихов — *medutīpu: ļautīpi* — как бы провоцируют излюбленную формулу дайн и народных речений о "медке-пивке" (ср. лтш. *alutīp, medutīp, gudrajam tevi dzert* или лит. *Už stalo sédéjau, atč, midu gérīau; Gérīau alutīp, saldu midutīp*, ср. мед пиво пил, пивомедье и т.п.), а три диминутива в исходе строк (*medutīpu, ļautīpi, istabīpu*) еще более "лессизируют" это описание.

И вообще щедрое введение уменьшительных имен существительных в текст перевода (при отсутствии их в оригинале) сильно сдвигает всю атмосферу в "латышскую" сторону. Ср.: *Tā jauka saulīte jau aspīd spožī ...*, где латышскому "солнышку" отвечает *Das holde Sonnen-Licht* (ср. еще: *Viss ūdens paliek melns bez saulītes* при *Des Tages Gold erbleicht* и — несколько далее — *Die dicke, dunkle Luft beschattete die See* — из числа смелых решений переводчика), а также *lietuīpus* (строфа 2), *stundiņā* (3), *debestiņš* (3), *ligzdiņās* (5), *lapiņa* (5), *vējiņš* (*vējiņš pūš.* 5), *akmiņiem* (14, 30), *loriņš* (17), *actīnām* (21), *medutīpu* (25), *ļautīpi* (25), *istabīpu* (25), *lauciņā* (28), *labibiņa* (29), *pakalniņiem* (29), *ābolīpiem* (29), *zīlītes* (29), *celiņiem* (30), *putniņus* (32). Конечно, латышский колорит "Rāms laiks" усиливается и характерными для фольклорных текстов и обиходной речи повторами разного рода, включая и *figura etymologica* (ср.: *baid'* ... *izbaiłotu, bailes baidiūšas; pa malu malām; Un kārtu kārtām šūrp turp griezti, mesti*), и, правда, нечастными, опытами в звуковой символике (ср.: *saulīte ... apslacīnātus lauciņus*, т.е. *saul-*:*slauc-*:*lauc-*, и т.п.).

Опыт создания новой латышской поэзии на основе перевода немецкой оды и обнаружения "своего", латышского в "чужом", иностранном был смелым и своевременным предприятием Стендера. В целом он с ним успешно справился. И это было главным результатом его труда. Требовать большего значило бы пренебречь последовательностью и трезвостью, качествами, которыми Старый Стендер обладал в полной мере.

⁷⁴ Собственно, так же вводит Стендер в перевод привычную "дубовую" тему без опоры в соответствующем месте немецкого текста (*Tur plosīdamies o zolus pārspēja*) — в отличие от другого случая: *Šē pīst un lūst un krīt viens kuplais zars, / Tur vecais ozols kustas, brakšķe šķeļas* — при *Dort kracht und stürzt, von Wirbel aufgefassl, / Ein tiefl-bewurzelter bejahrter Eich-Baum nieder*.

Подобным же образом вводится "соловьяная" тема (*Un tā vien vilina tās lakstīgas*), отсутствующая в тексте "певца соловья" Брокеса.

III. О СТАРОМ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ
"WAHRHEIT DER RELIGION WIDER DEN UNGLAUBEN
DER FREYGEISTER UND NATURALISTEN"

В 1785 г. в Москве появилась книга на тему, которая в то время привлекала многих в Европе, в частности во Франции в канун революции, и очень волновала лучших представителей складывающейся в России духовности нового типа, для которых главное содержание просвещения состояло в духовном очищении и возрастании (масонский круг Н.И. Новикова, И.В. Лопухина, И.П. Тургенева и др.). На титульном листе книги стояло:

Истина религии вообще в двух частях, из которых В первой доказывается истина религии вообще противу неверия вольнодумцев и натуралистов, а во второй утверждается истина Христианской религии, следя Священному писанию противу неверия натуралистов

Πάντα Θεῷ πλήρη, πάντα Θεοῖς εξέφανωται
Все исполнено Бога, все Бога возвещает

Часть I

Иждивением Типографской Компании
В Москве,

Печатана в вольной Типографии И. Лопухина,
с указанного дозволения, 1785 года.

* * *

Обе части составляли единую (под одним переплетом) книгу: ч. 1 — XVII+212 стр., ч. 2 — 360 стр. in 8°. Это издание принадлежит к числу очень редких, так как во время гонения на масонов и на новиковские издания при Екатерине II в 1787 г. в московских книжных лавках был конфискован 391 экземпляр этой книги⁷⁵.

Уже при первом знакомстве с книгой легко устанавливается, что она представляет собой перевод сочинения Г.Ф. Стендера, появившегося несколько ранее двумя изданиями. Полное название этого сочинения — "Wahrheit der Religion wider den Unglauben der Freygeister und Naturalisten. Von Gotthard Friedrich Stender Kirchspielsprediger zu Seelenburg und Sonnaxt, und der k.d.G. Göttingen. M. Выходные данные первого издания — Mitau und Hasenpoth bey Jakob Friedrich Hinz 1772 (472 стр., на титульном листе тот же греческий девиз с латинским переводом — Omnia Dea plena, undique Deus manifestatur). Второе издание — Riga, bey Johann Friedrich Hartknoch. 1784 (478 стр.; титульный лист, кроме выходных данных, полностью совпадает с первым изданием)⁷⁶. Насколько удалось заметить, раз-

⁷⁵ См.: Сводный каталог русской книги XVIII в. 1725—1800. Т. III. М., 1966, 413. — Экземпляр, которым пользовался автор этой заметки, хранится в Отделе редких книг Румянцевской б-ки. Шифр — Л/85Ш.

⁷⁶ При работе использовались экземпляр первого издания — Публичная б-ка. Ленинград. Фонд истории культов. Шифр — 16.176.6.51. — и экземпляр второго издания — Фундаментальная б-ка Латвийской Академии наук. Отдел редких книг. Шифр — D1/10.

личий (не считая графических) между обоими изданиями нет. Тем не менее, можно думать, что русский перевод был сделан со второго издания (и в таком случае перевод был выполнен очень скоро, спешно), поскольку издательство Харткноха было хорошо известным, и сам издатель имел широкие связи как на Западе (в частности, он издал Канта), так и в России, особенно в Петербурге. Менее вероятно, что русский перевод был сделан с издания Я.Ф. Хинца, хотя, конечно, нельзя исключать, что экземпляр этого издания мог попасть в Москву, тем более, что есть данные о связях московских немцев (в частности, круга Шварца, пользовавшегося таким авторитетом и уважением среди московских масонов) с курляндскими, прежде всего митавскими. Предпочтение, которое все-таки нужно отдать второму изданию как основе для перевода, вытекает и из внутреннего положения в кругу московских масонов, сложившегося к середине 80-х годов XVIII в. Кстати, именно в это время, после первого раздела Польши, "курляндский" вопрос впервые стал актуальным и возможность присоединения Курляндии к России все более и более выдвигалась в повестку дня. Впрочем, это растущее "неблагополучие" Курляндии сознавал и сам Стендер, но главную угрозу ей он ожидал с другой стороны — "O wie sehr beginnest du, mein Vaterland, von deiner vormaligen innerlichen Herrlichkeit abzuweichen! Wie leicht kan auch die äußere zu Grabe gehen; wenn die Hauptstütze der Religion wancket, und nur zu einer von der Oberfläche polirten, Lebensart wird, die von dem Sinne des göttlichen Erlösers abweichet und die Verderbnisse des Herzens verbreitet" (цит. по 1-му изданию).

Темы, поднятые в трактате Стендера, ясны из Содержания. Первая часть — I. Что есть вольнодумцы. II. Как вольнодумство происходит. III. О положениях вольнодумцев. IV. Как ответствовать вольнодумцам. V. О наготе вольнодумства. VI. О ничтожности вольнодумческих оснований. VII. О положении религии. VIII. О единической философии. IX. О положениях естественной философии. X. О Боге и свойствах Его. XI. О мироправлении и промысле Божием. XII. О душе и ея бессмертии. XIII. О будущем воздаянии в вечности. XIV. О истинне религии и ея должностях. — Вторая часть — I. Что суть натуралисты. II. Как происходит натурализм. III. О разности между натурою и разумом. IV. О истинных основаниях естественной религии и нравоучения. V. О недостатке естественной религии и нравоучения. VI. О положениях натуралистских. VII. Каким образом должно опровергать натуралистов. VIII. О слабости и недостатках разума человеческого. IX. О нищете натурализма. X. О слабости правил натуралистских против Христианской религии. XI. Неведение о познании природы. XII. О естественной мудрости древних. XIII. О возражениях натуралистских против Священного Писания. XIV. О домодедовстве Божественном. XV. О истинном откровении в Священном Писании, яко главном основании истинны религии Христианской. XVI. О высоких таинствах в Священном Писании. XVII. О Христианском патриотизме.

Стендер в своем трактате принимает на себя нелегкий труд оп-

рровержения точек зрения, которые входили в моду, стремительно распространявшуюся по всей Европе среди тех, для кого христианская вера уже давно стала мертвой формой. Конечно, и "натуралисты", и "вольнодумцы" имели свои резоны, и их появление было не только знамением времени, но и выдвижением новых точек зрения, без ответа на которые нельзя было обойтись. В этих точках зрения было немало оригинального и достойного внимания. Не все было богохульственным и полемическим ради полемики, хотя, конечно, в целом острые выпады преобладали над основательностью, и детали и частности заслоняли собою целое. Ответ, напротив, мог быть успешным лишь в том случае, если он предполагал основательность и исходил из целого. Стендер и взял на себя задачу такого ответа и выполнил ее с удивительным достоинством, не просто отстаивая основы христианского вероучения, но и раскрывая то неблагополучие современной жизни, те опасные тенденции ее, которые и были причиной моды на вольнодумство и натурализм.

Книга Стендера, конечно, философско-религиозный трактат из жанра "Contra...", достойный занять видное место по своей серьезности, основательности и глубине среди сочинений, которыми ответила христианская Европа на тот ранний натиск своих оппонентов во второй половине XVIII в. Но в этом трактате за общим и абстрактным во многих местах живо ощущается частное и конкретное, лично переживаемое и постоянно волнующее. Язык трактата прост и ясен, всегда ориентирован на читателя или слушателя. Перед нами как бы проповедь, произносимая в кирхе и незаметно переходящая в комментарий, в разъяснение. Во многих случаях текст оставляет впечатление соприсутствия слушающих, прихожан прихода, распространяемого до размеров всей Курляндии. Это настроение задается с первых же слов открывавшего книгу "Приношения от Сочинителя":

«Светлейшая Курляндия!
Дражайшее Отечество мое!

В недрах твоих получил я дыхание мое и многим пользовался благословением. Ему, всеобщему нашему Отцу небесному, и тебе обязан я усердием к местам родины моей.

Кровь предков твоих, против мрачного язычества пролитая, пронесла тебе здесь стяжение и преимущество, а свет Евангелия знатность и спасение; престарелые отцы мудростию прославляли правление твое, доверенность и верность одушевляли сердце братьев, милость и великолюдие означало преимущество твое, все жили для вольности и чести. Сколько святы были для тебя дни Господни! Колены преклонялись в святилищах. Ты следовала Божественному учению, и следы религии исполнены были благословением. Служители олтаря принимали участие во всех дарах, Провидением на тебя ниспосылаемых; чада твои возрастили яко ветви масличные при корене своем; поданные твои праздновали восклицанием; ты отирала слезы бедствующих, и десница Божия простиравась над тобою. Он обращал к тебе сердце помазанных; Монархи уважали тебя; украшение твое походило более на самую природу, и состояние твое весне райской уподоблялось. Таков был златой век твой? — Уже и серебреные дни твои изчезают!

О вы, смиренные родители, которых оживляет еще Христианское ревнование! посмотрите, сколь сильно применяет время течение вещей! юный мир превращает нравы и образ мыслей, и не редко побуждает вас проливать безмолвные слезы. Пышность и степи возрастают, а избыток уменьшается; надмерная работы и тяжкия воздыхания принесены в жертву непостоянному украшению одежды, игре и безчувствию к Евангелию, храмы опустели, огнь религии и человеколюбия угасает и благословение Божие удаляется. Страждет ваша собственная внутренность, когда церкви ваши в земле разрушаются. Нет ничего случайного. На что имущество, капиталы, права, когда нет главнейших наследий, страха Божия и премудрости?

О сколь сильно начинаешь ты, Отечество мое! отступать прежней внутренней славы твоей! Сколько легко может изчезнуть и наружная, когда столпы религии колеблются, и обратиться в житие, только снаружи блестящее, от намерения Божественного Иисуса отдаляющееся и разворачивание сердец распространяющее!

Обратись к прежнему источнику благословения, и Бог обратится к тебе с вящшим светом и благословением. Вспомни жребий прежде бывшаго народа Божия и семьи церквей в Азии.

Господи, иже готов еси и десяти ради праведных пощадити целую область! не лиши нас еще покрова милости Твоей ради малого числа тех, которые ищут имени Твоего, которые не преклоняют пред Ваалом колено свое, и которых уста не лобызают его.

Тебе, любезнейшее Отечество мое! посвящаю я листы сии: употребляй их во спасение твое; я же беспрестанно молю о тебе Бога, и умру

Твоим почитателем

Сочинитель» (2—3 об.)⁷⁷.

" Для суждения о степени точности русского перевода ср. несколько отрывков из подлинника:

"Glänzendes Curland Du mein geliebtes Vaterland.

In deinem Schoosse habe ich diesen meinen Athem empfangen und vielfachen Ge-gen genossen. Ich bin ihn unserm gemeinschaftlichen Vater im Himmel, und dir den zu den Zug zu den väterlichen Gegenden schuldig.

Das Blut deiner Vorfahren wider ein finstres Heidenthum, erwarb dich hier Besitze und Vorrechte, und das Licht des Evangeliums Glanz und Heil. Greife Väter übten Weisheit für den Flor deines Staates. Vertrauen und Treue beseelte das Herz der Bruder. Milde und Großmut zeichnete deinen Vorzug. Alles lebte für Freyheit und Ehre [...]

Wo ist sie? — Schon fliehen deine silberne Tage! —

Ihr frommen Väter, die noch ein christlicher Eifer belebet, sehet, wie sehr ändert die Zeit den Lauf der Dinge! Die junge Welt verwandelt Sitten und Denkungsarten und lockt euch manche stille Träne aus. Pracht und Felder nehmen zu und die Auskommen ab. Vervielfältiger Schweiß und erpreste Seufzer werden dem wechselnden Schimmer der Kleider und dem Spieltische, und Kaltsinn dem Evangelio geopfert. Tempel werden leer, das Feuer der Religion und Menschenliebe nimmt ab, und der Segen Gotter schwindet. — Es sind eure eigene Eingeweide, die da bluten, wenn die Eurigen, wie die Kirchen im Lande untergehen. Nichts von ohngefehr! — Güter, Kapitalien, Rechte, was helfen sie? wenn die füremsten Erbstücke, Gottesfrucht und Weisheit mangeln.

[...] Kehre vorigen Segensquelle zurück, so wird sich Gott mit doppeltem Glanz und Segen wieder zu dir wenden. Gedanke der Schicksale des ehemaligen göttlichen Volckes und der sieben Gemeinen in Asien!

Вслед за "Приношением от Сочинителя" в русском переводе следует "Предисловие от Сочинителя" (Vorrede), в котором излагаются цели этого сочинения:

"Сочинение сие написано против ядовитого кощунства неверия. Сей съедает вокруг себя подобно раку, распространяется против истинны религии, и блестящее уважение, к некоторым предшественникам являемое, ослабляет в слабых умах златое чаяние будущаго. Но всех общее чувство научает смертных, что они хотят лучше быть нежели не быть; лучше быть щастливыми, нежели нещастливыми, и сего желают они даже и за гробом. Однако ж против онаго неверие принимает на себя притворное дерзновение, когда несбузданной воле дается свобода. Без света, без испытания, против чувства сердечного, против всякаго познания натуры и мироправления Божескаго, против света премудрости тысячи умов мыслящих, ради одних пустых воображений, повторствующих похотям нашим, осмеивать то, что более всего достойно желания нашего, и решение вечности полагать на слепую удачу; если сие не есть безумие, то уже я не знаю, что означает слово сие. Сие безумие столь велико, что превышает и то нелепое безумие Индейских женщин, которая, обуяв умом, в великолепнейшем наряде, при звуке диких инструментов пляшучи, бросаются в огонь. Поступать против чувствования есть уже не натурально: сколь же безчеловечно должно быть то, чтоб соблазнять невинных и похищать у них вещь драгоценнейшую, покой душевный! Боже! доколе терпит суд Твой сию дерзость против нравственного скипетра Твоего! Мысль, от которой на главе кощунствующаго власы вздыматся должны! Но время сие не далеко.

Собственная моя участь понудила меня писать против сего рода врагов человечества, и предложить ощутительно Божественное достоинство испытанных истинн религии. Случай к оному был следующий⁷⁸. [...] Наконец, узнал я всю систему господина сего, привел ее в тот порядок, в котором находится она в сочинении сем; показал наготу и неосновательность оной, и утвердил истинну религии, так как натура и чувствование сердца человеческаго нас оной научает. Сперва отдал я сочинение мое на разсмотрение одному известному Богослову, характер которого составляли правота и смирене. Чистосердечная похвала почтенного старца сего, которого прах я на веки почитаю, ободрила меня к изданию онаго. Но я отдал его тому самому, против кого оно писано было. Первый благословенный плод трудов

HERR, der du bereit bist, um zehen Gerechter willen, einer ganzen Gegend zu schoren, breite noch ferner deine Gnadenflügel über uns, um des Häusleins willen, das nach deinem Nahmen fraget, das seine Kniee vor Baal nicht beuget, und dessen Mund ihn nicht küßet.

Dir, mein zärtlich geliebtes Vaterland, sind diese Blätter gewidmet. Gebrauche sie zum Heil. Ich bitte GOTTFür dich ohne Unterlaß, und ersterbe.

Dein Verehrer Der Verfasser" (2—4 об.).

⁷⁸ Далее рассказывается об одном "эзнатном министре", к тому же очень образованном ("в обширном поле знаний человеческих"), с которым автору пришлось встретиться за границей. Автор ужаснулся тому, что сила неверия его превосходила "великость духа его", и за столом этот человек обычно "упражнялся в тончайших насмешках против Християнства".

моих был тот, что с того самого времени прекратились вдруг все кощунства. Еще более он стал меня слушать, когда изображал я чувствования и виды вечности сотворенной души моей. Он подтверждал веру мою, поелику она содержала ум мой в веселии [...] (4—5 об.).

Здесь же, несколько далее, автор сообщает небезынтересную деталь: поскольку против деистов было написано уже немало трудов, некоторые почитатели сочинений Стендера советовали ему "отвечать натуралистам, имеющим натуру на своей стороне". Автор принял эти советы. Отсюда — двоякая направленность трактата — против вольнодумцев-деистов, прежде всего французских, и против натуралистов. Обеим этим категориям дается определение. "Вольнодумцами, или деистами, называют обыкновенно тех, которые представляют себе Божество от мира отдаленное и о человеках не пекущееся, и посему почитают себя освобожденными всякою повиновения религии. Их называют еще и любимым их именованием: (Esprit fort) крепкими умами; потому что мнения свои почитают они непобедимыми. Но мнимая сия крепость состоит в одном гордом воображении их..." (ч. 1, стр. 1). "Натуралистами называют обыкновенно тех, которые отмечают истину Божественного откровения в Священном Писании и религию Християнскую, в коей они рождены и воспитаны, и не хотят знать ничего иного, кроме собственной своей воображаемой натуральной религии, которую всякой из них по своей склонности и образу мыслей себе представляет. Можно почти сказать: сколько натуралистских голов, столько натуральных законов" (т. 2, стр. 3).

Определить заблуждающихся или злоумышляющих против веры важно, но еще важнее увидеть их в контексте их времени и указать, какая болезнь вызывает эти явления. В XVII главе "О Християнском патриотизме" автор пишет о разных симптомах и формах этого заболевания. "Недруг роскоши есть ближайший источник беспутных времен, от возрастающего везде Фараонского притеснения подчиненных. Сколько тысяч нещастных делает одно обстоятельство сие! Большая часть оных приходит от сего в труды необычайные, и наконец скучает жизнию. Сему присоединяется презрение к земледельческому состоянию при умножении городов и уменьшении хлебопашства. Все жители городские, а особенно пронырливые Жиды, суть народ торгующий, одни поселяне суть народ питающий. И так чем более первые умножаются, а последние убывают, тем дороже все становится; а потому жизнь бедного в городах затрудняется; и можно сказать поистинне, что в самых больших городах царствует самая большая бедность, которая есть корень многим злодениям. Сию бедность, от часу возрастающую, доказали недавно явившиеся с плачевными жалобами к Гамбургскому Смирительному Дому немецкие граждане. — Часто ради суэты и частной корысти страждут целые тысячи. Сколь многие милостивые государи и отцы превращаются в пиявиц!⁷⁹ Еще более: сколь много терпит добродетель и религия от того, что одежда и ветер, а не мудрость и достоинство в почтении суть! [...] О прочих следствиях я умалчиваю. Святое

⁷⁹ Ср. о пиявицах ненасытных у Радищева в сходном контексте "причин".

Провидение! в каких Ты временах жить нам определило!" (т. 2, стр. 336—338)⁸⁰

Но Стендер не только врач-диагност, определяющий болезнь времени: он знает и объект болезни — бессмертную душу, знает, что она вечная основа религии, а болезнь — преходящее явление. Именно это знание и определяет спокойную уверенность автора в своей правоте. В главе XII части I-й ("О душе и ея бессмертии") он пишет:

"Третий столп⁸¹ религии есть бессмертие человеческой души, яко свободно мыслящего и свободно хотящего духа. Вот источник всех чаяний будущего по ту сторону гроба! Для отрицателей души должно нам сперва доказать бытие ея, поколику душа есть от тела различный дух. Сие весьма явственно из духовных ея действий. Ежели учение сие для того считать выдумкою, что душа не ощущается наружными чувствами: так и все сокровенные силы натуры, и магнетическую и электрическую силу должно считать выдумкою же. Ежели вольнодумцам кажется вздором полагать в нас от тела различных дух, то материальная, или телесная и механическая, их душа есть подлинно такая нелепость, которая в разсуждении свойств своих противоречит понятию о теле, о материи и машине. Ощущение меня самаго, отличающее меня от всех вещей, вне меня сущих, и уверяющее меня о том, что я существую: внутреннее мое представление, не подверженное никакому насилию; помышления мои, представляющие себе невидимое, вечное и бесконечное; разум мой, сравнивающий прошедшее с будущим, отдаленное с настоящим; свободная воля моя, определяющая себя по

⁸⁰ Ср. несколько далее после рассуждений о вреде винокурения — "Боже мой! должно ли терпеть бедность жидовской ради прибыли? К такому ли поносному употреблению сотворил Бог дорогое сие жито [...]" (ч. 2, с. 345). Было бы ошибочно заключать по этим высказываниям об отношении Стендера к еврейству вообще. Современник и почитатель Лессинга, он тут же пишет и о противоположном примере: "Христиански мыслящий в Лондоне Жид, посрамляющий мыслящих Християн, должен служить нам примером. Лондонские известия, 16 Сентября, 1768 года, объявляют о нем следующее: «К особывой чести знатность здешнего Жида объявляется, что он из давняго уже времени не малое число ребят, не разбирая народа, ни религии, содержал в деревнях. Теперь воспитывает он уже 150 человек учреждением из одного своего капитала». Иди и ты богач! и делай тоже, тогда вкусишь ты сладость высочайшую и соберешь себе великое сокровище в вечности» (ч. 2, стр. 345).

⁸¹ Ср.: "Теперь приступаем мы к четырем столпам религии. Первой из них есть познание Бога и величественных свойств Его. Здесь источник всякой мудрости и блаженства, хотя Бог и непостижим; ибо как конечному постигнуть бесконечное? [...]" (ч. 1, стр. 132); — "Второй столп богопочитания есть нравственное мироправление и соединенный с оным особливый промысел Божий. Здесь-то есть источник всего на Бога упования и из онаго проис текающего спокойствия души [...]" (ч. 1, стр. 161); — "Четвертый столп религии есть будущее воздаяние по делам человеческим, купно с оными сопряженными судьбами в вечности [...]" (ч. 1, стр. 187); — "Наконец приходим мы к заключительному положению настоящего разсуждения, которое есть истинна религии. Есть Бог бесконечных величественных свойств. — Сей Бог управляет миром и печется во особливости о каждом наилучшим образом. — Душа наша есть бессмертный дух, сотворенный для вечности. — Всем предстоит воздаяние по делам, и Божественная правда наиточнейше размерять будет судьбы наши в вечности с поведением нашим на земли сей. — Все сие в предшедших отделениях доказано" (ч. 1, стр. 194).

моему разсуждению; и произволение мое, само себя определяющее: все сие никак не могу я приписать сложению грубой материи моего тела, или какому либо иному телесному, или материальному свойству. Сие противоречит всему познанию натуры [...].

Душа есть живый дух (*Principium*) жизни в человеке, исполненная разумения (*Intelligentia*) и силы. Сему научает нас познание наше о нашем существовании и ощущение жизни, которое утверждается еще более великим различием, находящимся между живущим и умирающим, не взирая на все наружное сходство механизма. Внутреннее души нашей есть весьма чистое, несмешанное, ниже из каких либо стихий сложенное света существо; понеже она, в разсуждении свободно мыслящей и свободно хотящей силы, подобна Божеству. С какою же вероятностью хочет действовать утверждать ея уничтожение купно с разрушением ея жилища, когда она, яко несложный дух, возвышена выше натуры, которой сила не далее простирается, как до разрешения в элементы? Может ли изчезнуть и лишиться бытия своего то, что Божеству подобно. Может ли престать быть то, что есть самое начало, или источник жизни.

Сколь мало может удержать ниспадающий луч света наижесточайшая буря, со всею яростию весь воздух в движение приводящая и смешивающая, столь же мало может вредить человеку в смерти происходящая в нем великая перемена. Она с умалением теплоты жизненной в теле отвлекает, подобно склоняющемуся лучу света, оживляющую силу свою, и с духовным парением неудержно спешит к своему началу, или источнику жизни своея, который есть Бог. И так первое основание бессмертия души находится в ея собственном непреходящем существе.

Особливо же главное основание бессмертия души находится в последнем предмете всех дел Божиих, к которому принадлежат и человеки, яко нравственные граждане града Божия. Почто произвел Бог толь великое и велелепное здание мира, и снабдил его безчисленным запасом? Кто может предполагать иной какой последний предмет, кроме откровения славы Божия, и с оным соединенное блаженство таких творений, которые исполняют и распространяют сей Божественный предмет? Между всеми видимыми творениями на небеси и на земли, кроме человеков, не знаем мы никаких иных, которые бы были одарены разумом и свободою, которые бы были способны познавать и хвалить славу Божию, и чрез нравственное исполнение Божественной воли были бы удобны к блажеству и возрастанию в совершенствах. Следовательно одни только люди принадлежат преимущественно пред прочими видимыми тварями к последнему концу дел Божиих. А понеже тело человеческое есть тленная вещь, которая по достижении предмета своего приходит в тление: то и следует, что единственная нетленная часть в человеке душа, которой бытие и крайнее блаженство собственно принадлежит к последнему предмету дел человеческих [...]" (ч. 1, стр. 177—184).

В последней главе первой части книги Стендер подводит итоги и очень наглядно сопоставляет две позиции по отношению к религии — вольнодумца и верующего (XIV. О истинне религии и ея должностях):

"Наконец приходим мы к заключительному положению настоящего разсуждения, которое есть истинна религии. Есть Бог безконечных величественных свойств. — Сей Бог управляет миром и печется во особливости о каждом наилучшим образом. — Душа наша есть бессмертный дух, сотворенный для вечности. Всем предстоит воздаяние по делам, и Божественная правда наиточнейше размерять будет судьбы наши в вечности с поведением нашим на земли сей. — Все сие в предшедших отделениях доказано" (ч. 1, стр. 194).

"В заключение сего еще намерены мы относительно к религии сличить и наикратчайше объяснить мнимые благия вольнодумца с благими почитателями Божества.

Вольнодумец не занимается вымыслами.

Но сей не занимается и истинною, как бы драгоценна она ни была.

Вольнодумец не боится ада.

Он не боится также войти в небо.

Вольнодумец свободен от всякого принуждения в религии.

Но он свободен также и от блаженства, добродетели, прямой честности и от благия совести.

Вольнодумец любит добродетель, не ожидая награды.

Но он любит также свой любимый порок без награждения будущего.

Вольнодумец имеет честь быть сильным даром (Esprit fort).

Пред кем? Пред своими братьями, еще более погруженными в невежество. Но почти охотно отдаляет он помышления о смерти и о будущем воздаянии?

Большим вольнодумец хвалиться не может.

А предшедший также не многого стоят.

Что ж остается?

Почитатель Божества также не занимается вымыслами.

Вера его есть драгоценнейшая истинна, которой научает его целая натура и ощущение его сердца.

Почитатель Божества тем менее может ада страшиться.

Бог и его добрая совесть суть в том его порукою.

Истинный почитатель Божества также не ведает ни о каком принуждении в религии.

Его сердце само собою наклонно к оному по причине их неоцененности

Почитатель Божества тем более любит добродетель ради внутренняго изящества.

Он укрепляет силу производить оную в действие разсмотрением грядущия славы, которую уготовал Бог ради своих.

Почитатель Божества заслуживает тем большую часть крепкаго в духе.

Сей помышляет о конце своем и о грядущем суде без трепета, спокойно и с веселостию.

Напротиву того почитатель Божества еще и сии благи имеет: 1) Честь у Бога. 2) Утешение во всех обстоятельствах. 3) Надежду блаженства.

Все сие возвышает земное его удовольствие и доставляет ему дерзновение на смертном одре его.

И так, кто имеет больше благ и чьи драгоценнее?

Теперь, о вольнодумцы! или оставайтесь собственными врагами, или возвратитесь к источнику всякаго покоя и блаженства, и воздайте честь Богу. Ежели некоторой род стыда вас удерживает, ах! постыдитесь лучше ожесточения вашего. Тысячи душ взирают на ваш пример, коих можете вы паки приобрести, или еще более прельстить. Которою из сих двух должностей обязаны вы человечеству?

Но вы, почитатели Божества, вы, которые ощутили уже сладость упования на Бога и надежду блаженныя вечности, пребывайте твердыми и не колебайтесь. Соблюдайте сей венец веры даже до конца, и не минует вас никогда спокойствие душевное и дерзновение.

Господи! дозволь нам во свете Твоем видеть свет истинны, и достойно ходити в нем, доколе достигнем до света славы!" (ч. 1, стр. 202—206).

Сам факт перевода на русский язык трактата Стендера "Wahrheit der Religion" был, несомненно, значительным событием. Это сочинение, как нельзя больше, отвечало важнейшему этапу русского просвещения, как оно понималось наиболее духовным слоем масонства, накануне того разгрома, который был учинен "просветительницей" Екатериной II и последствия которого в наибольшей степени коснулись именно московских масонов. Специфика этого этапа состояла в том, что успехи "светского" просвещения, помимо многих благ культуры, в частности и духовной, принесли и разные формы сомнения в христианском вероучении и в существовании самого Бога или в его всесилии. Этот конфликт между широко открывающимися новыми возможностями и ослаблением в определенном круге веры, превращением ее в традицию, утратой наиболее глубоких результатов работы религиозного духа как раз и отличал 80-е годы XVIII в. Нельзя сказать, что до этого времени не делалось в России попыток осмыслить эту ситуацию и дать ответ. Но ни одна из таких попыток не могла претендовать на фундаментальность, последовательность и четкость, сопоставимые с подобными качествами в сочинении Стендера. Именно поэтому оно пришло к времени и в наибольшей степени отвечало насущным потребностям. Отчасти это подтверждает и заметка "От переводчика" (стр. XIV—XV)⁸²:

"Вида отечество мое шагами исполнов в просвещении шествующее, радуюся я купно с вами, единоземцы мои. Но проходя пространное поле истории всех народов, видим мы, что корень погибели народной есть развращение сердечное; и для тоголагаю я вам в знак усердия моего книгу, которую почитаю я удобною к предохранению от зла сего. Что может быть полезнее религии, когда она только от суеверия очищена?"

Вы, богообоязливые Мужи! Читая оную, радуйтесь истинному усердию просвещенного проповедника. Ты же, благородное юношество, скользким путем страстей шествующее! размысли, читая

⁸² Имя переводчика остается неизвестным, но едва ли можно сомневаться, что им было лицо из новиковского круга.

оную, и остерегись Бога ради. Ежели же по щастию попадается книга сия в твои руки, о заблудшийся! не стыдись, отринув гордость, признаться внутренно в заблуждении твоем; вспомни, какой страшной порок есть гордость! Рассуди, какой ради корысти просит тебя человек, совсем тебе неизвестный!

А вы, искреннейшие друзья мои! вы, которых путь есть правота, учение страх Божий и пример трудолюбие; великодушие ваше не требует ни похвалы, ни воздаяния подвигам вашим! ежели вам приятен будет труд слабого последователя вашего, то он слишком заплачен. Ежели полезен будет он единоземцам нашим, вам они обязаны".

Русский перевод "Истины религии" заслуживает высокой оценки. Несмотря на отдельные небрежности и шероховатости, перед нами за редкими исключениями не переложение, а именно перевод, весьма близкий к оригинальному тексту, и на примере целого ряда мест можно было бы показать, что автор почти всегда ради точности и верности немецкому оригиналу готов поступиться даже формой русского текста. Во многих случаях переводчик был оригинален и изобретателен в выискивании русских эквивалентов немецким словам, передающим малознакомые понятия текста-источника. В ходе такой работы русский язык совершенствовался, выискивая новые резервы и возможности, обнаруживал ту гибкость, без которой едва ли можно было преодолеть некоторые трудности оригинального текста. Духовное возражение и совершенствование и спиритуализация языка в этом деле шли ногу в ногу.

Проблема оценки русского перевода трактата Стендера и роли самого этого трактата в развитии немецко-русских культурных связей не может быть решена вполне без обращения к некоторым вставленным в текст трактата немецким стихотворениям и их русским переводам. Поскольку литературная "Germano-Rossica" не учитывает этих переводов (а они не единичны и представляют собой для 80-х годов XVIII в. несомненное событие), и они нигде более (как, впрочем, и приводимые в "Wahrheit der Religion" немецкие стихи) не воспроизведились, уместно здесь привести эти тексты — русские переводы немецких стихотворений и немецкие оригиналы.

I. Возбуждение к деятельности хвале Божией,

По воле Божией сколь жити драгоценно
И славу Божию деяньем возвышать!
Се Христианских душ спокойство вожделено!
Чистейших радостей небесных се печать!
Уста Спасителя, пример, сие являют,
Но верующи то едины ощущают.

Как хвалят Вышняго небесных селенья,
Твердь, воздух и моря с земною глубиной,
И силы в них свои являющи движенья!
Дыханьем Божиим живет имущи свой! —
Хваленье их Его есть воли исполненье,
Чтоб совершил существа своих определенье.

Неужель человек, и свет и дух имея,
Быв образ Божества, ты медлишь восхвалить

Пред всеми своего Творца благоговея,
И действием своим честь Бога возгласить?
К сему тебя Господь готовит, призывает:
Се путь, что в небеса тебя препровождает!

Крылами духа ты пари и возвышайся,
Будь бодр, рачителен во всем, что долг есть твой;
Бди над собой, с мечтой суетств всегда сражайся,
Люби, как ум Христов велит, оставя свой;
Служи ты каждому, честь Божью разширяя,
Примером более, не речью научая.

Отец моей души! Тебе я покланяюсь
За силы, данны мне не тщетно от Тебя,
Как Християнин, я обильно награждаюсь,
Приняв для пользы их других, не для себя.
Се вечностей предмет великий и обширный!
Приуготовь меня мой Бог на путь к ним мирный!

Господь мой Иисус, примером укрепляя,
В свой храм святый мое Ты сердце сотвори,
И Духа Твоего дарами исполняя
В Нем ближним и Отцу веселье яви.
Доколе воззван быв, волн мира удаляся,
К важнейшим действиям я в небеса вселюся.

КОНЕЦ (т. 2, стр. 359—360)

Ermunterung zum thätigen Lobe Gottes

Mel. Ich danckte dir o Gott in deinem Throne.
Wie kostlich ists, nach Gottes Absicht leben
Und durch den Wandel Gottes Ruhm erheben!
Dis ist des Christen hohe Seelenweide,
Der Abdruck jener reinen Himmelsfreude,
Die des Erlösers Mund und Fürbild lehret,
Und wenigen, nur Glaubigen gehört.

Wir loben Gott des hohen Himmels Heere,
Die Lüfte und der Erdkreis samt dem Meere
Und alle Kräfte, die darinnen weben
Und durch des Höchsten Othem sind und leben?
Sie loben Gott, indem es seinen Willen,
Wozu ihr Wesen sie bestimmt, erfüllen.

Ey nun, o Mensch, dem Licht und Geist verliehen,
Du Gottes Ebenbild, wilt du verziehen
Den, der dich schuf, vor aller Welt zu preisen
Und seine Ehre thätig zu beweisen?
Dazu hat er vorzüglich dich bereitet.
Dis ist der Weg, der dich zum Himmel leitet.

Strebe dich, den Geist hinauf zu richten,
Sey heiter zur Erfüllung deiner Pflichten,
Wach über dich, bekämpf die eiteln Triebe
Und übe dich nach Christi Sinn in Liebe,
Dien' jedermann, verbreite Gottes Ehre
Mehr durch ein frommes Beyspiel, als durch Lehre.

Ich bet dich an, GOTT, Vater meines Lebens,
Für alle Kräfte, die ich nicht vergebens
Als Mensch und Christ empfieng aus deinen Händen,
Um sie für meine Bruder zu verwenden.
Dis ist der grosse Zweck der Ewigkeiten.
HERR, laß recht würdig mich dazu bereiten.

HERR, Jesu, stärcke mich durch dein Exempel
Und mach mein Herz zu deinem heilgen Tempel,
Erfülle es mit deines Geistes Gaben,
Das Gott und Menschen dran Gefallen haben,
Bis ich zu höhern Absichten im Himmel
Berussen werd aus diesem Weltgetümmel.

(1-е изд., стр. 471—472;
2-е изд., стр. 477—478)

II. Душа! познай свое стремление;
Познай перед лицем Творца,
Какое есть предназначение
Кратчайшей жизни сей конца? —
Познай, что Бог, тебя родивший,
К величеству определил,
А не к тому, чтоб омрачивший
Тебя дух суетой здесь льстил.

Уборы, моды, украшенья,
Не суть ли тень и суeta?
В час лютой смерти посещенья
Изчезнет вся сия мечта.
Сей слабых душ недуг, мученье,
Томящий их в страданье злом,
Есть время злоупотребленье
И гнусной суеты плодом.

Натура толь в тебе являет?
Она прекрасна в простоте,
Все в ней предел не преступает
В размерной роду красоте.
Свою частью быть довольным
Учись, и роскошь побеждать;
Обманут, будешь беспокойным,
Коль станешь внешность украшать.

На землю наг ты пал рожденный,
И наг отыдиши с нея;
Во прах, в ничтожность погребенный,
Стремится воля здесь твоя. —
Которым пал Адам из рая,
Гордишься ты стыдом своим!
Да даст мне благодать святая
Плениться простотой, не сим.

Премудрость, вера, дар небесный,
Любовь, надежда, чистота;
Суть юности наряд прелестный,
Одежды старцев, красота.
Ты душу сими просвещая,
Творца соединишь с собой,
Пред взором Божиим угождая,
Приимеши венец златой.

Взирание на блеск наружный
К спасенью душ препятство есть,
Ввергающе их в яд недужный. —
Сие змино жало, лесть,
Погибель многим причинило;
Язвя сердца, льст лютый вред. —
Молю, чтоб небо сохранило
От сих свою святыню бед!

На толь захочешь украшаться,
О ложный Христианин! днесь,
Чтоб только через то гнушаться
Тем, кто не столь богат есть здесь?
Ах! сколь легко тебя обидеть,
Кто Богом, Ангелы любим,
Когда того вознавидишь,
Кто равным сотворен твоим!

Любезность вся благоприятства,
Доверенность и дружба, честь,
От пышности одежд, богатства
Позор должны сокрывши несть! —
О нравы! вы, умов развратность,
Стяжанью гибель, здравью вред!
Что шлет небесна благодатность,
Как в бездну, в роскошь то падет!

О Боже! прожени на веки
Недуг сей целых областей,
Да вразумятся человеки,
Дай нам прозреть во вред весь сей! —
Оставьте злое расточенье,
Доколь не придет нищета,
Доколь не зрите гроб, гниенье
И нищих чад своих вреда.

В смиренном лучше одеянье
Невинным, справедливым быть,
Как нежели в златом блистанье
Грызенье совести сносить.
Невинность не должна стыдиться,
Довольство горести терпеть;
Пристойно гордости томиться,
Неправдой, завистию тлеть.

Коль дал Господь тебе именье,
Так бедных им ты снабдевай;
В том долг твой есть и попеченье:
Сирот убогих воспитай.
Сколь радостен веселье многом,
Пред Агнцем будет дух в тебе,
Когда самим речется Богом:
Все сотворил сие ты Мне!

О Боже! дажь в Твоем мне свете
Узрети мерзость сей мечты,
И пред лицем Твоим в обете
Быть тверду против суety. —
Да благочестну жизнь имею
В смиренье, в правде, до конца;
Да чадом быть Твоим я смею;
Моя в сем слава, блеск венца!

(ч. 2, стр. 338—342)

Seele, prüfe dein Bestreben,
Prüf vor Gottes Ungesicht,
Wohin ist in deinem Leben
Dein so kurzes Ziel gericht?
Denck, das Gott, der dich gebohren,
Dich zum höhern Zweck erkohren,
Als zur äußerlichen Pracht,
Die dich thöricht schwindelnd macht.

Was ist Kleidersucht und Mode?
Nur ein prächtig Affenwerck.
Ach wie bald verschwindt im Tode
Dieses stolze Augenmerck,
Diese Krankeit blöder Seelen,
Die mit blindem Wahn sich quälen,
Diese Brut der Eitelkeit,
Diese Mißgeburt der Zeit!

Siehst du die Natur so wancken?
Sie ist ungeküstelt schön.
Jedes bleibt in seinen Schrancken
Und in seiner Art bestehn.
Lern mit deinem Stand dich gnügen
Und die Uepigkeit besiegen,
Weil du selber dich verführst,
Wenn du nur das Aeußie zierst.

Nackend kamſt du auf den Erden,
Nackend wirſt du wieder fliehn.
Sollte das, was Staub muß werden,
Dich in die Versuchung ziehn,
Mit der Schande stolz zu prangen,
Womit Adam sich behangen?
Gib, mein Gott, daß ich dem Kind
Bleibe schlecht und recht gesinnt!

Weisheit, Menschenliebe, Tugend,
Glaube und Gottseligkeit
Iſt der wahre Schmuck der Jugend
Und des Alters Ehrenkleid.
Hiemit schmücke deine Seele,
Daß sich Gott mit dir vermähle.
Dieses ist die Ehrenkron,
Die da gilt vor Gottes Thron.

Nur auf äußres Blendwerck schauen
Iſt die groſſe Hinderniß
Deine Seele zu erlauben.
Dieser arge Schlangenbiß
Hat schon manches Herz vergiftet
Und den Seelentod gefſtiftet.
O wär dieser Unsinn fern
Von dem Heiligthum des HERRN!

Wilt du darum dich bebramen
Ausgeblaſner Modechrist,
Um den andern zu beschämen,
Weil er unvermögend iſt?
O wie leicht kanſt du betrüben
Den, den Gott und Engel lieben,
Wenn dein stolzes Kleid veracht'ſt
Den, den Gott dir gleich gemacht.

Die gegönnte Lebensfreude,
Freundschaft und Vertraulichkeit,
Wird verdrängt von Sammt und Seide.
O ihr Sitten dieser Zeit!
O wie plagt ihr die Gemüther!
Ihr verwindert uns die Güter,
Die uns Gottes Segen gönn̄t
Und die Uepigkeit verschwendt.

GOTT! wend' diese Pest der Staaten,
Laß uns nicht verblandet seyn.
Menschen! iſt euch noch zu rathe,
Schränket die Verschwendung ein,
Er der Mangel euch berücket,
Welcher Land und Städte drücket,
Eh euch soltert Gram und Grab
Und der Kinder Bettelstab.

Befſer, in geringen Kleide
Reinlich und unschuldig geyn,
Als in Sammet, Gold und Seide
Mit Gewiffens Brandmal stehn.
Unschuldig darf sich niemals schämen,
Gnüglichkeit darf sich nicht grämen,
Wenn der Stolz von Neid geplagt
Und von Unrecht wird genagt.

Hat Gott Reichtum dir verliehen,
So vergiß der Armen nicht.
Arme Kinder zu erziehen
Mache dir zu einer Pflicht.
O wie wird es den erquicken
Und vor Gottes Thron entzücken,
Wer von Gott einst hören kan.
Dieser hast du mir gethan!

HERR! laß mich in deinem Lichte
Fühlen allen eiteln Tand,
Und vor deinem Angesichte
Fliehen solchen Unverständ.
Laß mich redlich, christlich handeln
Und vor dir in Demuth wandeln.
Deine Kindschaft ist mein Schmuck,
Und den Beyfall Ehre gnug!

(1-е изд. — стр. 455—458;
2-е изд. — стр. 459—463)

III. Молю, пою Тебя, о Существо существо!
Тебя, от века самим собою существующаго,
Тебя ум самосуществующий, Тебя, Отца света,
Тебя сотворшаго натуру из вечного ничего.

Ты Дух духов, чистейший Источник,
Свободный, единственный, невидимый, Сам в себе светлый и ясный.
Неприступный свет одевает Божество Твое,
И чистейшие небеса против Тебя нечисты.

Существенность вещей (уж и разум здесь молчит)
Родил из себя бесконечный разум Твой;
И что Твой вечный совет во свете сем видел,
То должно неминуемо в свое время сбыться.

Един Твой премудрый взор, Господи, может сие учинить,
Чтобы исследовать чертеж натуры и строение миров.
Чудеса и всех вещей велелепие, видимые нами,
Свидетельствуют славу Твою, все благоустроившую.

Господи, Господи всемогущий! беспредельное могущество Твое
Сотворило все, все должно двигаться Твою силою.
Влияние твое никогда не стоит, а действует всегда;
Целое сие великое все являет деятельность Твою.

Кто может, Безконечный, Твою величность вообразить?
Беспрельное пространство не может Тебя, Господи, объять,
Тебя бытием во всех вещах существующего,
И все, что сотворил Ты, в Тебе живет, движется и есть.

Божественное око Твое в сокровеннейшей видим глубине;
Дух Твой, все испытующий, и помышления может ведать.
Он видит прошедшее, и дальнее будущее,
Как настоящее, ничего от Тебя скрыть не могущее.

Ты еси, Всеблагий, существенная Любовь,
Ты сообщаешься всем из чистейшего чадолюбия,
Из твоей полноты почерпает каждая тварь.
И сие благословение, Господи, есть след Божества Твоего.

Ты всегда чувствуешь блаженнейшую радость,
Ты всех живущих сила, дыхание, свет и солнце.
Не довольно, Ты устроишь нам вечное небесное блаженство,
И сие есть, милостивый Боже, величайшее Твое лучшее.

Однакож, Всесвятейший, Ты всех даров Источник,
Какое можешь Ты тогда иметь благоугождение,
Когда Тебя дерзостный человек из слепоты не познает,
И от страха Твоего к похотиям своим обращается?

Истинно, то время приближается, когда по прошествии годов испытания
Святость Твоя явится миру.
Там мерзости не будет, одна лишь добродетель,
О правосудный Боже, наследует светом.

В прах повергших Тебя призываю, Существо всех вещей,
Боже, Источниче, Свете и Душе, которому приношу жертву сию!
Удивление и благодарение со внутреннейшим желанием:
Ах! дай мне быть единственным с Тобою духом, Боже мой!

(ч. I, стр. 142—143)

Anbetend sing ich dich, GOTT, Wesen aller Wesen,
Dich, der du von dir selbst von Ewigkeit gewesen,
Selbstständige Vernunft, du Vater alles Lichts,
Du Schöpfer der Natur aus einem ewgen Nichts.

Du bist der Geister Geist, die allereinste Quelle,
Frey, einfach, unsichtbar, in der selbst klar und halle,
Ein unzugänglich Licht hält deine Gottheit ein,
Die reinsten Himmel selbst sind gegen dich nicht rein.

Der Dinge Wesenheit (Witz und Vernunft hier schweigt)
Hat dein unendlicher Verstand aus sich gezeget,
Und was dein ewger Nath in diesem Licht ersehn,
Das alles muß gewiß zu seiner Zeit geschehen.

Nun dein allweiser Blick, HERR, konnte es erfinden,
Den Plan von der Natur, der Welten Bau zu gründen.
Die Wunder, die wir sehn und aller Dinge Pracht
Sind Zeugen deiner Ehr', die alles wohl gemacht.

HERR, HERR, Allmächtiger, dein unumschränkt Vermögen
Schuf alles, alles muß durch deine Kraft sich regen.
Dein Einfluß ruhet nie, er würcket allezeit,
Dis ganze grosse All zeigt deine Würksamkeit.

Wer kan, Unendlicher, wol deine Größe dencken,
Der bodenlose Raum kan dich, HERR, nicht umschränken,
Dich, der du wesentlich in allen Dingen bist,
Und alles, was du schaffst, in dir lebt, webt und ist.

Dein gättlich Auge sieht in der verborgnen Tiefen,
Dein Geist, der alles forcht, kan auch Gedanken prüfen.
Er schaut Vergangenes und ferne Zukunft an,
Als wie die Gegenwart, die dir nichts bergen kan.

Du bist, Allgütigster, die wesentliche Liebe,
Du theilst dich allen nut aus reinem Vatertriebe.
Aus deiner Fülle schöpfst jedwede Kreatur,
Und dieser Gegen, HERR, ist deiner Gottheit Spur.

Du fühlest dich beglückt mit ewig selger Wonne,
Du bist der Lebenden Kraft, Athem, Licht und Sonne.
Nicht gnug. Du bauest uns ein ewig himmlisch Glück,
Dis ist, o liebster Gott, dein größtes Meisterstück.

Doch Allerheiligster, du Brunnenquell aller Gaben,
Was kanft du wol alsdenn für Wohlgefallen haben,
Wenn dich der eitle Mensch aus Blindheit freeh verkennt,
Und sich von deiner Furcht zu seinen Lüsten wendet.

Gewiß, es eilt die Zeit, da nach den Prüfungsjahren
Sich deine Heiligkeit der Welt wird offenbaren.
Dort wird kein Greuel nicht, die Tugend nur allein,
O du gerechter Gott, des Liches Erbe seyn.

Im Staube, bet ich an, dich Wesen aller Dinge,
GOTT, Quelle, Licht und Geist, dem ich dis Opfer bringe,
Bewunderung und Danck mit innigster Begier.
Ach laß mich ewig scyn, mein Gott, ein Geist mit dir.

(1-е изд. — стр. 123—125;
2-е изд. — стр. 125—127)

IV. [Привычка и природа]⁸³

Гаргил, некто игрок, в одну ночь потерял
За карточным столом великое именье;
Все карты растерзал; себя он так заклял,
Что в век не будет зреть листочек сих движенье.
Игрок, он говорил, здоровье все губит,
Именье и покой притом он свой теряет!
Но завтра сей Гаргил других игру глядит;
Он только за другим на завтрее играет.
На третий день играть сел сам он за себя,
Как будто совсем против своей в том воли.
Лишь по безделице. — Кто влек шалун тебя?
Другую вотчину спустил от строгой доли!
С тех пор уже всегда играет он, но как?
Убыtkом научен, играет уж не так:
Сперва обыгран был, обманут был он много,
Теперь плутует сам, и щастье уж не строго,
В теории мы умны, но в практике глупцы.

(ч. 2, стр. 347)

⁸³ Этому стихотворению предшествуют две фразы, важные и тем, что определяют общий контекст стихотворения, и тем, что указывают автора стихотворения — фон Кронека. Ср.: "Но для пышности необходимо надобен и кошелек с деньгами на игры. А дабы не обвиняли Христианского патриота излишне ревности, то приводит он здесь речи не строгаго Лассения, но одного по рядочного дворянина Барона фон Кронека, которой в стихотворении своем, именуемом *Привычка и Природа*, говорит так". О. Кронеке идет речь и в фразе, следующей за стихотворением.

Der Spieler, Herr Gargil, als er in einer Nacht
 Sein ganzes Rittergut beym Spieltisch durch gebracht,
 Zerriß die Karten, schalt und schwur: in meinem Leben
 Will ich mich nimmermehr dem falschen Spiel ergeben:
 Ein Spieler opfert auf Gesundheit, Wohlfahrt, Ruh
 Den andern Tag darauf sieht er dem Spielen zu,
 Den dritten spielt er mir, doch nur für andre Leute.
 Den vierten für sich selbst, doch erst nach langem Streite
 Um eine Kleinigkeit. Den fünften, o der Thor!
 Geschah es, daß Gargil kein zweytes Gut verlohr.
 Noch spielt er, aber wie? Durch Gnaden wird man klüger;
 Betrogen war er sonst; nun ist er ein Betrüger.

(1-e изд., стр. 463)

V. Тайный чертог Божий, в котором являет Он дела свои⁸⁴

О Боже! да будет песнико мою чертог Твой, отверзаемый Тобою мудрым по полноте чудес. Восхищенный созерцаю великия дела Твои, показующия здесь Твое превосходное дело, Твое творение, образующую натуру, которая есть следы Божества Твоего, Господа!

О дуновение Божества, Дух силы, действователь тайнейших дел, коего умствование скучая убегает и довольствуется наружною скорлупою, представляемою в наилучших красках остроумием и искусством! Тебя, яко безумия, умствование не касается, Ты не ведешь меня к премудрости.

О Боже, Насадителю возобновленных сил! я чувствую ежедневно действия Твои, чувствуя их исполныи благовения. О духи, в тишине ходящие и Божественно с тварями поступающие! вы показываете Божию чудес силу, творящую вас из тления.

О вы, великие знатоки натуры! возмите зелия и травы, и все служащее пищею скоту, напрягите все ваше искусство, варите, пеките, сожигайте и дистилируйте, как можете; но вы не сотворите ни капли молока, ни капли крови, так как натура ежечасно сие делает.

Боже, Творче всех живущих,
 В Тебе и Тобою сущих и движущихся!
 Коль чудно происхождение их!
 Да молчит разум о том, как Ты производишь,
 И превращаешь согнившую материю,
 Когда Ты, о Отче всяческих!
 Взываешь не сущая, к существованию.

Ты глаголешь слово силы: *да будет!* и се прозябает из земли осемененный нежный плод. Кто его образует? Кто проводит соки? Кто водит сокровенные силы? Твое дуновение, плавающее над кругом мира; оно проникает и оживляет.

Коль чудесно я уготован! когда первая моя материя разширялась, где была она, и что питало ее? Как ее приготовил дух, и как дух провел духа в сердце? О Боже! молчу исполнен благовения. Кто знает, говорить ли мне более?

Единый взор в места чудес Твоих, к которым я со благовением приступаю, суть для меня достолепное святилище. Не дано мне власти поднять совсем завесу. Со стыдом отступаю вспять, и Тебя только, о Боже! Тебя обретает взор мой! Тебя, любящаго создания свои, и дающаго мне веселую надежду, что смерть не есть крайняя цель моя. Дуновение Твое раззорит тело мое, разделит его, очистит и просветит; и когда учинит его духовным, тогда не умрет уже оно во веки.

(ч. 2, стр. 193—195)

Die geheime Werckstatt Gottes⁸⁵

Gott, deint Werckstatt in der Stille,
 Die du aus deiner Wunderfülle

⁸⁴ В конце Отделения XII "О естественной мудрости древних" сказано: "В заключение отделения сего прилагаю и следующее стихотворение, содержащее в себе не вымысленные, а высочайшие истинны" (ч. 2, стр. 193).

⁸⁵ Ср. вводную фразу: "Zum Schluß dieses Abschnittes füge ich folgendes Gedicht bey, welches keine gedichtete, sondern die edelsten Wahrheiten enthält:".

Den Weisen öffnet, sey mein Lied.
 Entzückt schau ich die grossen Thaten,
 Die hier dein Meisterstück verrathen,
 Dein Werck, die bildende Natur,
 Die ist, HERR, deiner Gottheit Spur.

Du Hauch der Gottheit, Geist der Stärke,
 Du Würker der geheimsten Wercke,
 Den selbst der Fürwitz eckelud flieht
 Und sich begnügt an äussern Schalen,
 Die Witz znd Kunst ihm prächtig mahlen,
 Und dich, als Thorheit nicht berührt,
 Du bißt, der mich zur Weisheit führt.

Gott, Stifter der erneuerten Kräfte,
 Ich fühle täglich dein Geschäfte.
 Ich fühle es verehrungsvoll.
 Ihr Geister, die ihr Stille wandelt
 Und mit Geschöpfen göttlich handelt,
 Ihr zeiget Gottes Wunderkraft,
 Die euch aus der Verweisung schaft.

Ihr grossen Kenner der NATUREN,
 Nehmt Gräß und Kräuter von den Fluren
 Und was dem Vieh zur Nahrung dient.
 Geht, künstelt, kochet, bratet, brennet
 Und distillirt, wie ihr könnet,
 Ihr schafft kein Tröpflein Milch noch Blut,
 Wie die Natur es ständig thut.

GOTT, Schöpfer derer die da leben
 Und in und durch dich sind und weben,
 Wie wunderbar ist ihr Entstehn!
 Vernunft muß schweigen, wie du handelst
 Und den verwästen Stof verwandelst,
 Wenn du dem ruffest, das nicht ist,
 Du, der du aller Vater bist.

Du sprichst ein Wort der Kraft: Es werde!
 Gleich grüßt dus der besaamten Erde
 Die zarte Frucht verklärt herfür.
 Wer bildet sie? wer lenkt die Gäste?
 Wer leitet die verborgnen Kräfte?
 Dein Hauch, der durch den Weltkreis schwebt,
 Der ist, der sie durchdringt, belebt.

Wie wundervoll bin ich bereitet!
 Als sich mein erster Stof verbreitet,
 Wo war er? und was nährte ihn?
 Wie hat der Geist ihn zubereitet
 Und Geist den Geist ins Herz geleitet?
 O Gott, hier schweig ich ehrfurchtsvoll,
 Wer weiß, ob ich mehr sagen soll.

Ein Blick in deine Wunderstätte,
 Zu welcher ich mit Ehrfurcht trete,
 Ist mir ein würdig Heilithum.
 Den Vorhang völlig aufzuziehen,
 Dazu ist mir nicht Macht verliehen
 Ich trete ganz beschämt zurück,
 Nur, GOTT, noch dich, dich trifft mein Blick.

Dich, der du dein Geschöpf liebest,
Und mir die frohe Hoffnung gibest.
Mein Tod sey nicht das letzte Ziel.
Dein Hauch wird meinen Leib zerstören,
Ihn scheiden, läutern und verklären,
Und wenn er geistlich zubereit't,
Dann stirbt er nicht in Ewigkeit.

(1-е изд. — стр. 337—339;
2-е изд. — стр. 339—341)

* * *

Русские переводы немецких стихотворных текстов из "Wahrheit der Religion" Стендера различны по своему характеру. Одни из них весьма точны для своего времени и обнаруживают руку опытного переводчика, отнюдь не буквалиста, но мастера, знающего хорошо, чем можно жертвовать и что должно быть сохранено, иначе говоря, умеющего предложить свой принцип неизбежной трансформации переведимого текста в переводе. Может быть, лучшим примером этого рода является "Возбуждение к деятельности хвале Божией" (I) в соотнесении с оригинальным текстом — "Ermunterung zum thätigen Lobe Gottes". Переводчик достаточно точно сохраняет не только общий абрис смыслового целого, но и движение частных смыслов в пределах строфы и даже одного-двух смежных стихов. Кое-что упускается в переводе, и в этих местах он ослабляет впечатление от подлинника, но чаще отступления перевода компенсируются заменой или вставкой фрагментов "в духе" подлинника. Начало стихотворения в комплексе "оригинал — перевод" обычно показательно в отношении избираемых переводчиком принципов и обнаруживает сильные (чаще) и слабые (реже) стороны перевода. Ср.:

Wie köstlich ists, nach Gottes Absicht leben
Und durch den Wandel Gottes Ruhn erheben!

По воле Божией сколь жити драгоценно
И славу Божию деяньем возвышать!

где первый стих переводного текста — удачный пример трансформации оригинала, а второй — результат ослабления со стороны переводчика, не решившегося передать *Wandel* традиционным 'премена' (кстати, *действиям* в заключительном стихе нет видимого соответствия в немецком тексте). Формальная структура перевода достаточно точно сохраняет особенности оригинала — шесть строф по шесть стихов каждая; ямб — шестистопный в переводе и пятистопный в оригинале. Но система рифм (в обоих случаях женская) отлична: трем парным рифмам немецкого текста (a — a — b — b — c — c) отвечает в русском тексте схема a — b — a — b — c — c.

И в следующей паре (II) — *Душа! познай свое стремление и Seele, prüfe dein Bestreben* — сходное соотношение формальных макроструктур (12 строф по 8 стихов), но различие в связи с более тонкими структурами (хорей заменен ямбом при сохранении контрастности концовок четных и нечетных стихов; схема рифмовки оригинала a — b — a — b — c — c — d — d заменена, как и в первом случае / кроме

двух последних стихов в строфе / перекрестной рифмовкой a — b — a — b — c — d — c — d). Несмотря на ряд небрежностей русского текста (обычно легко исправимых), перед нами и высоко профессиональный для своего времени перевод и одновременно прекрасный образчик русской поэзии, отсылающий в ряде мест к тематике и стилистике державинской оды "Властителям и судиям", написанной не задолго до этого. Ср.: *В смиренном лучше одеянье / Невинным, справедливым быть / ... / Невинность не должна стыдиться, / Довольство горести терпеть; / Пристойно горести томиться, / Неправой, завистью тлеть. // Коль дал Господь тебе именье, / Так бедных им ты снабдевай; / В том долг твой есть и попеченье: / Сирот убогих воспитай. / ... // О Боже! дажь в Твоем мне свете / ...* (ср. двойное Доколь... Доколь... в соответствие с державинским Доколе, рек, доколь вам будет... в сходном контексте "зла и неправедности" по отношению к бедным и слабым)⁸⁶.

Совсем иное соотношение наблюдается между *Молю, пою Тебя, о Существо существ!* (III) и *Anbetend sing ich dich, GOTT, Wesen aller Wesen*. "Правильному" стихотворному немецкому тексту (схема рифм a — a — b — b; шестистопный ямб) в русском переводе отвечает прозаический текст (лишь начальная строка *Молю, пою тебя...* может быть понята как ямбический и тоже шестистопный стих). Но этот текст дан как стиховой — построено и построчно. Стремление к точности смысловой передачи, столь естественное при прозаическом переводе, иногда сильно нарушает установку на приблизительный баланс соседних строк по длине и приводит к диссонансам. Ср.:

Истинно, то время приближается, когда по прошествии годов испытания
Святость Твоя явится миру, —

где в первой строке 25 слогов при 9 во второй, которая, кстати, может быть понята как стих: *Святость Твоя / явится миру*⁸⁷.

При переводе стихотворения фон Кронека "Der Spieler, Herr Gargil..." (IV) русский переводчик явно спешил и избрал экстенсивный путь: русский текст на треть длиннее немецкого (17 стихов против 12); первый же стих начинается со спотыканья (вообще в обоих текстах используется схема шестистопного ямба), и положение может быть спасено лишь при заведомых акцентных вольностях — *Гаргил, некто игрóк, в однú ночь потеря́л*. То же следует сказать и о последнем стихе, где вместо *В теории мы умны...* следует читать *В теоры мы умны...* (впрочем, здесь допустимо думать и об опечатке)⁸⁸.

⁸⁶ Ср.: *Как в бездну, в роскошь то падет! // О Боже! прожени на веки... при И вы подобно так падете, / Как с древ увядший лист падет! // ... Воскресни, Боже! ...// Приди, суди, карай лукавых... у Державина.*

⁸⁷ Русский перевод содержит ряд небрежностей, нередких в практике переводчиков текстов, в которые включены стихотворения. Одна из них, кажется, может быть отмечена в последнем стихе (строке): *Ach laß mich ewig seyn, mein Gott, ein Geist mit dir* переводится как *Aх! дай мне быть единственным с Тобою духом, Боже мой!*, и следовательно, переводчик принял *ewig* за *einig* (*w — in*) или просто пропустил его.

⁸⁸ Заключительный стих русского перевода, не находящий себе соответствия в немецком тексте, получает объяснение в словах Стендера, следующих за стихотворением: «*Alles, was dagegen zur Vertheidigung angeführt werden mag, verdient keine weiter-*

Наконец, последняя пара — *Тайный чертог Божий...* (V) и Die geheime Werckstatt Gottes — фиксирует ту же ситуацию, что и в III: стихотворному немецкому тексту (9 строф по 7 стихов, четырехстопный ямб, с оригинальной схемой рифмовки, когда третий стих остается без рифмы) соответствует русский прозаический текст, о двух особенностях которого уместно сказать. В о-пер вых, "восьмистрофность" русского текста (он напечатан так, что каждой строфе оригинала соответствует абзац) должна быть исправлена: в последнем абзаце *Единый взор...* (*Ein Blick...*) слиты два абзаца-строфы (второй начинается с *Тебя обретает взор мой! / Dich.../*), и, следовательно, "строфический" изоморфизм (9 строф) восстанавливается. В о-вторых, непоследовательный переводчик при переводе пятой строфы оригинала *Gott, Schöpfer derer die da leben...* решил соблюсти и строфическую форму, и стиховое членение, хотя стихом, строго говоря, может быть признана только первая (опять-таки начало) строка — *Бóже, Твóрче всëх живúщих.*

Естественно, что наиболее интересный вопрос⁸⁹, состоит в том, кому принадлежат стихотворения в трактате Стендера (кроме известного уже текста об игроке Гаргиле, написанного фон Кронеком).

Неназывание имени автора стихов в соответствии с авторски-литературным этикетом того времени (его придерживался и Стендер) не означало, что автором их был тот, чье имя как автора стояло на титульном листе книги и кто, следовательно, действительно был автором книги в целом. Неупоминание автора стихов (если они не принадлежали автору всей книги) было обычным и никакого отношения к плахиату не имело; более того, по крайней мере в части случаев неупоминание было жестом деликатности по отношению к автору стихов, когда не было возможности спросить у него о согласии на упоминание его имени. Таким образом, теоретически стихи стендеровского трактата могли принадлежать как ему самому, так и другому автору или даже авторам. С этой неопределенностью соотносится и возможность еще одной ситуации — промежуточной, когда текст "другого" автора варьируется данным (названным или неназванным) автором, контаминируется со своим текстом и т.п. Все это не позволяет пока сделать достаточно определенные выводы⁹⁰ относительно авторства. Впрочем, один вывод все-таки, если не вполне очевиден, то очень правдоподобен. Речь идет о влиянии Брокеса, легко обнаруживаемом в трактате Стендера, и, в частности, в его стихах. Уже само название его — "Wahrheit der Religion" — отсылает к стихотворению Брокеса "Die Wahrheit" из 5-й части "Irdisches Vergnügen", особенно если вспомнить о "первом столпе религии" — "по-

re Antwort, als was der selbe Freyherr von Cronegk auf dem folgenden Blatte im Namen aller Spieler un Säufner spricht: "Wir sind — — / Sehr theoretisch klug, und praktisch sind wie Thoren".

⁸⁹ Наряду с другим, — кто был переводчиком этих немецких стихов на русский язык.

⁹⁰ Как и то обстоятельство, что некоторые части "Irdisches Vergnügen in Gott" (1—9. Teile. Hamburg, 1721—1748) оказались недоступными нам.

знании Бога и его величественных свойств". Ср.:

Grosser Schöpfer! ich erkenne, daß ich nichts erkenn und Weiß,
Aber, Selber dieß Erkennen mehrt in mir doch deinen Preis;
Denn, idem ich dieß erkenne, daß ich nichts erkennen kann,
Treff ich was in meinen Wesen, welches was erkennet, an.
Die Betrachtungen sind fähig, alle Zweifels-Furcht zu stillen,
Weil ans dieser Selbst-Erkänntniß Demuth, Trost und Andacht qvillen.

.....
Dies nun läßt mich Sonnen-klar in des Schopfers Wunder-Werken
Diese Strahlen-reiche Wahrheit allenthalben deutlich wercken:

Der Schöpfer will und kaun allein
Verwundert, nicht begriffen, seyn.

Если тема истины (Wahrheit) открывает трактат и задает главную его тему, то тема патриотизма, притом христианского, завершает его (последняя глава второй части — XVII. Vom christlichen Patriotismus; кстати, она наиболее насыщенная стихотворными вставками). Эта глава формулирует задачи "христианского патриота"⁹¹ и содержит ряд пожеланий, первое из которых вводится следующим образом: "Zum Schluß dieses Abschnittes füget der christliche Patriot folgende gottselige Wünsche bey: 1) Wünschet er der Christenheit die güldene Zeit eines europäischen Universal-system..." (469—470). Но эти задачи и пожелания по сути дела составляют ядро программы основанного Брокесом "Patriotische Gesellschaft" (1724—1748 гг., Гамбург)⁹² и издававшегося им же журнала "Patriot", причем "патриот" понимался именно как "христианский" патриот, как тот, кто верен нравственному долгу (ср. также "Wahres Christentum" И. Арендта).

Эти две темы — истины и христианского патриотизма как средства познания этой истины — определяют целое трактата и находят подкрепление в текстах Брокеса и во всей его религиозно-общественной деятельности. Наконец, известно, что и в других выступлениях в защиту религии Стендер не раз обращался к стихам Брокеса. Разумеется, все эти рассуждения, как и наличие многих общих у обоих писателей мотивов, образов, стилистических и языковых ходов, не являются строгим текстологическим доказательством заимствования или перевода, но на сам факт влияния Брокеса, фиксируемого в стендеровских текстах, указывают с очень большой вероятностью и достоверностью. Кстати, это относится и к сопоставлению стихотворных текстов. Так, "Ermunterung zum thätigen Lobe Gottes" своей темой " побуждения—пробуждения" отсылает к излюбленной теме ряда стихотворений Брокеса, ср. прежде всего "Aufmunterung" (*Da Gott in seiner Creatur...*) и "Aufmunterung zur Betrachtung" (*Wilfst du denn, lieber Mensch, der Ueberlegung Kraft...*), несомненно, учтенные Стендером в "Ermunterung".

Сейчас нет возможности подробнее исследовать тему авторства

⁹¹ Вкратце они резюмируются на стр. 477: "Zuletzt eisert der christliche Patriot wider den Verfall des Christenthums unserer Zeiten, und wider die evangelischen Religionshelden, besonders aber wider die Überhand nehmende Kleidepracht und Mede, die unsere Zeiten unglückselig macht".

⁹² Оно как бы продолжало основанное в 1715 г. "Teutsch-übende Gesellschaft", одним из основателей которого тоже был Брокес (наряду с У. Кёнигом и М. Рихсем).

стихов в трактате Стендера. Как минимум они, кроме стихотворения о Гаргиле, обнаруживают интимное знакомство с содержанием и поэтикой Брокеса и умение воспроизводить существенные особенности поэтического творчества немецкого поэта. Поэтому, имея в виду тему "русского" Брокеса, нужно сказать, что русские переводы стихотворений стендеровского трактата должны быть учтены при дальнейшей разработке этой темы. Прямо или косвенно тень Брокеса легла на эти переводы.

Приложение. Брокес и русская поэзия (несколько замечаний)

В истории русской поэзии существовала явная недооценка влияний разных поэтических (шире — вообще художественных) систем до эпохи классицизма, на счет которого часто относились и достижения, ему не принадлежащие. Прежде всего это относится к роли барокко и разных типов маньеризма, если не придавать здесь этому слову излишней терминологичности. Лишь после основоположных трудов Д. Чижевского главное было выявлено и доказано. Тем не менее, многие страницы еще не прочитаны, а иногда и не угаданы. В частности, заслуживает внимания тема отдельных черт эвфутической поэтики в текстах русских силлабических поэтов конца XVIII в. — тем более, что уже указывалось на их знакомство с представителями так наз. "второй силезской школы", между прочим, с Лознштейном, колоризм которого, а отчасти и топика (ср. "Цветы", "Розы", "Гиацинты" и т.п.), не всегда легко отделимы от сходных черт у "гамбуржца" Брокеса, если говорить о русской поэзии начала XVIII в.

При пунктирной наметке брокесовской темы в русской поэзии первой надежной вехой нужно считать Тредиаковского. В "Эпистоле от Российских поэзий к Аполлину" (1735, 1752) находим:

Кто бы ныне лучше мог на стихах играть?
Брокса, Трйлера — кому б выше можно знати,
Что в вещах природных есть для стиха изрядно?

О конкретных следах влияния Брокеса на поэзию Тредиаковского говорить, пожалуй, преждевременно, но похоже, что отдельные особенно эвфутические и колористически отмеченные места — результат несколько нарочитой, иногда, видимо, окарикатуренной транскрипции Брокеса. Не подлежит сомнению знакомство с Брокесом и Ломоносова, о чем подробнее будет сказано в другом месте. Здесь стоит подчеркнуть лишь два момента.

Первый. Историк русской литературы пишет: «Происхождение европейского колоризма еще не выяснено. Громадную роль он играл в немецких стихотворных школах XVII в. [...] Но небывалый расцвет колоризма произошел в Германии в самом начале XIII в.; многотомные произведения гамбургского поэта Брокеса создали большую школу, окрасившую всю немецкую поэзию XVIII в. в пурпур, лазурь, киноварь, золото и бирюзу! Наша ода XVIII в. была периферией немецкой поэтической культуры; не удивительно поэтому, что немецкий (и голландский) колоризм перешли в русскую поэзию. В Ломоносовскую эпоху оды по разного рода причинам этого еще не про-

изошло (Ломоносов и Тредиаковский принадлежали к литературной партии противников юфуизма), хотя отдельные (и притом прекрасные) колористические стихи есть уже у Ломоносова (1750: "Когда заря румяным оком багрянец умножает роз...")⁹³. При всей проницательности и масштабности этих наблюдений с одним нюансом трудно согласиться — колористический элемент у Ломоносова несравненно сильнее, чем, видимо, предполагает исследователь, и появляется существенно раньше. Кроме того, если говорить о брокесовской теме, она не исчерпывается колоризмом, в чистом, но — в связи с Ломоносовым — обнаруживает себя, может быть, в еще более важных чертах.

Второй момент как раз относится к этому более важному — к теме "Божьего величия", как оно обнаруживает себя в гигантской фантасмагории "природных премен", в космической жизни. Две наиболее знаменитые духовные оды Ломоносова уже своими названиями объявляют эту тему — "Вечернее размышление о Божием величестве, при случае великого северного сияния" и "Утреннее размышление о Божием величестве"⁹⁴, как объявляют ее и названия стихотворений Брокеса — "Gottes Größse", "Gottes Größse in den Wassern", не говоря уж о содержании и отдельных мотивах целого ряда других стихотворений⁹⁵. "Размышление о Божием величестве", разумеется, то же, что и "Betrachtung der Größse GOTTES", и это сходство может продолжено указанием на то, что и у немецкого поэта эти "размышления"⁹⁶ происходят вечером ночью, утром⁹⁷. Следовательно, можно говорить о двух вариантах общей темы, восстановливаемой и содержательно, и на языковом уровне, в авторских версиях, — "Размышление утром или вечером о Божием величии". Известная закрытость (и "анонимность") Ломоносова в отношении литературных источников его образов и тем позволяет думать и в этом случае об определенном влиянии немецкого поэта.

М.Н. Муравьев, поэт, который в течение всей жизни испытывал глубочайшее уважение к Ломоносову и к его поэзии, а в молодые годы — до первых веяний сентиментализма — сознательно ориенти-

⁹³ См.: Пумянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева: (вступительная статья) // Урания. Тютчевский альманах. 1803—1928. Л., 1928, 38—39.

⁹⁴ Отдельными мотивами сюда относятся и некоторые другие стихотворения, ср. "Преложение псалма 103", "Ода, выбранная из Иова" и т.п.

⁹⁵ Ср. например: "Gottes Allgegenwart", "Der älteste Gottesdienst", "Allgegenwart des Schöpfers", "Wirkung Göttlicher Allgegenwart", "Die uns zur Ehre Gottes leitende Creatur", "Leichter Gottes-Dienst", "Lob Gottes bey Betrachtung seiner Werke", "Nothwendiger Dienst des Schöpfers", "Eigentliche Ehre des Schöpfers", "Trostreiche Größse Gottes!", "Gott sprach: Es werde" (ср. у Стендера: *Du sprichst ein Wort der Kraft: Es werde!*), "Lob Gottes", "Anderweitige Betrachtung der Größse GOTTES" и т.п.

⁹⁶ Иногда и мотивы, мысли и т.п. — ср. "Abend-Andacht", "Abend-Gedanken" и под.

⁹⁷ Ср.: "Betrachtung des Mondscheins in einer angenehmen Frühlings-Nacht", "Der Sonne Schönheit des Abends hinter einem Gebüsche", "Der Abend", "Der Morgen" — с пояснением: *Wenn die Sonne aufgehet, verkündigt sie den Tag* (ср. также начало стихотворения) при ломоносовском — "Утреннее размышление о Божием величестве" (Уже прекрасное светило / Простерло блеск свой по земли..., ср. *göldne Sonne, Ein Rosen-rother Glantz, In unbeschreiblichem Schein, Glantz und Schimmerblitzen* и т.п.) и др. Обратная ситуация по отношению к "Der Morgen" — в "Der Abend", соответственно в "Вечернем размышлении"; к северному сиянию как предмету "размышления" ср. у Брокеса "Sonnen-Schein in der Nacht".

ровался на Ломоносова, как бы принял от него эту "брокесовскую" эстафету, актуализируя, однако, совсем другие черты творчества немецкого поэта. Муравьев заинтересовался Брокесом еще в отрочестве, и его переводы из него появились в 1773 г., когда автору было всего 16 лет. Судя по всему, это был первый, а возможно, и единственный опыт перевода Брокеса на русский язык (впрочем, и то и другое утверждение нуждаются в проверке и опровержение их не было бы слишком большой неожиданностью). Речь идет прежде всего о стихотворении "Знание человеческое"⁹⁸:

Знание человеческое
разговор
с немецкого Г. Брокса

А Ты тщисся познавать

Тварей стьязь [так! В. Т.] сокровенну,
Стараясь испытать
В них мудрость проденну. [? — так! — В. Т.]⁹⁹
По правде мне поведай ты,
Без темноты,
Что есть свет знать желаю?

В Я этого не знаю.

А Вода что, иль земля,
Как зделана была
Тебя я вопрошу?

В Я этого не знаю.

А Что огнь такое есть,
Чем воздух нам почесть,
Скажи, когда тебе я тем не досаждаю?

В Я этого не знаю.

А Скажи, что чувства друг,
Что зрение, что слух?
Которыми я все толь ясно понимаю?

В Я этого не знаю.

А Скажи, как знать могу я то, что я вкушаю?

В Я этого не знаю.

А Как можно осязать,
И вместе познавать,
То, что я осязаю?

В Я этого не знаю.

А Как соловей поет,
Приятность мне дает.
Скажи почто тот глас приятно ощащаю?

В Я этого не знаю.

⁹⁸ Оно было напечатано в кн.: Переводные стихотворения Лейб гвардии Измайловского полку Каптенармуса, Михаила Муравьева. Parvum parva decent. Horat.: Epist.: VII. Lib. I. В Санктпетербурге при Имп. Академии наук 1773 года (экземпляр Отдела редких книг Румянцевской б-ки; шифр — Ф 10—76/502), стр. 22—23.

⁹⁹ Должно было быть бы что-то вроде природы (см. немецкий текст), но, учитывая рифму, может быть и прорицанье.

А Как может статься то,
Чтоб птица, как не понимаю,
Плела себе гнездо?

В Я этого не знаю.

А Как с целым может быть душа соединена,
Что чувствами сего союза не внимаю?

В Я этого не знаю.

Я знаю то, что есть во мне она,
За чем? я мышлю так, и Бога токмо знаю,
Котораго страшусь, люблю и почитаю,
Я знаю, что рожден во славу я его
И больше ничего.

Немецкий подлинник находится в 5-й части "Irdisches Vergügen in GOTT":

Das Menschliche Wissen

A. Du bist bemühet, auszufinden
Der Creatur verborg'ne Spur;
Du hast gesuhet, zu ergründen
Die Wissenschaften der Natur;
So sage mir nun einst die Wahrheit,
Doch ohne Dunkelheit, mit Klarheit;
Was ist denn eigentlich das Licht?

B. Das weis ich nicht.

A. Was ist das Wasser? was ist Erde?
Erzähl mir, wie beydes werde,
Und wie ein jedes zugericht!

B. Das weis ich nicht.

A. Was ist das Feuer? was sind die Lüste?
Was ist das Trockne? was sind Dürste?
Was ist ihr Zweck? was ihre Pflicht?

B. Das weis ich nicht.

A. Was ist doch eigentlich von innen
Die wunderbare Kraft der Sinnen?
Was das Gehör? was das Gesicht?

B. Das weis ich nicht.

A. Wie kommts, daß Speisen, die wir schmecken,
Uns so verschied ne Lust erwecken?
Gib davon deutlichen Bericht!

B. Das weis ich nicht.

A. Wie kommt es, daß man fühlt und spüret?
Wie wird des Menschen Leib formiret?
Mein, sage mir, wie das geschicht?

B. Das weis ich nicht.

A. Wie kommts, daß etwas lieblich klinget;
Die Nachtigall so lieblich singet;
Ein Papagoy und Rabe spricht?

B. Das weis ich nicht.

A. Wie kann, wie wir erstaunet schauen,
Win Vogel solch ein Nestchen bauen,
Das er ohu' Hand so künstlich flieht?

B. Das weis ich nicht.

A. Wie können denn der Menschen Seelen
Mit ihrem Körper sich vermählen?
Das mir doch davon Unterricht!

B. Das weis ich nicht.

A. So wirst du mir doch Nachricht geben;
Wie kommt es, daß der Todt das Leben
Oft so gar plötzlich unterbricht?

B. Das weis ich nicht.

A. Kannst du auf alle meine Fragen
Mir denn gar nichts zur Antwort sagen,
So zeige mir nun selber an:
Was weist du dann?

B. Ich weis: Ich bin. Warum? ich dencke.
Ich weis, daß GOTT die Erde lenkte,
Die Himmel, und auch die Natur.

Dieß weis ich nur!

Ich weis, daß GOTT, der Schöpfer, lebe,
Und uns so viele Güter gebe,
Daß man dafür Ihm danken soll.

Das weis ich wohl.

Daß unser Schöpfer alles wisse,
Und daß man ihn bewundern müsse;
Daß Er so liebreich, als Er groß:

Dieß weis ich bloß!

Er will sich hier von uns nicht fassen,
Und nur allein bewundern lassen.

Dahin nur geht unsre Pflicht;

Unt weiter nicht.

Как видно из сравнения двух текстов, Муравьев отказался от перевода окончания стихотворения Брокеса, в котором автор, несомненно, достигает наибольшего эффекта. По-видимому, юный переводчик не справился с задачей, поскольку конец стихотворения Брокеса более сложен и разнообразен, чем предшествующая ему часть, переведенная Муравьевым. Впрочем, и то, что было переведено, обнаруживает незрелость и поспешность переводчика, извиняемую возрастом и связанный с ним тягой к "остроумию".

В этой же книге переводов 1773 г. Муравьев еще раз обращается к Брокессу, но уже совсем в другом жанре, в котором в зрелые годы у русского поэта был ряд несомненных достижений.

Епитафия младенцу Г. Брокса

Меня желали, я пришел, жил четверть года,
Сосал я, плакал там, и умер на конец,
Коль спросят для теголь я был из смертных рода,
Нет: но небесный, чтоб скорый иметь венец.

Попытка перевести Брокеса на русский язык, предпринятая Муравьевым, не принесла результатов не только из-за незрелости переводчика и известной случайности его обращения к немецкому поэту, но и из-за того, что он обратился явно не к лучшей и наиболее значительной части наследия Брокеса, а к тому, что было для него

периферией. Другая фигура в русской литературе оказалась более удачным проводником поэзии Брокеса. Ею был Державин, названный Л.В. Пумпянским "отцом русского колористического стиля"¹⁰⁰. Вероятно, переводы Муравьева не прошли мимо Державина¹⁰¹, который, впрочем, и сам не раз обращался к немецкой поэзии, неплохо знал, видимо, некоторых авторов (Клопшток, Клейст /старший/, Галлер, Гагедорн) и обнаруживал зоркость взгляда к тому, что ему нравилось и отвечало его поэтическим вкусам. Тот же исследователь пишет:

"Одна из отличительных (и вполне понятных) черт колористической поэзии — интерес к тем явлениям природы, предметам и пейзажам, которые могут послужить основанием для Glanzstücke колористического стиля. Отсюда (несколько чрезмерная) роль павлина в немецкой поэзии этого типа (с чем связана и известная державинская пьеса I, 103), но отсюда же та великолепная поэзия, которая расцвела у немцев вокруг темы радуги. В 1806 г. Державин пишет ряд натурфилософских од, группа которых, по-видимому, находится в особо тесной связи с поэзией Тютчева: это оды "Гром", "Облако", "Радуга" (II. 131, 132, 133) и некоторые части других хронологически близких им од. По некоторым основаниям мы полагаем, что эти оды переведены либо полупереведены из Брокеса либо родственного ему поэта. Вся тютчевская феноменологическая поэзия (т.е. поэзия феноменов природы) с ними связана теснейшим образом; вообще здесь колыбель целой стороны поэзии Тютчева [...]"¹⁰². Эти принципиальные строки — самое существенное и практически единственное, что сказано о "брокесовском" в русской поэзии.

К сожалению, Л.В. Пумпянский не привел более подробных аргументов в пользу своего утверждения о перевodном или полупереводном характере названных произведений Державина. Впрочем, они довольно очевидны при сравнении их с соответствующими стихотворениями Брокеса. Характер общих или сходных элементов в таких текстах, действительно, кажется, свидетельствует об эксплуатации

¹⁰⁰ Этот стиль был воспринят им, как пишет исследователь, "непосредственно от немецкой оды (и голландской?)". И далее — с широкой перспективой: "... уже в "Ключе", 1779 г., есть замечательные пейзажно-колористические строфы (*Когда в дуги твои сребристы глядится красная заря, какие пурпурны огнисты и розы пла-менны горя...*), но последовательно стал разрабатывать новый стиль Державин уже в 1790-е гг., когда им созданы в этой области произведения, поэтическая убедительность которых была достаточно велика для того, чтобы создать большое могущественное направление, поддержанное всеми без исключения учениками Державина, жившее потом весь XIX в. (Тютчев, Фет), а в XX в. неожиданно возрожденное Державиным наших дней (и в этом отношении и в ряде других) Вяч. Ивановым. Красота колористических стихов Державина изумительна. [...] Остается неясным, почему Пушкин не воспринял наследия великого колористического барокко державинской школы [...]" (Пумпянский Л.В. Указ. соч. С. 39).

¹⁰¹ Наибольшая прикосновенность к Брокесу или, осторожнее говоря, к сходным принципам поэтики — 1806 г. В следующем году умирает М.Н. Муравьев, и "На гроб его, поставленный супругою его в Невском 1808 года" пишет — несколько неожиданно — Державин четырехстишие с концовкой — *Здесь прах скрыт друга моего*.

¹⁰² Пумпянский Л.В. Указ. соч. С. 41—42. — В качестве примера влияния школы немецких колористов приводится интерес Державина (и Тютчева) к изображению преломления луча в каплях дождя, движению и быстрому исчезновению радуги, "портретированнию" облака.

русским поэтому отдельных образов Брокеса (в первую очередь) и, возможно, других колористических немецких поэтов (резервный вариант). Ср., напр., "Облако" и "Erbauliche Betrachtung schnell-vergehender Wolken": *Или прозрачностью сквозясь / И в разны виды пременяясь, / Рубином, златом испещряясь, / И багряницею стелясь / ... / И вдруг схолмся в холм пловучий, / Застенивает солнца зрак / ... / Сокрыв от всех — наводит мрак —* при: *Bald sieht man Sie sich schnell verdunkeln; / Bald wie Rubin und Purpur funckeln, / Durch wechselnden Empfang des Lichts. / Bald gleichen Sie erhabnen Bergen, / Bald werden Sie zu kleinen Zwergen; / Bald sind Sie klein, bald groß, bald nichts*, т.е. выявляется общий или близкий фонд мотивов и образов, который легко пополняется примерами из ближайшего окружения каждого из этих двух текстов. Ср.: изменение (*И в разны виды применяясь — Durch wechselnden Empfang des Lichts*, тут же *In steter Aen' rung, ohne Ruh* и под.¹⁰³); богатство и разнообразие цветов, красок, оттенков (помимо Рубином, златом испещрясь... ср. *Отливом света освещаясь /... Блистая солнца красотой —* при *Sich hier versilbern, dort vergülden*¹⁰⁴); затемнение; облак — холм / гора (см. выше) и т.п. Но, пожалуй, эти сходства нужно признать, так сказать, "естественными", поскольку они коренятся в ограниченности основных признаков и свойств облаков, типологии их состояний¹⁰⁵. Поэтому, вероятно, диагностически более важным с точки зрения возможностей знакомства Державина с этим стихотворением Брокеса нужно признать характерный переход от облаков к людям, от изменчивости природных "облачно-свето-цветовых" состояний к изменчивости человеческих судеб, то есть ситуацию, когда облака символизируют человеческую жизнь. Державин в своем духе подробно развивает эту тему, им любимую с первых шагов творчества. Уже в "природной" части облако "социализируется" (*Или не долго временщик / На светлой высоте бывает*), а чуть позже поэт как бы раскрывает символическую функцию облака — *Не видим ли вельмож, царей, / Живого здесь изображенья?* и далее: *Одни: — из праха, из презенья / Пренизких возводя людей / На степени первейших санов, / Творят богов в них истуканов [...]* // *Другие: — счастья быв рабы, / Его рукою вознесены [...] / Падут стремглав на низ во мглах и т.п.* с общим

¹⁰³ И даже — *Bald sind Sie klein, bald groß, bald nichts* и под.; ср. постоянный мотив — *vergehen*, исчезает. При этом изменение, исчезание, возникновение совершаются быстро, скоро (... исчезает / Скорей, чем сделался велик; ... И уж его на небе нет! при *Bald sie sich schnell verdunkeln / Bald... / Bald... / Bald... / So schnell formiren sich Figuren, / So schnell vergehn die Creaturen* и т.п.). То то, то это, то так, то этак меняется ситуация (*Wie Sie sich bilden und entbilden*).

¹⁰⁴ Сюда же мотив сияния, блеска (освящаясь, блестя, светозарность, лучезарный — *funkeln, glänzen*).

¹⁰⁵ Именно "ограниченная" типология почти всегда позволяет выявить и другие сходства между "Облаком" и "облачными" стихотворениями Брокеса (и не только его). Ср.: *Отливом света освещаясь, / По бездне голубой носятся... — So zieren schön geformt und schön gefarbte Däste / Den Boden-losen der gantz durchstrahlten Lüfte und Nichts, als ein leeres Blau, erschiene...* ("Der Wolken- und Luft-Himmel"); в этом же стихотворении Брокеса повторяется и ряд других мотивов, отмеченных в "Облаке", — юдвижность, быстрое изменение, блеск и сияние и т.п.

выводом — *В кругу творений обращаясь, / Той вниз, — другою вверх вздымаясь, — / Умей и в прахе быть златой.* То, что дано у Державина с такой подробностью и конкретностью, выражено у Брокеса скромнее, приглашенное, в более общем виде: *So gar auch von der Menschen Leben / Kann ein Gewölk ein Beyspiel geben; / Kann nicht, mit Recht, ein Fels, ein Stein / Zu uns, wie wir zum Wolcken, sagen: / Wie laßt ihr euch so schnell verjagen, / Wie ist doch eure Daur so klein! и далее: Da ihr fast sterbt, wann ihr entstehet. / Im Kommen gleichsam schon vergehet...* Но эти различия, конечно, перекрываются сходством — одинаковым переходом от описания облака к жизни человека — физической или социальной — и одинаковым механизмом символизации ключевого образа, что, видимо, окончательно решает вопрос об этом стихотворении Брокеса как источнике державинского "Облака", но едва ли подтверждает мысль Л.В. Пумянского о "переводном" или "полупреводном" характере этой оды, если только у него не было каких-то особых соображений.

Сходное соотношение и между державинской одой "Радуга" и брокесовским "Der Regenbogen". Ср.: *Пурпур, лазурь, злато, багрянец / С зеленью тень, слиясь с серебром... — Es liegt sich Purpur, Violet, und Roth, und Gelb, und Grün, und Blau...;* полуокружье — *In dieser Regel-rechten Ründe des halben Zirkels... и под.* Сопоставление оды "Гром" с "громовыми" одами Брокеса ("Die auf ein Starkes Ungewitter erfogte Stille", см. выше; "Gesang zur Zeit des Ungewitters", "Ein entsetzlicher Donner-Schlag" и т.п.) рисует примерно такую же картину. Гроза и успокоение после нее, тишина (*Утихло дуновенье бурно*), гроза как Божья сила и солнце как Божья милость — вот очертания общего тематического и смыслового каркаса сопоставляемых текстов о громе, грозе, буре¹⁰⁶.

Как и Державин, Тютчев писал и об облаке, и о громе, и о радуге и, как и его предшественник, оставил великолепные образцы колористической поэзии. Роль наследия Державина в этом отношении не вызывает сомнений, но вместе с этим наследием и через него по крайней мере косвенно Тютчев усваивал и уроки брокесовского колоризма, ту мощную барочно-одическую традицию Опица и Брокеса¹⁰⁷, которую в поэзии начала XIX в. или полностью забыли, или, помня о ней, отри-

¹⁰⁶ В связи с этой темой напрашивается еще одно сходство между Державиным и Брокесом. Выше отмечалось, что в оде Брокеса о громе и последовавшей за нею тишине весь фрагмент, посвященный грозе, изобилует звуком *r*, тогда как в "негрозовых" частях (до и после нее) звук *r* вообще ни разу не встречается. Сходные "фонопоэтические" принципы разделялись и Державиным, который, в частности, в известном своем стихотворении о соловье ни разу не употребил слова, которое бы содержало звук *r*; зато в этом же стихотворении, как и в ряде других, звуковая игра строится на звуке *l*, большим мастером который был, кстати, и Брокес. Впрочем, нужно сказать, что в обоих своих "соловьиных" стихотворениях ("Die Nachtigall und der Selben Welt-Streit gegen einander" и "Nochmalige Beschreibung der Nachtigall") немецкий поэт такого "звукового" запрета, какой был у Державина, на себя не накладывает, форсируя равным образом возможности звуковой палитры. Ср. фрагмент из первого стихотворения: *Zwitschern, seufzen, lachen, singen, / Girren, stöhnen, gurgeln, klingen, / Locken, schmeicheln, pfeifen, zucken, / Flöten, schlagen, zischen, glücken / Ist der holden Nachtigall / Wunderbar gemischter Schall.*

¹⁰⁷ Отчасти в ней мог найти Тютчев разветвленную типологию "сравнений" вплоть до его знаменитого как бы (об иных источниках см. в другом месте). Иссле-

нули ее. Исключений было немного. Тютчев в их числе. Отчасти сюда же может быть включен и Шевырев в лучших своих стихотворениях 20-х — начала 30-х годов и, может быть, еще две-три фигуры. Все они принадлежат к одному московскому кругу, и это позволяет строить предположения. Но основной в этом контексте вопрос о том, знал ли Тютчев Брокеса по его собственным произведениям, остается не решенным, хотя все-таки кажется, что объяснять все названное только державинскими уроками сомнительно. "Консерватизм" поэтических вкусов Тютчева мог облегчить ему доступ к Брокесу, с произведениями которого он мог познакомиться и в кружке Раича, и в университете и несколько позже, уже в Мюнхене. Однако эта важная для поэтической генеалогии Тютчева проблема остается пока без ответа.

А.В. ДЫБО

ДЕКЛИНАЦИОННЫЕ РАЗЛИЧИЯ В НОВГОРОДСКИХ ДИАЛЕКТАХ XIII—XIV в. И ИХ ЛОКАЛИЗАЦИЯ*

3.0. Палея Александро-Невской лавры, заветы двенадцати патриархов.

3.0.0. Рассматривается отрывок из пергаменного памятника конца XIV в.⁴⁶, изданный Н. Тихонравовым (Памятники отреченои русской литературы. СПб, 1863. Т. I, с. 96—145). Изучался В.В. Виноградовым с точки зрения "яцевой ситуации" (Исследования в области фонетики северорусского наречия. Пг., 1923. С. 199—200). Он отмечает, что в тексте имеются написания с заменой *ѣ*—*и* "только перед мягким согласным": *премините* 116, *вспрутьихъ* 118, *прилипмеса* 121; *въжесте* 129, *въже* 131; *прилчитса* 131; *възненавидисте* 135; *дивица* 139; *старшишинство* 141. Мы, кроме того, можем привести на мягкую позицию — *прищаитеса* 143; *сигани* 97, возможно, *терпить* 110 (д.б. *терпти*; но м.б. переосмысление текста протографа), *въдѣ* 1 л. sg. 126; на твердую — *прѣбыващетъ* 103; м.б., *осциливши* 138, *видихъ* 103, *смотрц аог.* 98. Имеется также случай явной замены *и*—*ѣ*: *лѣ свѣтъ* || или *тму* 113—114 и некоторое количество замен *и*—*е*: *оженѣтеса* 144, *прѣѣтеса* 114, *внеде* 96; *възвеличѣтса* 113, которые при боль-

дователь языка Брокеса подчеркивает исключительное разнообразие "сравнительных" ходов в его поззин (*wie, als, als wie, gleich, gleichsam, gleichsam wie, gleichen, scheinen, lassen / als ob, als wenn / и т.п.*) и высокую степень насыщенности ими его текстов. См.: Pfund H.W. Op. cit. S. 33, 202—203). — И еще одна интересная параллель: как уже отмечалось, излюбленный у Тютчева звуковой лейтмотив грозы — *r* (как и у Брокеса, см. выше). См.: Гудзий Н.К. Аллитерация и ассонанс у Тютчева // Slavia 9, 1927, 459—461.

* Начало этой статьи см. в предыдущем томе ежегодника: Балтославянские исследования 1986. М., 1988. С. 79.

⁴⁶ Так датирует Н.Н. Дурново (Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 76).

© А.В. Дыбо, 1989

шом количестве написаний с заменой *ѣ*—*е* (ныне 104, 111, 121, 125, расположение 117, расположаса 101; менить 127 и др.; см. также в ятевых флексиях; ср. В.В. Виноградов. Указ. соч., с. 200) и отсутствии замен *е*—*ѣ* (кроме некоторых именных флексий, где вполне допустимо не фонетическое объяснение), можно объяснить фонетическим смешением *i*—*ѣ* с графической заменой *ѣ*—*е*. Из двух написаний, которые у Виноградова рассматриваются как замены *е*—*и* (с. 200): *противитса* 134, *чити* 139, — первый случай, скорее всего, и есть инфинитив, т.е. написание правильное: *повѣдѣте же и вы чадомъ и не противитисѧ юму*; второй и *чити июду* — легко объяснимая ошибка; еще один пример — *молитса за нь* 139 *импер.* 2 pl. также можно объяснить ошибкой; заметим, что все они — после слога *с-и*. Еще два случая замены *е*—*и* — после *и: вписаны* им. ед. ср. 127; *по... безаконьцъ* 129.

Таким образом, материал памятника позволяет предполагать, что в диалекте писца фонемы /i/ и /ѣ/ выражались близкими звуками (но не совпадали — это явствует из относительно малого количества смешений) во всех позициях.

В памятнике имеются написания, которые явно следуют объяснять влиянием западноболгарского протографа. Во-первых, это случаи написания *е* вместо *ia*, упоминаемые у Виноградова, кроме приведенных у него *б небытие* 140, *влачеше* impf. 3 sg. 137, мы можем привести еще формы *члвка глына суще* 126; вероятно (*дивица*) *имѣюще* 139. Видимо, такие написания отражают западноболгарский процесс перехода 'а'—'ѣ' и замену в западноболгарских текстах *ia*—*ѣ*; ср., например, в Доброривом евангелии (нач. XII в.): *боѣхъса 1а, отъвѣщѣ 1б; чѣшъ* (чашу) 1б, 5б (2 р.), *ѣко 1б; огнѣ негашающааго 2а(2 р.), нога твѣ 2а; вѣсѣ жрътва 2б; отъвѣщѣвъ 3а, 4а, 4б, 5б, 6а; не доконѣчѣль 4а, сътажсанѣ многа 4а* (вин. мн.), *оужѣсаахъ съ 4б, 5а; еванѣгелиѣ ради 5а; иѣковъ 5б и т.д.*; в Житии св. Иоанна Рильского, народная версия: *потрѣсеса пѣстынѣ* 32 (<*пѣстына>) (нач. XV в., Годишиник на Софийский университет. София, 1936). В нашем тексте им. ед. *егуптѧныѣ* 137, *ѣдъ* ('яд') 100; *ѣди* 183 (*'кадь, род. ед.); возможно, сюда же (с наложением на написание протографа *ѣ* вместо *ia* новгородской замены *ѣ*—*и*) на *сѣхъ безаконьцъ* *сигани* 97 (род. ед.), *противу левгыц* (вин. ед.) 100. К западноболгаризмам же следует относить некоторые написания *и* вместо *ы*: *мѣтивъ си* (<*сы) 111; *съ англїи* 126, возможно, сюда же *рати части* 119 (им. мн.), *ти...* *слышаще* (вин. мн.) 109, *невидими* 98 (вин. мн.); может быть, отсюда описка *егуптѧнинъ* (вместо *егуптѧнинѣ?) 136 — ср. в Житии Иоанна Рильского: *измѣж 28; не прѣбыва* 29—30, *бѣти* 30 (от *быти*); *пѣстынны* 30; *бесѣдѣ* 30(2 р.) (им. мн.); *пещи* *огнѣнѣ* 30 и т.д. Особенностями болгарского протографа считаем также случаи написания *ѣ* вместо *ѣ*: *вражиємъ* 104 (дат. мн.), *раздрѣшить*, *плѣнить* 107 (супины); и *ѣ* вместо *ѣ*: *мѣрѣть* 114 ('мудрость')⁴⁷. Возможно, к болгаризмам же относится особенность склонения прилагательных: регулярно употребляются нечленные формы, либо членные с гласным флексиями, выравненным по нечленной (например, *о хотѣщимъ* 104, 106; *о добротворящимъ* 131 — местн. ед. муж. — но ср. *Образование*, с. 328, к. 90).

⁴⁷ Об этих болгарских особенностях см., например: Чешко Е.В. История болгарского склонения. М., 1970. С. 107—141.

Таблица 31

Тип склонения	* <i>o</i> -склонение masc.		* <i>yo</i> -склонение masc.	
грамматич. форма	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
gen.	-а(200×)		-я(120×)	
Sg. dat.	-у(90×) ("лица" 40×)	иосифови 125	-ю(40×) ("лица" 14×)	
loc.	-ѣ(62×)	въ хеврони 120 въ смыслы 136	-и(14×)	о агнене 142 в...гнѣ (adj.) 138
nom.	-и(60×)	-ѣ(7× = 10%) -ы(3× = 4,3%)	-и(11×)	-ѧ(2× = 18%)
acc.	-ы(40×)	невидими 98	-ѧ(2×)	
Pl. gen.	-ъ(23×)		-ъ(9×)	
dat.	-омъ(17×)		-емъ(1×)	
instr.	-ы(8×)	(-и, 1×) ⁴	-и(3×)	
loc.	-ѣхъ(12×)		-ихъ(1×)	рабичицѣхъ 138
nom.	-а(1×)		—	—
Du. acc.	-а(1×)		—	—
loc.	—	—	—	—

¹ Слоужистела 116, книгчин 109; такая запись для инновации с ё < *ѣ мало-вероятна, предполагаем здесь графическое смешение вследствие совпадения форм им. и вин. мн. в одну (причем в какую именно, неизвестно).

² Скорее, все же, пот. пл.: снве бо ихъ снве мои быша снве же мои аки рабы имъ створихъ. Acc. pl. masc. притяжательных местоимений в тексте постоянно на я; возможно, здесь влияние параллелизма конструкций.

В тексте имеются примеры замены ѿ – е: будетъ 3 sg. praes. 144, вышешши, превышени сопраг. 104, въ седемую 112, сирѣче 140, въоружесѧ part. nom. pl. masc. 107, принимаетъ 3 sg. 108. Обратные замены — в формах глаголов 2 л. мн.: пребывааетъ 107; будеть 110; провозеть 111; приметъ 126: ѿбъжитъ (imper.) 126; иженетъ 131⁴⁸. Сюда же бъ

⁴⁸ По-видимому, эти замены — особенность протографа нашей Палеи, общего с коломенской Палеей 1406 г. (судя по сноскам в издании, дающим разнотечения с этой последней); ср.: ѿбъжитъ 126; приметъ 126, иженетъ 131 присутствуют в обоих текстах; "правильное" написание нашего текста проженетъ 2 pl. 111, створитъ 3 sg. 130 отражаются в Коломенской Палее как проженетъ, створите. Прочим примерам на эту меню соответствуют "правильные" написания в Коломенской Палее. Ср. также в нашем тексте 2 pl. imper. пригинетъ 131 (пропуском в протографа?) — в Коломенской Палее прильпнитесъ. Из-за этой особенности орфо-

* <i>ü</i> -склонение masc.		* <i>i</i> -склонение masc.	
ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
олу 96 ѡ дому 113	-а(13×) (снꙗ (11×), рода, чина) -у(14×): снѹ(7×), роду, чину(2×), миру(4×)	-и(3×) ((корени, дни), пути) (гв̄и 12×)	
въ дому 103	-ѣ(5×); родѣ(4×), мирѣ	—	—
-ове(20×) (снꙗ 18×, жидове 2×)	снꙗи 114, 145, снꙗви 124	звѣрые 139, 140(2×)	
-ы(15×) (сыны 12×, роды, чины, домы)	(?) снꙗве 138 ²	(и: дн̄и(6×))	
ѡ жидов 140		(дн̄ии 113), звѣреи 130, (до...дн̄овъ людин 144, людеи 119 141 ³)	
снꙗомъ(3×)		людемъ 98 (дн̄емъ 99, 142)	
—	о снꙗхъ(2×), въ...снꙗ- о снꙗхъ вехъ 122	—	—
—	—	ві ѹелени 139(2×)	
—	—	ві ѹелени 139, два пути 132	
—	—	(по двою... дн̄ю 110)	

¹ Поскольку слово дн̄ы в диалекте текста как будто уже перешло в *i-склонение, мало вероятно, чтобы это была форма от твердой согласной основы, полученная под влиянием *ü-склонения. Скорее, следует предполагать здесь написание о в значении 'о' (т.е., читать dn̄ovъ).

² Со ѿнгли 126, объяснимо орфографией протографа.

(<*бо) 143. Такие замены характерны для новгородских орфографических систем.

Из прочих особенностей текста можно отметить формы: пред всими 136, надо всими 98, къ всимъ 129, всихъ 104, 132, въ въсихъ 111 при многочисленных написаниях через -ѣ: можно объяснить эти формы фонетической заменой ѿ – и, однако их относительно высокая частотность склоняет к мысли о морфологическом происхождении; если так, то скорее всего это — особенность диалектов Северо-Запада (см. I часть статьи, с. 106). О северо-западном же происхождении текста может

графии предполагаемый общий протограф следует, видимо, считать новгородским; в дальнейшем, однако, мы будем считать "новгородские" черты нашего текста однородными, так как для разделения двух новгородских наслойений на западноболгарский текст в изданном отрывке не хватает материала.

Таблица 32

*o-склонение neu.

Грамматическая форма	*o-основы		*jo-основы	
	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
Sg.	-a(40X)		—	—
	-oy(40X)		-ю	
	-ъ(17X)		-и(42X)	-ъ(4X), по выиманию 139
Pl.	-a(26X) (чада)	оусты 109	—	—
	-a(11X)		—	—
	-ъ(1X)		-ъ	
	-омъ(9X)		-емъ	(-имъ*)
	-ы(1X)		—	—
Du.	-ъхъ(10X)		-ихъ(3X)	
Du. acc.	-ѣ(2X)		—	—

* Неморфологическое — см. выше.

Таблица 33

Грамматическая форма	*ѣ-основы		*jѣ-основы	
	ЭПФ	инновации	ЭПФ	инновации
Sg.	-ы(38X)		-ѧ(11X), -ъ(1X)	-и(6X = 33% или 86%)
	-ы(19X)	-ъ(6X = 24%)	-ѧ(10X), -ъ(1X)	-и(1X = 8,3% или 50%)
	-ъ(19X)		-и(12X)	
Pl.	-ъ(39X)		-и(18X)	-ъ(2X = 10%)
	-ы(5X)		-ѧ(2X)	
	-ы(18X)		-ѧ(1X)	-и(3X)
	-амъ		-ѧмъ	
	-ами		-ѧми	
Du.	-ахъ		-ѧхъ	
Du. acc.	-ѣ(4X)		—	—

свидетельствовать форма 3 sg. praes. от *быти* к 97. Вообще, в языке текста мало отступлений от "правильных" форм, что объясняется "книжностью" жанра.

3.0.1. Именное склонение (см. табл. 31—33).

Формы *ѣ-основ fem. и основ на согласный отдельного рассмотрения не требуют, за исключением нескольких форм с -ѣ во флексии на месте этимологического -e: loc. sg. *въ небесѣ* 108 (при 3-х формах *-es-основ на -u), nom. pl. *изланѣ* 102, *крѣканѣ* 104 (при *крѣканѣ* 108),

loc. pl. *въ первѣхъ* 115, *въ болезнѣхъ* 115, *персѣхъ* 119, 132 (при 7 формах *i-основ fem. на -ехъ), *въ телесѣхъ* 99, *въ словесѣхъ* 136, *о чудесѣхъ* 102 (при *въ нбсехъ* 129, *въ...делесехъ* 133); объясняются, видимо, так же, как соответствующие случаи в Юр. сб.

3.0.2. Интерпретация. Как и при анализе предыдущего памятника, встает вопрос об отделении фонетически обусловленных случаев смешения *и*~*ѣ* от случаев, обусловленных морфологической меной флексий. Случаи с меной *ѣ*~*и* в основах слов по приблизительной оценке составляют 2,5% от общего количества основ с *ѣ в тексте. Случаи с меной *i*~*ѣ* — 0,3% от общего количества основ с *i в тексте. При таком малом количестве смешений трудно говорить о полном совпадении их в языке писца; можно предположить их фонетическую близость, обуславливающую случайные смешения. При этом в именной флексии "смешения" значительно более часты: *ѣ*~*и* — 16%; *i*~*ѣ* — 8,3%; причем по отдельным типам склонения процент смешений сильно изменяется. Итак, как в предыдущем тексте, здесь, видимо, часть смешений обусловлена морфологически, часть — фонетически. Задача разделения этих смешений решается с помощью той же двухуровневой модели (различение морфонем {i} и {ѣ} в языке писца; смешение [i] и [ѣ] при переходе на графический уровень). Ввиду отсутствия в данном тексте очевидно фонетических смешений во флексиях, предлагается следующий критерий разделения. Естественно допустить, что если для данного типа смешения в одних типах склонения возможны смешения только фонетически обусловленные, а в других — и фонетически, и морфологически, то будет наблюдаться большой разрыв между относительным количеством форм со смешением в первых и во вторых типах. Действительно, замена *ѣ*~*и* имеет место: а) в *o-склонении masc. (флексия *ѣ loc. sg. 61:2; 3,2%); б) в *jѣ-склонении (gen. sg., acc. pl.; 2:9⁴⁹; 81,8%). Разрыв очевиден. Видимо, в loc. sg. *o-основ мы имеем фонетическую замену, а в *jѣ-склонении морфологическую. Отметим, что процент фонетических замен во флексии loc. sg. *o-основ близок к проценту таких замен в основах (2,5%).

Замена *и*~*ѣ* имеется: а) в *o-склонении masc. (флексия *-i: nom. pl. 60:6; 9,1%); в *jo-склонении masc. (флексия *-i: loc. sg., nom. pl., instr. pl. 28:2; 6,7%; флексия *-i-хъ: loc. pl. 1:1; 50%); в) в *jo-склонении neu. (флексия *-i: loc. sg. 42:4; 8,75%); г) в *jѣ-склонении (флексия *-i: dat., loc. sg. 30:2; 6,25%). Разрыва нет; количество замен для всех типов примерно одинаковое (цифра 50% для флексии *-i-хъ статистически недостоверна, так как основана на единичных примерах). Значит, все замены следует объяснять одинаково: или фонетически, или морфологически. Имеется несколько аргументов за морфологическое объяснение: 1) -ѣ в *jo-основах masc. — только в формах loc. sg. (2 формы на 14, при отсутствии замен в остальных 14 формах), что при наличии такой же мены в loc. pl. хорошо поддается объяснению через влияние твердого варианта; 2) количество фонетических замен *i*~*ѣ* в основах

⁴⁹ Поскольку довольно очевидно, что у нашего текста есть болгарский прототип, то написания *ѧ(a, ia)* на месте *ѣ считаем никак не относящимися к поведению новгородского писца и в статистику не включаем.

меньше количества фонетических замен *ѣ* — *и*, что объяснимо большей (по нашему тексту — вдвое) частотностью буквы *и* по сравнению с буквой *ѣ*. Во флексиях же процент замен *и* — *ѣ* (от 6,25 до 9,1%) превышает имеющуюся цифру для фонетических замен *ѣ* — *и* (3,2%). Кроме того, близость этой последней к числу замен *ѣ* — *и* в основах заставляет предполагать, что писец, язык которого нами исследуется, смешивал *ѣ* и *и* в основе и флексии одинаково (одинаково знал орфограммы основ и флексий?), и, следовательно, количество обратной фонетической замены во флексиях также должно было бы быть близко к соответствующей цифре для основ (0,3%). Итак, более вероятно считать все случаи замены *и* — *ѣ* в именной флексии морфологически обусловленными; в дальнейшем мы будем учитывать обе возможности.

Остановимся еще на формах с *ѣ* во флексии на месте этимологического *e*. Для основ на *-es- это loc. sg. и pl. которые легко объясняются влиянием *o-склонения пеи. Учитывая, однако, что подобное объяснение трудно подобрать для loc. pl. *i-основ fem. и pom. pl. существительных на -an-, может быть, предпочтительнее объяснять их все одним и тем же явлением: заменой на -ѣ- полученного разными аналогическими путями -i-. Замена происходит в результате действия двух факторов: а) в языке писца *ѣ* и *i* могут смешиваться; б) в его орографии *e* может быть вариантом для обозначения *ѣ*. Сталкиваясь с написанием протографа через -e, на том месте, где у него самого -i, писец может "прояснить" написание протографа (ср. аналогичные явления в тексте Юридического сборника).

Перейдем к морфологическим процессам.

1) Сводная таблица для двухвариантного склонения masc., *i-склонения и *e-склонения masc (табл. 34).

При довольно малом количестве инноваций в парадигмах (объясняющемся "книжностью" текста и более или менее тщательным переписыванием с архаичного протографа) можно, однако, сделать некоторые выводы относительно развития системы парадигм.

1. Во-первых, имеется перераспределение флексий *i- и *o-склонений (отсутствие флексии -ou в gen. и loc. sg. *o-основ, возможно, случайность). Здесь следует обратить внимание на флексию pom. pl. *i-основ -ovi. Как уже говорилось, такая перестройка флексии -oве под влиянием флексии pom. pl. *o-основ -i с большой вероятностью указывает на начало объединения этих парадигм до смешения pom. и acc. pl. *o-основ (с последующей унификацией во флексии acc. pl. -ы)⁵⁰. На переразложение форм pom. pl., следующее из такой перестройки, указывает форма loc. pl. сыновехъ.

В парадигме *i-основ masc. особого внимания заслуживает форма gen. pl. на евъ дновъ⁵¹ (форма dat. sg. на -еви гви менее интересна, так как является по крайней мере общечерковнославянской). Появление

⁵⁰ Возможно, об обратном порядке процессов свидетельствуют формы pom. pl. типа гадовы, садовы, холмовы; с унификацией твердого распространителя основы — слово^м в двух новгородских памятниках XVI в. предположительно, вологодского происхождения (ср. "литературное" поведение *a-основ и формы pom. pl. на -a от слов на -ан(и) — Книге бытия небеси и земли и Сокращенной Палея русской редакции (по изд. А. Попова, СПб., 1881).

Грамматическая форма	*i-основы	*o-основы masc.	*jo-основы masc.	*e-основы masc.
Sg.	-оу/-а	-а	-я	-и
	-оу	-оу(-ови)	-ю	-еви
	-оу/-ѣ	-ѣ	-и; [-ѣ]	—
Pl.	-ове; -ови	-и; -ы; [-ѣ]*	-и	-ъе
	-ы	-ы	(—)	-и
	(-овъ)	-ъ	-ъ	-ии; -евъ
	-омъ	-омъ	-емъ	-емъ
	—	-ы	-и	—
Du.	-ѣхъ; (-овѣхъ)	-ѣхъ	-ихъ; [-ѣхъ]	—
	—	-а	—	-и
	—	-а	—	-и (-ъю)

* В квадратных скобках — флексии, вид которых может объясняться и фонетически.

флексии -евъ наиболее вероятно объясняется следующим путем: 1) заимствование флексии -овъ в *o-склонение masc. из *i-склонения (явившееся следствием совпадения этих парадигм в одну); 2) в результате влияния твердого варианта на мягкий — до полного совпадения парадигм — о чем могут свидетельствовать также формы loc. sg., pl. мягкого варианта на -ѣ, -ѣхъ, в мягком варианте появляется флексия -евъ; 3) в результате влияния мягкого варианта на парадигму *i-склонения, в последнюю заимствуется флексия -евъ. Отсутствие в материале текста форм от *o-основ на овъ и от *jo-основ на евъ при вообще малом числе форм gen. pl. вполне может быть случайным. Форма дновъ также может свидетельствовать о распространении в *jo-парадигме флексии -евъ независимо от конечного согласного основы (дновъ появляется в диалекте писца в результате наличия *коневъ, а не *кони, значит, распространение флексии -евъ не ограничено "непалатализованными" основами)⁵².

Формы pom. pl. *o-основ на -ѣ объясняются если не фонетически, то обратным влиянием *jo-парадигмы; интерпретация та же, что для Юридического сборника — см. выше.

2. Материал по двухвариантному склонению пеи. показывает, во-первых (при морфологическом объяснении форм loc. sg. на -ѣ от мягкого варианта), влияние твердого варианта на мягкий — до совпадения парадигм; во-вторых, — влияние со стороны мужского склонения: acc. pl. твердого варианта на -ы и loc. sg. мягкого варианта на -ю (если здесь не смешение loc. c dat. при предлоге no).

⁵¹ См. выше, сн. 3 к табл. 31.

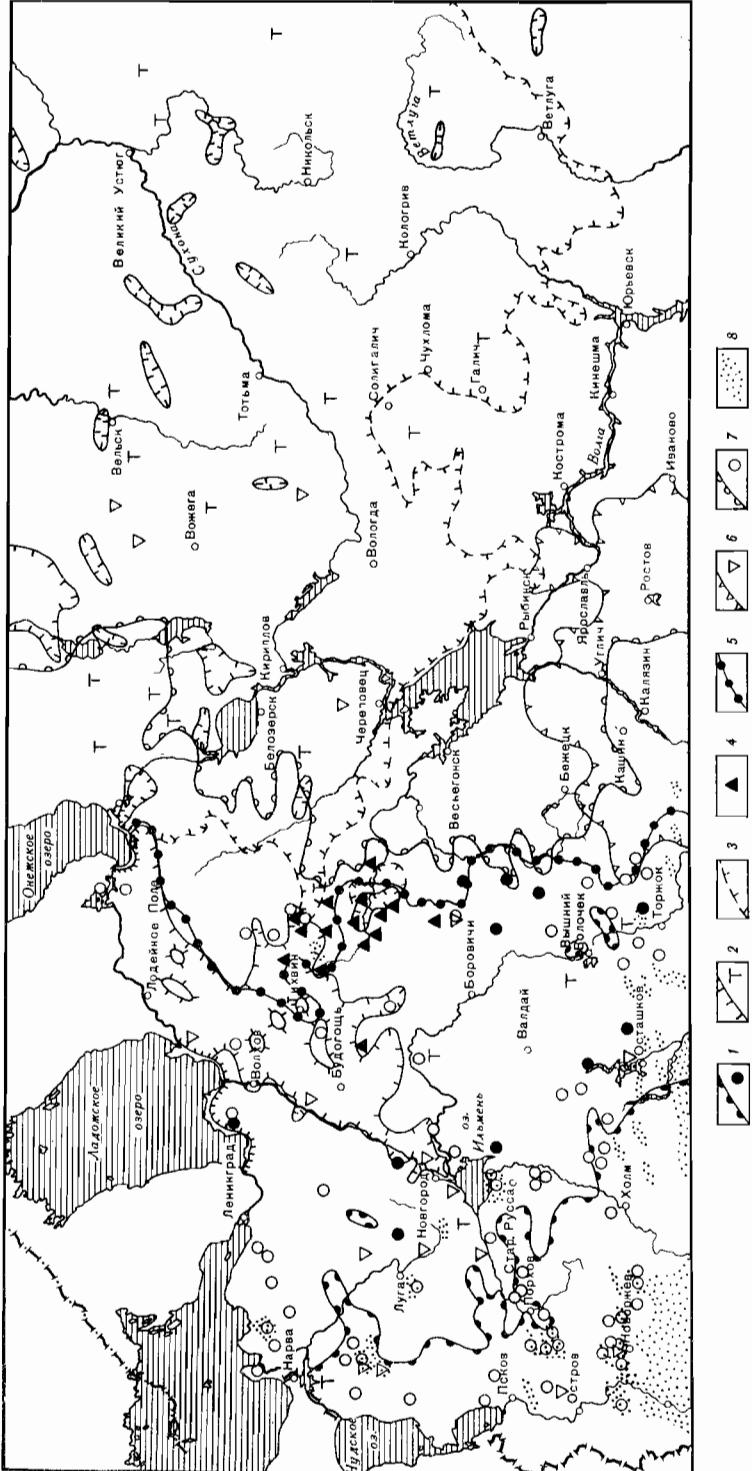
⁵² Все это построение гипотетично, но кажется, что только оно обеспечивает правдоподобную интерпретацию материала.

Диагностические признаки	Синодальный список лексотописи			Юр. Сб.	Ал.-Нев.
	I почерк	II почерк	III почерк		
1. 'а~e	—	—	—	+?	(—)
2. а) w>Ø / -C б) ёв ~ oy	+ (1 пример) +(1 пример)	+ (много) —	+ (3 примера) —	— + (2 примера)	(—) (—)
3. ё	[ə] = [e']	[ə] = [e']	ə>i / ..C'	—	б~u (во всех позициях)
4. "g" (= ə)	nom. sg. masc.-e, nom. sg. masc. adj. с твердой основой -eu, I pl. Imper. -me	nom. sg. masc. -e, I-причастие masc. -e местоимение ёхе	—	nom. sg. masc. adj. с твердой основой -eu, I-причастие masc. sg. -e	(—)
5. Instr. sg. *ъ-склонения -yj'	—	—	—	dat. sg. fem. adj. -yj'	(—)
6. пот. pl. от "тъ"	пот. pl. ёхеъ (→ *тъ или *ты; не *ти)	acc. pl. ёхси (→ ?)	acc. pl. ёхси (→ ?)	ёхсъх, тихъ (→ *ти или *тыкъ)	ёхси (→ ?)
7. наличие членных форм от тъ	+ (тио, тыи)	+ (тиоуо)	—	+ (тио, тыи, таха)	(—)
8. флексии dat. pl. -иб, instr. pl. -ми	(этимологически правильны)	dat. pl. -на	(этимологически правильны)	instr. pl. subst. -амы adj. -ымы	(этимологически правильны)
9. формы 3 л. глаголов без конечного -тъ	—	+ (3 sg. от бытии ё)	—	+ (много)	+ (3 sg. от бытии ё)
10. возвратная час-тица -су	—	—	—	—	(—)
11. абсолютные конструкции с прямым объектом в пот.	—	+	+	—	(—)
12. процессы в "твердых" парадигмах masc.	*о-склонение и *ъ-склонение: взаимо-влияние → не смешиваются пот. и acc. pl.	1. пот. и acc. pl. *о-склонения смешиваются; 2. процесс взаимовлияния *о- и *ъ- склонений	1. пот. и acc. pl. *о-склонения смешиваются; 2. процесс взаимовлияния *о- и *ъ- склонений	/*о-склонение и *ъ-склонение: взаимо-влияние → контаминированная флексия пот. pl. -ои; 2. смешение пот. и acc. pl.	*о-склонение и *ъ-склонение: взаимо-влияние от конца основы)
13. Процессы в мягких парадигмах masc:					(—)
а) влияние *ъ-склонения на *ю-склонение	+ (ном. pl. -б ё, instr. du. -б ма)	— (*беп. pl. -еф независимо от конца основы)	+ (gen. pl. -иü, loc pl. -ех)	(—)	(—)
б) влияние *ъ-склонения на *и-склонение	—	—	—	+ (gen. sg. -иа, dat. sg. -ио)	+ (gen. pl. дною при дни)
в) смешение пот. и acc. pl.	*ю-скл.: + (равно-мерно); *и-скл.: +	*ю-скл.: + (с преобла-данием флексии пот.); *и-скл.: +	*ю-скл.: + (с победой флексии пот.); *и-скл.: +	*ю-скл.: + (с победой флексии пот.); *и-скл.: +	*ю-скл.: + (с победой флексии пот.); *и-скл.: +
г) влияние "твердого" варианта на "мягкий"	—	—	—	+ (loc. sg. pl. на -б, -хъ; gen. pl. на -еф (независимо от конца основы) dat. sg. -еф не в личных именах)	+ (loc. sg. -б, gen. pl. -еф, dat. sg. -еф не в личных именах)

Таблица 35 (окончание)

Диагностические признаки	Синодальный список летописей			Юр. Сб.	Ал.-Нев.
	I почерк	II почерк	III почерк		
д) влияние "мягкого" варианта на "твёрдый"	+ (loc. sg. - <i>u</i> , loc. pl. - <i>uxъ</i> , nom. pl. - <i>δ</i>)	+ (acc. pl. - <i>δ</i>)	—	+ (?) (nom. pl. - <i>δ</i>)	+ (?) (nom. pl. - <i>δ</i>)
14. Процессы в паралитмах neutra	+ (loc. sg. - <i>δ</i>)	—	+	+ (loc. sg. - <i>δ</i>)	+ (loc. sg. - <i>δ</i>)
а) влияние *o-склонения на *jo-склонение	—	—	+	+ (acc. pl. - <i>u</i> , loc. sg. - <i>uo</i>)	+ (nom. pl. - <i>u</i> , loc. sg. - <i>uo</i>)
б) влияние парадигм masc. на парадигмы neutra	—	—	—	—	—
15. Процесс в pl. имен на - <i>ane</i>	acc. pl. - <i>e</i> (→ сомнителен nom. pl. - <i>vy</i>)	—	+ сближение с *o-паралитикой?	+ (gen. sg. - <i>u</i> , dat. sg. - <i>δ</i> , loc. sg. - <i>δ</i> , nom. acc. pl. - <i>u</i> , nom. acc. du. - <i>δ</i>)	+ (gen. sg. - <i>u</i> , loc. sg. - <i>δ</i> , acc. pl. - <i>u</i>)
16. Процессы в паралитмах fem.	а) влияние *ā-скл. на *jā-скл.	+ (gen. sg. - <i>u</i> , loc. sg. - <i>δ</i>)	—	—	—
и	—	—	—	—	—
6) влияние *jā-скл. на *ā-скл.	+ (gen. sg. - <i>δ</i> , dat., loc. sg. - <i>u</i> , acc. pl. - <i>δ</i>)	+ (?) (предложн. gen. sg. - <i>δ</i>)	+ (*ā-скл.: gen. sg. - <i>δ</i> , *jā-скл.: gen. sg. - <i>u</i>)	+ (gen. sg. - <i>δ</i> , *ā-скл.: gen. sg. - <i>δ</i>)	+ (gen. sg. - <i>δ</i> , *ā-скл.: gen. sg. - <i>δ</i>)
в) смешение gen. и dat., loc. sg.	—	—	—	—	—
г) влияние *jā-скл. на *ā-скл. fem.	+ (loc. sg. - <i>δ</i>)	—	—	—	—
17. Преобразующий тип основы имён собственных*	- <i>o</i>	- <i>o</i>	- <i>o</i>	- <i>o</i>	- <i>o</i>
а) - <i>ько</i>	nom. - <i>a</i> , ост. падежи - <i>o/-a</i>	nom. - <i>a</i> , ост. - <i>o/-a</i>	nom. - <i>a</i> , ост. - <i>o/-a</i>	nom. - <i>a</i> , ост. - <i>o/-a</i>	nom. - <i>a</i> , ост. - <i>o/-a</i>
б) - <i>ышко</i>	—	—	—	—	—
в) - <i>ило</i>	—	—	—	—	—

* Следует заметить, что "диагностическим" здесь могло бы служить поведение слов на -*ilo/-ila*, но картографирован по современному говорам только тип "деодушка/-o" (Образование северорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 155, к. 43), и эта карта здесь непоказательна.

Карта 1

1 — Смешение предлогов *в* и *у* (см. ДАРЯ, вып. 1. Фонетика. Карта 59); 2 — Переход *ě > *i* независимо от позиции (см. ДАРЯ, вып. 1. Фонетика. Карты 40, 41); 3 — Переход *e > *i*—С' (ДАРЯ, вып. 1. Фонетика. Карта 41); 4 — Форма пом. pl. *ти* от *том* (см. ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карта 75, автор А.И. Сологуб); 5 — Восточная граница членных форм от *том*, *та*, *то* (см. ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карты 69, авторы О.Е. Кармакова, Н.Н. Пшеничнова; 70, 74, 75, автор А.И. Сологуб); 6 — Формы pl. от предикативов типа *ради*, *богаты* (ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карта 52, автор И.Г. Валина); 7 — Формы существительных 3-го склонения типа *в грязё*, *по грязё*, *грязей* (instr.) (см. ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карты 3, автор В.Н. Теплова; 4—6, автор А.И. Сологуб; ср. примечание 2); 8 — 1-е склонение, система 5 (см. примечание 1, карту 3).

3. Инновация *-t* в gen. sg. *ā-основ объясняется стремлением к синкремизму "предложных" падежей (из loc.). Флексии *jā-парадигмы заменяются под влиянием *ā-парадигмы на флексии из этой последней, таким образом парадигмы совпадают (но, что относительное число замен *t* — *u* в gen. sg. без предлога больше соответствующего числа в gen. с предлогом).

Итак, при несколько иной встречаемости инноваций, можно, тем не менее, отождествить действующие в диалекте данного памятника тенденции развития первичной системы с теми, которые действуют в диалекте Юридического сборника.

4.0. Отмеченные выше особенности текстов представлены в табл. 35.

4.1. Локализация текстов

4.1.1. 1-й почерк Синодального списка (см. карту 1). По пункту 2 диалект должен быть отнесен к западной зоне распространения *w* (при наличии смешения предлогов *vъ* и *ou*); п. 3 исключает зону перехода *ě>i*; п. 7 относит диалект к району на запад от 36° в.д., п. 6 исключает ареал в районе Чагоды (*ти*). Отсутствие показаний по п. 1, 8, 9, 10, 11, строго говоря, нерелевантно, так как в других почерках летописи (то есть в текстах одного жанра и примерно одного возраста с рассматриваемым) соответствующие явления встречаются редко. П. 12: отсутствие смешения *пом.* и *асс. pl.* может связываться с небольшими ареалами реликта различия *пом.* и *асс. pl.* (формы предикативов *ради*, *богати*), которые в севернорусских говорах группируются в основном на запад — юго-запад от Новгорода. Поскольку такое различение — архаизм, можно предположить, что эти ареалы уменьшались под влиянием окружающих говоров. П-т 14: влияние *ѣ-склонения *masc.* на *jo-склонение *masc.* при устойчивости самого *ѣ-склонения и отсутствии влияния твердого варианта на мягкий тяготеет к западным границам великорусской территории (ср. смоленские говоры — см.: Дыбо А. В. К вопросу о диалектной принадлежности Чудовского Нового завета // — Филология, М., 1981); ср. форму *кл єуми*⁵³, зафиксированную в материалах Диалектологического атласа

⁵³ В "восточных" говорах в *yo-склонение masc. также проникает флексия из *i-склонения: gen. pl. -*ей*. Но для памятников этой зоны, в отличие от "западных", нехарактерно проникновение в *yo-склонение флексий пом. pl. -*ъе* и instr. pl. -*ыми*. Не "сцеплены" ли формы типа *мужъе* и *мужъми* с ударением форм instr. а.п. с типа *коштъми* —ср. А.А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М. 1985, с. 244, к. 39?

в районе Новоржева (Северо-запад, комментарий к карте № 98, п. 227). Loc. твердого варианта *masc.* на *-и* фиксируется теперь по всей "собственно новгородской" территории (см. Диалектологический атлас русского языка. Вып. 2. Морфология, к. № 16, автор И.А. Букринская). Процессы в парадигмах *ā- и *jā-склонения (см. п. 16) должны, видимо, как говорилось выше, результироваться появлением систем типа (5) — см. прим. 1 и карту 3 — которые локализуются в основном в районе, ограниченном реками Лугой и Ловатью; форма loc. sg. *ū-склонения на *-b* говорит о локализации западнее Волхова и Ловати (см. прим. 2). Таким образом, предположительно диалект текста локализуется в части Новгородской земли, ограниченной Лугой и Ловатью, возможно, в нынешних районах распространения системы (5)*ā-склонения, они же — места, где встречены формы типа *в грязé* и типа *богати*.

Примечание. Можно полагать, что тот же (или близкий) диалект отражен Лобковским прологом (ГИМ 187 Хл), памятник, датированный 1262 г., очень "правильно" написанный, в котором тем не менее прослеживаются следующие особенности: графическая замена *č* на *с*, отсутствие смещения *č~i*, форма I л. мн.ч. *јесме* 11^a, 42^b и др. (наряду с *јесмы* 11^c, *јамы* 12^d); формы пом. pl. *стражијे* 57^e, instr. pl. *стражми* 32^f; gen. sg. твердого варианта *ā-склонения на *č* (и предложный, и беспредложный): *стъї бци* 6^g, *жъртвъ бг*, *с роднѣ земли* 52^h, *б... ѡросты мнозѣ* 53ⁱ, acc. pl. мягкого варианта *a-склонения на *-i*: *свой души 2^j*, (?) *въ ноздри 50^k*. Отсутствуют формы пом. pl. *o-склонения на *-ы* для такого "правильного" текста неревантно, однако имеются формы пом. pl. fem. пассивных причастий: *оúчими* 17^l, *јати* 17^m, *оúчени* 31ⁿ и др., появление которых, кажется, возможно лишь при сохранении флексии *-i* в муж. роде (в современных говорах ради, *богати* — независимо от рода). Ср. о таких формах в памятниках XIII—XIV вв. Соболевский А.И. Указ. соч., с. 209. Показания языка, таким образом, не подтверждают отождествления писца Лобковского пролога с писцом II поч. Синодального списка (на основании сходства почерков, на наш взгляд, неочевидного) — ср.: Клосс Б.М., Лурье Я.С. Русские летописи XI—XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей. Вып. 2, ч. 1. М., 1976. С. 80—81.

4.1.2. II почерк Синодального списка (см. карту 2).

По п. 2 (при большом количестве примеров *w/C* и полном отсутствии смещения предлогов) относится к восточной зоне распространения *w*. По п. 3 диалект лежит, скорее, вне зоны перехода *č>i*; п. 7 относит его к "собственно новгородской" территории, западнее 36° в.д.; флексия dat. pl. *-ма* (п. 8) в настоящее время отмечается в Обонежье, но как упоминалось выше, ранее она могла быть распространена по всей нынешней территории совпадения dat. и instr. pl. — практически по всем северным говорам. Примерно распространение форм 3 л. глаголов без *-t* (п. 9) по современным говорам изображено на карте. По п. 11 выделяется вся "собственно новгородская" территория и северная часть Северо-востока (см. выше). Относительно локализации по п. 13 см. прим. 3 и карту 4: граница распространения gen. sg. на *-ев* отсекает приблизительно часть новгородской территории к востоку от Ловати и к юго-востоку от Мды (не считая отдельных пунктов в Обонежье). П. 15 исключает, по-видимому, зону распространения форм пом. pl. типа *крестъяны*⁵⁴ (западная ее граница идет примерно от Новой Ладоги

⁵⁴ Ср., впрочем, форму acc. pl. *городищне* в берестяной грамоте № 10 из Старой Русы (которая находится в современной зоне распространения типа *крестьяны*).

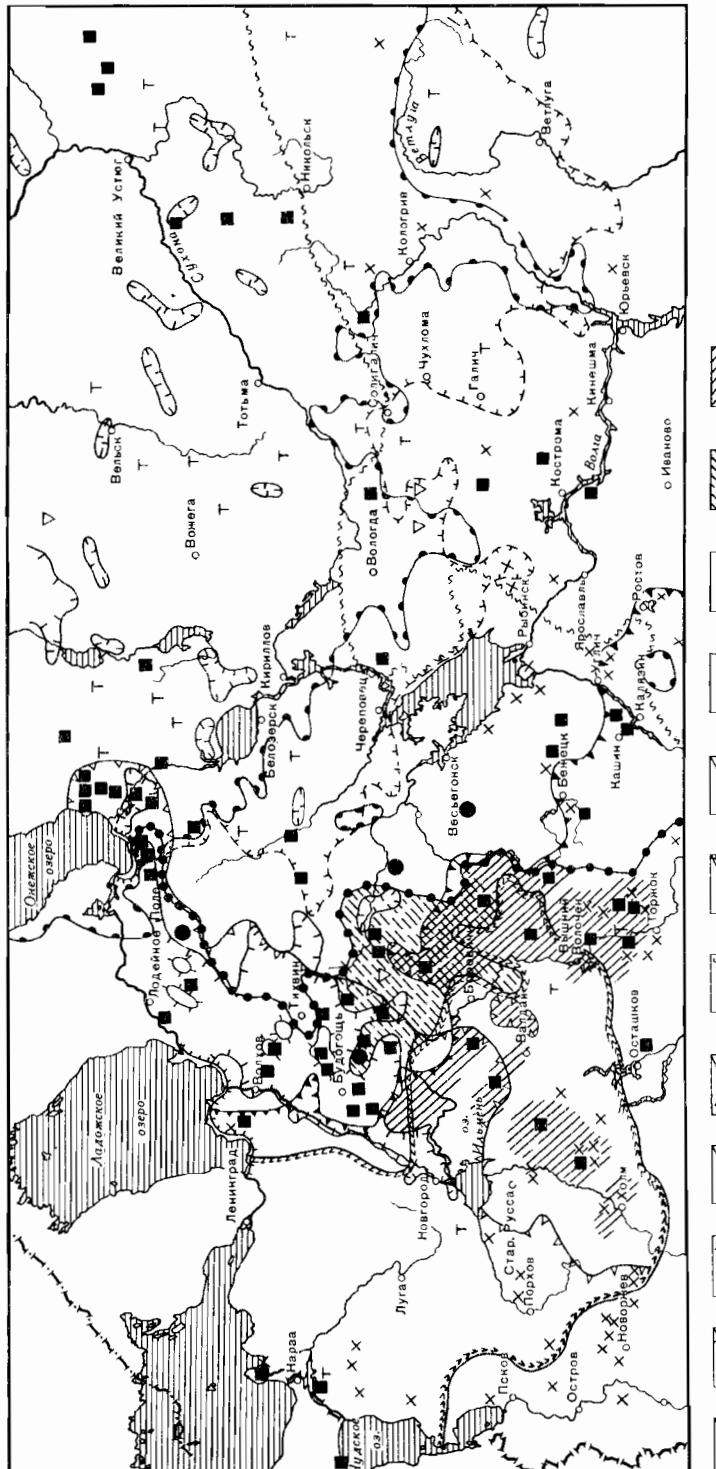
на юг до Будогощи, а затем сворачивает на юго-восток (см. Образование..., с. 218, к. 62). Процессы в *ā- и *jā-склонениях, как говорилось выше, должны привести к появлению системы типа (3) или (под дальнейшим влиянием типа (1)?) типа (2) (см. прим. 1, карту 3; эти системы распространены теперь по всей "собственно новгородской" территории). Таким образом, большинством изоглосс высекается территория у восточной границы "собственно новгородской" земли, с севера ограниченная приблизительно Мдой, а на юг не доходящая до Боровичей⁵⁵; эта территория частично попадает в район, где *č>i/_C*, но находится вне зоны, где *č>i/_C*; возможно примеры на первое явление в тексте отсутствуют случайно?

4.1.3. III почерк Синодального списка (см. карту 2). Данные п. 2, видимо, позволяют относить диалект к восточной зоне распространения *w*; п. 3 локализует его где-то на территории перехода *č>i/_C* (практически весь северо-восток). В сравнении с материалом других текстов, видимо, могут считаться релевантными отрицательные показания по п. 4 (возможно, относящие рассматриваемый диалект за пределы "собственно новгородской" территории) и по п. 7 (на восток от 36° в.д.); п. 11, в таком случае, указывает на северную часть северо-восточных говоров. Распределение флексий gen. pl. *jo-склонения (п. 13) исключает зону распространения форм типа *конев* (см. прим. 3, карту 4). С другой стороны, распределение флексий *-ии* и *-евъ* в этой парадигме как будто бы исключает возможность отнесения текста к северной части северо-восточных говоров (из-за наличия в этих районах форм на *-ей* от основ на *-у*), кроме района Тотьмы (см. Образование..., к. № 82, с. 275). Похожая на рассматриваемую систему приводится у О. Брука (Описание одного говора из юго-западной части тотемского уезда // Сб. ОРЯС. Т. 83. СПб., 1907, с. 120): *čäréi*; *kiprósóf*; *klučéi* или *klučóf*. Однако возможно, что тотемская система для данной группы говоров попросту архаична: поскольку для вологодских говоров характерно мягкое цоканье (см., напр., Образование..., с. 273, п. 12; Брук, с. 55) и при стремлении к фонологическому, а не морфонологическому, как в Тотьме распределению (ср. в Тотьме: *kipréc* — *kiprósóf*, но *kluč* колебляется: *klučéi* и *klučóf* при одинаковой фонеме в finale), естественно перераспределение по принципу: после палатализованных (в т.ч. /č/) выбирается флексия *-ей*, после непалатализованных (в т.ч. /j/ — он палatalный, но не палатализованный!) *-ов*.

На восточные говоры указывает и развитие *ā- и *jā-парадигм (п. 16) (предположение о том, что "литературность" женского склонения свидетельствует о вологодском (северо-восточном) происхождении писца III почерка, принадлежит А.Н. Добромусловой (К истории форм женского склонения в древнем новгородском говоре // Вестник МГУ, 1961, № 4, сн. 14, с. 44). Очевидно, диалект локализуется в северной части северо-восточных говоров.

4.1.4. Юридический сборник (см. карту 2). П. 2 указывает на западную зону *w*, п. 4, 6, 7, 9, 10 на локализацию западнее 36° в.д.

⁵⁵ Можно из этого сделать вывод, что в системе данного диалекта следует ожидать развития пом. pl. от *том ти*.

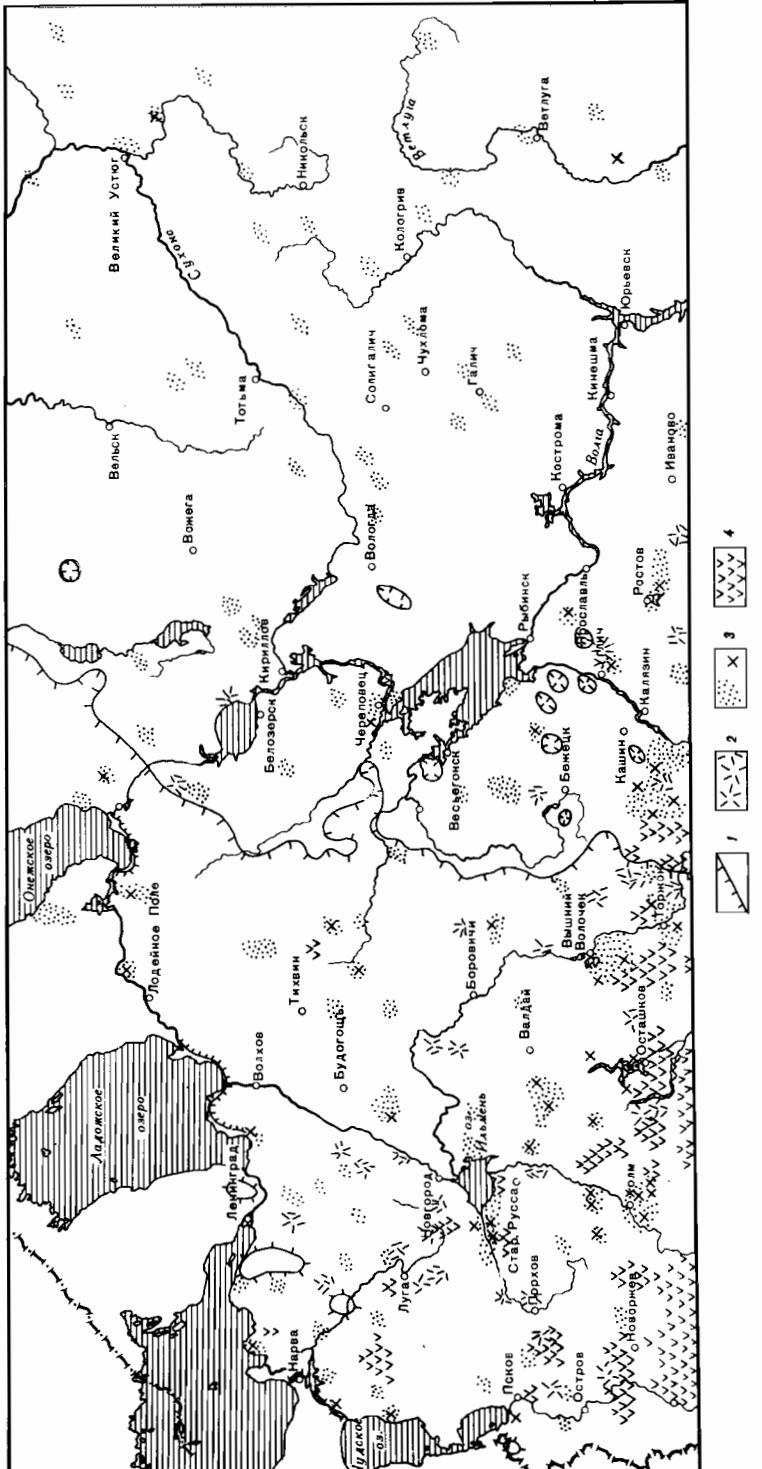
Карта 2

- 1 — Системы с губно-губным *w* типа IIб (см. ДАРЯ, вып. 1. Фонетика. Карта 59);
- 2 — Переход *ē>*i* независимо от позиции (ДАРЯ, вып. 1. Фонетика. Карты 40, 41);
- 3 — Переход *ē>*i*/_{-C} (ДАРЯ, вып. 1. Фонетика. Карта 41); 4 — Восточная граница членных форм от *tom*, *ta*, *to* (ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карты 69, 70, 74, 75); 5 — Формы глаголов 3-го л. ед. и мн. ч. без *-t* (см. ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карты 80, 81, автор Е.Г. Гурова); 6 — Сочетания глаголов с прямым объектом — существительным I-го склонения в им. падеже ед.ч. (см. ДАРЯ, вып. 3. Синтаксис. Карта 6, авторы И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко); 7 — Формы им. падежа мн. ч. на *-ы* от существительного *крестьянин* (см. ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карта 26, автор Н.А. Липовская); 8 — Формы на *-ы* им. падежа мн. ч. существительных ср. рода (см. ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карта 33, автор Н.А. Липовская); 9 — Формы тв. падежа мн. ч. на *-мы* (см. ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карты 41, 51, автор А.К. Васильева); 10 — Формы твор. падежа ед. ч существительных I-го склонения на *-уй* (см. ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карта 3, автор В.Н. Теплова); 11 — Возможная локализация диалекта писца II поч. Синодального списка Новгородской I летописи; 12 — Возможная локализация диалекта писцов Юр. сб. и Ал.-Нев.

Формы *instr.* на *-мы* (п. 8) видимо, локализуют диалект в восточной половине собственно новгородской территории (отдельные пункты между Ловатью и Мстой, вокруг Будогоши, в районе Новой Ладоги и Обонежье — см. выше). П. 3: мена знаков *ѣ*, *и* в любой позиции, скорее всего, указывает на позднейший район перехода *ѣ*>*i* в любой позиции, в том числе в ударном слоге перед твердым. П. 13: предполагаемое распространение флексии gen. pl. *-евъ* независимо от конца основы в **jo*-склонении указывает на локализацию между Ловатью и Мдой (прим. 3, карта 4). Форма acc. pl. среднего рода на *-ы* (п. 14) исключает северо-восток и северную часть восточной половины собственно новгородской территории (где такие формы в настоящее время встречаются лишь в отдельных пунктах и, видимо, представляют собой выбросы с юга—юго-запада — см. Образование..., с. 151, к. N 41). Флексия *-у* в loc. sg. среднего рода (п. 14) известна в настоящее время на собственно новгородской территории в спорадическом распространении. Развитие "женского" склонения должно привести к появлению системы (4) (см. прим. 1, карту 3), разбросанной по отдельным нас. пунктам собственно новгородской территории⁵⁶; некоторое сгущение таких пунктов имеется, во-первых, у самого Ильменя в нижнем течении Шелони, во-вторых, в районе Холма, в-третьих, в р-не Демани, Осташкова и Вышнего Волочка. На большинстве изоглосс высекается, таким образом, зона приблизительно между Ловатью и Мстой; возможна также локализация где-то в цепочке пунктов, ведущей от нее к Обонежью, но эта цепочка, скорее всего, должна рассматриваться как выброс из названной зоны.

4.1.5. Палея Александро-Невской лавры (см. карту 2). Бросается в глаза сходство этого текста с Юр. Сб., при отсутствии ряда фонетических, морфологических и синтаксических особенностей,

⁵⁶ Следует учитывать, что большинство нас. пунктов, в которых отмечена система (4), при дальнейшем обследовании могут оказаться пунктами с системой (3), так как в них отмечено 1—2 примера gen. sg. с предлогом на *-ѣ*, а 1—2 примера gen. sg. без предлога на *-ѣ* могли не попасться диалектологам случайно. Пункты относительно которых это маловероятно, отмечены на карте 3.

Карта 3 (см. примечание 1).

1 — Формы Ios. sg. твердого варианта 1-го склонения на *-ы* (см. ДАРЯ, вып. 2. Морфология. Карта 2, авторы Л.Н. Булатова, И.А. Букринская); 2 — 1-е склонение, система 3; 3 — 1-е склонение, система 4 (крестиком обозначены пункты с бесспорными показаниями — где имеется достаточно много примеров на различие "предложного" и "беспредложного" родительного падежа); 4 — 1-е склонение, система 5.

характерных для последнего, которое может быть обусловлено наличием южнославянского протографа и "духовным" жанром. Текст Ал.-Нев. локализуется по п. 3 в восточной половине собственно новгородской территории; по п. 9 — на собственно новгородской территории; по п. 14 исключается северо-восток и северная часть восточной половины собственно новгородской территории, показания по п. 13, возможно, позволяют локализовать диалект на территории между Ловатью и Мдой, относительно показаний п. 16 см. выше. Приблизительная локализация — южная часть территории с востока от Новгорода (южнее Новгорода), с запада ограниченная Ловатью.

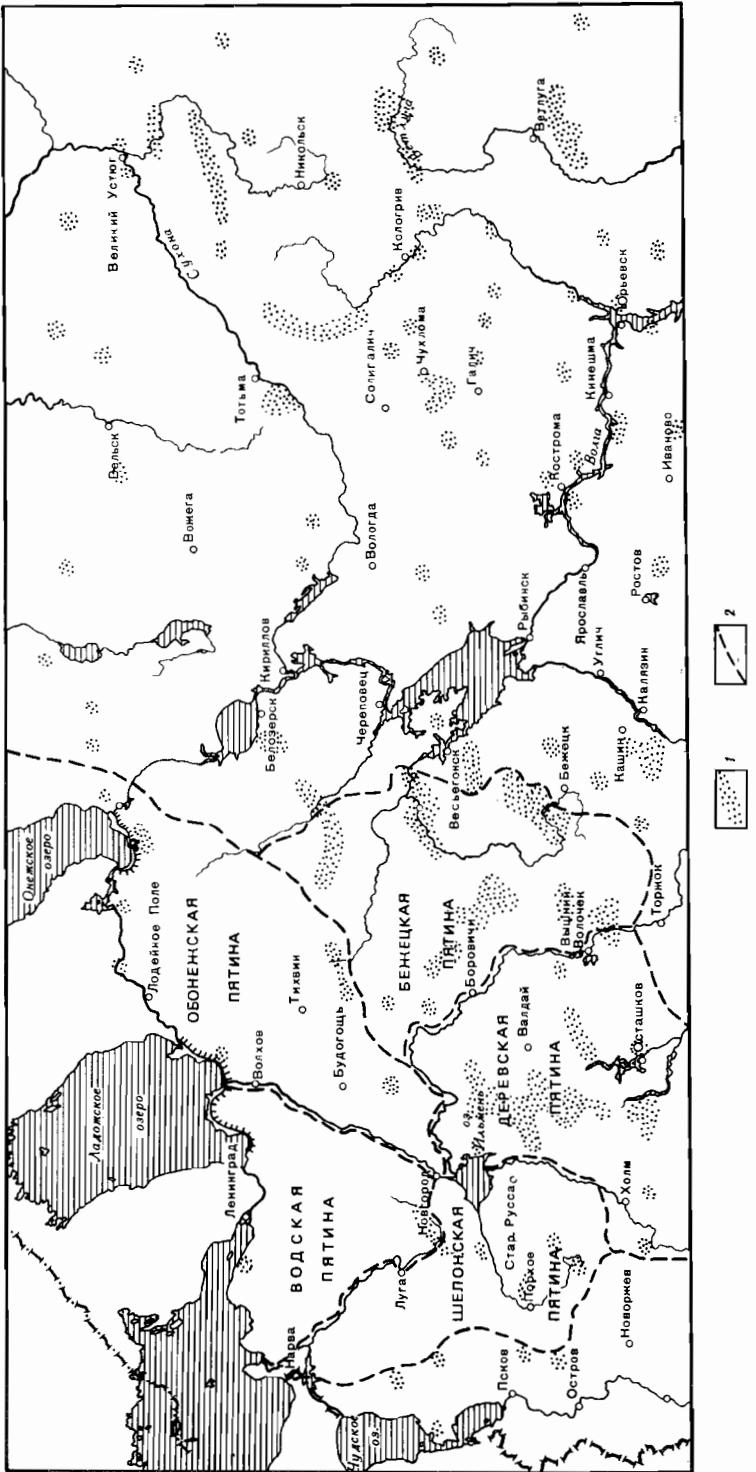
4.2. Некоторые итоги. При рассмотрении территории, охватываемой нашими диагностическими изоглоссами, оказывается, что некоторые из этих изоглосс хорошо ложатся на карту Новгородской земли XV—XVI вв. с ее административным делением.

Прежде всего, конечно, выступает разделение на земли собственно новгородские и территории поздней новгородской колонизации. Эта граница очень ясно видна на многих диалектологических картах ($\approx 36^\circ$ в.д.); она, собственно, и разделяет северные говоры на западные и восточные. В области именного склонения эта граница проявляется в том, что в восточных говорах отсутствуют формы 2-го склонения, типа *от женé; ведрó водé; к женý, в воды* (см. Образование..., с. 77, карта №17).

Далее, внутри границ собственно Новгородской земли ряд изоглосс ложится по границам пятин⁵⁷.

Явление фонетического перехода *ě > i* довольно четко обрисовывает границы Обонежской пятини (см. Атлас русских говоров. Фонетика. М., 1987, к. N 40), при учете того, что пункты, где отмечено и отражение *ě* как *i*, и другие его отражения в тех же позициях, следует рассматривать, как пункты с переходом **ě > /i/*, фонетическим вариантом которого может являться [i]. Изоглосса исключительной встречаемости форм типа *конёв* охватывает территорию Деревской и Бежецкой пятин (плюс выброс в Обонежье). Изоглосса форм *óкны* выделяет территорию Водской, Шелонской и Деревской пятин (с выбросом на южную половину Бежецкой), примерно так же (но выброс гораздо меньше) лежит изоглосса форм *крестьяны* (на юге — юго-западе она ложится по границе собственно новгородской территории). Наконец, достаточно хорошо обрисовывает границы Шелонской пятини система **á-склонения* (5); внутри границ Шелонской и Водской пятин находятся пункты с формами типа *в грязé, по грязé*, не выходит за

⁵⁷ Все сведения по членению и заселению Новгородской земли приводятся по кн.: Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1858.

Карта 4

1 — Окончание *-ев* в род. падеже мн. ч. существительных *jo-склонения муж. рода (см. примечание 3; карта составлена по материалам к "Атласу русских говоров к Северо-Западу от Москвы" и "Атласу русских говоров к Северу от Москвы", ср. комментарии к картам 187—189 "Атласа русских говоров к Северу от Москвы", автор Н.А. Липовская); 2 — Границы Новгородских пятин в XVI в. (см. карту в кн.: Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1878).

пределы Шелонской пятини ареал форм типа *rádi, bogáti*; в пределах Обонежской, Деревской и Бежецкой пятин встречаются формы типа *domámy*⁵⁸.

Как позволяет предположить вышеизложенное исследование, все эти особенности являются результатом определенных путей развития системы, которые прослеживаются уже в текстах XIII—XIV вв. Можно принять гипотезу⁵⁹, что древнее славянское население разных пятин характеризовалось разными языковыми особенностями и даже что административное членение на пятини, произведенное, как считается, в XV в. (см., например, Неволин К.А. Указ. соч., с. 45—53), было каким-то образом связано с диалектными границами.

Рассмотрение особенностей путей развития системы именного склонения по разным памятникам дает сетку диагностических признаков, по значениям которых можно производить отнесение диалекта текста к территории той или иной пятини. Так, в Шелонской пятине наблюдается взаимовлияние *ā-парадигмы и *jā-парадигмы, что выражается, в частности, в появлении беспредложных форм род. ед. на *-b* и форм им.-вин. мн. на *-b'*. В прочих пятинах такого процесса нет; есть лишь стремление к синкретизму род. ед., дат. ед. и местн. ед., что приводит в одних случаях (видимо, в основном, в говорах Деревской и Обонежской пятин) к появлению исключительно предложных форм род. ед. на *-b* (причем им.-вин. мн. на *-b'*, естественно, отсутствует); в других случаях появляются и предложные и беспредложные формы род. ед. на *-b*, но значительно реже, чем в текстах Шелонской пятини; и опять же отсутствует им.-вин. мн. на *-b'*.

⁵⁸ Можно полагать, что с членением Новгородской земли на пятини связаны еще некоторые изоглоссы, например: 1) [/] как выражение // твердого встречается в восточной половине Новгородской земли, то есть в Обонежской, Бежецкой и Деревской пятинах (см. Атлас русских говоров. Фонетика, к. №61); 2) ту же локализацию имеет переход конечного *-st*, *-st'v* в *-c*, *-c'* (к. №80); 3) парадигма склонения существительных *мать, дочь* без *-er-* в косв. падежах характерна для Шелонской (с выбором в Водскую) и Деревской пятин (см. Образование, с. 72, к. №15); 4) форма вин. ед. от *она* *иану* на Новгородской территории распространена в Шелонской пятине (кроме того — на Псковской территории); для Водской и Обонежской пятин характерна форма *шей* (см. Образование..., с. 87, к. №22); 5) на территории Шелонской и Деревской пятин распространены формы предл. ед. типа *в худым, в моим* (западно-русская изоглосса; см. Образование..., с. 328, к. №90). Вообще говоря, по-видимому выделяемые современными диалектологами границы групп Ладого-Тихвинских, Белозерских, Селигеро-Торжокских и Новгородских говоров являются подвергшимися сильной деформации границами Новгородских пятин (см. Атлас русских говоров. Фонетика, к. №1).

⁵⁹ Доказательство этой гипотезы возможно получить, разумеется, только в результате анализа большого количества новгородских памятников достаточно большой длины.

В "мужской" подсистеме именного склонения наблюдаются следующие различия: для диалектов Шелонской пятины характерно при сильном взаимодействии *и- и *о-парадигм также сильное влияние на *ю-парадигму со стороны *и-парадигмы мужского рода и отсутствие влияния на *ю-парадигму со стороны *о-парадигмы муж. Это делает маловероятным появление в текстах, написанных на диалектах Шелонской пятины, форм род. мн. *ю-склонения с основой на парный мягкий на -*евъ*⁶⁰, (а также местн. ед. на -*ѣ*). В Деревской пятине наблюдается при сильном влиянии *и-парадигмы на *о-парадигму также влияние *о-парадигмы на *ю-парадигму, и влияние *ю-парадигмы на *и-парадигму при отсутствии обратного влияния. В Бежецкой пятине — то же, что в Деревской (в рассмотренном тексте не наблюдается влияния *ю-парадигмы на *и-парадигму, возможно, вследствие того, что этот текст более ранний, чем тексты Деревской пятины, но не наблюдается и обратного влияния). Естественно ожидать в текстах этих пятин форм *ю-основ муж. на -*евъ* независимо от конечного согласного основы. В Обонежской пятине, видимо, следует ожидать примерно того же положения, что в Шелонской.

Водская пятина остается по этим признакам неохарактеризованной, в силу ее поздней славянизации (автохтонное население сохраняется там до самого последнего времени), и, видимо, в связи с этим, меньшей обследованности диалектологами.

Конечно, для надежного отнесения текста следует проводить полное исследование его системы, но в случаях, если размер текста не позволяет выявить систему именного склонения, можно с некоторой вероятностью производить его локализацию на основе значений этих диагностических признаков.

Результат проверки диагностических признаков на материале локализованных новгородских грамот оказывается положительным: берестяная грамота № 8 из Старой Руссы и грамоты 519—521, написанные Моисеем из Порхова, обнаруживают "шелонскую" черту — пом. acc. pl. *ā-склонения на -*ѣ*⁶¹. В пользу нашей гипотезы говорит, видимо, также отсутствие берестяных грамот с противоречащими друг другу признаками — например, в которых встречался бы пом.-acc. pl. *ā-склонения на -*ѣ* и gen. pl. *jo-склонения с парным мягким на -*евъ*, или пом. acc. pl. *ā-склонения на -*ѣ* и pom. pl. *o-склонения на -*ы*.

Предположение, что административное членение на пятины было произведено в соответствии с уже сложившимся к XV в. членением, которое, в частности, было диалектным, не противоречит новым данным о диалектном членении Новгородской территории в связи с расселением по ней славянских племен (см. статью С.Л. Николаева в настоящем сборнике). Согласно этим данным, территорию Шелонской пятины населяли словене, подвергшиеся затем ассимиляции псковскими кривичами; в Деревской пятине на словен наложились, по-видимому,

⁶⁰ У слов на {-c}, видимо, в поздних текстах может появляться такая форма вследствие фонологизации распределения флексий (на *C-овъ*, на *C'-ий*).

⁶¹ См. Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С. 137.

южные (смоленские) кривичи, затем двинувшиеся через Обонежскую пятину (ср. название Деревского погоста в Обонежской пятине) к Обонежью. Относительно чистой словенской территорией, видимо, осталась восточная часть Бежецкой пятины (не затронутая кривическим движением); в языковом отношении она, впрочем, также должна была подвергнуться кривическому влиянию через новгородское койнэ.

Кажется возможной постановка вопроса о возвращении к ныне отвергнутой историками гипотезе, связывающей членение Новгорода на пять "концов" с членением Новгородской земли на пять пятин и о Новгороде как архаическом городе, объединяющем пять различных племенных поселений (ср. данные о том, что "концы" Новгорода возникают из отдельных поселков (с X в.), основу которых составляли усадьбы бояр — представителей племенной знати — см.: Колчин Б.А., Янин В.Л. Археология Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 106—114).

Сугубая гипотетичность всего приведенного построения может быть в какой-то степени верифицирована дальнейшим обследованием большого количества ранних новгородских памятников с точки зрения диалектных различий между ними.

Примечание 1.

Как показывают материалы Диалектологического атласа русского языка, а также проведенная нами роспись материалов I-х четырех (с отмеченными пунктами) выпусков Псковского областного словаря, в современных говорах Новгородского региона можно выделять следующие системы флексий ед.ч. *ā-склонения (приводятся в морфонологической записи):

		Твердые	Мягкие
(1) ("литературная")			
	род.	-ы	-и
	дат.-местн.	-ѣ	-ѣ
(2)	род.	-ы	-и
	дат.-местн.	-ы (-ѣ очень редко)	-и (-ѣ очень редко)
(3)	род.	-ы (-ѣ редко)	-и (-ѣ редко)
	дат.-местн.	-ы (-ѣ редко)	-и (-ѣ редко)
(4)	род. беспредл.	-ы	-и
	род. с предл.	-ы (-ѣ редко)	-и (-ѣ редко)
	дат.-местн.	-ы (-ѣ редко)	-и (-ѣ редко)
(5) ⁶²	род.	-ѣ / -ы	-ѣ / -и
	дат.-местн.	-ы (-ѣ редко)	-и (-ѣ редко)

Большая часть населенных пунктов дает материалы, подпадающие под какую-либо из этих систем; отступления могут быть удовлетворительно объяснены нехваткой примеров по той или иной категории. Выделенные системы частично соотносимы с системами, выделяемыми С.В. Бромлей и Л.Н. Булатовой (Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, с. 48—51): система (1) с системой (а), система (2) с системами (в)⁶³ и (д) (где "местный" падеж имеет флексию -е, дат., предложн.,

⁶² Тип (5) и тип (3) выделяются, так как материалы по нас. пунктам довольно явно распадаются на группу, в которой среди массовых примеров род. ед. на -ы встречаются единичные формы на -ѣ, и группу, в которой не меньше половины форм род. сд. *ā-склонения имеют флексию -ѣ.

⁶³ Все падежи имеют окончание -ы; как отмечают авторы (с. 50), эта система сосуществует с "литературной".

родит., партитивн. и отделительный — окончание *-ы*, а распределительный колебается; система (4) — с системой (г) (отделительный падеж имеет окончание *-е*, прочие *-ы*). Рассмотренный нами материал не дает, однако, оснований для решений, например, о колебании флексий именно распределительного падежа, или особом поведении местного падежа в отличие от дательного и предложного. При этом, скорее всего, отмеченные колебания в выборе флексий внутри каждой системы действительно зависят от каких-то лексических, семантических и/или синтаксических различий, для выявления которых необходим сбор специальных материалов по каждому нас. пункту.

Генезис этих систем отчасти проясняется данными по системам в памятниках письменности. Действительно, ср. систему II поч. Синодального списка:

	Твердые	Мягкие
род. ед.	<i>-ы</i> (<i>б</i> редко)	<i>-б/-и</i>
дат.-местн. ед.	<i>-б</i>	<i>-и</i>
им.-вин. множ.	<i>-ы</i>	<i>-б</i>

Эта система показывает исключительно "вертикальное" (в сторону синкетизма падежей ед. ч.) развитие первичной системы при отсутствии смешения твердой и мягкой парадигм (см. подробно I часть статьи, с. 95—97); результатом последовательного развития, очевидно, является система (3)⁶⁴. Системы Юридического сборника и Палеи показывают несколько иной тип "вертикального" развития в совокупности с "горизонтальным" (влияние твердой парадигмы на мягкую), который видимо, приводит к возникновению системы (4):

	Твердые	Мягкие
род. ед. без предл.	<i>-ы</i>	<i>-б (-и редко)</i>
род. ед. с предл.	<i>-ы / -б</i>	<i>-и / -б</i>
дат.-местн. ед.	<i>-б</i>	<i>-и / -б</i>
им.-вин. множ.	<i>-ы</i>	<i>-б / -и</i>

Система (2) кажется наложением (суперстратным?) "литературной" системы на систему (3). Наконец, система (5), по-видимому, является результатом чисто "горизонтального" развития (влияния мягкой парадигмы на твердую) и может связываться с системой I почерка Синодального списка:

	Твердые	Мягкие
род. ед. без предл.	<i>-ы (-б редко)</i>	<i>-б / -и</i>
род. ед. с предл.	<i>-ы / -б</i>	<i>-б / -и</i>
дат.-местн. ед.	<i>-б (-и редко)</i>	<i>-и (-б редко)</i>
им.-вин. множ.	<i>-ы (-б редко)</i>	<i>(-б)</i>

а также с "усредненной" системой флексий по берестяным грамотам (см. Зализняк А.А. Указ. соч., с. 135—137):

	Твердые	Мягкие
род. ед.	<i>-б (-ы редко)</i>	<i>-б / -и</i>
дат.-местн. ед.	<i>-б</i>	<i>-и / -б</i>
им.-вин. множ.	<i>-ы / -б</i>	<i>-б / -и</i>

Примечание 2.

Появление формы loc. sg. *ī-основы fem. на *-б* в тексте без смешения *б ~ и* можно связывать с современным распространением форм типа *в грязé, по грязé* (Образование..., с. 75, к. 16). Такие формы теоретически должны возникнуть вследствие двух процессов: (а) частичной замены форм *ī-основ fem. формами *jā-основ; (б) появления в loc. sg. *jā-основ флексии твердого варианта (порядок процессов

⁶⁴ Им.—вин. мн. во всех современных диалектах рассматриваемого региона имеет флексии *-ы* (тверд.), *-и* (мягк.). Видимо, это результат влияния *o-склонения при отдельном развитии полупарадигм ед. и мн. чисел (признаки которого — указания на сближение полупарадигм мн. ч. всех типов склонения — по нашим материалам начинают появляться с XIV в.).

не устанавливается). Процесс (а) прослеживается по распространению форм *instr. sg. грязей, грязюй*. На северной территории форма *грязей* отмечена на западе — западнее Волхова и Ловати, а также на востоке — восточнее оз. Белое (Образование..., с. 79, к. 18). Распространение форм *в грязé, по грязé* явно связано с этими же ареалами; на Северо-западе это районы Порхова, Ст. Русы и некоторые отдельные пункты.

Согласно картам, формы *в грязé, по грязé* сопряжены с типом (5) системы I склонения; как показано выше, появление этого типа обусловлено смешением мягкого и твердого вариантов, вследствие чего, в частности, появляются формы типа *в земlé*. Кажется, что большой северо-восточный ареал форм *в грязé, по грязé* также сопряжен с типом системы I склонения, являющимся результатом "горизонтального" развития ("литературного").

Примечание 3.

Карта, составленная по род. мн. II склонения с основой на мягкий с синхронной точки зрения, дает весьма пеструю картину распространения флексий *-ей* и *-ев*. Если же рассматривать только те пункты, в которых флексия *-ей* не зафиксирована вообще или зафиксирована только при словах со старой *i-основой (например, *гостей, голубей*), оказывается, что эти пункты объединяются в довольно обширные ареалы, видимо, попадающие в районы, наиболее заселенные в древности на территории, высекаемой лучами между Ловатью и Мдой⁶⁵ (см. карту 4).

С.Л. НИКОЛАЕВ

СЛЕДЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРАХ

1. КРИВИЧИ (ОКОНЧАНИЕ)

В работе Николаев 1988 использовались термины "псковский диалект" и "смоленский диалект" применительно к объединениям современных великорусских и белорусских говоров. Эти диалекты являются в первую очередь историческими, а не синхронными лингвогеографическими единицами и не соотносятся непосредственно с современным диалектным членением восточнославянского языкового континуума. Русские и белорусские говоры объединяются в названные диалекты по признаку наличия в них системных архаизмов древнейшего периода, унаследованных в данном случае из кривичского племенного диалекта.

Ознакомление с материалами Диалектологического атласа белорусского языка (ДАБМ) и Лексического атласа белорусских народных говоров (ЛАБМ), хранящихся в Секторе диалектологии Института языкоznания АН БССР им. Я. Коласа, позволило уточнить историческую классификацию говоров, основанную на рефлексах кривичских черт. Автор приносит глубокую благодарность за предоставление этих материалов и консультации сотрудникам Сектора Ф.Д. Климчуку и А.А. Кривицкому.

1. Смоленский диалект. Его западная граница на территории Бе-

⁶⁵ Несколько пунктов у берегов Онежского озера, очевидно, выброс из этого района.

поруссии проходит приблизительно по линии: верховья Ловати — Городок — Бешенковичи — Чашники — Новолукомль — Борисов, далее по долине р. Березина приблизительно до впадения в нее р. Бобр, далее на восток по линии Круглое — Шклов — Горки. Видимо, в основном "кривичскими" являются белорусские говоры Шкловского, Горецкого, Чериковского, Чаусского, Кричевского и Климовичского р-нов Могилевской области. Восточная граница определена в Николаев 1988, с. 117.

2. *Полоцкий диалект*. Его северная граница почти совпадает с границей между Псковской обл. и БССР. Восточная граница до Борисова является одновременно западной границей смоленского диалекта. Далее граница полоцкого диалекта проходит приблизительно по линии Логойск — Кривичи — Мядель, далее по течению р. Вилии, далее по территории Литвы и Латвии вдоль границы с Белоруссией.

3. *Западный диалект*. Северная граница совпадает с юго-западной границей полоцкого диалекта от границы с Литвой приблизительно до Вилейского водохранилища, далее на юго-запад по линии Молодечно — Лида — Мосты, далее резко на север западнее Щучина к литовской границе, далее по территории Литвы вдоль белорусской границы.

4. *Древненовгородский диалект*. "...В контактной зоне, включавшей и сам Новгород, в течение ряда веков складывался особый смешанный тип говоров, в котором соединился ряд важнейших западных (кривичских — С.Н.) черт с частью восточных (ильменско-словенских — С.Н.), а также развились и некоторые специфические черты... Именно он отражен в подавляющем большинстве берестянных грамот и может быть обозначен как древненовгородский в узком смысле". (Зализняк 1988б, с. 60).

5. *Верхневолжский диалект*. Говоры, объединяемые нами в этот диалект, относятся к селигеро-торжковской и калининской (тверской) группам среднерусских говоров.

6. *Псковский диалект* (о его границах см. еще Николаев 1988, с. 117) делится на следующие исторические группы говоров:

а) *Северную*, расположенную на территории Сланцевского, Кингисеппского, Волосовского и Лужского р-нов Ленинградской обл., Гдовского, Плюсского, Стругокрасненского р-нов и крайнего севера Псковского р-на Псковской обл., Батецкого, Шимского и Солецкого р-на Новгородской обл.

К северопсковским говорам близки северорусские говоры между Тихвином и Лодейным полем, а также (при особенной близости к Гдовским) говоры юго-западного Обонежья и заонежские говоры.

б) *Среднепсковскую*, расположенную в основном на территории Псковского, Палкинского, Печорского, Пыталовского, Островского, Порховского и Дновского р-нов Псковской обл.

в) *Южнопсковскую*, расположенную на территории Холмского р-на Новгородской обл., Дедовичского, Бежаницкого, Локнянского, Новосокольнического, Новоржевского, Пушкиногорского, Красногородского, Себежского, Пустошкинского, Великолукского и Новосокольнического р-нов Псковской обл. и Торопецкого р-на Калининской обл.

Граница между полоцким и псковским диалектами проходит по изоглоссе развития *sj, *zj > x, y (в псковском) и ш, ж (в полоцком).

Одной из важнейших изоглосс, определяющих границу полоцкого диалекта на территории Белоруссии, является изоглосса накоренного ударения тематических глаголов праславянской а.п. с с корнями, оканчивающимися на -r, -l, -v и имеющими чередование с основой на -a- (типа *bērq : *bъrāti, *zōvq : *zъvāti). Эта же изоглосса внутри псковского диалекта фактически совпадает с границей между южнопсковской и среднепсковской группами говоров. На территории как великорусских, так и белорусских говоров ареал этого (универсального в восточнославянской области) ударения глаголов целиком находится в археологическом ареале кривичей. В смоленском, верхневолжском, средне- и северопсковском и в западном диалектах презенс глаголов типа *bъrāti сохраняет старое ударение (окситонезу).

Ниже приводится материал.

1. *bъrāti, *bereiъ. Материалы ЛАБМ: *сабярӯ, сабёрыш, сабёрыць* (Курополье Пост. Вит.), *сабярӯ, сабёраш, сабёрышся* (Лисна Верхнедв. Вит.), *сабёрыца, сабёраца* (Магуны Пост. Вит.), *убярӯ, убёраш, убёруць* (Ахремовцы Брасл. Вит.), *зъб'ёрӯ, зъб'ёруць, саб'ёрыца* (Луги Шарковщ. Вит.), *уб'арӯ, уб'ёрыш, уб'ёрыць* (Мерецкие Глуб. Вит.), *сабёруцца* (Селявщина Росс. Вит.), *забярӯ, забёрыш, забёрыць, сабёрыца* (Волынцы Верхнедв. Вит.), *заб'ёрыць, саб'ёрыца* (Маняково Миор. Вит.), *зъб'арӯ, зъб'ёрыць, з'аб'ёруць, з'б'ёрыца* (Верабьи Погоц. Вит.), *заб'ёру, заб'ёрыць, саб'ёруцца* (Берново Город. Вит.), *заб'ёру, заб'ёрыць, саб'ёромс'a* (Грибно Погоц. Вит.), *забёру, забёрыць, сабёрыца* (Мишневичи Шумил. Вит.), *заб'ёру, заб'ёрыць, саб'ёрыца, саб'ёруцца* (Узречье Бешенк. Вит.), *саб'ёрыца, саб'ёрыцца, саб'ёруцца* (Зайково Город. Вит.), *заб'ёрыць, заб'ёраць, саб'ёрыца* (Брусы Мяд. Минск.), *сабёрымся, сабёруцца* (Солоная-Мильча Вил. Минск.), *заб'арӯ, заб'ёрыць, саб'ёрыцца, саб'ёраца* (Березино Докш. Вит.), *зыб'арӯ, заб'ёрыць, заб'ёруць, саб'ёрыца* (Черцы Лепель. Вит.), *зыб'арӯ, заб'ёрыць, саб'ёрыца* (Палик Борис. Минск.). Материалы СБГ: *ня бёрыца* (Лисна Верхнедв. Вит. 1.215), *бёрыш* (Ахремовцы Брасл. Вит., 1.215), *бёруць* (Индра Красл. ЛатССР, 1.215), *бёраш* (Истра Лудз. ЛатССР, 1.215), *бёруць* (Ахремовцы Брасл. Вит., 1.215), *ня бёрыш* (Малькуны Игнал. ЛитССР, 1.215), *бёрым* (Солоная Вил. Минск., 1.216), *бёруць* (Солоная Вил. Минск., 1.216), *бёрыць* (Ахремовцы Брасл. Вит., 1.216), *ня бёрыць* (Малькуны Игнал. ЛитССР, 1.216), *ня бёрыць* (Быстрица Остр. Минск., 1.216), *бёруць* (Жодишки Сморг. Минск., 1.216), *бёрыць* (Чичали Швенч. ЛитССР, 1.216), *ня бёрыць* (Ахремовцы Брасл. Вит., 1.216), *дабёрысся* (Курополье Пост. Вит., 2.9), *дабёрыш* (Солоная Вил. Минск., 2.9), *забёрыца* (Волынцы Верхнедв. Вит., 2.183), *забёруць* (Солоное Вил. Минск., 2.183), *забёрыць* (Грудзово Пост. Вит., 2.183), *забёруць* (Жодишки Сморг. Минск., 2.183), *забёруць* (Волынцы Верхнедв. Вит., 2.183), *забёрыць* (Мерецкие Глуб. Вит., 2.183), *забёруць* (Мишиневичи Шумил. Вит. 2.183), *набёрыца* (Рагулишки Дауг. ЛатССР, 3.119), *набёрыца* (Магуны Пост. Вит., 3.119), *набёраць* (Кемелишки Остр. Минск., 3.119), *набёраш* (Ахремовцы Брасл. Вит., 3.119), *набёрыць* (Грудзово Пост. Вит., 3.119), *набёрыш*

(Магуны Пост. Вит., 3.119), *набéруць* (Березино Докш. Вит., 3.275), *збéрымся* (Узла Мяд. Минск., 4. 339), *збéраца* (Узла Мяд. Минск., 4.339), *сабéраца* (Едловичи Брасл. Вит., 4.339), *сабéруцца* (Ахремовцы Брасл. Вит., 4. 339), *збéруцца i пякóць* (Магуны Пост. Вит., 4.339), *сабéруцца* (Малькуны Игнал. ЛитССР, 4.339), *збéруцца* (Чичали Швенч. ЛитССР, 4.339), *сабéруцца* (Мерецкие Глуб. Вит., 4.339), *собéруць* (Солоное Вил. Минск., 4.340), *збéрым* (Волынцы Верхнедв. Вит., 4.340), *збéраць* (Курополье Пост. Вит., 4.340), *убéруцца* (Солоное Вил. Минск., 5.165). Материалы Хрестоматии 1979: *бéрыш* (2x), *набéрыш* (Бельмонты Брасл. Вит., с. 16—17), *набéруц'* (Еды Шарковщ. Вит., с. 22). Материалы ПОС: *набéруцца* (Н.-Рж., 1.45), *забéрица* (Н.-Рж., 1.46), *набéреш* (Пуст., 2.87), *набéрица* (Н.-Рж., 2.228), *вбéруцца* (Локн., 4.66), *вбéрица* (Оп., 4.66), *сабéруцца* (Беж., 4.135), *забéря* (Оп., 4.136), *забéруцца, забéре* (Себ., 4.138), *сабéреца* (Оп., 4.172), *забéрица* (Н.-Рж., 1.46), *сабéруцца* (Н.-Рж., 1.70), *забéрут* (Дед., 5.77), *бéрить* (Пуст., 6.102), *сабéреца* (Аш., 6.130), *сабéреца* (Оп., 6.131), *бéруть* (Пушкин., 2.153), 1-е л. ед. ч. *не бéру* (Пуст., 2.153), *я бéру* (Оп. 2.154), *бéриши* (Пуст., 2.154), *бéрете* (Н.-Сок., 2.155), *бéрет* (Беж., 2.156), *бéрица* (Кр., 2.157), *бéриць* (Оп., 2.157), *бéриць* (Пуст., 2.156).

2. **d̥r̥áti*, *deretъ. Материалы ЛАБМ: *дз'ару́*, *дз'éрам*, *дз'éруц'* (Мерецкие Глуб. Вит.), *дзéрыш* (Волынцы Верхнедв. Вит.), *дз'éрыш* (Маняково Миор. Вит.), *дз'ару́*, *дз'éraш* (Вереби Погоц. Вит.). Материалы СБГ: *дзéруць* (Мишневичи Шумил. Вит., 2.89—2x). Материалы ПОС: *надéриш* (Дед., 1.184), *дéрица* (Себ., 2.105), *раздéрут* (Беж., 3.90).

3. *oráti, *oretъ/*orjetъ. Материалы ПОС: *абóрат*, *взóрат* (Холм., 3.165), *взóрют* (ВЛ, 3.165).

4. *rygáti, *peretъ. Материалы ЛАБМ: *п'éру*, *п'éraц'* (Жили Ивьевск. Гродн.). Материалы СБГ: *я пярú*, *яна пéрыць*, *мы пéрым*, *янí пéруць* (Едловичи Брасл. Вит., 4.105), *пéрут* (Смоляница Пруж. Брест., 4.105).

5. *zvánáti, *zovetъ. Материалы СБГ: *зóвница* (Смоляница Пруж. Брест., 2.284), *зóвущ* (Едловичи Брасл. Вит., 2.284); с преобразованной основой: *зóвіца* (Рогулишки Дауг. ЛатССР, Ахремовцы Брасл. Вит., 2.284), *зóвіць* (Рогулишки Дауг. ЛатССР, 2.284), *зóвущ* (Ахремовцы Брасл. Вит., Индра Красл. ЛатССР, 2.284), *назóвіт* (Рогулишки Дауг. ЛатССР, 3.146). Материалы Хрестоматии 1979: *зóвущ'* (Бельмонты Брасл. Вит., с. 16).

6. *žyrgáti, *žeretъ. Материалы СБГ: *жéруць*, *жéрыць* (Ахремовцы Брасл. Вит., 2.154), *жéрыць* (Раковские Швенч. ЛитССР, 2.154).

* * *

Другой важной чертой, отличающей кривичские по происхождению диалекты от других восточнославянских, является сохранение праславянского сочетания *Tl (восходящего к балто-слав. *ll, *dl).

Материалы старорусских памятников и современных великорусских говоров говорят о том, что праслав. *Tl отражалось в севернопсковском в виде сочетания *кл-* в анлауте, *-gl-* (*/-kl-*) в интервокальном положении, *-kl-*, после согласного перед гласным; единственной позицией, где **-Tl-* упрощалось, однако не в *-l*, как в других системах, а в *-k*, является ауслаутная позиция (ставшая таковой после

падения *-*b-*). Сохранение инлаутного сочетания на месте *Tl в старопсковских (и отчасти староновгородских) памятниках было отмечено давно — например, в таких формах, как *блюглисъ* < **bljudli sg.*, *при-вегли* < *privedli, *уссеели* < *vbzsēdli, *соустрѣкли* < **sqs̥rētli* и т.д. в Псковской 1-й летописи, *чъти* в Новгородской летописи по Архивскому списку, *чъкли* (< *čytli) в Хлудовском списке Стоглава, *възмяк-лася*, *возмякалася* (< *vbzmetla sg) в Новгородской 4-й летописи по всем спискам, *сочклись*, *сочклисе* (*sъčtli sg) в сев.-двинских Лодомских актах (Шахматов Очерк. с. 101—102).

В современных великорусских говорах интервокальный рефлекс *-gl-* < *-*Tl*- встречается в северопсковских и близко родственных им онежских говорах. Имеются также отдельные записи таких форм из более восточных северных великорусских говоров (ср. наличие в последних рефлекса *k'* < *k в позиции II палатализации, что говорит о их генетической связи с северопсковскими). Ниже приводится материал ДАРЯ (использованы ответы на вопрос 670 Программы, а также карты АРНГ Сев.-Зап., к. 171 и АРНГ Сев., к. 152 и комментарии к ним).

1. *žetlō (/**ži*Tlō, спр. болг. *жило* — БЕР 1.546) ‘жало’: *жыгло* (С.-З. 11), *жágлô* (С.-З. 13), *жágлô* (С.-З. 14), *жыглóm* (С.-З. 16), *жáгло* (С.-З. 17), *жéгло*, *жéглом* (С.-З. 19), *жыгло* (С.-З. 21), *жыглóm* (С.-З. 31), *жыглóm* (С.-З. 34), *жéгло* (С.-З. 41), *жыгло* (С.-З. 85), *жыгло* (С.-З. 88), *жéгло* (С.-З. 91), *жаглó* (С.-З. 109), *жаглó* (С.-З. 112), *жéгло* (С.-З. 115), *жаглó* (С.-З. 117), *жеглó* (С.-З. 120), *жегло*, *жаглó* (С.-З. 121), *жеглó*, *жаглó* (С.-З. 122), *жаглó* (С.-З. 123), *жаглó*, *жáглушко* (С.-З. 124), *жаглó* (С.-З. 135), *жыгло*, *жеглó* (С.-З. 141), *жеглó*, *жаглó* (С.-З. 142), *жаглó*, *жоглó* (С.-З. 144), *жаглó* (С.-З. 148), *жаглó* (С.-З. 149), *жаглó* (С.-З. 152), *жáгла* (С.-З. 153), *жагла* (С.-З. 185), *жаглó* ‘точило’ (С.-З. 212), *жáгло* (С.-З. 234), *жáгло* (С.-З. 235), *жáгло* (С. 52, 345, 574, 17, 426, 284, 511, 1046, 817, 775), *жыгло* (С. 798, 49, 53, 55, 56, 63, 415, 798), *жеглó* (С. 925, 683, 59), *жыгло* (С. 896), (?) *жгло* (С. 243). Ср. также материал ПОС: *жыгло* (Гд., 5.30), *жаглó* (Стр., 5.51; Остр., 6.125).

2. *žerTlo : *жéр'гло* (С.-З. 85), *жéрэглó* (С.-З. 88). Ср. также материал ПОС: *жэраглó* (Гд., 5.10).

3. *čytli, *čylla. Данные формы с *-kl-*, кроме северопсковских и близких к ним говоров, встречаются также в верхневолжском диалекте и в части южнопсковских говоров, в основном в р-не Опочки, Великих Лук—Торопца, а также по Верхней Волге, наиболее часто в регионе, ограниченном линией Вышний Волочек — Бежецк — Кашин — Кимры — Тверь — Торжок — Вышний Волочек. Видимо, сохранение *-kl-* в рефлексах этой формы не только в северопсковских, но и в некоторых южнопсковских говорах и в верхневолжском диалекте объясняется особой позицией рефлекса *Tl (постконсонантной после падения редуцированного): *поч'кл'и* (С.-З. 68), *прачклá* (С.-З. 91), *проch'kl'í* (С.-З. 122), *проch'kl'í* (С.-З. 148), *проch'kl'í* (С.-З. 149), *прач'кл'í* (С.-З. 264), *прачкл'í* (С.-З. 269), *прачкл'í* (С.-З. 272), *прачкл'í* (3. 14, 60, 61, 64, 65, 70), *прачклá* (3. 86), *прач'кл'í* (3. 96, 122), *прачкл'í* (3. 141), *прач'кл'í* (3. 143), *пратш'кл'í* (3. 149), *прачкл'í* (3. 154), *прач'кл'í* (3. 157, 160, 170, 183, 186), *проch'klá* (3. 213), *проch'kl'í* (3. 214), *проch'klí* (3. 217, 218), *проch'kl'í* (3. 219), *прачкл'í* (3. 290), *проch'kl'í* (материал

приводится по АРНГ Сев., карта 153): 48, 186, 357, 516, 525, 529, 536, 530, 557, 572, 573, 585, 217, 240, 404, 416, 630, 610, 450, 433, 470, 619, 628, 631, 636, 459, 470, 644, 654, 652, 655, 27, 1335), *проч'кл'ú* (С. 655), *учкли* (С. 652).

4. Кроме того, исключительно в псковских говорах отмечены следующие рефлексы *sъrěllъ, *sъrělli: *стрéклись* ‘встретились’ (ПОС, Печ., 5:28), *фстрéк* ‘встретил’ (Остр., ПОС 5.72, 74), *сустрéкл'ис* ‘встретились’ (З. 9): сохранение -кл- в этих формах не только в северненовгородском объясняется, видимо, аналогией с итеративом (*су*)*стремкáться* < *(sq)*sъrětjati* *sъ*, см. Николаев 1988, с. 133).

Привязка форм с -гл- к западной (севернокривичской) зоне подтверждается исследованиями А.А. Зализняка: “Обследование топонимики новгородских пятин, отраженной писцовыми книгами XV в., показывает, что топонимы с кл, гл (типа *Клещино*, *Елино*, *Виглино*) встречались во всех пяти пятинах. При этом, однако, в восточных пятинах (Бежецкой, Деревской, Обонежской) с ними активно конкурировали топонимы с л (типа *Лещево*, *Елино*, *Еловица*, *Вилино*), тогда как в западных пятинах (Шелонской и Водской) таких топонимов практически не было” (Зализняк 1988а, с. 167). Однако предположение Зализняка о первонаучальном широком распространении форм с -кл-, -гл- именно в древненовгородском диалекте (новгородском койне), возможно, должно быть оспорено. Инлаутное *Tl, в древненовгородском, по-видимому, всегда отражалось как -л-,ср. материал новгородских берестяных грамот, приводимый А.А. Зализняком (Зализняк 1986, с. 121): *возвело* (Гр. 531) < *vъzvedlo, *розвъли есть* (Гр. 510) < *orzvedli *jeste*, *мыла* (род. п., Гр. 288) < *myTla, *бълиль* (род. п. мн. ч., Гр. 288) < *bѣliTlъ. В то же время форма *два клеща* ‘два леща’ < **Tl[ē]čъ* ‘рыба лещ’, Гр. 169 (см. подробно Зализняк 1986, с. 119—121) действительно свидетельствует об инлаутном рефлексе кл- < *Tl- в древненовгородском диалекте, ср. возможно относящуюся сюда же форму (с нерегулярными преобразованиями) *клéпчик* ‘рыба лещик’ (Ильмень, Волхов, верхнее течение Днестра, а также Дон — СРНГ 13.282). Видимо, правомерно, вслед за А.А. Зализняком, возводить к этому же корню диал. *клещинéц*/*клещинéц* (Пск., Ладож.) ‘род рыболовной снасти’ (СРНГ 13.293) при *лещинка* (Пск.) ‘сеть для ловли лещей’ (СРНГ 17.37) < *Tlěščinъka / *Tlěščinъsъ, см. Зализняк 1984, с. 97. Праславянское сочетание в этом корне надежно устанавливается по ст.-чеш. *dlešč*, чеш. *dlešť*, ст.-польск. *klešč*, н.-луж. *klešć* при укр. *діщ* и т.д.

Возможное распределение рефлексов *Tl в древненовгородском (инлаутное кл-, инлаутное -л-) идентично распределению в смоленском диалекте (см. ниже) — о других сходствах древненовгородского и смоленского при противопоставлении их псковскому см. Николаев 1988, с. 149—150.

Видимо, к севернокривичскому, архетипу восходит распространенное в северновеликорусских говорах *нёгла/нёгla* ‘лиственница’: *нёгла* (Волог., Арх., Олон., Влад., Новг., Север.), *нёгla* (Олон.) ‘лиственница’, *нёгla* ‘лиственный лес’ (Арх.), ‘сосна’ (Волог.) — СРНГ 20.369; видимо, сюда же *нёгленцы* ‘два столбика в носу судна, укрепленные в кокоры, с обеих сторон бушприта’ (Олон., Онеж.) — СРНГ 20.370 < праслав.

*ne-jeTla,ср. также топонимический материал в Зализняк 1988а (где есть и рефлексы бесприставочного **jeTl-*).

В псковском диалекте и в новгородских говорах, близких к ним говорах великорусского Севера и территории нового заселения, в смоленском диалекте, некоторых говорах “кривичского пояса” (см. Николаев 1988, с. 137—141), а также в западнобелорусских говорах (как правило на территории западного “кривичского” диалекта) обнаруживается еще несколько корней с анлаутным соответствием кл- : л-, т.е. формально восходящие к праславянским корням на **Tl-*. Некоторые из них имеют более или менее надежные внешние соответствия:

1. *клещётки* ‘щипчики’ (Смол.), ‘палка с расщепленными концами, которыми можно зажимать кого-, что-либо’ (Смол., Тул. — СРНГ 13.293), *клéщица* / *клещица* ‘деревянная игла для вязания рыболовных сетей’ (Пск., Олон., Арх., ЭстССР, КАССР), ‘палочка для наматывания лески’ (Арх., Олон.), ‘палочка с расщепом’ (Пск. 13.294); *клещи* ‘деревянные иглы для вязания рыболовных снастей’ (Волхов и Ильмень — СРНГ 13.293); белор. западн. *клешчоткі* ‘драўляныя ціскі’ (Глибин Борис. Минск., СБГ 2.475), также *клéшчы* ‘id.’ (Смилгини Ворон. Гродн., Солоное Вил. Минск.; Озеряны Рогачевск. Гом.), ‘абцугі’ (Грикени Вильн. ЛитССР, СБГ 2.475) — ср. белор. диал. *лéшчаткі* (Старое Село Зельв. Гродн.), *лéшчаткы* (Симоновичи Дрогичинск. Брест., СБГ 2.648) ‘медицынскія шыны’, *ляшчоткі* ‘id.’ (Мирятичи Корел. Гродн., Старые Смилгини Ворон. Гродн., Рыбчина Вил. Минск., СБГ 2.727); русск. диал. *лещедка* / *лещодка* ‘приспособление для ловли птиц в виде длинной палки с расщепом на конце’ (без указания места), *лéщадь* ‘палка с заостренными двумя рожками на одном конце для ловли раков’ (Курск.), ‘расщепленные с одного конца палка, шест для сбора плодов’ (Курск. — СРНГ 17.35—37); сюда же относится *клéшка* ‘игла наподобие иглы для плетения сетей для привязывания снопов к жердям на кровле’ (Верхнее Поволжье, Московская, Владимирская обл. — СРНГ 13.292). Видимо, родственно чеш. *dlaška* ‘молодой стручок гороха’, ст.-чеш. *tleščka*, чеш. диал. *dlasek*, *dlašek*, *dleska*, *tleška*, *tleščka*, *kleska*, *klíšťka* (см. Machek, с. 89, без надежной этимологии) < *Tleščъka (чеш. вариант с -a-, видимо, вторичен, ср. ст.-чеш. и диал. формы). Слав. праформы восточнославянских слов — *Tleščъ, *Tleščica, *Tleščadъ.

Возможно, от этого же корня образованы русск. диал. *клещётка* (Смол.) ‘детская игрушка из тоненьких до ечек’ (СРНГ 13.293) — ср. *лещедка* ‘щит из соломы и жердей’ (Яросл.), *лещедна* (Яросл.) ‘id.’, *лéщедни* / *лéщетни* (Яросл.) ‘двери из соломы (в овине, хлеве и т.п.); плетеная подстилка для сушки и хранения лука’ (СРНГ 17.36—37), *лéщедь* ‘щит из соломы и жердей’ (Влад., Яросл.) (СРНГ 17.37).

2. *клапы* ‘руки и ноги’ (Нижегор., СРНГ 13.265) — ср. *lápa* (в т.ч. СРНГ 16.258—260) < *Tlāpa — чеш. *tlapa*, моравск. *dlapa*, слвц. *dlapa/dlaba* при русск. *lápa*, укр. диал. *лáба*, словен. *lapa*, польск. *łapa*. Видимо, восходит к и.-е. *Tlāpā (*T* = *d*, *dh*, *t*), т.к. данные внешнего сравнения не препятствуют реконструкции начального сочетания: балт. Формы (ли. *lópa*, лтш. *lāpa*, *lēpa* при отсутствии древнепрусских параллелей), равно как германские (**lōf-/lab-*) и курдск. *lapk* регулярно

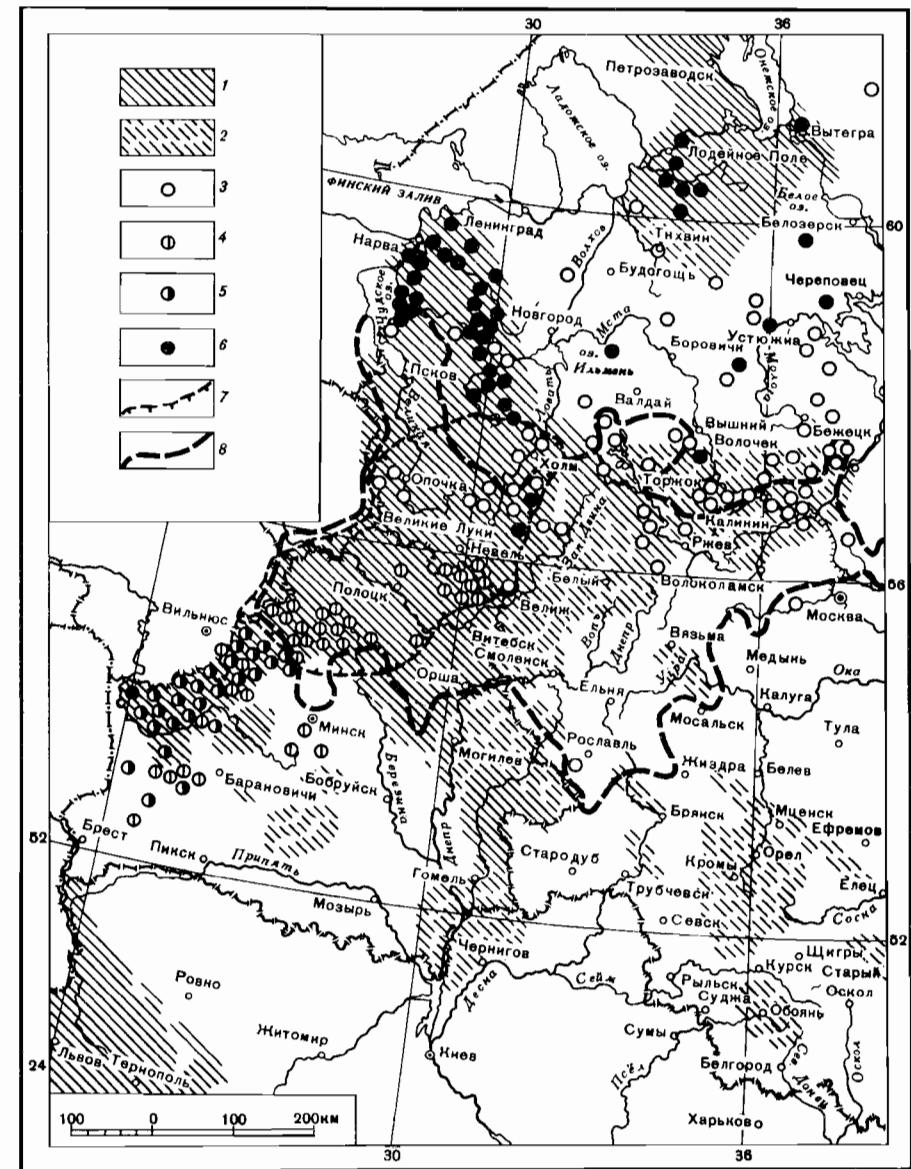
восходит к и.-е. форме с *Tl- . Видимо, сближение с и.-е. *lāp ‘плоский’ вторично.

3. клéскáть / клéскать ‘бить, шлепать и т.п.’ (Пск., Олон., Твер., Арх., Олон., Ленингр., также Курск. — СРНГ 13.283), клескаться (Пск., ЛатвССР, ЛитССР, ЭстССР — *ibid.*), клещить ‘хлопать в ладоши’ (Арх. — СРНГ 13.293), именные производные: клéсковка (Олон.), клескотнá (Пск.), а также глагол клéснуться (Пск., Твер. — СРНГ 13.284); с другой огласовкой: клáскать, клáскнуть (Смол.) ‘производить легкий шум ударом или треском’, клáсканье (Смол. — СРНГ 13.335) —ср. лéскать (Твер., Петерб., Зап., Курск., Южн., Тамб.) ‘бить, хлестать, хлопать и т.д.’, лéско ‘бойко, хлестко’ (Сиб., Новг., Уральск.) — СРНГ 16.371, лескотáть (Новг., Пск., Смол., За. зрян.), лескотнá (Зап.-Брян. — СРНГ 16.372), лещить ‘бить, хлопать крыльями, оставаясь на одном месте’ (СРНГ 17.37); с другой огласовкой: лáскать ‘лязгать, щелкать, стучать зубами’ (почти на всей великорусской территории — СРНГ 17.283—284) < праслав. *Tleskati/**Tlēskati*, *Tlēšiti (и с другими огласовками, чередование которых обычно для экспрессивных корней такого типа), ср. чеш. литер. и диал. *tleskati*, *tléskat*, *dlaskati*; слвц. *tlieskat'*, *tlorskai'*, диал. *tl'askat'*; словн. *tlēsk* (*tlēska*), *dlēsk* (*dlēska*), *dléskati*, н.-луж. *klaskaš*, в.-луж. *kleskać*, польск. *klaskać*, слвн. также *klésniti*, *tlésniti*, *tléskati* — ср. слвн. *lēsk* (*lēska*) ‘der Knacklaut’, укр. лáскати, лáснути, лáск. См. Зализняк 1986, с. 121.

4. клён ‘задняя, переходящая в спину часть шеи, загривок’ (Перм., Урал., Вят.), ‘шея’ (Вят., Перм. — СРНГ 13.277), кленовина ‘спинка меховой шкурки’ (Перм., Урал., Вят.), кленовая кость ‘затылочная кость’ (Киров — СРНГ 13.277) —ср. лён ‘шея, шейное сухожилие, загривок и т.д.’ (сев.-русск., сибир. — СРНГ 17.351), бить по льну (Даль II. 248). Формы с *кл-* отмечены в говорах, возникших на основе псковско-новгородских (см. Николаев 1988, с. 134). Формально восходит к праслав. *Tlyń, однако в других славянских языках не отмечено.

5. клёк ‘селедочный рассол’ (Смол., СРНГ 13.273), белор. западн. *клёк* ‘расол ад селядцоу’ (Кирагли, Щуч., СБГ 2.475 — неясно, относится ли к этому корню *клёк* ‘сіла, моц’, *ibid.*) —ср. лёк ‘селедочный рассол’ (Смол., СРНГ 17.341), белор. полоцк. и западн. лёк ‘селядзечны расол; вада, падсалоджаная мёдам’ (Сморг., Щуч., Свисл., Баран., Ганц. СЕГ 2.649—650). Видимо, следует отделять от *клёк* ‘лягушачья икра; густая клейкая жидкость и т.д.’ (СРНГ 13.2/3) < **kyl(j)ykъ*, ср. *kyljiti, *kylēj (иначе Vasmer II. 567). Формально *клёк* / лёк восходит к праслав. *Tlekъ либо *Tlykъ, однако, как и в предыдущем случае, рефлексы этого корня в других славянских языках (кроме белорусского) не отмечены.

Таким образом, в анлауте праслав. *Tl- определенно отражается как *кл-* в северно- и среднепсковском, древненовгородском, смоленском и, по-видимому, в западном диалектах, а также в отдельных говорах ‘к rivичского пояса’. Напротив, у нас нет надежных примеров с *кл-* из южнопсковского, верхневолжского и полоцкого диалектов. Инлаутное *-*Tl*- дает -*гл*- (-*кл*-) в любой позиции в северно- и среднепсковском, тогда как в южнопсковском, верхневолжском, полоцком, древненовгородском и смоленском -*Tl*- обычно отражается как -*л*-;

Карта

1 — ареал сохранения окситонезы ед. ч. существительных а.п. *d* с корнями любых видов; 2 — ареал спорадического сохранения окситонезы ед.ч. существительных а.п. *d* с корнями любых видов; 3 — сочетание -*кл*- в рефлексах *čytla, *čytli; 4 — сочетание -*дло* в рефлексах *cěrpiTlo/**cěrovitlo*; 5 — рефлекс -*дл*- (-*ыл*, -*ил*) < *-*Tl*-; 6 — рефлекс -*гл*- < *-*Tl*-; 7 — граница ареала накоренного ударения глаголов типа *býráti, *beretb; 8 — граница археологического ареала кри维奇ей в IX—XI в. (по В.В. Седову)

кроме того, в южнопсковском (в районе Опочки), псковских и смоленских говорах в верхнем и среднем течении Ловати, а также в верхневолжском диалектах *-kl-* < *-Tl-* обнаруживается только в рефлексах *čytli, *čytla. В полоцком имеется лексикализованное *-dl-* в рефлексах *cēpiTlo / *cēroviTlo и *j[e]Tlyinьсь (см. с. 197—198).

На территории Белоруссии развитие *Tl > *-dl-* (реже *-il-*, *-ul-*, *-v-*) характерно лишь для западного "кривичского" диалекта, а также некоторых говоров южной Гродненщины. Основная территория с развитием *Tl > *-dl-* находится в области свойственного кривичским диалектам развития а.п. *d* и в то же время вне зоны баритонезы презенса глаголов типа *býráti, *bereiъ (см. карту). Эта территория отчасти находится в пределах расселения полоцких кривичей, а большей частью в зоне, в древности заселенной балтами и лишь в историческое время освоенными предками белорусов.

Ниже приводится материал.

1. *viTla, *viTly. Материалы СБГ: *vídлы* (Старые Троки Трак. ЛитССР, 1.308), *vídly*, *vídla* (Полецкиши Ворон. Гродн., 1.308).

2. *žerTlo. Материалы СБГ: *жéраulo* 'дымаход' (Макаровцы Бер.). Материалы СБГ: *жураво* 'жарало' (Осовец Вил. Минск., 2.140), *жарауло* (Великие Баяры Щуч. Гродн., 2.140).

3. *kriTla: *крыглы* 'бакавыя жэрдкі ў санях-развалках' (Новоселки Свисл. Гродн., СБГ 2.541).

4. *motoviTlo. Материалы СБГ (3.41): *матавídla* (Быстрица Остр. Гродн.), *матавídla* (Жодишки Сморг. Минск.), *на матавídla* (Солы Сморг. Минск.), *матавídla* (Великие Баяры Щуч. Гродн.), *на матавídla* (Ковняны Гродн.), *матавídla* (Новоселки Свисл. Гродн.), *матавídla* (Гемзы Шальч. ЛитССР), *на матавídla, матавídlo, на матавídly* (Раковские Швенч. ЛитССР), *на матавídly* (Новые Мацали Варен. Гродн.), *на матавídly* (Старые Троки Трак. ЛитССР), *матавídla* (Поречье Гродн. Гродн.). Материалы МСГ: *на матавídla* (Бражельцы Ворон. Гродн.), *на матавídlo* (Конна Зельв. Гродн.). Материалы СБГ: *матавídlo* (Стародубовое Гродн. Гродн.).

5. *męTliti, *męTlica. Материалы СБГ (3.99): *на мяdліцы* (Яцевляны Сидр. ПНР), *мяdляць* (3 л. мн. ч. — *ibid.*). Ср. также *m'ädł'en'e* (Карский 1.352).

6. *moTliti, *moTlityva. Материалы СБГ (3.9, 25): *madlítvy* (Жили Ивьев. Гродн.), *modlýcca* (Поречье Гродн. Гродн.), *madlúся* (Стрельцы Шальч. Гродн.).

7. *sukaTlo. Материалы СБГ (5.12): *сukadla* (Рыбчина Вил. Минск.), *сukailo* (Миратчи Корел. Гродн.), *на сukailo* (Дениковичи Ганц. Брест.), *на сukadla* (Жодишки Сморг. Гродн.), *сukadla* (Ольховка Новгр. Гродн., Кирали Щуч. Гродн.), *сukadla* (Великие Баяры Щуч. Гродн.), *сukadlo* (Бобровники Город. ПНР).

8. *šiTlo. Материалы СБГ: *шyдла* (Полецкиши Ворон. Гродн.) Материалы МСГ: *шyдlo* (Есеновица Волк. Гродн.).

9. *žęTlo. Материалы СБГ (2.133): *жадlam* (Быстрица Остр. Гродн.), *жадlo* (Старые Троки Трак. ЛитССР).

10. *trepalTlo. Материалы СБГ: *trapalilo* (Бобровники Город. ПНР).

11. *myTlo, *myTliti, *myTlica. Материал СБГ (3.91—92): *мыdla*

(Магуны Пост. Вит.), *мыdla* (Полецкиши Ворон. Гродн., Жили Ивьев. Гродн.), *мыdlam* (Куделянцы Шальч. ЛитССР), *мыdlam мыl* (Гольшаны Ошм. Гродн.), *мыdla* (Канюкай Вильн. ЛитССР), *мыdla* (Голубы Мост. Гродн.), *мыdla* (Мали Остр. Гродн.). Материалы СГВ: *у мыdл'icу 'в таз'* (Забагонники Гродн. Гродн.), *повел. мыdл'u* (Муравянская Ошмянка Ошм. Гродн.). Материалы МСГ: *мыdlo* (Засетье Дятл. Гродн.), *мыdlo* (Кукли Ворон. Гродн.).

12. *saTlo. Материалы МСГ: *sádla* (Эйгеры Ивьев. Гродн.), *sádlo* (Есеновица Волк. Гродн.). Материалы СБГ (4.345—346): *sadla* (Новые Мацали Варен. Гродн.), *sadla* (Старые Смильгини Ворон. Гродн.), *sadla* (Куделянцы Шальч. ЛитССР), *sadla* (Старые Троки Трак. ЛитССР; Дегши Шальч. ЛитССР), *ў sadle* (Старые Троки Трак. ЛитССР), *sadlo* (Быстрица Остр. Гродн.).

13. *orTlo, *orTlovati, *orTliti. Материалы СГВ: *radlaváц* 'акучваць плугам' (Малькович Мост. Гродн.), *radló* 'плуг акучваць бульбу' (Кальчики Корел. Гродн.). Материалы МСГ: *radló* 'акучник' (Щорсы Новогр. Гродн.), *radl'ic* (*ibid.*).

14. *siTlo. Материалы СБГ: *c'ídla* 'сеци для лоўлі птушак' (Соничи Гродн.).

Кроме того, на территории западного и полоцкого диалектов распространены рефлексы *cēpiTlo/*cēroviTlo 'рукоять цепа'; материалы ДАБМ, к. 257 и комментария к ней: *цапавídla* пп. 92, 41, 79, 82, 44, 45, 117, 232, 233, 191, 192, 196, 51, 16, 161, 199, 203, 176, 177, 189; *цапídlo*: пп. 230, 200, 202, 469, 474, 382, 418, 421, 425, 424, 682, 517); *цапídlo*: пп. 204, 183, 220, 250, 201. Неясно, является ли наличие этой формы с *-dl-* на полоцкой территории архаизмом, а остальные формы с *-dl-* были здесь вытеснены в результате взаимодействия со смоленскими или южнобелорусскими (в основе которых лежат племенные диалекты дреговичей и радимичей) говорами, или, напротив, модель с *-dl-* была здесь заимствована из западного "кривичского" диалекта.

В основном на территории полоцкого диалекта отмечены рефлексы *j[a]Tlinьсь, *j[a]Tlyinьсь, *j[a]Tlyсь 'можевельник', с сохранением *-dl-*, причем наиболее компактная территория расположена на северо-западе Белоруссии, ср. материал ЛАБМ (т.1, к. 146, автор. Ф.Д. Климчук): *ядléneц*: 2, 4, 5, 8а, 11, 21, 29, 1A, 2A, 3A, 5A, 12A, *ядlíneц*: 28, 17A, *ядléц* 59A — при формах с *-l-*, характерных в основном для востока и юга Белоруссии: *ялéneц* 2, 3, 6, 8, 9, 10, 12, 14, 32, 34, 40, 44, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 137, 2A, 4A, 8A, 9A, 18A, 21A, 23A, 24A, *ялíneц* 10, 42, 7A, 20A, *ялíneц* 132, 47A, 52A, *ялéц* 113, 114, 117, 137, 138. На западе и юго-западе, севере и юге Белоруссии распространены также рефлексы с *-dl-*, восходящие к *j[a]Tlovatъ, *j[a] Tlovatъkъ, материалы ЛАБМ: *ядlóveц* 5, 8, 8а, 14, 17, 32, 33, 34, 37, 61, 70, 82, 93, 94, 95, 96, 110, 111, 114, 116, 117, 119, 120, 122, 124, 125, 127, 128, 129, 135, 140, 142, 30A, 31A, 32A, 33A, 34A, 35A, 45A, 46A, 56A, *ядlavéц* 3, 50, 51, 57, 61, 100, 104, 129, 11A, 16A, 44A, *ядlóunik* 59A — при спорадически встречающихся по всей Белоруссии *ялóveц* 103, 108, 110, 114, 115, 116, 10A, 48A, 53A, 64A, *яlavéц* 18, 19, 20, 45, 49, 50, 52, 56, 60, 106, 107, 129, 13A, 14A, 26A, 27A, 28A, 29A, 43A, 49A, 50A, *пад'ялóveц* 25, 15A, 19A.

Иноязычное происхождение форм с *-dl-*, восходящих к *j[a]Tlyсь,

Таблица 1

	Сев.-псковск.	Ю.-пск., по- лоцк., в.-волж. (?)	Западн.	Смол., др.-новг.
Анлаут	кл-	л-	кл- (?)	кл-
Инлаут	-гл-	-л-	-дл-	-л-

*[a]Tlinьсъ, *[a]Tльсъ, *[a]Tlovьnіkъ, видимо, исключено, т.к. эти образования не встречаются в польских диалектах и, напротив, хорошо известны в великорусских и украинских (укр. ялівець/яловéць, russk. диал. яловец, елéнец и т.д.). Сложнее ситуация с *[a]Tlovьсъ, имеющим аномальный с точки зрения сохранения -дл- ареал в Белоруссии. Польской литературной формой является *jalowiec*, точно соответствующий чеш. *jalovec*, в.-луж. *jalorc*, н.-луж. *jalowjeńc*, *jalowńc* — см. Vasmer III. 489, где появление -дл- в белорусском и польском (ср. также не приведенное Фасмером слвц. диал. *jadłovec*) объясняется влиянием праслав. *jetl- 'ель'. Польский вариант *jodłowiec* характерен для восточнопольских говоров (он приводится, например, в качестве перевода белор. яловец в ПБПС, с. 293 — словаре, изданном в Вильне). Можно предположить, что формы с -дл- имеют в польском белорусское происхождение — в пользу этого говорит то, что основной ареал с сохранением -дл- не только известного в польском рефлексе *[a]Tlovьсъ, но и собственно белорусских *[a]Tlinьсъ, *[a]Tльсъ и т.д. находится на территории Белоруссии. При этом, видимо, *[a]Tlinьсъ и *[a]Tльсъ были характерны для северных говоров западного и полоцкого, а *[a]Tlovьсъ — для южных говоров западного диалекта, откуда данная форма распространилась на восток Белоруссии и, с другой стороны, в польские говоры.

У нас нет достаточных оснований для того, чтобы считать полонизмами и остальные зап.-белорусские формы с -дл-, тем более что в прочем их фонетика и акцентуация типично белорусские (мáдлиць, жадло, радлó и т.д.) — речь не идет, конечно, о несомненных заимствованиях типа бýдло, рýдзель, вíдзлец и под.

В табл. 1. показаны основные рефлексы праславянского сочетания *Tl в кривичских по происхождению диалектах великорусского и белорусского языков.

* * *

Одной из важнейших особенностей, характерной для всех кривичских по происхождению говоров, является сохранение окситонезы в косвенных падежах, а в некоторых случаях и рефлекса "смешанного" характера а. п. d существительных o- и i-основ. В отличие от "классических" а. п. a (баритонированной, с фиксированным старым акутом на корневом гласном), а. п. b (с ударением, первоначально во всех формах падавшем на 1-й слог окончания) и а. п. c (с чередованием ортотонических и энклиноменных форм в зависимости от акцентоло-

Таблица 2

Минусовые окончания	o-основы	a. п. a	a. п. b	a. п. c	a. п. d
		n. sg. *mákkъ	*stolb	*sðkъ	*rogъ
и-основы		gen. sg. *máka	*stola'	*sðka	*rogá
		n. sg. *ilb	*bobrb	*mèdb	*sâdb
o-основы		gen. sg. *ilovi	*bobroví	*mèdovi	*sâdovi
		instr. pl. *máký	*stoly	*soký	*rogý
и-основы		instr. pl. *il'imi	*bobr'bmí	*medytmí	*sad'bmí

гической маркировки окончаний), акцентная кривая слов а. п. d является аномальной: в ней энклиномен представлен в им. и вин. п. ед. ч. (т.е. корень ведет здесь себя как имеющий минусовую маркировку, характерную для корней а. п. c), тогда как все остальные формы имеют окситонезу (здесь эти корни ведут себя как плюсовые, принадлежащие к а. п. b), см. табл. 2.

Существование особой "смешанной" а. п. (в o-основах м. р.), которая позднее была названа а. п. d (см. Булатова—Дыбо—Николаев 1988), было установлено В.М. Иллич-Свитычем (Иллич-Свитыч 1963, с. 118—119). Внешнее сравнение показало, что а. п. c имеют существительные с греко-арийскими и германскими окситонированными соответствиями. В литовском во всех диалектах эти существительные имеют 3-ю или 4-ю (подвижные) а. п. Подавляющее большинство существительных м. р. с o-основами, имеющих в праславянском а. п. b, в древности принадлежало к среднему роду. В литовском, как правило, в подавляющем большинстве диалектов устойчиво сохраняется 2-я (неподвижная) а. п. этих существительных. В то же время и.-е. баритонированные существительные м. р. с o-основой соответствуют славянским существительным а. п. d (в терминах Иллич-Свитыча — смешанной а. п.), см. Иллич-Свитыч 1963, с. 30—42, 109—119, 154. В литовском генетически тождественные слова по большей части имеют диалектальные колебания между 2-й и 4-й а. п., причем материал, приводимый Иллич-Свитычем в его книге, может быть соотнесен с приложенной к ней "Карте-указателю литовских населенных пунктов". Оказывается, что следующие литовские говоры имеют в основном 2-ю (неподвижную) а. п. у слов, соответствующих славянской а. п. d.

1) Говоры западной Литвы, восточная граница которых тянется приблизительно от истоков Бартувы к истокам Юры и по ее долине, далее она пересекает Неман приблизительно в районе Велюоны и по меридиану продолжается до границы с Польшей. К этой же лингво-географической области принадлежали и говоры бывшей Прусской Литвы.

2) Говоры района Паневежиса.

3) Дзукские говоры.

В прочих литовских говорах нормальным соответствием славянской а. п. d является, по-видимому, 4-я (подвижная) а. п. Таким образом,

акцентная парадигма существительных мужского рода, соответствующих и.-е. баритонированным образованиям, видимо, имела иную акцентную кривую в сравнении со словами, первоначально принадлежавшими к среднему роду, еще в балто-славянском. Генезис различия между акцентными кривыми неподвижных существительных мужского и среднего рода до сих пор объяснения не нашел.

Дальнейшие исследования показали, что а. п. *d* (наряду с *b* и *c*) имели существительные м. р. с *o*-основами, но и существительные с *и*- и *i*-основами (см. Булатова—Дыбо—Николаев 1988), а также с консонантными основами и, возможно, *es*-основы среднего рода (например, *dērvo, род. п. *dērvese в отличие от *słdvo, род. п. *slōvēse: остатки а. п. *d* в среднем роде сохраняются в псковских, полоцких и южнославянских говорах, см. также Замятину Дисс.).

Выяснилось также, что рефлексы акцентной кривой слов. а. п. *d* так или иначе сохраняются в большинстве славянских диалектов (В.М. Иллич-Свитыч обнаружил их только в северочакавских говорах типа Суска и Истрии и в галицком украинском), однако в явном виде, причем именно в виде рефлексов "смешанной" а. п., эта акцентная кривая обнаруживается еще в западноболгарских, а также в кривичских по происхождению великорусских и белорусских говорах.

Рефлексы а. п. *d* существительных м. р. *o*- и *i*-основ в конкретных акцентных системах следующие.

Слова а. п. *d* любого морфонологического вида имеют как правило окситонированную (типа а. п. *b*) или особую, отличающуюся от а. п. *b* и *c*, акцентную парадигму при сохранении в том или ином виде следов энклиномичности им.-вин. п. ед. ч. в следующих диалектах:

1) В *галицком украинском*¹. Односложные основы имеют здесь окситонированную а. п. в ед. ч. (во мн. ч. первоначальная окситонеза частично исчезла вследствие оттяжек ударения с долготных окончаний на краткостный слог корня, см. Дыбо—Николаев 1989). Баритонированную а. п. с ударением в ед. ч. на 1-м слоге, тождественную рефлексу а. п. *c*, имеют старые и новые (полногласные) двусложные корни типа *vēčerъ, род. п. *večera — гал. *vēčor, *vēčera; *gōrdъ, *gordá — гал. *gorod, *gorda. В этом морфонологическом типе окситонированные формы косвенных падежей сохраняются лишь в наречиях типа *večeróm*, *voroxót*. В отличие от слов а. п. *d*, слова а. п. *b* сохраняют свою окситонезу и в двусложных основах — например, гал. *ceber < *čybъrъ, *cebra < *čybъra; *xvorost < *xvorosia < *xvorsta и т.д.

2) В *кривичских* по происхождению великорусских и белорусских говорах (см. их подробный анализ ниже).

3) В *восточновеликорусских* говорах (в том числе в литературном русском), имеющих "древневосточную" диалектную основу (см. подробнее Николаев 1988, с. 140—141, Дыбо—Николаев 1989). В этой системе

¹ В галицкий диалект входят следующие традиционно выделяемые группировки говоров украинского языка: надднестрянские, покутские, гуцульские, бойковские, лемковские, закарпатские (верховинские), надсанские, а также частично надбужские и западноволынские говоры. Подробнее см. Дыбо-Николаев 1989.

окситонеза, как правило, присутствует у односложных существительных только во всех падежах множественного числа (слова а. п. *b* имеют окситонезу косвенных падежей и в ед. ч.), реже окситонеза сохраняется в ед. ч., тогда как старые и новые (полногласные) двусложные корни имеют акцентную кривую, тождественную рефлексам а. п. *c*. Баритонированные формы слов а. п. *d* являются при этом энклиноменами в сочетании с проклитиками (русск. литер. *нос*, *на нос*, *нбсом*, архаичн. *под носом*, мн. ч. *носы*, *на нося*; *гброд*, архаичн. *на город*, мн. ч. *городá* как субститут *гброды — старое собирательное *-ā замещает в системах типа русской литературной только безударное -ы/-и). Некоторые восточновеликорусские говоры имели по крайней мере в старорусский период смешанную парадигму типа *нось*, *на нось*, *подъ носомъ*, *подъ моимъ носомъ* (см. Булатова—Дыбо—Николаев 1988, с. 52), ср. поведение существительных а. п. *d* в Новгородской псалтыри 1548 г. (см. Зализняк 1985, с. 213): 1. *plōdъ, *plodōvi: род. п. *плодá* 219, 253, но *ѡ плода* 31, 178, 221, 270 (при единичном *ѡ* *плодà* 301); 2. *vēkъ, *vēkdví: род. п. *ў вѣkkъ вѣkkъ* 36, *ў вѣkkъ вѣkkъ* 386, но *ѡ вѣkkъ* 49, 62, 946, 1566, 1606, 1856, 1966, 1886, *ດ вѣkkъ* 221, 2216, *ѡ вѣkkъ* 177, 1866. Так же ведет себя вин. п. мн. ч. существительного а. п. с *sýnъ, *synъ, *sýnovi (об уподоблении акцентной кривой форм мн. ч. существительных а. п. с *i*-основой акцентной кривой а. п. *d* см. ниже): вин. п. мн. ч. *сыны* 186, 246, 269, 127, 62, *сыны* 160, 1756, 69, *сыны* 10, 396, 40, *сынъ* 1456, 2186, *сынъ* 1376, но *на сыны* 198, 996, *на сыны* 41, 1466. Акцентная система данного памятника — восточнорусского типа (в Булатова—Дыбо—Николаев 1988, с. 48 он предположительно отнесен к 3-ей (словенско-ильменской) группе лишь по его локализации). Материалы любезно предоставлены автору А.А. Зализняком. Существительные а. п. *d* с *i*-основами, видимо, повлияли в восточнорусской системе на существительные а.п. *c* с этими основами, откуда русск. литер. *меди* (ср. *mēdъ, *mēdovи), *дары* (ср. *dārъ, *dārovи) и т.п. при архаичных *рбды* (ср. *rđdъ, *rđdovи), *домá* как субститут *дбмы (ср. *dōtъ, *dōtovи) по аналогии с *сады*, *следы* и т.п., относящимися к а. п. *d*. Видимо, старая акцентная кривая а. п. с существительных *i*-основ была достаточно рано выравнена в "кривичском" и галицком, совпав с кривой а. п. с *o*-основ. Напротив, конечноударные формы род. п. ед. ч. (а также, возможно, творит. п. ед. ч.) слов а. п. с сохранялись в некоторых восточнорусских говорах, ср. в Новгородской псалтыри: род. п. ед. ч. *дѡмъ* 1726, 114, 337, 2186, 220, *дѡмъ* 2946, *дѡмъ* 218, 121 (при более редких *дѡмъ* 76, 197, *дѡ дѡмъ* 85), ср. творит. п. *над дѡмо* 11, местн. п. мн. ч. *ў нѡ дѡмо* 186 (praslaw. *dōtъ, *domъ, *dōtovи). Аномальная окситонеза им.-вин. п. мн. ч. *i*-основ в русском литературном языке была отмечена В.М. Иллич-Свитычем (см. Иллич-Свитыч 1963, с. 143—144); надо заметить, что все западнославянские формы, приводимые Иллич-Свитычем как примеры вторичного перехода слов с *i*-основами а. п. *c* в окситонированную а. п. относились в праславянском к а. п. *d*: украинская окситонеза приведенных на с. 143—144 слов, видимо, нерелевантна для определения старой а. п., а сербохорватские примеры с рефлексом окситонезы во мн. ч. являются, как правило, словами а. п. *d*.

4) В *северочакавских* говорах типа Суска и Истрии: здесь сохра-

няется интонационное противопоставление всех четырех а. п., например Сусак *lük, lükä* < *lúkъ, *lúka; *rör, rorå* < *rоръ, *рорá; *b"ôx, bôxa* < *bôgъ, *bôga; *b"ôk, bokä* < *bôkъ, *bokâ.

5) В западноболгарских говорах. Видимо, старую акцентную кривую а. п. *d* сохраняли среднеболгарские северо-западные говоры, например, диалект памятника XIII в. Ис. Сир. (см. Булатова—Дыбо—Николаев 1988, с. 52). В современных говорах северо-западной и западной Болгарии (например, в ломском, кюстендильском) и в восточномакедонском (Малешево), а также в болгарском литературном языке членные формы ед.ч. от краткосложных существительных а. п. *d* являются баритонированными, как и от существительных а. п. *a* и *b* любого морфонологического вида (например, *róгът, бóдът* а. п. *d* как *póпът, кóлът, блáнът* а. п. *b*, *мáкът, хлáбът* а. п. *a*), а членные формы от долгосложных существительных а. п. *d* частью баритонированные, частью окситонированные (бесът, брегът, но листът, мястът). Членные формы от существительных а. п. *c* всегда окситонированы (*дарът, медът, домът, родът, синът* и т.д.). В центрально-западных болгарских говорах обычна следующая система: баритонированные членные формы ед.ч. образуются от существительных а. п. *d* с краткосложными корнями, а также с корнями вида *T^b/RT, TqT, TçT, TuT, TiT* и *TiT*, тогда как прочие долгосложные основы чаще образуют окситонированные членные формы.

6. В верхнелужицком языке рефлексы окситонезы обнаруживаются в некоторых существительных а. п. *d* с корнями вида *TORT* (см. Дыбо Луж.).

Имеются еще 2 системы, в которых акцентная кривая а. п. *d* сохраняется (как правило, в виде окситонезы косвенных падежей ед.ч.) лишь в определенных морфонологических типах, а в прочих случаях слова а. п. *d* ведут себя как слова а. п. *c*.

1. Подольская система. Представлена в подольских украинских говорах, где окситонезу регулярно имеют лишь существительные с *и*-основами, а также с корнями вида *T^b/RT*.

2. Полесская система. Представлена в южных белорусских говорах, возникших на основе племенного диалекта дреговичей (этую систему имеет литературный белорусский язык), а также в правобережных украинских полесских говорах, сформировавшихся на основе племенного диалекта древлян, и в "полтавско-киевском" варианте украинского литературного языка, в южнорусских ("вятских") говорах, а также в малопольском диалекте. В говорах с полесской системой окситонезу в ед.ч. имеют все или некоторые существительные а. п. *d* с корнями *T^b/RT* (*sôгръ, *vôрхъ, *gôrbъ и т.д.).

В северноштокавском (в том числе и в литературном сербохорватском языке), в восточноболгарских говорах (в том числе в диалекте среднеболгарских рукописей тырновского круга), в кайкавских и, возможно, словенских говорах "северословенского акцентологического типа" (см. Дыбо 1982), например, в беднянском, регулярный рефлекс а. п. *d* (за очень редкими исключениями) не отличается от рефлекса а. п. *c*. Сходная система (однако с несколько большим количеством окситонированных существительных, состав которых меняется от диа-

лекта к диалекту) представлена в словацких говорах и в литературном словацком языке, в чешском языке, в старохорватском диалекте Ю. Крижанича, в словинецком диалекте кашубского языка и в северо-чакавских говорах типа *Нови и Вргада*.

В южночакавских говорах типа *Брач, Хвар и Вис*, в загородских (южнобрестских) белорусских и волынских украинских говорах и в северо-восточных великорусских говорах, восходящих к ильменско-словенскому племенному диалекту, окситонезу имеет небольшое число существительных а. п. *d* (как правило, *sôгръ, *vôрхъ, *рôлкъ, *vôlxvъ, *câzъ, *gnêvъ, *blôdъ, *plôdъ, *smêxъ), при этом данные существительные полностью переходят в а. п. *b* (имеют рефлекс нового акута в им.-вин. п. ед.ч.).

Некоторое число окситонированных рефлексов слов а. п. *d* имеется в южнословенских говорах (в том числе в литературном варианте, отраженном в словаре М. Плетершика): как правило, это существительные с корневым *-o*, редко *-e*- и *-a*-.

* * *

Как было сказано выше, сохранение окситонезы существительных а. п. *d* с любым видом корня характерно для великорусских и белорусских говоров, восходящих к кривичскому племенному диалекту. На территории Белоруссии окситонеза этих слов характерна для всех говоров, относящихся к западному, полоцкому и, видимо, смоленскому историческим диалектам. На карте, прилагаемой к данной статье, белорусская изоглосса окситонезы ед.ч. существительных а. п. *d o*- и *u*-основ проведена по материалам ЛАБМ, в основном учитывалась окситонеза слов *vôzъ, *vozâ и *stôgъ, *stoga. Ниже приводится материал.

Лисна Верхнедв. Вит.: *вос, кала вазá; стох, кала стагá*. Курополье Пост. Вит.: *вос, кала вазá; стох, стауá*. Магуны Пост. Вит.: *вос, вазá, на вазé; стох, стагá*. Ахремовцы Брасл. Вит.: *вос, вазá; стох, стагá, за стагом*. Луги Шарковщ. Вит.: *вос, вазá; стох, стыгá*. Мерецкие Глуб. Вит.: *вос, вазá; стох, стауá*. Селявщина Росс. Вит.: *вос, вазá; стох, стыгá*. Волынцы Верхнедв. Вит.: *вос, вазá; стох, стагá*. Маняково Миор. Вит.: *вос, вазá; стох, стыгá*. Веребы Полоцк. Вит.: *вос, вазá; стох, стагá*. Берново Город. Вит.: *вос, вазá; стох, стыгá/стогá*. Грибна Полоцк. Вит.: *вос, вазá; стох, стыгá*. Мишневичи Шумил. Вит.: *вос, вазá; стог, стыгá*. Узречье Бешенк. Вит.: *вос, вазá; стох, стыгá*. Зайково Город. Вит.: *вос, вазá; стох, стыгá*. Быстрица Остр. Вит.: *вос, вазá; стох, стагá*. Гровжишки Ошм. Гродн.: *вос, вазá; стох, стауá*. Жили Ивьев. Гродн.: *стох, стауá, но вос, вóза*. Брусы Мяд. Минск.: *вос, вазá/вóза; стох, стагá*. Жодишки Сморг. Гродн.: *вос, вазá; стох, стагá*. Рыбчина Вил. Минск.: *вос, вазá/вóза, но стох, стóба*. Березино Докш. Вит.: *стох, стагá, но вос, вóза*. Черцы Леп. Вит.: *вос, вазá; стох, стыгá*. Палик Борис. Минск.: *вос, вазá; стох, стыгá*. Гливин Борис. Минск.: *вос³, вазá/вóза, но стох, стóга*. Машканы Сенн. Вит.: *стох, стыгá, но вос, вóза*. Антаполье Чашн. Вит.: *вос, вазá; стох, стагá*. Яново Толоч. Вит.: *вос, вазá, но стох, стóга*. Гай Кругл. Могил.: *стог, стагá, но вос, вóза*. Ухвала Крупск. Вит.:

вос, вазá; стог, стъгá. Клюковка Орш. Вит.: *воз, вызá; стог, стыгá.* Пищики Дубр. Вит.: *стог, стыгá/стóга*, но *воз, вóза*. Костенево Щуч. Гродн.: *стог, стагá/стóга*, но *воз, вóза*. Голубы Мост. Гродн.: *стог, стагá, но воз, вóза*. Старые Смильгини Ворон. Гродн.: *стох, стагá, но вос, вóзу*. Малаховцы Баран. Брест.: *вос, вазá*. Налибаки Столбц. Минск.: *стог, стагá/стóга*, но *воз, вóза*. Амговичи Слуцк. Минск.: *вос, вазá/вóза, но стог, стóга*. Маческ Берез. Минск.: *воз^f, вазá, но стох, стóга*. Бахань Славг. Могил.: *воз, вазá/вóза, стог, стагá/стóга*. Вороновка/Лужок Корм. Гом.: *воз, вызá/вóза; стог, стыгá/стóга*. Заболотье Мстисл. Могил.: *воз, вызá, но стог, стóга*. Мхиничи Красноп. Могил.: *стог, стыгá, но воз, вóза*. Баханы Хотим. Могил.: *воз, вызá/вóза*. Бостины Лунин. Брест.: *выйэз, возá, но стыег, стóга*. Копацевичи Солиг. Минск.: *вос, вазá/вóза, но стох, стóга*. Глуховичи Брагин. Гом.: *стог, стагá, но воз, вóза*.

Как видно из карты, кривичская территория показывает фактически сплошной ареал окситонезы данных слов. За пределами этой территории массивы говоров с окситонезой ед. ч. в данных существительных не обязательно имеют кривичское происхождение. Например, существительные а. п. *d*, как правило, сохраняют окситонезу в юго-восточных белорусских (и сопредельных западнобрянских великорусских) говорах, в основе которых лежал племенной диалект *радимичей* (в основном в районе гомельского Посожья). Важно, что говоры, имеющие и другие кривичские черты, обязательно сохраняют окситонезу в рефлексах существительных а. п. *d*, что говорит о наличии ее в племенном кривичском диалекте.

Для всех кривичских по происхождению акцентных систем характерна тенденция к переводу большего или меньшего числа существительных *o*- и *i*-основ с флексионным ударением в баритонированный тип. Одновременно с этим действует тенденция к формированию контрастного соотношения баритонеза в ед. ч.: окситонеза во мн. ч. (последняя тенденция характерна для всех "центральноновосточнославянских" диалектов —ср. ситуацию в белорусском и украинском литературных языках), поэтому в большинстве "кривичских" систем флексионное ударение мн. ч. не дает информации об акцентной парадигме слова.

Переходу в баритонированный тип подвергались как слова а. п. *d*, так и а. п. *b*; например, в псковских говорах представлены следующие примеры баритонезы в рефлексах слова а. п. *b*: 1. род. п. *бóбу* (ВЛ, ПОС 2.53; Кр., ПОС 2.53) — праслав. *bobъ, *bobá, ср. слвц. *bɒb*, слвн. *bɒb*, *bóba*. 2. род. п. *дóжжу* (Кр., ПОС. 2.104), дат. п. *г* *дóжжу* (Пушкин., ПОС 3.163), твор. п. *перед дóждим* (ВЛ, ПОС 3.24) — праслав. *døždъ, *døždja, ср. слвц. *dážd'*, чеш. *déšl'*, слвн. *dæž*, *dæžjá*. 3. род. п. *два кóла* (Н.-Рж., 4.160), твор. п. *кóльм* (Пск., ПОС 1.76), *с кóлам* (Стр., ПОС 1.76), *кóлам* (Дн., ПОС 4.22), *кóлам* (Аш., ПОС 5.124), *кóлом* (Гд., Ляд., Сер., Палк. — Колесов 1968, с. 57), местн. п. *на кóлу* (Печ. — Колесов 1968, с. 57) — праслав. *kolъ, *kolá, ср. слвц. *kôl*, слвн. *kôł*, *kóla*. 4. род. п. *кóня* (Сер. — Колесов 1968, с. 57) — праслав. *konjъ, *konjá, ср. чеш. *kýn*, слвц. *kôň*, слвн. *kónj*, *kónja*. 5. род. п. *кýту* (ВЛ — Колесов 1968, с. 58), местн. п. *ф кýту* (Остр., Себ. — Колесов 1968, с. 58) —

праслав. *kotъ, *kotá, ср. слвц. *kít*, слвн. *kót*, *kóta*. 6. род. п. *пóста* (Н.-Рж., ПОС 2.157) — праслав. *postъ, *postá, ср. чеш. *rýst*, слвц. *rôst*, слвн. *pôst*, *pôsta*. 7. дат. п. *на снóпу* (Печ. — Колесов 1968, с. 59) — праслав. *snorъ, *snorá, ср. слвн. *snôr*, *snópa*, с.-х. *snôp*, *snópa*. 8. дат. п. *к стóлу* (Сер. — Колесов 1968, с. 59) — праслав. *stolъ, *stolá, ср. чеш. *stûl*, слвц. *stôl*, слвн. *stôl*, *stóla*.

Такая же тенденция прослеживается и в белорусских полоцких говорах, особенно в восточных — например, в говоре д. Поташни Городоцкого р-на Витебской обл.: *haj, háju* Sm., 50 (< *gajb, *gajà, ср. чеш., слвц. *háj*, слвн. *gáj*, *gája*); *xl'ěva* Sm., 50 (< *xlěvъ, *xlěvd, ср. слвц. *chliev*, слвн. *hlév*, *hléva*); *post, pôstu* Sm., 48 (< *postb, *postâ, ср. слвц. *pôst*, чеш. *růst*, слвн. *pôst*, *pôsta*); *pot, pôdu* Sm., 50—51 (< *podb, *podâ, ср. слвн. *pôd*, *pôda*); *kl'on*, *kl'ónu* Sm., 48 (< *klenb, *klenâ, ср. слвн. *klèn*, *kléna*, с.-х. *kléñ*, *kléna*); *hr'ex, hr'éxu*, *z hr'éxъt* Sm., 49 (< *grěxъ, *grěxâ, ср. чеш. *hríč*, слвц. *hréh*, *gréha*).

Эта тенденция раньше всего, видимо, охватила своим действием существительные а. п. *d*, к чему располагала их "смешанная" акцентная кривая. Поэтому, при наличии основного ядра существительных а. п. *d*, сохранивших в большинстве "кривичских" систем окситонезу, обнаруживается большое количество слов, имеющих таковую лишь в отдельных говорах. Анализ судьбы а. п. *d* в "кривичских" великорусских и белорусских говорах сильно затруднен почти полным отсутствием акцентуированных списков существительных из отдельных говоров: фактически мы имеем лишь случайный (хотя в общем и богатый) материал из ПОС, небольшой список слов из д. Поташня, Ложани и Ворняны Витебской обл. в работе Э. Смульковой, а также большой список акцентуированных существительных из верхневолжско-кривичского говора д. Дубровки Селижаровского р-на Калининской обл. (говор этой деревни имеет, к сожалению, сильно разрушенную акцентуационную систему). Имеются также достаточно полные материалы из Заонежья (списки слов, записанные А.В. Тер-Аванесовой). Крайне мало материала по смоленскому диалекту — большинство данных, указывающих на сохранение в нем окситонированных форм а. п. *d*, находится в ПОС, в записях из Кунинского, Пореченского и Невельского р-нов. Видимо, в смоленском диалекте тенденция к переводу существительных а. п. *d* в баритонированную была наиболее сильной, сходной с верхневолжской.

"Лишние" баритонезы в кривичских говорах появлялись, возможно, также под влиянием соседних систем, в большинстве своем имеющие баритонированные (в ед. ч.) рефлексы акцентной кривой существительных а. п. *d* (словенско-новгородские, южнобелорусские, великорусские говоры к востоку от Смоленска), а также литературных языков, которые также, как правило, имеют в существительных а. п. *d* баритонированное ед. ч. Характерное колебание существительных а. п. *d* между окситонированными и баритонированными рефлексами свойственно и другим славянским ареалам (например, украинскому галицкому, акцентуация которого изучена не в пример лучше "кривичской").

Важной особенностью некоторых "кривичских" систем является сохранение непосредственных рефлексов "смешанной" акцентной

кривой в существительных а. п. *d* со старой и новой (полногласной) двуслоговостью корня. В средне- и южнопсковских, полоцких и заонежских говорах сохраняется парадигма, непосредственно отражающая праславянское состояние: псков. и полоцк. *мόлотъ: молотá*, псков. *бóровъ: боровá*, полоцк. *пóлазъ: палазá*, заонеж. *бéрегъ: берегá*, *вéресъ: ве-ресý*, *стóрожъ: сторожá* (см. материал ниже). В севернопсковском (реже в среднепсковском и южнопсковском) эти слова часто имеют выравненное ударение с окситонезой в им.-вин. пад. ед. ч., полностью уподобившись словам а.п. *b* (*норóстъ, терéмъ, волóсъ, вечóръ, верéдъ, ве-рéсъ, ворóтъ*), причем в дальнейшем эта система получает тенденцию к унификации ударения на втором слоге (типа *вечóръ: ве-чóра*); наиболее полно эта тенденция осуществилась в родственных сев.-псковским говорах севера Новгородской обл. и южного Обонежья. В говорах, сохраняющих "смешанную" акцентную кривую, тенденция действует в сторону унификации ударения на первом слоге, благодаря чему возникает инновационная колонная баритонеза этих слов с начальным ударением (*мόлотъ: молота* и т.п.).

Существительные а. п. *d* с корнями вида *T^b/_gRT* имеют в псковских говорах конечное ударение в им.-вин. п. ед. ч. при "втором полно-гласии" (*верéхъ, горóбъ, серéпъ* и т.д.).

Ниже приводится материал, взятый из 1-го тома Акцентологического словаря славянских языков (АССЯ, см.). Из "кривичских" форм приводятся только окситонированные (см. выше о причинах появления нерегулярных баритонированных форм в рефлексах а. п. *b* и *d*). Не даются не релевантные для различия а. п. *c* и *d* украинские галицкие полногласные формы. Так же не приводятся окситонированные членные формы западноболгарских и болгарских литературных долгосложных существительных а. п. *d* и параллельные к окситонированным баритонированные падежные формы северночакавских говоров Истрии и Суска (см. Булатова—Дыбо—Николаев, 1988, с. 50—51).

1. **bérgъ, bergá*: псков. твор. п. *бирягóм* (Осовик Нев., ПОС 1.173 — ср. *на...бéреу* Мисники Нев., ПОС 2.221), *берягóм* (Фетинино Н.-Сок., ПОС 1.173 — ср. *бéрек* Козлово Н.-Сок., ПОС 1.173); заонеж. *на берéгъ* (Челмухи Медвежьегорск. КАССР, СРГК); сев.-зап. *берóкъ* (С-З. 1); заонеж. *Бережъ*. *бéр'егъ*, род. п. *бáлдъ бéр'егъ* (< **эдъ бéр'егъ* в результате "ляпанья", см. Тер-Аванесова 1989); олон. *с берегá* (Колосов 1877); ср. еще к *берéгъ* Аввакум 235. Ср. сев.-чак. Истрия *brég, brégà, loc. ag. brégè* (Nem., 372, 374); русск. литер. *бéрегъ, бéрега*, мн. (старое дв.) *берегóй* (отражает окситонированное *bergá — в а. п. *с было бы *bérge*); сев.-чак. Сусак. *bríkъ, loc. sg. na bríyi* (HNG); зап.-болг. Лом. *брекъ, брéга* (СБНУ 38.32—33), Дмит. чл. ф. *брéгътъ/брéгътъ* (ТБД 12.51) — при слвн. *brég, bréga*; чеш. *břehъ*; слвц. *brehъ*; белор. литер. *бéрагъ, бéрага*; укр. литер. *бéргъ, бéрга*; с.-х. *брéгъ, брéга*.

2. **bókъ, boká*: псков. *пад бакóм* (Беж., Пушк., ПОС 2.80), *пъд бакóм* (Локн., ПОС 2.80), *в бакé* (Сер., ПОС 2.80); белор. полоцк. Ворняны *бокъ (окситонированная а. п. — см. Sm., табл. 12); заонеж. Селецк. род. п. *бокá*, творит. п. *бъкóмъ*, Фоймогуба *бокóмъ*. Ср. сев.-чак. Сусак *b'ökъ, bökä* (HNG, 106); ю.-вост. белор. Залесье *bokъ, baká/bóku, pad bakóm/pad bókam*; укр. гал. Бринь *b'ikъ, loc. sg. и boc'í*, Коб. *bikъ, ў boc'í*, Тур. *b'ikъ*,

и boc'í, Неб. *b'ikъ, ў boc'í*; также укр. подольск. Риж. *bikъ, boká, bokóvı*; русск. литер. *бокъ, бóка*, мн. (старое дв.) *бокá*; рефлекс окситонезы в слвн. *bókъ, bóka* — при слвц., чеш. *bokъ*; ю.-чак. БХВ *bókъ, bóka*; с.-х. *bókъ, bóka*; укр. литер. *bikъ, бóку*; белор. литер. *бокъ, бóка*; укр. подольск. Бан. *bikъ, bóki*, Днестр. *b'ikъ, bóki*.

3. **bórvъ, borvá*: псков. *ад баравá* (Федорково Оп., ПОС 4.108), род. п. *баравá* (Оп., ПОС 6.42), *баравá* (Остр., ПОС 6.49), дат. п. *бóравú* (Пушкин., ПОС 5.134), *баравú* (Пуст., ПОС 6.152), ср. *бóръф* (Макушино Оп., ПОС 6.152), *бóраф* (Пуст. Лосно, ПОС 3.153), *бóръф* (Остр., ПОС 5.178) — при ю.-чак. БХВ *bróvъ, bróva*; слвц., чеш. *bravъ*; слвн. *brávъ*; с.-х. *brávъ, bráva*.

4. **brússъ, brusá*: белор. полоцк. Ворняны *брусь (окситонированная а. п., Sm., табл. 9); зап.-русск. Дубр. *brusъ, brusá*; заонеж. Кузар., Космоз., Волкос. род. п. *брусь*, В. Нива, Якорляд. *брусь*. Ср. сев.-чак. Сусак *brússъ, brússá* (HNG, 106), а также слвц. *brússъ*; болг. литер. *брусь*, *брúсътъ*; зап.-болг. Г. Поле *брусь*, *брúсо* (СМБД 10.47), Боб. *брусь*, *брúсо* (СБНУ 42.19), Лом *брусь*, *брúса* (СБНУ 38.32); галицк. укр. во всех говорах имеет баритонированную а. п. ед. ч. — при чеш. *brusъ*; слвн. *brússъ*; с.-х. *брúсъ*, *брúса*; белор. литер. *брусь*, *брúса*; укр. литер. *брусь*, *брúса*; укр. подольск. Бан., Днестр. *brusъ, brúsa*.

5. **céръ, cérá* (при учете псковского архаизма **kéръ, kéra*): псков. род. п. *кяnpá* (Порх., ПОС 143); зап.-русск. Дубр. *c'erъ, c'erótъ*. Ср. сев.-чак. Истрия *cérъ*, пом. пл. *cérí* (Nem., 372, 374); ю.-вост. белор. Залесье *серъ, сарá/céra*; русск. литер. *цепъ, цепá/цéна*, мн. *цепи*; болг. литер. *цепъ, цéпътъ*; зап.-болг. Разл. *цапъ, цáно* (СБНУ 48.539) — при ю.-чак. БХВ *cípъ, círa*; слвн. *cérъ*; слвц., чеш. *серъ*; с.-х. *цéпъ, цéна*; укр. литер. *ципъ, цíна*; белор. литер. *ципъ, цéпъ*; укр. подольск. Риж., Днестр. *cípъ, círa*. Укр. галицкие говоры всегда имеют в этой основе баритонированную а. п. ед. ч.

6. **čásъ, časá*: псков. *часá в два* (Оп., ПОС 1.56), *два часá* (Н.-Рж., ПОС 1.64), *три часá* (Стр., ПОС 5.159), *часá два* (Дн., ПОС 5.167), *два часá* (Пуст., ПОС 5.174), *два часá* (Остр., ПОС 6.66), *24 часá* (Пл., ПОС 6.71); заонеж. Якорляд. *двá часá*. Ср. укр. гал. Яр *časъ, časú/čásu*, Бринь *č'esъ/časъ, č'esú*, Крылос *časъ, časú*, Коб. *č'esъ, č'esú*, Ясень *č'esъ, č'esú*, Неб. *č'esъ, česú*, *č'esomъ*, Пер. *časъ, časú*, Новос. *časъ, časú/čásu*, Тис. род. п. *č'esú*, ШЛ *časъ, časú*, Сем. *č'esъ, česú/č'ésu*, ТП *časъ, časú*, Чап. *č'osъ, čysú*, Гд. *č'esъ, čysú*, Заг. *č'asъ, č'asú*, Клим. *č'asъ, č'asú*, Брод *časъ, časú*, Миж. *č'osъ, č'asú*, Тур. *č'osъ, č'asú*, Худл. *časъ, časú*; русск. литер. *часъ, чáса* (нумер. *часá*), мн. *часы* — при укр. литер. *часъ, чáсу*; белор. литер. *часъ, чáсу*; чаш., слвц. *časъ*; укр. подольск. Риж., Днестр. *časъ, časú*, Бан. **časъ, časú* (при "галицком" варианте *č'isú, č'esomъ*).

Видимо, в праславянском существовал вариант а. п. *a *čášъ, *čása*: слвн. *čásъ, čásá*; с.-х. (с вторичной окситонезой) *čáscъ, čáca*.

7. **čónъ, čóná*: псков. *ис челнá* (Печ., ПОС 6.100), *на цолné* (Сер., ПОС 4.175). Ср. укр. гал. Ясень *čovénъ, na čovn'i'*, Бринь, Крылос *čovénъ, čovná*, Косм., Новос., Пер., Яр., ШЛ, Неб. *čovénъ, čowná*, Тис. *čovénъ, čowná*, Сем. *čovánъ, čowná*, ТП *čovénъ, čowná*, Гдеш. *čuwénъ, čuwná*, Клим., Худл., Брод *čovénъ, čowná*, укр. подольск. Днестр. *čovénъ, čovená*; русск. литер. *чёлнъ, челнá*, мн. *челны*; болг. литер. *члунъ, члунътъ* — при

слвц. *čln*; чеш. *člun*; слвн. *čōtn*; укр. литер. чóвен, чóвна човнá; белор. литер. чóвен, чóвна; с.-х. чўн, чўна.

8. *gōrdъ, *gordā: сев.-новг. в горóде ‘в городе’ (Вахрушево Тихвинск., СРГК); неясно, какая из форм, приводимых В.В. Колесовым, восходит к данной праславянской основе: *гарót* (Оп., Себ.), *горóду* (Вл., Оп.), *на гарóде* (Гд., Оп.), *за горóдом* (Пуст.) (Колесов 1968, с. 63: ‘в значении ‘город’ и ‘огород’’). Ср. сев.-чак. Истрия *grád*, *grádā*, loc. sg. *grádē* (Nem., 372, 374), Сусак *yrát*, *yrádā* (HHG, 106); зап.-болг. Малеш. *град*, *грáдо*/*градó* (МДА) — при слвц., чеш. *hrad*; слвн. *grád*, *gráda*; с.-х. *grád*, *gráda*; белор. литер. *górad*, *góraða*; укр. литер. *górod*, *góroda*; ю.-чак. БХВ *grôd*, *grôda*.

9. *gôrbъ, *gôrbá: псков. твор. п. *гарбóм* (Локн., ПОС 6.167), им. п. *гроп* (*гороб, С.-З. 18), *горóп* (С.-З. 92, 95); заонеж. Кузар. *горбóм*, Космоз. род. п. *гарбá*, Селецк. з *гарбóм*, Фоймогуба з *гарбóм*, Кузар., Выроз., В. Нива *гарбóм*, з *гарбóм* зап.-русск. Дубр. *garpr*, *garbótm*. Ср. ю.-вост. белор. Залесье *yorb*, *yarbá*, z *yarbótm*; русск. литер. *горб*, *горбá*, мн. *горбы*; укр. гал. Косм., Коб., Тис., Пер. *yorb*, *yorbá*, Новос., Яр. *yorb*, *yorbá*/*yörba*, Сем., Клим. *yopr*, *yorbá*, *pid yorbótm*, Тур. *yorb*, *yorbá* ‘горб’ (но *yorb*, *yörba* ‘холм’) (в Худл., Миж., Брод, Заг., Гдеш., Чап., ТП, ШЛ, Ясень, Бринь, Крылос, Неб. баритонеза в ед. ч.); укр. подольск. Днестр., Бан., Риж. *yorb*, *yorbá*. Окситонеза также в литературных укр. и белор. языках (см. с. 202—203): укр. *горб*, *горбá*; белор. *горб*, *горбá* — при слвц. *hrb*; слвн. *gřb*; с.-х. диал. *grb*, *grbá*.

10. *kruđbъ, *kruđgá (возможна параллельная *и*-основа: *kruđgbъ, *kruđgū, **kruđgovi?*): псков. с *кругá* (Печ., Колесов 1968, с. 61); зап.-русск. Дубр. *kruk*, *krugá*; белор. полоцк. Пот. *kruх*, *kruhá* (Sm., 49), Ворняны *круг (окситонированная а. п. — Sm., табл. 9); заонеж. Космоз. ис *кругá*, Селецк. род. п. *кругá*, Фоймогуба *кругá/krúga*, В. Нива ис *кругá*, Якорлянд. бес *кругá*; Ср. укр. гал. Пер. *kruj*, *krujá*, Яр., Новос. *kruj*, *krujá/krujá*, Сем. *kruх*, *krujá/krúya(-i)*, Гдеш., ТП *kruх*, *krujá*, Заг., Клим. *krúх*, loc. sg. *na krúz'í* (при gen. sg. *krúya*) (но баритонеза ед. ч. в Худл., Брод, Тур., Миж., Чап., ШЛ, Коб., Ясень, Крыл., Неб. Бринь, Косм., Тис); укр. подольск. Днестр. *kruh*, *krujá/krúya*, Риж. *kruj*, *krujá*; русск. литер. *круг*, *krúga*, мн. *кругы*; ю.-вост. белор. Залесье *kruj*, *krujá/krúya*; зап.-болг. Лом *кърк*, *кърга* (СБНУ 38.32), Г. Дж. *крак*, *krágo* (ИССФ 1.186), Кюст. *крак*, *krágo* (ТБД 1.65), Г. Поле *крак*, *krágo* (СМБД 10.47), Боб. *крак*, *krágo* (СБНУ 42.23) — при слвц., чеш. *kruh*; слвн. *krôg*; с.-х. *krúg*, *krúga*; ю.-чак. БХВ *krûg*; укр. литер. *круг*, *krúg*; белор. литер. *круг*, *krúga*.

11. *kvetъ, *kvetá: псков. род. п. *цвятý* (Пуст., ПОС 1.89), *окала цвятá* (Остр., Колесов 1968, с. 59), дат. п. *цвятý* (Ляд., Колесов 1968, с. 59), *к цвету* (С.-З. 115); белор. полоцк. Пот. *c'v'et*, *c'v'itá*, *k c'v'atú* (Sm., 48); зап.-русск. Дубр. *c'v'et*, *c'v'ätá*; заонеж. Космоз. *кв'ятá/цв'етá*, *кв'етóм*. Ср. укр. гал. Бринь *cv'it*, *cv'iti/сv'ití*, Яр. *cvit*, *cvitá/cvítá*, ШЛ *cv'it*, *cv'itá*, Гдеш. *ćw'it*, *ćw'itá*, Худл. *cv'it*, *cv'itü* (при баритонезе форм ед. ч. в Косм., Крылос, Тур., Коб., Ясень, Неб., Пер., Тис., Новосел., Сем., ТП, Заг., Брод); русск. литер. *цвет*, *цвёта/цвёту*, мн. *цветы* — при слвц. *kvet*; чеш. *květ*; слвн. *cvět*, *cvěta/cvětů*; укр. литер. *cvit*, *cvítu*; белор. литер. *цвет*, *цвёту*; с.-х. *цвёт*, *цвёта*; ю.-чак. Хвар *cvíť*, *cvíta*; укр. подольск. Днестр. *c'v'it*, *c'v'iti*, Риж. *cv'it*, *cv'iti*. 208

12. *kŷjbъ, *kujá: псков. род. п. *кию* (Колесов 1968, с. 61); белор. полоцк. Пот. *k'ij*, *k'ijá* (Sm., 48—49), Ворняны *кий (окситонированная а. п. — Sm., табл. 9). Ср. укр. гал. Чап. *kj̊j*, *kj̊já* (при баритонезе ед. ч. в Гдеш., Миж.); русск. литер. *кий*, *кýя/кýя*, мн. *кий* — при слвц., чеш. *kuj*; слвн. *kj̊j*; укр. литер. *кий*, *кýя*; белор. литер. *kij*, *kj̊já*; укр. подольск. Риж. *kuj*, *kj̊já*.

13. *lîstъ, *listu, *listoví: белор. полоцк. Пот. *лист (окситонированная а. п. — Sm., табл. 10), Ворняны *лист (окситонированная а. п. — Sm., ibid.); заонеж. род. п. *листá* (Тихвин Бор Межвежьегорск. КАССР, СРГК); зап.-русск. Дубр. *lîst*, *listá*. заонеж. Кузар. под *l'istom*, б'ез *l'istom*, В. Нива под *l'istom*, Выроз. под *l'istom*, Волкос. *l'istom*, Фоймогуба под *l'istom*, Космоз. род. п. *l'istá*, твор. п. *l'istom*, Селецк. род. п. *l'istá*, Якорлянд. род. п. *l'istý*. Ср. сев.-чак. Сусак *lîst*, *listá* (HHG, 106); укр. гал. Сем. род. п. *ləstá* (но *pid l'ostom*), Яр., Клим. *list*, *listá*, Тур. *ləst*, *l'ostu/l'ostá* (?) (но баритонеза ед. ч. в Бринь, Крылос, Коб., Ясень, Неб., Пер., ШЛ, Новос., Тис., ТП, Чап., Гдеш., Заг., Брод); укр. подольск. Бан., Риж. *ləst*, *l'ostá*; русск. литер. *лист*, *листá*, мн. *листы*; болг. литер. *лист*, *lýstъm/lýstъmt*; зап.-болг. Малеш. *лис*, *lýsto* (МДА), Г. Дж. *лис*, *lýsto* (ИССФ 1.186), Кюст. *лис*, *lýsto* (ТБД 1.65), Г. Поле *лис*, *lýsto* (СМБД 10.47), Боб. *лис*, *lýsto* (СБНУ 42.20), Лом *лис*, *lýsta* (СБНУ 38.33), Добр. *лис*, *lýsto* (БД 2.48), Рад. *лис*, *lýsta* (БД 9.274) — при ю.-чак. БХВ *lîst*, *listá*; слвц., чеш. *list*; слвн. *lîst*, *lista/listu*; укр. литер. *лист*, *lýstу* (/ *листá*); белор. литер. *lîst*, *lýstу* (/ *листá*); с.-х. *lîst*, *lýstá*.

14. *môltъ, *molitá: белор. полоцк. *мόлот*, *-тóм* (Мат. Б. 11 Новоалекс., 23 Минск.), *мólат, *malatóм, *malatú*, *malataçé* (Мат. Б. 31 Вилейск. — приводятся по Карский 1.428); псков. твор. п. *мълатом* (Сл., ПОС 2.15 — ср. *мόльт* Гд., ПОС 2.23), им. п. *malót* (С.-З. 4). Ср. в.-луж. стар. *môlt*, *môlota* (Дыбо Луж., с. 78); также посавск. *mlát*, *mlátom* (Brlić 327, 312 — приводится по Ivšić, с. 98); болг. литер. *млат*, *mlátъm* — при чеш., слвц. *mlat*; ю.-чак. БХВ *mlôt*, *mlôta; слвн. *mlat*; укр. литер. *мόлот*, *мóлата*; белор. литер. *мólат*, *мólата*; с.-х. *mlât*, *mlâta*.

15. *mrókъ, *mróka: псков. *морóк* ‘несерьезный, легкомысленный человек’ (Пск., Осташк., Твер. — СРНГ 18.273), заонеж. *мороком* *пройде... туча* (Заон. Олон. — СРНГ 18.273). Ср. в.-луж. стар. *mrók*, *mróka (Дыбо Луж., с. 78); болг. литер. *мрак*, *mrákъm* — при ю.-чак. БХВ *mrôk*, *mrôka; слвц., чеш. *mrak*; слвн. *mrâk*, *mrâka/mrakû*; с.-х. *mrák*, *mrâka*; укр. литер. *мóрок*, *мбрóку*; белор. литер. *мóрак*, *мóраку*.

16. *nîzъ, *nizú, *nizòvi: псков. с *низá* (Сер., Остр., Оп., Порх. — Колесов 1968, с. 61), *пад низóм* (Пуст., ПОС 2.42; ВЛ, ПОС 2.115; Нев., Колесов 1968, с. 61); заонеж. Волкос. *пад н'изóм*, Космоз. *пъд н'изóм*, Кузар., Выроз., Якорлянд. *пъд н'изóм*. Ср. ю.-вост. белор. Залесье *n'iz*, *z n'ízu*, *pad n'izóm/pad n'izam*; укр. гал. Яр. *niz*, *z nizá/z nízu*, Новос. *niz*, *nízu*, *p'id nizóm*; Чап. *nys*, *z nyzú*; Брод *niz*, *z nizá*; Худл. *niz*, *z nizí* (но баритонеза ед. ч. в Миж., ТП, Сем., Ясень); русск. литер. *niz*, *níza*, мн. *nizy* — при с.-х. *nîz*, *nîza*; укр. литер. *niz*, *nízv*; белор. литер. *nîz*, *nîzv*, *nízam*.

17. *nôrstъ, *norstâ/*nêrstъ, *nerstâ: псков. нарóst (Печ., ПОС 4.71), род. п. нарóstу (Сер., ПОС 1.97); с вторичной оттяжкой ударения náрастा (Себ., ПОС 2.98), с náръста (Кр., ПОС 6.47) [ср. псков. xvárast<*xvaróst (Пушкин, ПОС 3.8; Н.-Рж. 3.110; Дед., 4.28; Остр., 6.86)<*xvorstъ, *xvorstâ, а. п. b: чеш. chrást, слвн. hrást, hrásta, укр. литер. хворóst, хворостý, с.-х. хрâст, хрáста]; на нарóst (С.-З. 81); заонеж. род. п. нерéста (Вел. Шуба Медвежьегорск. КАССР, СРГК). Ср. в.-луж. стар. drést, drësta; dróst, drósta (Дыбо Луж., с. 79) — при укр. литер. нéрест, нéресту; белор. литер. нéраст, нéрасту; слвн. brëst/drëst/mrëst; с.-х. mrëst, mrësta.

18. *râzъ, *parázъ: псков. род. п. назá (Колесов 1968, с. 58), ср. еще сев.-вост. русск. Шевел. ras, paráz. Ср. (?) сев.-чак. Истрия ráz, râzà (Нем., 373, 376 — топоним); русск. литер. наз, náza, мн. назы — при укр. литер. наз, náza; белор. литер. наз, náza; слвн. râz.

19. *pôlzъ, *polzâ: белор. полоцк. Пот. rótъs, rôlazá (Sm., 51). Ср. коми L., Ок. полоз (заимствовано из русск. диал. *полóз, см. Лыткин 1949, с. 191); болг. литер. плаz, плáзът — при чеш., слвц. plaz; слвн. plâz; укр. литер. пóлоз, пóлоза; белор. литер. пóлаз, пóлаза.

20. *plátъ, *platâ: псков. род. п. платá (Пуст. — Колесов 1968, с. 58), два платá (Беж. — Колесов 1968, с. 58), в платé (Колесов 1968, с. 58). Ср. укр. гал. Тур. plat, platâ (баритонеза ед. ч. в Косм., Ясень, Тис., ШЛ, Новос., Заг., Брод) — при слвн. plât, plâta/platû; укр. литер. плата, платá.

21. *prótъ, *próta: псков. три прутá (Гд., ПОС 4.58), род. п. прутá (Гд., ПОС 4.75); белор. полоцк. Пот. prut, prutá (Sm., 49), Ворняны *прут (окситонированная а. п. — Sm., табл. 10); возможно, "кривичская" акцентуация в белор. литер. прут, прутá (наряду с прут, прýта); зап.-русск. Дубр. prut, prutóm; заонеж. Фоймогуба бес прутá, Селецк. прутóм, В. Нива род. п. прутá, прутóм. Ср. ю.-вост. белор. Залесье prut, prutá; болг. литер. прът, прътът; зап.-болг. Малеш. прат, práto (МДА); Г. Дж. прат, práto (ИССФ 1.186), Г. Поле прат, práto (СМБД 10.47), Боб. прат, práto (СбНУ 42.20), Лом пърт, пърта (СбНУ 38.33); также слвц. prút; русск. литер. прут, прутá, мн. пруты (укр. гал. говоры показывают только баритонезу ед. ч.) — при чеш. prut; слвн. prýt; с.-х. прýт, прýта; укр. литер. прут, прýта; укр. подольск. Бан. prut, prút, Днестр., Риж. prut, prútá.

22. *rêdъ, *rêdu, *rêdoví: псков. три рядá (Пуст., ПОС 2.209), нареч. рядóм (Кач., ПОС 2.32); белор. полоцк. Пот., Ворняны *рад (окситонированная а. п. — Sm., табл. 10); заонеж. Выroz. r'adóm, Космоз. r'adóm. Ср. укр. гал. Косм. r'ed, r'idá, Сем. r'et, r'édú/r'edá, Пер. r'ad, r'adú, Неб. r'ed, r'edá, Бринь r'et, r'idá/r'idú, Коб. r'ed, r'edá, Ясень r'ed, r'edú, Тис. r'ed, r'edú, ШЛ r'ad, r'adú, Яр. r'ad, r'adá/r'áda, Новос. r'ad, r'adú, ТП r'at, r'adú, Чап. r'et, rydú/rydá, Гдеш. r'ed, r'edá, Тур. r'ad, r'adá, Брод r'ad, r'adá/r'adú, Миж. r'et, rydá (баритонеза в Худл. нареч. r'iadom 'около'); укр. подольск. Днестр. r'ad, r'adú/r'adú, Бан. r'ed, r'édú/r'edá, Риж. rad, radóm, loc. sg. na radí (но род. п. rádu); зап.-болг. Малеш. red, rédo (МДА), Разл. чл. ф. rédo (СбНУ 48.363); русск. литер. ряд, рáда, мн. ряды; рефлекс окситонезы также в слвц. riad 'посуда' (при rad 'ряд'); чеш. rád 'правило, распорядок, разряд'

(наряду с rad 'ряд'); польск. rzqd, rzqdu (наряду с rzedu) — при ю.-чак. БХВ r d, r da; слвн. r d, r da/red ; с.-х. r d, r da; укр. литер. ряд, r d; белор. литер. rad, r da.

23. *r gъ, *rog : белор. полоцк. Пот. rox, r h  (Sm., 52); онеж. твор. п. рогóм (Тумады Подпорож., СРГК); зап.-русск. Дубр. r k, rag ; заонеж. Волкос. r g , Фоймогуба r g , В. Нива без r g , Выroz. r g , Космоз. r g . Ср. укр. гал. Бринь r'iy, roy , Крылос r'iH, roh , Яр. r y, roy /r y , Новос. r y, roy /r y , ШЛ r y, roy , ТП r x, roy , Гдеш. r x, r y  (но баритонеза ед. ч. в Худл., Чап., Сем., Тис., Пер., Неб., Ясень, Коб., Косм.); сев.-чак. Сусак r ch, roy  (ННГ, 106), Истрия r g, твор. мн. rogi (Нем., 371); ю.-вост. белор. Залесье roy, ray /r y ; русск. литер. рог, р га, мн. (старое дв.) r g ; болг. литер. рог, r g /r g ; зап.-болг. Малеш. рог, r go (МДА). Г. Дж. рок, r go (ИССФ 1.186), Кюст. рок, r go (ТБД 1.65), Боб. рок, r go (СбНУ 42.20), Добр. рок, r go (БД 2.48) — при ю.-чак. БХВ r g, r g ; слвн. r g, r g /rog ; слвц., чеш. roh; укр. литер. r g, r g /r g ; белор. литер. рог, r g  'рог' (при рог, r g  'угол' с "кривичской" (?) акцентовкой); с.-х. r g, r g ; укр. подольск. Днестр. r'iH, roy , Бан. r x, r y , Риж. r y, roy .

24. *r j , *roj : белор. полоцк. Пот. roj, r j  (Sm., 49). Ср. укр. гал. Бринь r'ij, r ju/roj , Тур. r'ij, roj /r ju, Ясень r'ij, roj , Пер. r'ij, roj , Новос. r j, roj /r ju, Сем. r j, твор. п. roj m (но род. п. r ju), ТП r j, твор. п. roj m (но род. п. r ju), Клим. r j, roj , Брод r j, твор. п. roj m (но род. п. r ju) (при баритонезе ед. ч. в Миж., Гдеш., Чап., Косм., Неб., Тис., ШЛ); русск. литер. рой, r я, мн. roj ; болг. литер. рой, r я; зап.-болг. Боб. рой, r yo (СбНУ 42.20); рефлекс окситонезы также в слвн. r j, r j  — при чеш., слвц. roj ; ю.-чак. БХВ r j, r j ; укр. литер. r j , r j  (вариантом r j ); белор. литер. рой, r ю; с.-х. r j, r j . Возможно, существительное имело в праславянском и-основу, ср. окситонезу в укр. подольск. Бан. r j, r ju/roj , Днестр. r'ij, roj , Риж. r j, roj .

25. *sl dъ, *sl d , *sl d v : псков. ат следá (Оп., ПОС 3.45), бес слядá (Ляд., Остр., Беж. — Колесов 1968, с. 59), пад сляд м (Остр., ПОС 2.35); заонеж. Космоз. сл d m, Выroz. сл d m, Волкос., Фоймогуба род. п. сл d á, Селецк. б ес сл d á, Береж. сл d  (*<**след  в результате "ляпанья"); белор. полоцк. Пот. s'l et, s'l id  (Sm., 49), Ворняны *след (окситонированная а. п. — Sm., табл. 11). Ср. укр. гал. Неб, Крылос, Ясень, Яр., ШЛ, Пер. sl'id, sl'id , Бринь, Гдеш. sl'it, sl'id , Коб. sl'id, sl'id m (но род. п. sl'ida), Тис., Новос. sl'id, sl'id , Сем. sl'it, sl'id m/sl'id m, местн. п. po sl'id  (но род. п. sl'ida), Чап. sl'it, sl'id /- , Заг., Брод sl'it, sl'id , Миж. sl'it, sl'id , Тур. sl'id, sl'id /-  (но баритонеза ед. ч. в Косм.); укр. подольск. Бан., Днестр. sl'id, sl'id /- , Риж. sl'id, sl'id ; русск. литер. след, сл д /след , мн. следы; сев.-чак. Истрия sl d, местн. п. sl d  (Нем., 370, 374) — при слвц., чеш. sled; слвн. sl d, sl d /sle d ; с.-х. сл d, сл d ; укр. литер. сл d, сл d ; белор. литер. след, сл d .

26. *s kъ, *s k , *s k v : псков. два сук  (Беж., ПОС 4.16), чатыри сук  (Н.-Рж., ПОС 5.103), два сук  (Н.-Рж., Колесов 1968, с. 59); белор. полоцк. Пот. suk, su k  (Sm., 49), Ворняны *сук (окситонированная а. п. — Ам., табл. 2); заонеж. Волкос. род. п. su k , В. Нива д  сук .

Ср. укр. гал. Чап. *suk*, *suká/súka*, Гдеш. *suk*, *suká*, Миж. *suk*, *suká*, (но баритонеза ед. ч. в Брод, Тур., Заг., Косм., Тис., Яр., Новос., Сем., Ясень, Бринь, Неб., ШЛ, Коб.); укр. подольск. Риж. *suk*, *suká*; болг. литер. *сък*, *съкът*; зап.-болг. Г. Дж. *сак*, *сáко* (ИССФ 1.186), Боб. *сак*, *сáко* (СБНУ 42.20), Лом *сак*, *сáка* (СБНУ 38.33); ю.-вост. белор. Залесье *suk*, *suká*; окситонеза также в белор. литер. *сук*, *сукá* (ср. ю.-белор. Оздамичи Стол. Брест. *suk*, *súka*, Sm., 87—88); русск. литер. *сук*, *сукá*, мн. *сукí* — при чеш.; слвц. *suk*; слвн. *sök*; с.-х. *сýк*, *сýка*; укр. литер. *сук*, *сýка* (при варианте *сукá*).

27. *slōjь, *slōjá: зап.-русск. Дубр. *slōj*, *zъ slajót*; заонеж. Выroz. *слойбом*. Ср. укр. гал. Бринь *sl'ij*, *slójá*, Клим. *slüj*, *slójá*, станисл. *slōj*, *слójá (Hanusz, 332) (но баритонированная а. п. ед. ч. в Брод, Миж., Гдеш., Чап., ТП, ШЛ, Тис.); ю.-вост. белор. Залесье *slōj*, *slójem/slojót* (но род. п. *slój-a/-i*); русск. литер. *слой*, *слóя*, мн. *слóй*; болг. литер. *слой*, *слóят*; окситонеза отражена также в слвн. *slōj*, *slójá* — при чеш., слвц. *slōj*; с.-х. *слđj*, *слđja*; белор. литер. *слой*, *слóя*; укр. литер. *слíj*, *слóю*.

28. *stávъ, *stavá: псков. к *ставу* (ВЛ — Колесов 1968, с. 59); заонеж. Космоз. дат. п. *ставу*, творит. п. *ставом*, Кузар. к *ставу*. Ср. укр. гал. Яр., Неб., Крылос, Коб., ШЛ, Косм., Тур., Брод *staw*, *stavá*, Бринь, Пер., Миж., Тис., Ясень, Чап. *staw*, *stawú*, Новос. *staw*, *stawú/stáwu*, Гдеш. *staw*, *stawá* (но баритонеза ед. ч. в Сем.); болг. литер. *став*, *стáвът* — при с.-х. *стáv*, *стáva* ‘слой, пласт снопов’; чеш., слвц. *stav*; вост.-болг. Банат *стаф*, *ставъ* (ТБД 3.183, 4.223); укр. литер. *став*, *стáву*; белор. литер. *стаў*, *стáва*; укр. подольск. Днестр. *staw*, *stáva/stávu*, Бан. *staw*, *stávu*, Риж. *staw*, *stávu*. В праславянском существовал также вариант а. п. а: слвн. *stáv*, *stáva*; с.-х. *стáv*, *стáva* ‘положение, позиция’.

29. *stódgъ, *stogá: белор. полоцк. Пот. *stox*, *stóhá* (Sm., 49), Ворняны *стог (окситонированная а. п. — Sm., табл. 1); см. также материал ЛАБМ выше, с. 203—204; заонеж. Выroz. род. п. *стогá*, Космоз. к *стогу*, *стóгом*. Ср. укр. гал. Коб. *stiy*, *stoyá*, Тис. *st'iy*, *stoyú*, Яр. *stüy*, *stoyá*, ШЛ *stöy*, *stoyá*, Новос. *stiy*, *stoyá*, Брод. *stüy*, *stoyá*, Худл. *stuy*, *stoyú* (но баритонеза ед. ч. в Чап., Сем.); ю.-вост. белор. Залесье *stoy*, *stayá*; рефлекс окситонезы также в слвн. *stög*, *stoga*; в с.-х. *стðg*, *стðga* редчайшее непосредственное отражение ‘смешанной’ а. п. (видимо, акцентный диалектизм); сев.-чак. Истрия *stòg*, местн. п. мн. *stogéh/stogéh* (Nem., 370, 371) — при чеш., слвц. *stoh*; ю.-чак. Брач *stòg*, *stòga*; укр. литер. *stig*, *стóгу*; белор. литер. *стог*, *стóга*; укр. подольск. Бан. *stiy*, *stógy*, Днестр. *st'iH*, *stóya*, Риж. *stiy*, *stóyom*.

30. *stýdъ, *styda: псков. *стыда* (Н.-Рж., ПОС 1.194, Оп., 6.10); зап.-русск. Дубр. *styti*, *styda*. Ср. укр. гал. Новос. *stýd*, *stýda/stýdú*, Брод. *stýd*, *stýda*, станисл. *стид*, *стидá (Hanusz, 331) (но баритонированная а. п. ед. ч. в ШЛ, Миж.); ю.-вост. белор. Залесье *stydi*, *styda*; русск. литер. *стыд*, *стыда* — при слвц., чеш. диал. *stydi*; слвн. *stýd*; ю.-чак. БХВ *stýd*; укр. литер. *стид*, *стýду* (с вариантом *стидá*); с.-х. *стýд*, *стýда*; укр. подольск. Днестр. *städ*, *stëdu*.

31. *sþrpъ, *sþgra: псков. *срpнá* (Гд., ПОС 2.153), *am* *срpнá* (Оп., ПОС 3.144), *срpнá* (ВЛ, ПОС 5.73), *срpнóм* (Порх., ПОС 3.39; Дн., 5.92; Н.-Рж., 6.160), *срpнóм* (Тор., ПОС 4.126; Пуст., 5.43); зап.-русск.

Дубр. *s'þr'p*, *s'þr'póm*; заонеж. Выroz. род. п. *с'ер'нá*, Волкос. род. п. *с'ер'нá*, творит. п. *с'ер'нóм*, В. Нива род. п. *с'ернá*. Ср. укр. гал. ШЛ *serp*, *serpóm*, Косм. *serp*, *serpá*, Новос. *serp*, *sérpa*, *serpóm/sérpom*, Сем. *särp*, *särpá/sárpa*, Миж. *serp*, *syrpóm*, Тур. *serp*, *serpá/sérpa* (но баритонеза ед. ч. в Худл., Брод, Заг., Гдеш., Чап., ТП, Пер., Неб., Коб., Бринь, Крылос, Ясень, Яр., Тис.); укр. подольск. Днестр. *ser'p*, *ser'pá*, Бан. *särp*, *särpá*, Риж. *serp*, *serpá*; русск. литер. *серп*, *сернá*, мн. *серпы*; болг. литер. *сърп*, *сърпът*; зап.-болг. Добр. *срp*, *срpо* (БД 2.48), Годеч чл. ф. *сърро* (ТБД 10.55), Дмит. чл. ф. *сърпът* (ТБД 12.44), Малеш. *срp*, *срpо* (МДА), Боб. *срp*, *срpо* (СБНУ 42.20), Разл. *срpн*, *срpо* (СБНУ 48.462, 445); укр. литер. *серп*, *сернá*; белор. литер. *серп*, *сярнá*; ю.-вост. белор. Залесье *s'erp*, *s'irpá* — при слвн. *sþp*; с.-х. *срpн*; *срpн*; слвц. *srp*.

32. *tērmъ, *termá: псков. *терём* в примере: *во наш высóк терём светел мёсяк взошóл* (Шахницы Пск., ПОС 3.164); им. п. мн. *тер'омы* (С.-З. 8). Ср. болг. литер. *трем*, *трéма*; рефлекс окситонезы также в ю.-чак. БХВ *trím/trin*, *trítmá*, с.-х. *трём*, *трéма* — при слвн. *trém*; укр. литер. *тéрем*, *тéрема*; белор. литер. *цéрам*, *цéрама*.

33. *vécerъ, *vecerá: псков. вин. п. *вечёр* (Стр., ПОС 3.132), *на ви-чбу* (Печ., ПОС 3.132), наречие *вичарóм* (Пск., ПОС 3.135), местн. п. *в ви-циарé* (Остр., ПОС 3.45). Ср. укр. гал. нареч. Яр., ШЛ, Брод *vécer-ót*, Пер. *večerót*, Новос. *večerót/vécerom*, Чап. *věčyrót*, Гдеш. *wýčyrót*; ю.-вост. белор. Залесье *v'ečarót* — при слвн. *vęcę̄r*; укр. литер. *вéčir*, *вéчора*; белор. литер. *вéчар*, *вéчара*; с.-х. *вèčer*, *вèчера*.

34. *vérdbъ, *verdá: псков. *вярёт* ‘чирей’ (Тор., ПОС 3.81), род. п. *верéда* ‘вреда’ (Дед., ПОС 3.81). Ср. рефлексы окситонезы в вел.-польск. *сваж*. *vžit*, *vžuda* (<*verdá) (Кульбакин, с. 128) и слвн. *vrëd*, *vréda* (видимо, вторично вместо *vréd*, **vréda*) — при с.-х. *врёд*, *врёда*; слвц. *vred*; чеш. *vřed*; белор. литер. *вéрад*, *вéраду*; укр. литер. *вéред*, *вéреду*.

35. *vérsvъ, *versá: псков. род. п. *верéсу* (Колесов 1968, с. 63), твор. п. *верéсам* (Гд., Колесов 1968, с. 63), сев.-новг. *вер'ос* (Муратово Чудовск., СРГК); заонеж. В. Нива *вéр'ес*, род. п. *в'ер'есу*, творит. п. *в'ер'есом* — при ю.-чак. Брач *vr̩is*; слвн. *vr̩es*; укр. литер. *вéрес*, *вéресу*; белор. *вéрас*, *вéрасу*; слвц. *vres*; чеш. *vřes*.

36. *vékъ, *ękъ, *vékovi: псков. род. п. *вякá* (Кун., ПОС 3.65), *am* *вякá* (Пушкин., ПОС 3.65), с *вякá* (Пушкин., Колесов 1968, с. 61), онеж. *векóм-то* ‘в молодости’ (КАССР, СРГК). Ср. укр. гал. ШЛ, Брод, Ясень, Яр., Тис. *v'ik*, *v'iká*, Крылос, Коб., Неб., Пер., Миж. *v'ik*, *v'ikú*, Новос. *v'ik*, *v'iká/v'ikú*, Сем. *v'ik*, *v'iku/v'iká*, Чап. *v'ik*, *v'ikú/v'iku*, Гдеш. *w'ik*, *w'ikú*, Заг., Худл. *v'ik*, *v'ikú*, Тур. *v'ik*, *v'iká/v'iku* (но баритонеза ед. ч. в ТП, Косм.); укр. подольск. Бан. *v'ik*, *v'ikú*, Днестр. *v'ik*, *v'iká*, Риж. *v'ik*, *v'iká/v'iku*; ю.-вост. белор. Залесье *v'ek*, нареч. *v'akót* ‘за всю жизнь’ (но род. п. *v'eka*); зап.-болг. Лом *век*, *вéка* (СБНУ 38.32), Кюст. *век*, *вéко/векó* (ТБД 1.65) — при слвн. *vęk*; ю.-чак. Брач *v'ik*, *v'ika*; слвц. *vek*; чеш. *věk*; укр. литер. *vík*, *víku*; белор. литер. *век*, *вéку*; с.-х. *век*, *вéка*.

37. *vôlsъ, *volsá: псков. *валós* ‘волос’ (Слан., ПОС 4.120). Ср. сев.-чак. Истрия *vlás*, вин. мн. *vlásłi*, местн. мн. *vláséh/vlašéh* (Nem., 373, 374); зап.-болг. Боб. *влас*, *влáso* (СБНУ 42.19) — при ю.-чак. БХВ

vłōs, włōsa; слвн. (v)lās, (v)lāsa/(v)lasū; чеш., слвц. *vlas;* укр. литер. *вόлос,* *волоса/-у;* белор. литер. *вόлас, вόласа/-ув;* с.-х. *влас, влासа.*

38. *vōrtъ, *vortъ ‘шэя, ворот’; псков. *ворот* (Порх., Кр., ПОС 4.158), *вáрот* (вторично из *варот, см. выше, с. 206; ВЛ, ПОС 4.158). Ср. сев.-чак. Сусак *vrāt, vrād* (HNG, 106); в.-луж. стар. *wrót, wróta* (Дыбо Луж., с. 79) — при слвн. *vrāt, vrāta/vratū;* сев.-чак. Брач *vrót, vróta;* с.-х. *vrāt, vrāta.*

39. *vōzъ, *vozъ: псков. *вазá два* (ВЛ, ПОС 4.85); белор. полоцк. *воз, *возá (см. материал ЛАБМ выше, с. 24—25); заонеж. Выроз. *с во- зом.* Ср. укр. гал. Сем. *viz, vozá/vóza;* Тур. *v'iz, vóza/vozá* (но баритонированная а. п. ед. ч. в Худл., Брод, Миж., Заг., Гдеш., Чап., ТП, Новос., Пер., ШЛ, Ясень, Коб., Бринь, Крылос, Косм., Неб., Тис., Яр.); сев.-чак. Истрия *vóz,* твор. п. *vozón* (Nem. 371); ю.-вост. белор. Залесье *voz, vazá;* русск. литер. *воз, вóза,* мн. *возы;* возможно, окситонеза отражена в чеш. *vůz, voza* — при слвн. *vůz, vozá;* с.-х. *vôz, vôza;* слвц. *voz;* белор. литер. *воз, вóза;* укр. литер. *víz, vóza;* укр. подольск. Бан. *v'iz, vóza/vózu;* Днестр., Риж. *v'iz, vóza.*

40. *vôrxъ, *vúrxъ, *vúrxóvъ: псков. *верéх/вярéх* (ПОС — passim, см. например 6.100—101), *с вярхá* (Беж., ПОС 1.12, Остр. 2.205), твор. п. *вярхóм* (Пуст., ПОС 3.106), *вярхóм* (Печ., ПОС 3.107), *вярхóм* (Печ., ПОС 3.107); заонеж. Выроз., В. Нива *к в'ер'хý, на в'ер'óх.* Ср. укр. гал. ШЛ *vér'x, vér'xá, Яр. vér'x, vér'xá, Новос. vñr'x, vñr'xá/-ú,* Сем. *vär'x, vär'xá, Чап. verx, vyr'xá, Тур. verx, verxá, Брод vér'x, vér'xá и т.д.* (окситонеза ед. ч. во всех говорах, кроме Гдеш.); укр. подольск. Бан. *wer'x, wer'xá, Риж. verx, verxá, Днестр. ver'x, ver'xá;* сев.-чак. Сусак *värtç, värtçä* (HNG, 106), Истрия *vít, vřítá* (Nem., 377); рефлекс окситонезы также в ю.-чак. Хвар *vôrh, vôrhä;* с.-х. *vôrh, vôrhä;* зап.-болг. Лом *vôr, vôra* (СБНУ 38.33), Годеч чл. ф. *vôro* (ТБД 10.55), Малеш. *vôrh, vôro* (МДА), Г. Дж. *vôrh, vôro* (ИССФ 1.185), Боб. *vôrh, vôro* (СБНУ 42.19), Разл. *vôrh, vôro* (СБНУ 48.311, 367); русск. литер. *верх, вéрха,* мн. *верху* — при слвц. *vrch; слвн. vñh, vñha/vñhå;* укр. литер. *верх, вéрху.*

41. *zôbъ, *zôba: белор. полоцк. Пот. *zub, zubá/zúba* (Sm., 51), Ворняны *зуб (окситонированная а. п. ед. ч. — Sm., табл. 2); зап.-русск. Дубр. *zup, zubá;* заонеж. Якорляд. род. п. *зубá.* Ср. сев.-чак. Сусак *zûp, zûbâ* (HNG, 106); укр. гал. Бринь *zup, zubá/zúba,* Новос. *zub, zubá/zúba,* Чап. *zup, zubá/zúba,* станисл. *зуб, *зубá/*зúба* (Hanusz, 335) (но баритонеза ед. ч. в Худл., Брод, Тур., Миж., Заг., Гдеш., ТП, Сем., ШЛ, Пер., Неб., Тис., Яр., Ясень, Коб., Крылос, Косм.); ю.-вост. белор. Залесье *zub, zúbam/zubóm* (но род. п. *zúba*); зап.-болг. Лом *zъp, zъba* (СБНУ 38.32), Годеч чл. ф. *зўбо* (ТБД 10.73), Малеш. *зab, zábo/zabó* (МДА) — при слвц., чеш. *zub;* слвн. *zôb, zôba/zobâ;* с.-х. *zûb, zûba;* белор. литер. *зуб, зúба;* укр. лит. *зуб, зúба;* укр. под. Бан., Днестр., Риж. *zub, zúba.*

42. *zvônъ, *zvoná ‘колокол’: белор. полоцк. Ворняны *звон (окситонированная а.п. — Sm., табл. 11). Ср. укр. гал. Яр. *zvîn, zvoná/zvóna,* ШЛ *zvôp, zvoná,* станисл. *дзвón,* *дзвонá (Hanusz, 333), Чап. *zvîn, zvoná/zvóna,* Тур. *zv'in, zvoná/zvóna,* Брод *zvîn, zvoná,* Худл. *zvîn, zvoná* (но баритонеза ед. ч. в Миж., Заг., Клим., Гдеш., ТП, Сем., Тис., Пер., Неб., Новос., Ясень, Коб., Бринь, Крылос, Косм.); сев.-чак. Истрия *zvón,* им. мн. *zvoní* (Nem. 371); болг. литер. *звон,*

звóнът при слвц., чеш. *zvon;* слвн. *zvôp, zvôna/zvóna;* ю.-чак. БХВ *zvôp, zvôna;* белор. литер. *звон, звóна;* укр. литер. *дзвін, дзвóна;* укр. подольск. Днестр., Бан. *zv'in, zvóna.*

В отличие от существительных а. п. d, слова а. п. c, как правило, не имеют в “кривичских” говорах окситонированных форм ед. ч.. В данном разделе дается полная выборка форм из ПОС, заонежских записей, Дубр. и Sm., причем приводятся рефлексы лишь тех корней, по которым есть достаточно представительный материал в ПОС.

1. *čôrtъ, *čôrta: псков. род. п. *чóрта* (Себ., ПОС 1.16), к *чóрту* (Печ., ПОС 4.10), твор. п. *чóртъм* (Гд., ПОС 4.144); заонеж. Фоймогуба *čôrt, к чóрту,* мн. ч. *ч'ér't'u;* зап.-русск. Дубр. *čqrt, k čórtu.* Ср. укр. гал. Косм., Коб., Яр., Новос., Неб., Тис., Пер., ШЛ, ТП, Чап., Гдеш., Заг., Клим., Брод, Миж., Тур., Худл. *čort, čórtta;* укр. подольск. Риж., Днестр. *čort, čórtta;* русск. литер. *чёrt, чёрта,* мн. *чёrti;* белор. литер. *чорт, чóрта;* укр. литер. *чорт, чóрта;* слвн. *črt;* слвц. *čert.*

2. *dômъ, *domъ, *dômovi: псков., материал ПОС: *ад дóму* (Пл., 1.98), для *дóма* (Оп., 2.131), род. п. *дóма* (Ляд., 2.192), *з дóма* (Гд., 2.235), *кул дóма* (Палк., 2.238), *три дóма* (Остр., 3.56), *з дóма* (Гд., 3.93), род. п. *дóма* (Пск., 4.45), *из дóму* (Остр., 4.128), *з... дóма* (Стр., 4.176), *из дóма* (Остр., 5.89), *да дóму* (Оп., 5.97), *три дóма* (Н.-Рж., 5.88), *... дóма* (Холм., 5.52), *из дóму-то* (Печ., 5.120), *з дóму* (Стр., 5.135), *бóкъль дóма* (Ляд., 5.144), *з дóма* (Пыт., 5.146), *з дóму* (Дед., 5.147), *íz даму* (Локн., 5.149), *кала дóма* (Оп., 5.153), *з дóму* (Дн., 5.167), *íz даму* (Остр., 5.167), *з дóму* (Сл., 5.175), *из дóма* (Остр., 5.176), *по дóму* (Гд., 6.19), *з дóму* (Оп., 6.67), *з дóму* (Печ., 6.73), *з дóму* (Печ., 6.84), *íz дъму* (Гд., 6.126), *ад дóма* (Гд., 6.143), *вóзли дóма* (Остр., 6.153), дат. п. *на дóму* (Печ., 1.141), *на дóму* (Печ., 4.103), *з дóму* (Пск., 4.161), *к... дóму* (Остр., 5.28), твор. п. *за дóмам* (Остр., 3.140), *з дóмъм* (Пск. 4.13), *з дóмам* (Гд., 4.57), *за дóмом* (Стр., 6.167), местн. п. *в дóми* (Ляд., 1.102), *в дóми* (Кр., 2.104), *в дóми* (Дед., 2.109), *в... дóме* (Остр., 3.31), *в... дóми* (Холм., 3.165), *в... дóме* (Пл., 4.175), *в... дóме* (Пск., 5.25), *в дóме* (Остр., 5.128), *в... дóми* (Остр., 5.146), *в дóми* (Дн., 5.158), *в... дóме* (Оп., 5.161), *в дóми* (Тор., 6.26), *на... дóми* (Стр., 6.105); белор. полоцк. Пот. *dom*, род. п. *dóma* (Sm., 51); зап.-русск. Дубр. *dôm, dôma;* заонеж. Кузар. *dom, dómu,* Фоймогуба местн. п. *в дóм'i.* Ср. укр. гал. Бринь, Крылос, Ясень, Косм., Тис., Пер. *d'im, dômu,* Яр. *dûm, dôma,* Неб. *d'im, dômu/dóma,* Новос., Чап., Коб. *dim, dômu,* Сем. *dim, dômu,* ТП *dûm, dômu,* Гдеш. *di'm, dômu,* Миж. *dim, dômu;* укр. подольск. Бан., Днестр. *d'im, dômu,* Риж. *dim, dômu;* сев.-чак. Истрия *dôm, dôma* (Nem., 370); слвн. *dôm;* ю.-чак. Брач *dôm, dôma;* слвц. *dom* (неясно удлинение в чеш. *dûm*); укр. литер. *dim, dômu,* белор. *dom, dômu/-a;* русск. литер. *dom, dôma,* мн. *dôma* (субститут *дóмы); ю.-вост. белор. Залесье *dom,* род. п. *dôma;* с.-х. *dôm, dôma;* болг. литер. *dom, domъt;* зап.-болг. Г. Дж. *dom, domó* (ИССФ 1.186), Кюст. *dom, domó* (ТБД 1.65), Боб. *dom, domó* (СБНУ 42.20) (однако Лом *dom, *dômъ — СБНУ 38.33).*

3. *gôdbъ, *gôda: псков., материалы ПОС: род. п. *два гóда* (Н.-Рж., 1.51), *два гóда* (Себ., 1.60), *гóda* (Печ., 1.111), *два гóда* (Гд., 2.123), *два гóда*

(Сер., 2.125), *три гóда* (Дн., 2.236), *без гóду* (Пл., 3.17), *гóда два* (ВЛ, 3.145), *три у́бда* (ВЛ, 3.154), *три гóда* (Остр., 4.18), *два гóда* (Пск., 4.52), *три гóда* (Н.-Рж., 4.93), *четыри гóда* (Гд., 4.103), *пъттарá гóда* (Остр., 4.132), *три гóда* (Печ., 4.161), *гóда* (Пл., 4.171), *три гóда* (Ляд., 5.17), *два гóда* (Кр., 5.29), *гóда три* (Пск., 5.74), *гóда* (Беж., 5.122), *три гóдъ* (Стр., 5.133), *три гóда* (Гд., 5.147), *два гóдъ* (Печ., 5.170), *четыре гóда* (Пск., 6.22), *... гóда* (Гд., 6.34), *два гóда* (ВЛ, 6.56), *гóда* (Печ., 6.61), *три гóда* (Н.-Рж., 6.63), *три гóда* (Локн., 6.64), *четыре гóда* (Тор., 6.81), *гóда два* (Стр., 6.93), *три гóда* (ВЛ, 4.104), *три гóда* (Остр., 6.131), *два гóда* (Палк., 6.158), *гóда* (Полн., 6.190); дат. п. *к... гóду* (Гд., 2.29), *на гóду* (Сер., 2.126); твор. п. *гóдам* (Беж., 5.167), *гóдам* (Остр., 6.63), *гóдам* (Беж., 6.95), местн. п. *в... гóде* (Гд., 6.16; также Луж. Ленингр., Колесов 1968, с. 57); белор. полоцк. Пот. *hot, hóda* (Sm., 52), Ворняны *год (баритонированная а. п. — Sm., табл. 12); зап.-русск. Дубр. *goł, gódat*; заонеж. Кузар. *göt*, *gódu*, Новос. *yid, yódu*, Брод *yít, yóda*; сев.-чак. Истрия *gód, gôda* (Nem., 370); слвн. *gôd, gôda/godû*; ю.-вост. белор. Залесье *yod, yóda/-i*, белор. литер. *gód, gôda*; слвц. *hod*.

4. **kólsъ, kólsa*: псков., материалы ПОС: им.-вин. п. *кóлас* (ВЛ, 1.56), *кóлас a кóлас* (ВЛ, 2.21), *кóлас* (Себ., 3.114), *кóлас* (Гд., 5.181), *кóлас* (Остр., 5.181), *кóльс* (Стр., 6.29), *кóлас* (Гд., 6.85), творит. п. *кóласам* (Остр., 6.54); белор. полоцк. Пот. *kólsъ, kólsa* (Sm., 50); заонеж. Волкос. *кóлас, kólasa*, Фоймогуба *кóлас, kólasa*, Кузар. *кólos, kólosa*, Выroz. *кólos, kólosa*, Якорляд. *кóлас, kólasu*, Космоз. *кóлас, kólasu*, мн. ч. *кólosы*. Ср. в.-луж. стар. *klós, klôsa* (Дыбо Луж., с. 71); сев.-чак. Истрия *klás, klása* (Nem., 372); чеш., слвц. *klas*; ю.-чак. БХВ *klôs*; слвн. *klâs, klâsa/klasû*; ю.-вост. белор. Залесье *kólas, kólasa*; белор. литер. *кóлас, kólasa*; укр. литер. *кólos, kólosa*; с.-х. *klâs, klâsa*.

5. **kvâsъ, kvâsa*: псков., материалы ПОС: род. п. *kvâсу* (Сл., 2.132), *ис kvâса* (Дн., 2.219), *kvâсу* (Пл., 2.228), *kvâсу* (Н.-Рж., 2.237), *kvâса* (ВЛ 5.56), *ис kvâса* (Печ., 5.47), *kvâсу* (Остр., 5.103; Дед., 5.103), *kvâсу* (Аш., 6.5), для *kvâса* (Пуст., 6.150), творит. п. *kvâсам* (Дед., 4.93), *kvâсам* (ВЛ, 6.137); заонеж. Кузар. *квас, b'ës kvâсу*, Космоз. род. п. *kvâсу*; зап.-русск. Дубр. *kvas, kvâsu*. Ср. укр. гал. Косм., Брод, Бринь, Худл., Крылос, Коб., Ясень, ШЛ, Тур., Неб., Яр., Тис., Чап., Новос. *kvas, kvâsu*, Пер. *kvas, kvâsa*, Сем. *kvas, kvâsa/kvâsu*, ТП, Гдеш. *kwas, kwâsu*, Миж. *kvas, kvâsu*; укр. подольск. Бан., Днестр., Риж. *kvas, kvâsu*; сев.-чак. Истрия *kvâs, kvâsa* (Nem., 372); ю.-вост. белор. Залесье *kvas, kvâsu/-a*; ю.-чак. Хвар. **kvôs, kvôsa*; слвц., чеш. *kvas, kvâs*; слвн. *kvâs*; укр. литер. *квас, kvâсу*; белор. литер. *квас, kvâсу*; с.-х. *kvâs, kvâsa*; зап.-болг. Лом *квас, квасъ* (СБНУ 38.32); неясно происхождение баритонезы в болг. литер. *квас, kvâsъt*.

6. **lêsbъ, lêsa*: псков., материалы ПОС: род. п. *léсу* (Пск., 1.43), *léсу* (Пушкин., 1.81), *с léсу* (Гд., 2.45), *léсу* (Пушкин., 2.62), *léса* (Себ., 2.117), *léса* (Себ., 2.117, 120), *léсу* (Пск., 2.122), *léса* (Гд., 2.243), *кул léсу* (Сл., 28), *léсу* (ВЛ, 3.45), *léсу* (ВЛ, 3.46), *léса* (Кр., Гд., 3.48), *с léсу* (Остр., 3.87), *с léсу* (Гд., 3.118), *с -нат... léсу* (Себ., 3.162), *с léсу* (Дед., 4.57), *с léса-та* (Гд., 4.115), *léса* (Нев., 4.127), *из леса* (Ляд., 4.128), *léсу*

(Кр., 5.113), *с лéсу* (Пуст., 5.119), *léсу* (ВЛ 5.122), *с лéсу* (Дн., 5.127), *léсу* (Порх., 5.132), *léсу* (Палк., 5.150), *с лéсу* (Гд., 5.166), *с лéса* (Гд., 6.4), *с лéсу* (Остр., 6.37), *léса* (Пуст., 6.51), *léсу* (Остр., 6.57), *из... лéса* (Сер., 6.64), *с лéсу* (Пуст., 6.94), *ат лéсу* (Остр., 6.126), *léсу* (Себ., 6.126), дат. п.: *нó лису* (Порх., 1.190), *на... лéсу* (Дед., 2.49), *на лéсу* (Кр., 1.116), *нó лису* (Стр., 2.163), *нó лясы* (Остр., 2.174), *на лéсу* (Себ., 3.48), *на... лéсу* (Оп., 3.84), *на лéсу* (Ляд., 4.27), *léсу* (Палк., 4.114), *на лéсу* (Беж., 5.91), *на лéсу* (Пск., 5.75), *на лéсу* (Оп., 5.40), творит. п. *лéсам* (Пушкин., 1.185), *лéсом* (Пл., 2.138), *лéсом* (Гд., 2.162), *лéсом* (Дн., 5.137), местн. п.: *у лéсе* (Нев., 2.182), *у лéси* (ВЛ, 4.145), *у лéсе* (ВЛ, 6.126), также *в лéсе* (Кр. Псковск., Луж. Ленингр. — Колесов 1968, с. 58); заонеж. Кузар. *нó л'есу, из л'есу*, род. п. *л'есу*, Выroz. *л'ëс*, творит. п. *л'ëсам*, род. п. *л'есу*, В. Нива род. п. *л'есу*, Космоз. *л'ëс*, творит. п. *л'ëсам*; белор. полоцк. Ворняны *лес (баритонированная а. п. ед. ч., но неясна окситонеза в род. п. ед. ч., Sm., табл. 2); зап.-русск. Дубр. *l'es, l'esu*. Ср. укр. гал. Бринь *l'is, za l'isom*, Крылос, Коб., Ясень, Яр., ТП, Чап., Косм., Неб. *l'is, l'isa*, Тис., ТП, Гдеш., Тур., Пер. *l'is, l'isu*, Новос., Брод, Сем. *l'is, l'isu/-a*, Миж. *l'is, l'isu*; укр. подольск. Бан., Днестр., Риж. *l'is, l'isa*; ю.-вост. белор. Залесье *l'es, l'esa/-i*; чеш., слвц. *les*; слвн. *lës, lësa/lesû*; белор. литер. *лес, лéсу*; русск. литер. *лес, лéса*, мн. лесá (субститут *лёсы); укр. литер. *ліс, лíсу*; с.-х. *lëс, лëса*; болг. литер. *лес, лесът*.

7. **mëdъ, medъ, mëdovî*: псков., материал ПОС: род. п. *mëда* (Остр., 1.42), *mëду* (Остр., 1.135; Дн., 1.152), *mëда* (Гд., 2.18), *mëду* (Остр., 2.238; Гд., 3.84); *mëда* (Ляд., 3.168; Пл., 3.168; Дн., 3.169; Нев., 3.172; Н.-Рж., 4.35), *без мëду* (Гд., 5.8), *mëда* (ВЛ, 5.8; Холм., 5.162), *mëду* (Остр., 6.132), творит. п.: *с мëдом* (Печ., 3.169), *с мëдам* (Сер., 6.90); видимо, архаичное ударение род. п. ед. ч. *medъ отражает псков. *mëdú* (Печ., ПОС 3.168); заонеж. Кузар. *m'ft*, *b'ëz m'fdu*, Выroz. *m'ft*, род. п. *m'fdu*, В. Нива *m'ft*, род. п. *m'fdu*, Космоз. *m'ft*, творит. п. *m'fdam*, Волкос. *m'ft*, род. п. *m'fdu*, Фоймогуба *m'ft*, род. п. *m'fdu*, *b'ëz m'fdu*; зап.-русск. Дубр. *m'ot, m'ödu, m'ödam*. Ср. укр. гал. Ясень, Тис., Новос. *m'id, medъ*, Бринь *m'it, medъ*, Коб. *m'id, mädu*, Яр. *med, medъ*, Неб., Тур. *m'id, medъ*, Пер. *m'id, mädu*, ШЛ *m'öd/med, medъ*, Сем. *m'n, mädu*, Косм. *m'id, medъ*, ТП *m'et, medъ*, Чап. *m'it, medъ*, Гдеш. *m'i't, medъ*, Заг., Клим. *met, medъ*, Брод. *m'üt, medъ*, Миж. *m'it, medъ*, Худл. *met, medъ*; укр. подольск. Днестр., Риж. *med, medъ*, Бан. *m'it, medъ*; сев.-чак. Истрия *mëd, mëda* (Nem., 370), Сусак *m'ët, mëda* (HHG, 104); ю.-чак. БХВ *mëd, mëda*; слвц., чеш. *med*; слвн. *mëd, mëda/medъ*; ю.-вост. белор. Залесье *m'od, m'öda/-i*; белор. литер. *mëd, mëdu*; русск. литер. *mëd, mëda*, мн. *mëdý* (об окситонезе мн. ч. см. с. 201); укр. литер. *mëd, mëdu*; с.-х. *mëd, mëda*; болг. литер. *med, medbët*; зап.-болг. Г. Дж. *met, medó* (ИССФ 1.186), Кюст. чл. ф. *medó* (ТБД 1.200), Г. Поле *met, medó* (СМБД 10.70), Боб. *met, medó* (СБНУ 42.20), Разл. *met, medó* (СБНУ 48.306, 529), Лом *met, medbët* (СБНУ 38.32).

8. **mîrъ, mirъ, mîrovi*: псков., материал ПОС: род. п. *mîru* (Гд., 1.165), *mîru* (Гд., 2.11; 4.94), *с mîru* (Печ., 5.170), дат. п.: *нó mîru* (Остр., 5.167); белор. полоцк. Пот. *ró m'iru* (Sm., 53); зап.-русск. Дубр. *m'ir, m'iru*; заонеж. Кузар. *m'ipr, b'ëz m'ipr*, *в m'ipr'ë*, В. Нива *m'ipr, m'ipr*.

Селецк. *m'ip*, *m'ira*, Волкос. *m'ip*, *m'ira*, Фоймогуба *m'ip*, род. п. *m'ipy*. Ср. укр. гал. Тис., Пер., Бринь, Ясень *mər*, *məru*, ШЛ, Гдеш. *myr*, *mýra*, Новос., Заг. *m̄t̄*, *m̄tu*, Яр., Брод. *mir*, *míru/-a*, Косм. *m̄er*, *m̄eru*, Неб. *m̄y*, *m̄yru*, Сем., Тур. *m̄er*, *m̄eru*, Чап. *myr*, *mýru/mýra*, Миж. *myr*, *mýru*, Худл. *m̄er*, *m̄eru* (но окситонеза род. п. ед. ч. в ТП *mir*, *miru*); укр. подольск. Бан. *m̄er*, *m̄eru*, Днестр. *mir*, *m̄tu*, Риж. *m̄ir/m̄er*, *m̄ru*; сев.-чак. Истрия *mir*, *m̄ira*, *m̄iron* (Nem., 370); ю.-вост. белор. Залесье *m̄ir*, *m̄iru/-a*, ю.-чак. БХВ *m̄ir*, *m̄ira*; слвн. *mir*, *m̄ira/m̄iru*; белор. литер. *mir*, *m̄iru/-a*; русск. литер. *мир*, *мира*, мн. *миры* (см. об окситонезе мн. ч. с. 201); укр. литер. *мир*, *миру*; болг. литер. *мир*, *мирът*. Особого объяснения требует окситонеза в с.-х. *m̄ir*, *m̄ira*.

9. **örst̄*, *örsta: псков., материалы ПОС: род. п. *rōstu* (Беж., 4.15), дат. п. *na rōstu* (Печ., 4.98), творит. п. *rōstam* (Н.-Рж., 2.104), *rōstom* (Гд., 2.109), *rōstym* (Нев., 6.21); заонеж. Кузар. *rost*, род. п. *rōstu*, Выроз. творит. п. *rōstym*, В. Нива род. п. *rōstu*, Волкос. *rōst*, род. п. *rōstu*, Фоймогуба *rōst*, *rōsta*; зап.-русск. Дубр. *rost*, *rōstu*. Ср. укр. гал. Косм., Тис. *r'ist*, *rōstu*, Неб. *rist*, *rōstu*, ШЛ, *rōst*, *rōsta*, Яр. род. п. *rōsta*, Новос. *rist*, *rōsta/-u*, Сем. *rist*, *rōstu*, Бринь *r'ist*, *rōstu*, Коб. *rist*, *rōstu*, ТП *rūst*, *rōsta*, Чап. *rist*, *rōstu*, Гдеш. *ri'ost*, *rōsta*, Брод *rüst*, *rōsta*, Миж. *rist*, *rōsta*, Худл. творит. п. *rōstom*; укр. подольск. Бан., Днестр., Риж *r'ist*, *rōstu*; слвц. *rost* (неясна причина удлинения в чеш. *rūst*); ю.-вост. белор. Залесье *rost*, *rōsta/rōstu*; белор. литер. *rost*, *rōstu*; русск. литер. *rost*, *rōsta*, мн. *rostá* (субститут *rōstys); укр. литер. *rist*, *rōstu*; слвн. *rāst*; с.-х. *rāst*, *rāsta*.

10. **rōd̄b̄*, **rod̄u*, **rōd̄ovi*: псков., материал ПОС: род. п. *rōda* (Беж., 2.82), *ot rōdu* (Стр., 2.142), с *rōdu* (Дн., 4.26); наречие *vrōde* (<местн. п. **v̄b̄ rod̄e*) (ПОС 5.47—48); заонеж. Кузар. род. п. *rōdu*, *b̄éz r̄du*, творит. *rōdam*, Космоз. мн. ч. *rōdy*, Волкос. *rōt̄*, *rōda*, *rōdlam*, мн. ч. *rōdy*. Ср. сев.-чак. Истрия *rōd*, *rōda* (Nem., 371), Сусак *r̄dt̄*, *rōda* (HHG, 104); укр. гал. Неб. *r̄id*, *rōdom*, Пер., Тис. *r̄id*, *rōdom*, Яр. *r̄id*, *rōda*, Сем. *r̄it*, *rōdu*, Новос. *rid*, *rōdu*, Коб., Бринь, Ясень, Тур. *r̄id*, *rōdu*, ТП *r̄ut*, *rōdu*, Миж., Чап. *rit*, *rōdu*, Гдеш. *ri'ot*, *rōda*, Брод *r̄ut*, *rōda*; укр. подольск. Бан., Днестр. *r̄id*, *rōdu*, Риж. *rid*, *rōdu*; ю.-вост. белор. Залесье *rod*, *rōda*; ю.-чак. БХВ *r̄od*, *rōda*; слвн. *r̄od*, *rōda/rod̄u*; слвц. *rod*; белор. литер. *rod*, *rōdu*; русск. литер. *rod*, *rōda*, мн. *rōdy* (при вторичном *rod̄b̄*); укр. литер. *ri'd*, *rōdu*; с.-х. *rōd*, *rōda*; болг. литер. *rod*, *rod̄b̄*; зап.-болг. Г. Дж. *rot*, *rodó* (ИССФ 1.186), Кюст. *rot*, *rodó* (ТБД 1.65), Добр. *rot*, *rodó* (БД 2.48). — однако баритонеза чл. ф. в Г. Поле *rot*, *rodó* (СМБД 10.47), Боб. *rot*, *rodó* (СБНУ 42.20).

11. **svēt̄b̄*, *svēta: псков., материалы ПОС: род. п. *su svētu* (Гд., 2.28), *svētu* (Печ., 4.7), *svētu* (ВЛ, 4.8), *svētu* (Тор., Порх., 4.9), *at... svēt̄b̄* (Гд., 4.11), *svēta* (Гд., 4.155), *da... svēta* (Пушкин, 5.10), *svēta* (Оп., 5.25), *svētu* (Печ., 6.62), *ca svētu* (Нев., 6.165), дат. п.: *na svētu* (Пуст., 1.46), *k svētu* (Печ., 2.35), *na svētu* (Пуст., 4.135), *na svētu* (Себ., 6.89), творит. п.: *nérem svētam* (Холм., 5.68), местн. п.: *u svēti* (ВЛ 1.66), *na svēti* (Палк., 1.150), *v... svēti* (Н.-Рж., 1.168), *na svēti* (Дн., Пушкин, Себ., 3.122), *pri svēti* (Печ., 5.25), *na svēti* (Кр., 5.131). Ср. сев.-чак. Сусак *sv̄t̄l*, *sv̄ta* (HHG, 104) (но окситонеза Истрия *svēt̄*, местн. п.

svēt̄e Nem., 374); укр. гал. Бринь *sv̄'it*, *sv̄'itu*, Крылос *sv̄'it*, *po sv̄'it'i*, Коб., Пер., Брод, Худл., Неб., Сем. *sv̄it*, *sv̄'ita*, Ясень *sv̄it*, *po sv̄'it'i*, Тис. *s'v'it*, *po sv̄'it'i*, ТП *sw'it*, *sw̄'itu*, Чап. *sv̄it*, *sv̄'ita/-u*, Гдеш. *sv̄'it*, *sv̄'ita*, Заг. *sv̄it*, *po sv̄'it'u*, Миж. *sv̄'it*, *sv̄'ita*, Тур. *sv̄it*, *sv̄'ita/-a*; укр. подольск. Бан., Днестр. *sv̄'it*, *sv̄'ita*; слвц. *svet*; чеш. *svět*; ю.-чак. Браж. *sv̄it*, *sv̄ia*; слвн. *svět*, *světa*; ю.-вост. белор. Залесье *sv̄'et*, *sv̄'etu*; белор. литер. *svet*, *světu*; укр. литер. *svit*, *světu*; с.-х. *svět*, *světa*; болг. литер. *sviat*, *svět*; зап.-болг. Лом *sfet*, *sfetb* (СБНУ 38.32), Добр. чл. ф. *svetb* (БД 2.52), Годеч чл. ф. *svetb* (ТБД 10.65), Малеш. *svet*, *svetb* (МДА), Г. Дж. *sfet*, *sfetb* (ИССФ 1.186), Боб. *svet*, *svetb* (СБНУ 42.20), Разл. *svēt*, *svetb* (СБНУ 48.313, 273).

12. **sūp̄*, **syn̄*, *sūnovi: псков., материалы ПОС: род. п. *za svīn'* (Локн., 1.59), *u svīna* (Нов., 1.88), *dva svīna* (Аш., 1.95), *za svīn'* (Локн., 2.65), *svīna* (Аш., 2.102), *dva svīna* (Оп., 2.105), *pra... svīna* (Оп., 2.105), *svīna* (Печ., 2.109), *svīna* (Ляд., 2.109), *svīna* (Палк., 2.151), *svīna* (Беж., 2.213; Н.-Рж., 3.8), *dva svīna* (Остр., 3.12), *svīna* (Стр., 3.171), *za svīna* (ВЛ, 3.172), *u svīna* (ЭССР, Б. Кольки, 4.109), *u... svīna* (Беж., 4.109), *svīna* (ВЛ, 4.175), *u svīna* (Себ., 5.141), *tri svīna* (Остр., 5.169), *svīna* (Остр., 6.48), *tri svīna* (Пушкин, 6.70), *u svīna* (Дед., 6.72), *svīna* (Остр., 6.89), *pra svīna* (Сер., 6.127), *u svīna* (Остр., 6.142), *u... svīna* (Себ., 6.159), дат. п.: *к... svīnu* (Н.-Рж., 1.46), *svīnu* (Печ., 5.51), твор. п. *nāt svīnam* (Остр., 2.238), *с svīn'ym* (Пуст., 3.158), *с svīnam* (Беж., 5.89), *с svīnam* (Дн., 5.61), *с svīnam* (Пушкин, 6.62; Себ., 6.113), местн. п. *po svīne* (Стр., 4.149); белор. полоцк. Ворняны **svīn* (баритонированная а. п. ед. ч. — Sm., табл. 2); зап.-русск. Дубр. *syn*, *sýna*. Ср. сев.-чак. Сусак *sín*, *sína* (HHG, 104) (но окситонеза в Истрия *sín*, род. п. *sínā* (Nem., 376)); укр. гал. Косм. *sēn*, *séna*; Сем., Коб., Пер., Ясень, Бринь *sən*, *sána*, Крылос *sən*, *z sánpot*, Новос., Неб., Брод *sýn*, *sýna*, ТП *sýn*, *sýna*, Чап., Миж. *syn*, *sýna*, Гдеш. *sən*, *sána*; укр. подольск. Бан., Риж. *sən*, *sána*, Днестр. *sín*, *sína*; чеш., слвц. *syn*; ю.-чак. БХВ *sín*; слвн. *sín*, *sína/sínā*; ю.-вост. белор. Залесье *syn*, *sýna*; белор. литер. *syn*, *svína*; укр. литер. *sin*, *svína*; с.-х. *sin*, *svína*; болг. литер. *sin*, *sinb*; зап.-болг. Добр. чл. ф. *sinó* (БД 4.53), Годеч. чл. ф. *sinó* (ТБД 10.65), Дмит. чл. ф. *sinb* (ТБД 12.51), Малеш. *sin*, *sinb* (МДА), Г. Дж. *sin*, *sinb* (ИССФ 1.186), Кюст. *sin*, *sinb* (ТБД 1.65), Г. Поле *sin*, *sinb* (СМБД 10.69), Боб. *sin*, *sinb* (СБНУ 42.20), Разл. чл. ф. *sinb* (СБНУ 48.270).

Ареал окситонированных форм ед. ч. восточнославянских существительных а. п. *d* показан на карте, прилагаемой к настоящей статье.

* * *

Основные фонетические и акцентологические особенности, обнаруживаемые в современных великорусских и белорусских говорах, восходящих, как можно предположить, к племенному диалекту кривичей:

1. Особое развитие **b̄* и **v̄* перед праславянскими палатальными или йотированными сонантами (**l'=lj*, **n'=nj*, **r'=rj*), а также перед новыми сочетаниями сонантов с йотом (*lj* < *lby, *nj* < *nvy, *rj* < *rvy, *vj* < *vby). Гласные **b̄* и **v̄* развиваются в этой позиции так же, как

перед -j- (в позиции "напряженных редуцированных"). Такое развитие характерно для псковского и отчасти смоленского диалекта (см. Николаев 1988). В полоцком диалекте рефлексы *ъ и *ь в указанной позиции в основном совпадают с "общевосточнославянскими" — единственным (при этом двусмысленным) примером развития по псковскому типу отмечен в *ў астрыўё* (Яново Россон. Вит.), *ў астрыўё* (Груздово Пост. Вит.) —ср. *ў астрайё* (Лисна Верхнедв. Вит.), *ў астрайё* (Волынцы Верхнедв. Вит.), *астройя* (Курополье Пост. Вит., СБГ 1.113) — праслав. *ostrъvъje, см. Николаев 1988, с. 123.

2. Совпадение рефлексов *ij, *sj с рефлексами *k, *x в позиции II палатализации в псковском и смоленском диалектах — в отличие от всех известных систем других восточнославянских диалектов с различием рядов аффрикат, где названные рефлексы отличаются. Псковское и смоленское развитие аналогично лехитскому (см. Николаев 1988, с. 150—152). В говорах, объединяемых нами в полоцкий и западный исторические диалекты, развитие указанных сочетаний, видимо, шло по "общевосточнославянскому" пути, при том что "цоканья" на полоцкой территории фактически не обнаруживается (как в старых памятниках, так и в современных белорусских говорах: Е.Ф. Карский отмечает, что "смешение ц и ч в белорусском языке изредка встречается вообще в севернобелорусских говорах, но особенно распространено в части Себежского уезда, в Велижском, Бельском уездах Смоленской губ., Духовщинском, Поречском и Ржевском". — Карский 1.389).

3. Сохранение в псковских и смоленских говорах сочетаний в той или иной позиции на месте праслав. *Tl. Видимо, -dl- в западном диалекте можно считать исконным рефлексом *Tl (несмотря на большое количество полонизмов с -dl- в данных говорах, типа *бы́дло*, *ры́дзель* и т.п.; скорее всего, польское влияние заключалось только в консервации -dl- в этом белорусском ареале); в полоцком белорусском основным рефлексом *Tl является -l-.

4. Наличие флексионного ударения косвенных падежей ед. ч. существительных а. п. d (в некоторых говорах — непосредственное сохранение "смешанной" акцентной кривой). Данная черта резко отделяет кривичские в основе диалекты как от прочих великорусских говоров, так и от большинства белорусских (в частности, от второго основного белорусского массива — южнобелорусского), и объединяет их, с украинским галицким, западноболгарским, северночакавским и рядом других диалектов вне восточнославянского ареала. Эта черта, по-видимому, должна считаться диалектной праславянской (см. Булатова—Дыбо—Николаев 1988; Дыбо—Николаев 1989) и не могла возникнуть независимо в указанных отдаленных системах.

5. Оттяжка ударения с праславянских долгих гласных на предшествующие краткие, но отсутствие такой оттяжки на предшествующие долгие (например, в отличие от южнобелорусской и ильменско-словенской систем, где распределение оттяжки прямо противоположное: см. Булатова—Дыбо—Николаев 1988; Дыбо—Николаев 1989). Эта акцентологическая особенность объединяет кривичские по происхождению системы с украинской галицкой, западноболгарской и северночакавской, а также с (северно)штокавской и также, как и пре-

дыущая, не могла развиться изолированно в указанных диалектах (см. Булатова—Дыбо—Николаев 1989, Дыбо—Николаев 1989, где показано соотношение систем с разными видами оттяжек и праславянского племенного деления).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аввакум — два автографа протопопа Аввакума (см. Зализняк 1985, с. 231).

АРНГ Зап., Сев., Сев.-Зап. — атласы русских народных говоров центральных областей а) к западу, б) к северу, в) к северо-западу от Москвы (рукописи карт и комментариев к ним, хранятся в Секторе диалектологии и лингвогеографии Ин-та русского языка АН СССР, г. Москва) — см. ДАРЯ.

АССЯ — Акцентологический словарь славянских языков (рукопись, хранится в Секторе этнолингвистики и фольклора Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР. Составители: К.К. Богатырев, Е.Э. Будовская, Р.В. Булатова, В.А. Дыбо, А.А. Зализняк, О.Т. Ковач, С.Л. Николаев, А.В. Тер-Аванесова, Дж. Шаллерт).

Банат — см. Стойкова Ст. Банатский говор // ТБД N 3, 1967; Стойков Ст. Лексиката на банатский говор // ТБД N 4, 1968.

БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. I — София, 1962. — белор. литер. — белорусский литературный язык, ударениедается по: Слѹнік беларускай мовы. Арфаграфія. Арфаэлія. Акцэнтуацыя. Словазмъненне. Мінск, 1987.

БЕР — Георгиев Вл., Гъльбов Ив., Заимов Й. Български етимологичен речник. София, 1971. Т. 1.

Боб. — см. Кепов Ив. Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево-Дупнишко // СБНУ N 42, 1936.

болг. литер. — болгарский литературный язык, ударениедается по: Пашов П., Пърцев Х. Правописен речник на български език. София, 1975.

Булатова—Дыбо—Николаев 1988 — Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.

БХВ — говоры о-вов Брач, Хвар и Вис, см. Hraste M., Šimunović P. Čakavisch-deutsches Lexikon. Köln; Wien, 1979. Т. 1.

Г. Дж. — см. Стоилов Хр.П. Ударението на Горно-Джумайски говор // ИССФ N 1, 1905.

Г. Поле — см. Котова Н.В. Система ударения в говоре района Горно Поле // СМБД N 10, 1962.

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880—1882. Т. I—IV.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр европейской части СССР. Вып. I. М., 1986; вып. II, III — рукопись, хранится в Секторе диалектологии и лингвогеографии Ин-та русского языка АН СССР, г. Москва. Материалы ДАРЯ (АРНГ) — ответы на вопросы "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" (М.; Л., 1947), хранящиеся в Секторе диалектологии и лингвогеографии; материал распределен по зонам, соответствующим территориальному охвату каждого из региональных атласов (АРНГ Зап., В., Сев.-Зап., Сев. — см.), каждый атлас имеет свою нумерацию населенных пунктов (расшифровку номеров АРНГ см.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957; расшифровка номеров остальных атласов содержится в рукописях этих атласов).

Дмит. — см. Божков Р. Димитровградский (царапродорский) говор // ТБД, N 12, 1984.

Добр. — см. Гъльбов Л. Говорът на с. Доброславци, Софийско // БД N 2, 1965.

Дыбо 1982 — Дыбо В.А. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1982. Knj. 6.

Дыбо Луж. — Дыбо В.А. Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963.

Дыбо—Николаев 1989 — Дыбо В.А., Николаев С.Л. К проблеме раннеславянского диалектного членения // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 2. М., 1989.

3. — материалы АРНГ Зап., см. АРНГ.

Зализняк 1984 — Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984.

Зализняк 1985 — Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 1986 — Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986.

Зализняк 1988а — Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.

Зализняк 1988б — Зализняк А.А. Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

Замятина Дисс. — Замятина Г.И. Старословенская акцентная система и ее отражение в Библии Ю. Далматина (1584 г.). Канд. дисс. М., 1989.

Иллич-Свитыч 1963 — Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтском и славянском. М., 1963.

Ис. Сир. — Поучения Исаака Сирина. Западноболгарская рукопись 1381 г. (1-й почерк). Гос. б-ка им. В.И. Ленина, ф. 304, N 172.

ИССФ — Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София. София, 1905—1948.

Карский — Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. М., 1955. Вып. 1.

Колесов 1968 — Колесов В.В. Развитие акцентологических типов в псковском именном склонении // Псковские говоры. Псков, 1968. Вып. II.

Колосов 1877 — Колосов М.А. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия // Сб. ОРЯС, т. 17, N 3. СПб., 1877.

коми Л.; ок. — диалекты коми языка: лузский; пермяцкий.

Кульбакин — см. сваж.

Кюст. — см. Умленски И. Кюстендилский говор // ТБД, N 1, 1965.

ЛАБМ — Лексичны атлас беларускіх народных гаворак (рукопись, хранится в Секторе диалектологии Ин-та языкоznания АН БССР им. Я. Коласа, г. Минск; 1-й том находится в печати).

Лом — см. Годоров Ив. Говорът на град Лом // СбНУ, N 38, 1930.

Лыткин 1949 — Лыткин В.И. Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комиjsкий // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 2.

Малеш. — малешевский говор (по матер. МДА, выписано Дж. Шаллертом).

Мат. Б. — Материалы для изучения белорусских говоров. СПб., 1897, 1898, 1900, 1903, 1907, 1910. Вып. 1—6.

МДА — материалы Македонского диалектологического атласа (хранятся в Институте македонского языка, г. Скопле, СФРЮ).

МСГ — Сяшкович Т.Ф. Матэрэялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

Николаев 1988 — Николаев С.Л. Следы особенностей восточно-славянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

ПБПС — Друцкі-Падбярэскі Б. Падручны беларуска-польскі слоўнік. Вільня, 1929.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1984. Вып. 1—6.

Рад. — см. Хитов Хр. Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // БД, N 9, 1979.

Разл. — см. Молерови М. и К. Народописни материалы от Разложко // СбНУ, N 48, 1954.

русск. литер. — русский литературный язык, ударение дается по: Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1985.

С. — материалы АРНГ Сев., см.

СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходній Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979—1986. Т. 1—5.

СбНУ — Сборник за народни умотворения и народопис. — 1—52. София, 1889—1963.

сваж. — сваждензский великопольский говор, см.: Кульбакин С.М. К истории и диалектологии польского языка. СПб., 1903.

СГВ — Сяшковіч Т.Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.

СМБД — Статьи и материалы по болгарской диалектологии. I—10. М., 1949—1962.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии (карточка хранится в Ленинградском государственном университете).

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1965—1988. Вып., 1—23.

станисл. — материал говоров с. Колодиевка, Добровляны, Узинь, Подлуже, Вовчинец в окрестностях Станислава (Ивано-Франковска).

Хрестоматия 1979 — Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М. Беларуская дыялекталогія. Хрестаматыя. Мінск, 1979.

чеш. — чешский литературный язык, приводится по: Trávníček F. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Шахматов Очерк — Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

ю.-чак.-южночакавский, см. БХВ.

Brlić — см. Ivšić.

Hanusz — Hanusz J. Über die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen // Archiv für slavische Philologie, 1884. Bd. 7.

HHG — Hamm J., Hraste M., Guberina P. Govor otoka Suska // Hrvatski dijalektološki zbornik. 1956, N 1.

Ivšić — Ivšić St. Akcenat u gramatici Ignáta Alojzije Brlića. Zagreb, 1912 (preštampano iz 194. knjige "Rada" Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti).

Lorentz Wb. — Lorentz Fr. Slovinzisches Wörterbuch. St.-Petersburg, 1908—1912. Bd. I—II.

Machek — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Nem. — Nemanić D. Čakavisch-kroatische Studien // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe. Wien, 1883. Bd. CIV.

Sm. — Smulkowa E. Studia nad akcentem języka białoruskiego (rzecznik). Warszawa, 1978.

Vasmer — Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953—1958. Bd. I—III.

Аш. — Ашевский р-н Псковской обл.; Бан. — с. Банилов-Подгорный Сторожинецкого р-на Черновицкой обл. (зап. О.Т. Ковач); Баран. — Барановичский р-н; Беж. — Бежаницкий р-н Псковской обл.; Бер. — Березовский р-н; Берез. — Березинский р-н; Береж. — д. Бережские Медвежьегорского р-на КАССР (зап. А.В. Тер-Аванесовой); Бешенк. — Бешенковичский р-н; Борис. — Борисовский р-н; Брагин. — Брагинский р-н; Брасл. — Браславский р-н; Брест. — Брестская обл.; Бринь — с. Бринь Галицкого р-на Ивано-Франковской обл. (зап. автора); Брод — с. Брод Иршавского р-на Закарпатской обл. (зап. автора); Варен. — Варенский р-н; Верхнедев. — Верхнедвинский р-н; Вил., Вилейск. — Вилейский р-н; Вильн. — Вильнюсский р-н; Вит. — Витебская обл.; ВЛ — Великолукский р-н Псковской обл.; В. Нива — д. Великая Нива Медвежьегорского р-на КАССР (зап. А.В. Тер-Аванесовой); Волк. — Волковысский р-н; Волкос. — д. Волковостров Медвежьегорского р-на КАССР (зап. А.В. Тер-Аванесовой); Ворон. — Вороновский р-н; Выроз. — д. Вырозеро Медвежьегорского р-на КАССР (зап. А.В. Тер-Аванесовой); Ганци. — Ганцевичский р-н; Гд. — Гдовский р-н Псковской обл.; Гдеш. — с. Гдешчи Старо-самборского р-на Львовской обл. (зап. автора); Глуб. — Глубокский р-н; Гом. —

Гомельская обл.; Город. — 1) Городокский р-н Витебской обл.; 2) Городоцкий пов. ПНР; Гродн. — 1/ Гродненский р-н, 2) Гродненская обл.; Дауг. — Даугавпилсский р-н; Дед. — Дедовичский р-н; Дн. — Дновский р-н Псковской обл.; Днестр. — с. Днестровка Кельменецкого р-на Черниговской обл. (зап. О.А. Мудрака и автора); Докш. — Докшицкий р-н; Дубр. — д. Дубровки Селижаровского р-на Калининской обл. (зап. автора); Дятл. — Дятловский р-н; Загатье — с. Загатье Иршавского р-на Закарпатской обл. (зап. автора); Залесье — с. Залесье Чечерского р-на Гомельской обл. (зап. автора); Зельв. — Зельвенский р-н; Ивьев. — Ивьевский р-н; Игнал. — Игналинский р-н; Кач. — Качановский р-н Псковской обл.; Клим. — с. Климошица Иршавского р-на Закарпатской обл. (зап. автора); Коб. — с. Кобаки Коссовского р-на Ивано-Франковской обл. (зап. О.Т. Ковач); Корел. — Кореличский р-н; Корм. — Кормянский р-н; Косм. — с. Космач (хутор Медвежий) Косовского р-на Ивано-Франковской обл. (зап. О.Т. Ковач); Космоз. — д. Космозеро Медвежьегорского р-на КАССР (зап. А.В. Тер-Аванесовой); Краславск. — Краславский р-н; Красноп. — Краснопольский р-н; Кр. — Красногородский р-н Псковской обл.; Кругл. — Круглянский р-н; Крупс. - Крупский р-н; Крылос — с. Крылос Галицкого р-на Ивано-Франковской обл. (зап. автора); Кузар. — д. Кузаранда Медвежьегорского р-на КАССР (зап. А.В. Тер-Аванесовой); Кун. — Кунинский р-н Псковской обл.; Ленингр. — Ленинградская обл.; Леп., Лепель. — Лепельский р-н; Локн. — Локнянский р-н Псковской обл.; Лудз. — Лудзенский р-н; Луж. — Лужский р-н Ленинградской обл.; Луинн. — Луинецкий р-н; Люд. — Людский р-н Псковской обл.; Миж. — с. Миженец Старосамборского р-на Львовской обл. (зап. автора); Минск. — Минская обл.; Миор. — Миорский р-н; Могил. — Могилевская обл.; Мост. — Мостовский р-н; Мстисл. — Мстиславский р-н; Мяд. — Мядельский р-н; Неб. — с. Небылов Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл. (зап. О.Т. Ковач); Нев. — Невельский р-н Псковской обл.; Новг. — Новгородская обл.; Новогр. — Новогрудский р-н; Новос. — с. Новоселица Межгорского р-на Закарпатской обл. (зап. Е.Э. Будовской и автора); Н.-Рж. — Новоржевский р-н Псковской обл.; Н.-Сок. — Новосокольнический р-н Псковской обл.; Оп. — Опочецкий р-н Псковской обл.; Орш. — Оршанский р-н; Остр. — 1) Островский р-н Псковской обл.; 2) Островецкий р-н Гродненской обл.; Ошм. — Ошмянский р-н; Палк. — Палкинский р-н Псковской обл.; Пер. — с. Перегинск Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл. (зап. О.Т. Ковач); Пет. — Петриковский р-н; Печ. — Печорский р-н Псковской обл.; Пл. — Плюсский р-н Псковской обл.; Подпорож. — Подпорожский р-н Ленинградской обл.; Полн. — Полновский р-н Псковской обл.; Полоцк. — Полоцкий р-н; Порх. — Порховский р-н Псковской обл.; Пост. — Поставский р-н; Пот. — д. Поташня и Ложани Городокского р-на Витебской обл., см. ст. Пруж. — Пружанский р-н; Пск. — Псковский р-н Псковской обл.; Пуст. — Пустошкинский р-н Псковской обл.; Пушк. — Пушкиногорский р-н Псковской обл.; Пыт. — Пыталовский р-н Псковской обл.; Риж. — с. Рижавка Винницкого р-на Винницкой обл. (зап. О.Т. Ковач); Росс. — Россонский р-н; Свисл. — Свислочский р-н; Себ. — Себежский р-н Псковской обл.; Селецк. — д. Селецкое Медвежьегорского р-на КАССР (зап. А.В. Тер-Аванесовой); Сем. — с. Семаково (Самаково) Путильского р-на Черниговской обл. (зап. Е.Э. Будовский, О.Т. Ковач, О.А. Мудрака и автора); Сенн. — Сениенский р-н; Сер. — Середкинский р-н Псковской обл.; Сл. — Славковичский р-н Псковской обл.; Славг. — Славгородский р-н; Слан. — Сланцевский р-н Ленинградской обл.; Слуцк. — Слуцкий р-н; Сморг. — Сморгонский р-и; Столин. — Столинский р-н; Столбц. — Столбцовский р-н; Стр. — Стругокрасенский р-н Псковской обл.; Тис. — с. Тисов Долинского р-на Ивано-Франковской обл. (зап. автора); Тихвинск. — Тихвинский р-н Ленинградской обл.; Толоч. — Толочинский р-н; Торопец. — Торопецкий р-н Калининской обл.; ТП — с. Турья Поляни Перечинского р-на Закарпатской обл. (зап. автора); Трак. — Тракайский р-н; Тур. — с. Ясень (хутор Туровка) Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл. (зап. автора); Фоймогуба — д. Фоймогуба Медвежьегорского р-на КАССР (зап. А.В. Тер-Аванесовой); Холм. — Холмский р-н Новгородской обл.; Хотим. — Хотимский р-н; Худл. — с. Худлево Ужгородского р-на Закарпатской обл. (зап. автора); Чап. — с. Чапли Старосамборского р-на Львовской обл. (зап. автора); Чашн. — Чашникский р-н; Чудовск. — Чудовский р-н Новгородской обл.; Шальч. — Шальчининский р-н; Шарковш. — Шарковщинский р-н

ский р-н; Швенч. — Швенченский р-н; Шевел. — д. Шевелёвки Тарногокого р-на Вологодской обл. (зап. автора); ШЛ — с. Широкий Луг Тячевского р-на Закарпатской обл. (зап. автора); Шумил. — Шумилинский р-н; Шуч. — Шучинский р-н; Якорляд. — д. Якорлядина Медвежьегорского р-на КАССР (зап. А.В. Тер-Аванесовой); Ясень — с. Ясень Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл. (зап. автора); Яр. — с. Ярок Ужгородского р-на Закарпатской обл. (зап. автора).

Л.С. БАЮН, В.Э. ОРЕЛ

СТАРОФРИГИЙСКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ СТРОЙ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В 1984 г. вышел в свет двухтомный корпус старофригийских надписей К. Брикса и М. Лежена¹, работа над которым (при участии Э. Лароша) продолжалась около 15 лет. В настоящее время в распоряжении исследователей — 230 старофригийских надписей, из них 41 — лапидарная и 189 — instrumenta²; более трети надписей представляют собой тексты длиной от двух до нескольких десятков слов. С появлением старофригийского корпуса созданы предпосылки для исследования различных аспектов старофригийского языкового строя как на индоевропейском фоне, так и в соотношении с новофригийским состоянием³. В настоящей работе ставится задача дать сравнительно-историческое описание старофригийского глагольного словоизменения⁴.

Несмотря на относительную фрагментарность старофригийского материала и тот факт, что часть глагольных форм в нем заведомо не засвидетельствована, удается достаточно надежно установить, что в старофригийском различались три наклонения — индикатив, оптатив и императив, возможно два залога — актив и (медио) пассив (?), а в систему индикатива входило четыре времени — настоящее, аорист, будущее и формы, условно именуемые "имперфект".

¹ См.: *Brixhe C., Lejeune M. Corpus des inscriptions paléophrygiennes. T. I—II.* Paris, 1984.

² Некоторые лапидарные надписи содержат по нескольку текстов, выполненных на разных частях одного памятника и мало связанных между собой в смысловом отношении. Если, вслед за издателями, рассматривать их как отдельные надписи, это увеличит число лапидарных надписей до 51.

³ Подробнее см.: Баюн Л.С., Орел В.Э. [рец. на кн.]: С. Brixhe, M. Lejeune. *Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes* // ВДИ, 1986, N 3. С. 202 слл.

⁴ Поскольку наши выводы в значительной мере основаны на текстологическом анализе старофригийских надписей, нам придется по ходу изложения привлекать более или менее пространные контексты, обосновывая вкратце их интерпретацию, без чего все чисто грамматические рассуждения были бы беспочвенны. Очевидно, что в ряде случаев не исключена возможность альтернативных толкований отдельных контекстов, однако это, как правило, не отражается на грамматической интерпретации старофригийских форм. Сведения по хронологии и жанровой принадлежности старофригийских надписей см.: Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966; Нерознак В.П. Палеобалканские языки. М., 1978. С. 66 сл.; Brixhe C., Lejeune M. Op. cit.

© Л.С. Баюн, В.Э. Орел, 1989

Настоящее время

1 л. ед. ч. представлено формой *eumti*, не идентифицированной издателями, которая встретилась в ранее не публиковавшейся надписи VI в. до н.э. из Гордиона на статуэтке, изображающей антропоморфное существо (G—178)⁵: *eumtiyaki*. Соотнесение изображения и текста позволяет выделить в этой надписи начало распространенного западномалоазийского имени (теонима) *v/baki-*⁶, ср. лид. *baki-*, обычно сопоставляемое с греч. Βάκχος⁷. Можно полагать, что ст.-фриг. *eumti* образовано от той же основы, что и н.-фриг. είτου ‘да будет’. Поскольку последнее обоснованно связывают с и.е. *ei- ‘идти’ при семантическом развитии ‘идти’ → ‘стать, быть’⁸, ст.-фриг. *eumti* непосредственно сопоставляется с греч. εἰμί⁹.

3 л. ед. ч. характеризуется показателем -ti, которому в новофригийском, по-видимому, соответствует -tī. Сюда относятся тематические формы (*deiatī* ‘ставит’, *dakati* ‘устанавливает’, *poreti*) и атематические (*nati* ‘ведет’, *kiti* ‘двигает’).

Форма *deiatī* встречается в посвятительной надписи М—06 на высеченном в скале алтаре (датировка неизвестна): :[v]rekun : deiatī teva[n] 2davoi itan. Здесь *tevan* — им. пад. личного имени¹⁰, в то время как *vrekun* и *itan* — прямые объекты. Перевод надписи: ‘Теван ставит культовый памятник’¹¹ — святилище Давосу (богу-Волку?)¹². Ст.-фриг.

‘Здесь и далее используется нумерация издателей. Буквами обозначены: М — “город Мидаса”, W — Западная Фригия, В — Вифиния, С — Центральная Фригия, G — Гордион, Р — Птерия, Т — Тианида.

⁶Чередование губного смычного со спирантом в анлауте особенно характерно для ликийской ономастики, см.: Zgusta L. Kleinasienatische Personennamen. Prag, 1964. S. 118.

⁷См.: Littmann E. Lydian Inscriptions. Leiden, 1916. P. 38 f. (Sardis. Vol. VI, pt. 1); также: Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. T. I. Paris, 1968. P. 159.

⁸См.: Haas O. Op. cit. S. 89.

⁹По фонетическим соображениям менее вероятной кажется связь *eumti* с и.-е. *es-‘быть’ (греч. είμι), поскольку и в форме *eumti*, и в ст.-фриг. *itoi* ‘да будет’ (G—229) в таком случае ожидалось бы сохранение этимологического *-s-. Заслуживает внимания то обстоятельство, что оптатив *itoi* (за вычетом элемента -t-, о котором см. ниже) оказывается параллельным греческому оптативу *toi* от είμι, в частности, в том, что касается огласовки корня.

В этом случае, как и в ряде других, может возникнуть вопрос: не является ли рассматриваемое старофригийское слово гречизмом? Очевидно, что однозначный ответ на него далеко не всегда возможен. Старофригийский обнаруживает сходство с греческим в области фонетики, морфологии, лексики, что большей частью объясняется генетическим родством. С другой стороны, между фригийцами и греками с древнейших времен имели место постоянные контакты, что не могло не отразиться на различных языковых уровнях. Иногда, на основании косвенных свидетельств, удается с определенностью идентифицировать то или иное слово как заимствование, но если таких косвенных свидетельств нет, мы предпочитаем воздерживаться от окончательного суждения. Что касается ст.-фриг. *eumti*, считать его гречизмом нецелесообразно, так как это был бы единственный случай появления иноязычной словоформы в надписи, выполненной старофригийским письмом.

¹⁰Асигматический номинатив основы на сонант мужского рода типа греч. ποιητή; ср. датив *tevanο[ν]* в М—05.

Значение ‘святилище’ устанавливается для *vrekun* комбинаторно по данной надписи, а также по W—01a и В—03 (см. ниже). Это слово, возможно, связано с не совсем

deiatī является производным на *-je/o- от и.-е. *dhē- ‘ставить’, напоминающим славянские и балтийские формы (слав. *dějо, лтш. dēju, dēju и под.)¹³, но с кратким вокализмом корня¹⁴, ср. гомер. θείονεν (A 143)¹⁵.

Значение формы *dakati* ‘устанавливает, назначает’ определяется на основе наскальной надписи В—015-6: ovis...dakati opiton ‘он/этот... назначает наказание’, где *opito-* сопоставляется с греч. ὅπις ‘возмездие, мщение, кара’. На этом основании *dakati* возводится к и.-е. *dhē-, расширенному посредством элемента *-k-¹⁶, ср. греч. (аор.) ξθηκα, лат. (перф.) fēci (из *dhē-k-) наряду с тох. А, В tāk- ‘быть’ (из *dhə-k-)¹⁷. Заметим, что ст.-фриг. *dakati* и *deiatī* соотносятся между собой, как лат. fēcīmus (1 л. мн. ч. перф.) и умбр. *feia* (3 л. ед. ч. перф.) и умбр. *feia* (3 л. ед. ч. конъюнкт.). Нельзя исключить и интерпретации *dakati* как тематизированного презенса со ступенью *-ā- < *-eī- тематического гласного при вокализме основы в нулевой ступени (см. ниже относительно *daYet*).

Глагол *poreti* встретился в сильно поврежденной надписи Т—03 на

ясной гlossenой βερεκύνδαι δαίμονες τίνες [καὶ βόμβοι] (Hes.). Большой интерес представляет термин *iman*, условный перевод которого ‘культовый памятник’ далеко не полностью выражает его значение (см.: Баюн Л.С., Орел В.Э. Указ. соч.). Этим словом обозначался любой предмет (например, стела, алтарь, статуэтка), посвящаемый божеству и приобретающий тем самым магическую силу. К нему могли быть обращены те же просьбы, что и к самому божеству (ср. ниже о G—136). Представляется перспективным сопоставление *iman* с хет. *himma-*‘(культовое) подобие’, опирающееся не только на формальное, но и на функциональное сходство, ср. хет. ^{G1-GIR} *hi-im-ma-aš i-ja-an* ‘1 тележка в качестве культового предмета сделана’, *ú-e-ra-aš-ša* SA IM *hi-im-ma-aš i-ja-an-za* ‘ú. (Розенранц: Tablett?)’ из глины в качестве культового предмета сделан’ (IBoT 111 93 + KBo XV 21 1 7 ff., 9). О хет. *himma-* см.: Oettinger N. Die Militärischen Eide der Hethiter. Wiesbaden, 1976, S. 61 ff. (StBoT 22) и особенно: Иванов Вяч. Вс. Проблема происхождения и в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 81, сл.

¹²Интерпретация *davo-* как обозначения волка подсказывает гlossenой δάος... ύπλο Φρυγών λύκος (Hes); см. Eliade M. Les daces et les loups // Numen, 1959, N 6. P. 16 suiv. О и.-е. основе *dheu-, к которой восходят обозначения мифологического ‘хищного зверя’, см.: Иванов Вяч. Вс. Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое — убийце Пса и евразийские параллели // Славянское и балканское языкознание. М., 1977; с. 181 слл.

¹³См.: Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 155, сл. (далее — Иванов. Глагол).

¹⁴В старофригийском и.-е. *ē > e, но и.-е. *ē > i или a (см. ниже).

¹⁵Из *θέονεν < *dhē-ome/o-, см.: Watkins C. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969. S. 154. (=Indogermanische Grammatik. Bd. III/I).

¹⁶Как неоднократно отмечалось, элемент -k- в этом и некоторых других архаичных глаголах (типа *sto(H)-) не имеет морфологического объяснения и может рассматриваться как рефлекс ларингалов на стыке морфем (*-H-H- > -k-): Sturtevant E. The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. P. 87; Иванов. Глагол. С. 155, 158). Нашей интерпретации не противоречит и появление того же глагола с вторичным окончанием в формуле *onotan daYet* ‘установил имя’ (W—01b), имеющей индоевропейские соответствия; см. далее: Иванов. Глагол. С. 140, сл.; Haas O. Op. cit. S. 195.

¹⁷См.: Van Windekind A.J. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976. P. 495—496.

базальтовой плите из Тианиды¹⁸, в следующем фрагменте текста: *2...]es : poreti* *[-i]* [...], где он находится после имени в им. пад. ед. ч. (возможно, что перед нами одно из старофригийских личных имен с исходом на *-tes*,ср. *bates* в W—08 и *ates* в M—01a). Наличие интерпункции говорит о самостоятельном характере формы *poreti*, однако ее значение нам неясно.

В рассмотренных глагольных формах в качестве "полноценного" тематического гласного выступает *-e-* в *poreti*; *deiati* и *dakati* содержат *-a-*, являющееся в старофригийском нормальным рефлексом *a, что указывает на принадлежность этих двух форм к "полутематической" парадигме¹⁹.

Форма *nati* выделяется в надписи W—05a на культовом фасаде из Западной Фригии (VII—VI вв. до н.э.): *nati meyōn na[...]*²⁰. Возможный перевод: 'ведет взрослого (человека), ве[...]' Конец надписи, где могло быть подлежащее, не сохранился²¹; дополнение *meyō-* в этимологическом плане может быть сопоставлено с анат. (хетто-лув.) *lu^Utaia-* 'взрослый'. Ст.-фриг. *nati* (где *-a-* — рефлекс и.-е. *ē) — глагол на долгий гласный (гласный + ларингал), который мы сближаем с хет. *neħħi* 'веду, направляю', др.-инд. *náyati* 'ведет, направляет'. Презенс *nati* образован по тому же типу, что и аномальное вед. *dāti*²².

Форма *kiti* встречается в надписи G—20 на каменной плите (VI в. до н.э.): *ios oporokiti si* (в тексте пробелы отсутствуют). Часть надписи, содержащая *kiti*, представляет собой протазис охранительной формулы, которая в общем виде выглядит следующим образом: "Кто причинит вред этому (памятнику, погребению и т.п.), того ждет кара"²³. В надписи надежно выделяются относительное местоимение *ios* и прямой объект — указательное местоимение *si*, ср. *si kenemtan edaes* этот памятник посвятил' (M—01b), *si ... edaes* 'это ... посвятил' (B—01). Ряд соображений (необычное в старофригийском внутриморфемное "полногласие" *-oro-*, распространенность генитивов на *-o-*, наличие в новофригийском самостоятельного слова *oro*) заставляет

¹⁸ Надпись настолько плохо сохранилась, что издатели приводят только ее фотографии (позволяющие, однако, прочитать большинство знаков), но не дают транслитерации, см.: *Brixhe C., Lejeune M.* Op. cit. T. I. P. 268; T. II. Pl. CXXXI. — Приведенная здесь транслитерация выполнена авторами настоящей работы по фотографиям; чтение слова *poreti* и соседних с ним знаков представляется вполне надежным.

¹⁹ К ней же относятся, например, основы с суф. *-nā- (*-neə-) : *-nā-, ср. лат. *linō* 'намазываю', др.-инд. *rūpātī* 'очищает', характеризующиеся показателями *-nā-mi, *-nā-si, *-nā-ti (см.: *Watkins C.* Op. cit. S. 158 f.). Старофригийский презенс на *-a-* хорошо описывается этой моделью, охватывающей старые глаголы на долгий гласный, распространенный суффиксом.

²⁰ Относительно словоупотребления см.: *Brixhe C., Lejeune M.* Op. cit. T. I. P. 48.

²¹ См.: *Brixhe C., Lejeune M.* Op. cit. T. II. Pl. XXV—3.

²² От *dā-* 'делить'; *dā-* 'давать', как правило, образует презенс по 3-му классу — *dādāti*, см.: *Barroo T.* Санскрит. М., 1976. С. 282.

²³ К этому типу относятся многочисленные новофригийские надгробные надписи ("стандартные"), см.: *Haas O.* Op. cit.

²⁴ См.: *Orel V. Э.* Об одной греко-старофригийской изоглоссе: gen. sg. o-основ // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986. С. 169, сл.

считать *kitti* отдельной формой. Для этого переходного атематического глагола комбинаторно устанавливается "негативное" значение 'сдвигать, тревожить, разрушать' и под. Кажется вероятной связь *kitti* с греч. κίνη 'отправляться, двигать', лат. *ciēre* 'двигать, колебать'²⁵.

Аорист

Старофригийский аорист имел значение претерита. Это было сугматическое образование с регулярным аугментом (об одном отклонении см. ниже). Аугмент располагается непосредственно перед корневой морфемой²⁶. Засвидетельствованные аористные формы относятся к 3 л. ед. ч.

Форма *edaes* — ключевой глагол старофригийских посвятительных надписей ("verbe de dédicace"²⁷). Его прямыми объектами служат *kenemta-* 'гробница', *saħtat* 'надпись', *iman* 'культовое подобие', *urekin* 'памятник'; косвенным объектом является адресат посвящения. Лишенная серьезных аргументов традиция выводит *edaes* из и.-е. **dhē-*²⁸, что встречает трудности формального характера. Остается без объяснения последовательность *-ae-*²⁹. Гипотетическая праформа *e-dhēs-i дала бы во втором слоге *a* или *i*, а тематический аорист *e-dhēH-es-t отразился бы как **edi(y)es* или **eti(y)es*. Маловероятно, чтобы в пределах одного языка в качестве аориста от **dhē-* сосуществовали столь разные формы, как *edaes* и *tīyes* (см. ниже). Предпочтительнее поэтому принять решение, не влекущее за собой столь значительных трудностей,

²⁵ К этому же корню (и.-е. **kei-/kī-*) могут восходить хет.-лув. глаголы, обозначающие некоторое "негативное" действие типа 'ломать', 'разбивать' и т.п.: хет. *ki-pi-* 'взламывать', мил. *kiki-* 'ударять, поражать'. Предполагавшаяся ранее связь этих хет.-лув. основ с и.-е. **ghei-* 'зять, быть пустым' (Некоторые вопросы реконструкции общеанатолийского глагольного строя // Древняя Анатolia. М., 1985. С. 17) исходила из допущения нерегулярного рефлекса и.-е. *gh в милийском, где обычно **gh > Ø*.

²⁶ Интересно, что с точки зрения морфосинтаксиса аугмент в фригийском ведет себя в точности, как самостоятельные глагольные частицы. Например, последовательности частица + оптатив и аугмент + глагол (в аористе) требуют порядка OV, а глагол без аугмента или частицы — порядка VO; подробнее об этом см. в нашей книге "Фригийский язык". М.: Наука (в печати).

²⁷ *Brixhe C., Lejeune M.* Op. cit. T. I. P. 10.

²⁸ Ср. *Pedersen H.* Hittitisch und die anderen indo-europäischen Sprachen. København, 1938. S. 129 — сопоставление *edaes* ~ хет. (3 л. ед. ч. претерита) *daiš* (которое оценивается как уязвимое, см.: *Watkins C.* Op. cit. S. 55).

²⁹ Согласиться с мнением, что *-ae-* "всюду < и.-е. *ē" (Нерознак В.П. Указ. соч. С. 72), невозможно. В одном случае (*lavagetai* 'полководцу', дат. ед. ч.), вопреки выражавшимся сомнениям (*Brixhe C., Lejeune M.* Op. cit. T. I. P. 8), налицо ошибка резчика: судя по им. пад. ед. ч. *lavā[ge]las* в G—01, это распространенный в старофригийском тип *a*-основ (ср. *midas*, *tamatás* и т.п.), имеющий дат. пад. ед. ч. на *-ai (ср. *midai* < *midas*); таким образом, здесь следовало бы ожидать формы *lavagetai. Scriptio defectiva связана не с потерей *e* (ср. конъектуру *lavagetai*: Нерознак В.П. Указ. соч. С. 72, оставляющую без объяснения окончание *-ae), но с графической метатезой. В других случаях *-ae-* отражает на письме фонологическое /ai/ или /aie/ (ср., например, варианты одной и той же частицы - *ae* и *ai*), где гайд может быть и исконным, и вторичного происхождения (перед передним гласным) аналогично тому, как гайд *-u-* может (факультативно) появляться перед гласным заднего ряда.

и связать *edaes* с и.-е. **dō-* (**doH-*) ‘давать’. В этом случае пришлось бы предположить для и.-е. *o особое развитие в фригийском перед *H (в отличие от апофонического *ō), но в том же направлении указывают и некоторые другие факты³⁰.

Переходным глаголом с префиксом *en-*³¹ является *eneparkes*. В надписи М—01 (граффито на внутренней части центральной ниши “гробницы Мидаса”) его прямым объектом является *mater-* ‘(Великая) Мать’ (=Кибела): *midas* *s<i> materan t̄v̄t̄mes eneparkes* ‘Мидас эту Мать... возвысил/почтил’³². Форме *eneparkes* соответствует н.-фриг. ενεπαρκες³³. Контексты, в которых встречается *eneparkes*, свидетельствуют против предполагавшегося значения ḥγραψεν³⁴. Основа *-park-*, вероятно, восходит к **bhergh-* ‘высокий’ и отражает нулевую огласовку (*g > ст.-фриг. *-ar-*).

Аорист *etoves*, засвидетельствованный в самой длинной надписи В—01, как и стоящий перед ним *edaes*, описывает действия некоего Бевдоса, от лица которого составлена надпись: *1s[i] bevdos adi[oy] 2kavarmouoy troy edaes etoves ni yo[i]* ‘Это (эту надпись?) Бевдос хранимому святилищу (Великой) Матери³⁵ посвятил (и) принес жертву ему’. Форма *etoves* продолжает и.-е. **dheu-* ‘дуть, раздувать’, огласовка *etoves* сближает ее со слав. *dujō. Ближайшее соответствие в семантическом плане — греч. θύω ‘совершать жертвоприношение’. Анлаут основы *-tov-* — еще один пример отражения звонких придыхательных фригийскими глухими, наряду с которыми в качестве рефлексов звонких придыхательных выступают и ст.-фриг. звонкие³⁶.

³⁰ При старофригийских основах муж. р. на *-a(-)<*ā<*-oH* в суффиксе имен на **-ōr* (~греч. -ωρ) имеем ст.-фриг. *o*.

³¹ Этот же префикс выделяется, видимо, и в ст.-фриг. *estatoi* ‘да поставит’ (< **en-stoH-*), ср. греч. ἐνίστημι ‘ставить, устанавливать’.

³² Ст.-фриг. *t̄v̄t̄mes* также может быть глаголом в аористе (ср. бессоюзную связьличных глагольных форм в В—01: *edaes etoves, t̄ivot asperet*). Отсутствие аугмента может объясняться, как и в М—04 (см. ниже), метрическими причинами: надпись распадается на два шестисложника. Комбинаторно форма *t̄v̄t̄mes* допускает интерпретацию ее как адвербиональной, однако уточнить ее значение не представляется возможным.

³³ У О. Хааса словораздел совершенно необоснованно проведен внутри этого слова, см.: *Haas O.*, Op. cit. S. 103 f.

³⁴ См.: *Brixhe C., Lejeune M.* Op. cit. T. I. P. 14.

³⁵ Ст.-фриг. *adio-* сопоставляется с греч. ἀδίστος ‘не подвергающийся опасности’. Для этимологии *kavarmou-* ‘святилище’ следует учесть лид. *kave-* ‘жрец’, и.-е. **kei-* (см. подробно: Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 51, сл.). Наконец, *troy* — сокращенная запись *materoy, идентичного греч. τὸ μῆτρον [ἱερόν] ‘храм Великой Матери (Кибелы)’, исходно — прилагательное со значением ‘материнский, относящийся к матери’. Ср. еще пример сокращенной записи: *vre* вместо *vrekun* (В—03); н.-фриг. μ-ρ вместо *matar-* (N—48).

³⁶ Соотношение и.-е. *Mediae aspiratae* : ст.-фриг. *Tenues*’ выдерживается в подавляющем большинстве случаев, но есть отдельные примеры, где старому придыхательному соответствует ст.-фриг. звонкий, ср. ст.-фриг. *dak-* < **dhe(H)-*. Не углубляясь в эту проблему, которая выходит за рамки нашего исследования, отметим, что сходное явление имело место в ликийском, где старые звонкие придыхательные могли передаваться знаками как для глухих, так и для звонких согласных (см.: Баюн Л.С. Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лавийской дописменной истории // ВДИ, 1980, N 2. С. 15). Возможно, что за этими фактами в обоих языках стояло одно и то же фонетическое явление.

В той же надписи встречается *evetemes*: «ευου εν[ε] μ[ε]τεμε τενευα ανατου ‘всякому невинному’³⁷ Богиня³⁸ благоприятствовала’. Форма *evetemes* наряду с первым компонентом *ev-* (= греч. εὐ-) и аугментом, место которого в этом слове заслуживает особого внимания, содержит корень *-tem-*, который сближается с и.-е. **tem-* ‘думать, вспоминать, упоминать’ при хетто-лав. **meta-* ‘говорить’³⁹.

Аорист *iviyēs* обнаружен в сильно поврежденной лапидарной надписи Р—06: *io[s] ivi[ye]s e[u]n* ‘кто совершил добро’. Форма образована от деноминатива **evi(ye)-* ‘благодетельствовать, совершать добро’ и входит в figura etymologica: *iviyēs eun*. Начальное *i*, видимо, продолжает *ē, образованное слиянием аугмента с анлаутным **e-* основы.

Единственный надежный пример сигматического аориста без аугмента — *t̄iyes* из надписи М—04 (VII—VI вв. до н.э.), расположенной рядом со святилищем: *1akenanogavan t̄iyes 2modro vanak [k]avar[n]* ‘Хранителем памятников назначил царь (города) Модры⁴⁰ Кавару’. Форма *t̄iyes* фонетически безупречно продолжает и.-е. **d̄hē-*j*-es-t* (к **d̄hē-* ‘ставить’)⁴¹. Отсутствие аугмента вполне объяснимо ввиду метрического характера текста, представляющего собой два стиха архаического восьмисложника⁴². При этом следует иметь в виду, что *-o* в *modro* представляет собой один из графических вариантов окончания генитива (наряду с *-ovo*), имевшего на фонологическом уровне вид /-oo/ и бывшего, таким образом, двуморным⁴³.

К системе аориста может относиться также форма *ais* из надписи G—117 на пифосе (рядом с указанием меры емкости): *ios ais*. Эта форма, возможно, входит в одну парадигму с оптативом *aey* (см. ниже), однако допустимы и другие объяснения.

В надписях имеются еще две формы с аугментом: *edae* и *etlnaie*. Их принадлежность к системе аориста несомненна — ср. соотношение *edae* и *edaes*. Из контекстов (в которых отсутствует имя в номина-

³⁷ Ст.-фриг. *anato-* ~ греч. ἀνάτος ‘невинный, безвредный’.

³⁸ Подобно другим формам на *-eya* (*kubeleya, imeneia* и т.д.), *tepeua* — прилагательное жен. р., эпиклеза Богини-Матери.

³⁹ Относительно семантики см.: Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения неостратических языков: Сравнительный словарь (I – 3). Указатели. М., 1976. С. 43.

⁴⁰ Поскольку Мόбр — город в Phrygia Epictetus (Strab. 12, 3, 7), имеющиеся толкования *modro* как appellativa (см.: Нерознак В.П. Указ. соч. С. 76) должны быть отклонены.

⁴¹ Издатели корпуса ошибочно считают *t̄iyes* личным именем, а надпись — вотивной, с пропущенным *edaes*, обязательным в таких случаях (см.: *Brixhe C., Lejeune M.* Op. cit., t. I, p. 23). При таком решении значения остальных слов вступают в противоречие с их же grammatischen характеристиками.

⁴² Это не единственный метрический старофригийский текст, ср. еще, например, Р—04а и W—10. Существенно, что восьмисложный стих является, видимо, архаизмом индоевропейской древности (применительно к греческой и хеттской традициям см.: Иванов Вяч.Вс. Происхождение древнегреческих эпических формул и метрических схем текстов // Структура текста. М., 1980. С. 59—80, с литературой вопроса). Не менее важно и то, что если в генитиве на *-o* фактически осуществлялось смяжение /-oo/ в долгое /ō/, налицо важнейшее свидетельство типичного для греческого гексаметра отождествления двух кратких слов долгому, что, возможно, характерно уже для микенского (см.: Kuryłowicz J. Metrik und Sprachgeschichte. Wrocław; Kraków, 1975. S. 14 ff.).

⁴³ См.: Орел В.Э. Указ. соч. С. 169.

тиве) вытекает, что эти формы выражают пассивные значения, ср.: *atai edae gelavo* '(это) было посвящено/предназначено отцу Геласу' (W—10); *otuwoi vetei etlnaie* (P—04a) '(это) было принесено (?) сородичу Отиса'⁴⁴. Исторически *edae* (к **dō-*) и *etlnaie* (? к **tel-* 'нести') могут быть выведены из страдательного аориста на *-ē⁴⁵, однако в таком случае фонетический рефлекс *ē оказывается нерегулярным. Следует, правда, иметь в виду и чисто графические эффекты (см. прим. 28), благодаря которым не исключается передача фонологического /-ai/ (с *i* — закономерно из *ē) как *ae* и даже как *ai(e)*.

Аористные формы в старофригийском сохраняют как основы в ступени продления (типа др.-инд. *ánaíṣam* '(я) вел'), так и основы в нормальной и нулевой ступенях. В отличие от древнегреческого, сигматический аорист в старофригийском имеют и старые глаголы на долгий гласный (на ларингал), образующие в греческом только корневой аорист.

Будущее время

Единственная форма буд. времени — *egeseti*, 3 л. ед. ч., дважды встречается в надписи P—04a на андезитовой плите из Птерии: *ios ni akenan egeseti* 'кто же памятник⁴⁶ сделает'; *ote egeseti vebri* 'то совершил проступок'⁴⁷. Значение *egeseti*, устанавливаемое комбинаторно (ср. транзитивность этого глагола применительно как к "памятнику", так и к "проступку"), заставляет связать эту форму с и.-е. **ag-* (ср. семантическое развитие лат. *agō*), хотя при этом остаются непреодоленными трудности историко-фонетического характера (источник начального ст.-фриг. *e?*). Основа будущего времени образуется с помощью суф. *-s- с тематическим -e-, ср. наст. вр. *poreti*. В противовес буд. вр. на *-sie-/*-sio- в древнеиндийском и балтийском, будущее время на -se- сближается с греческим типом на *-so-.

"Имперфект"

В надписях встречаются глагольные формы 3 л. ед. ч. с вторичным окончанием -t, обычно без аугмента (кроме одного случая, о котором см. ниже), которые по модели образования напоминают греческий и древнеиндийский имперфект. Для уточнения грамматического значения этих форм полезно обратиться к контекстам.

Форма *daΥet* появляется в надписи W—01b на фасаде культового памятника (VII—VI вв. до н.э.): *iyos esai t i materey i eveteksetey i ovevin i onoman i daΥet. i la2 ke dokey i venavtun i avtay i materey* 'кто же

⁴⁴ Традиционное толкование *otuwoi vetei* как 'octavo anno' (Р. Мейстер apud Brixhe C., Lejeune M. Op. cit. T. I. P. 237) неприемлемо, кроме всего прочего, потому, что *-kt- в фригийском несомненно сохраняется, ср. *apakteni*, *aperakto* и под.

⁴⁵ См.: Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 137, сл.

⁴⁶ Ст.-фриг. *akena-* связано с и.-е. **ak-* и продолжает **ak-en-* при греч. ἀκόντιον 'точильный камень' < **ak-on-*, ἀκίνα 'колючка' < **ak-n-i-* и под. К *akena-* восходит первая часть титула *akenaogavos* (см. выше), в второй части которого ср. греч. ἀνύω 'приказывать'.

⁴⁷ К *vebri* ср. греч. βρήσις 'дерзость, проступок'. Это один из нескольких известных случаев передачи вин. пад. без конечного -l.

этой (Богине-) Матери благорожденной то/такое имя дал/дает, да не даст то же самое (имя) собственной матери⁴⁸. Данная надпись предостерегает против употребления сакрального имени или эпитета Кибелы применительно к человеческому существу⁴⁹. Замечательно, что текст сохраняет конструкцию *onoman daΥet*, находящую параллели в других древних индоевропейских традициях⁵⁰. Сопоставление *daΥet* с формой *dakati* подтверждает мнение О. Хааса о том, что знак Υ передавал придыхательный смычный или с учетом интервокальной позиции глухой спирант⁵¹. Корневой вокализм, одинаковый у *daΥet* и *dakati*, вероятно, отражает *-ə⁵², как и тох. *tāk-*; действительно, долгая ступень *-ē- у глагола **dhe-* отражается не как -a- (что теоретически возможно), а как -i-, ср. *tiyes*, *etit* (см. ниже).

В наскальной надписи Р—06 (VI в. до н.э.) встречается форма *deiket*: [...] *akiti[vai]s2 ai : ios deiket* '...].а. (титул) (это тот), кто указывает/указывает' (комментарий ко второй части Р—062 см. выше). Форма *deiket* восходит к и.-е. **deik-*, причем полная ступень основы напоминает презентно-аористный вокализм греческого типа (ср. δείκνυμι, δεῖξαι).

Две формы "имперфекта" находятся в паратаксисе в В—014: *ios tivot asperet dainikin telemi* 'кто безумствует (и) разобьет что-нибудь⁵³ во внутреннем помещении (святилища)',⁵⁴ Далее сообщается о наказании, ожидающем этого человека. Для *tivot* и *asperet* комбинаторно выводится негативное значение, причем глагол *asperet* характеризуется как переходный. Для *tivot* можно предложить сопоставление с греч. θύω 'бушевать, неистовствовать' (*tiv-* из **dheū-*?). Тематическое -o-, очевидно, объясняется исходом основы на -v- (ср. далее — *ervot*). Форма *asperet*, вероятно, восходит к *(s)per- 'ломать, рвать' (ср. греч. σπάρασσω 'разрывать'), хотя начальное a- неясно (протеза перед группой **sp-* или префикс со значением усиления типа тох. A ā- < *y-?).

Форму *ervot* находим в надписи Р—04 на андезитовой плите: *ios ervot sati kakuio i [...]* 'кто забросит (этот памятник), тому злая с(удьба)'⁵⁵. Ясно, что перевод формы прошедшем временем здесь невозможен — она имеет, скорее, эвентуальное значение, близкое к условному. Ст.-фриг. *ervot* сближается с греч. ἔρφεω 'оставлять, прекращать; уходить' и содержит краткую ступень корневого вокализма **erγ-*.

⁴⁸ Подробно об этой надписи см.: Баюн Л.С., Орел В.Э. Указ. соч.

⁴⁹ Помимо лингвистических соображений, культурно-типологическое правдоподобие данной интерпретации заставляет предпочесть ее предшествующей: "То, которое положил матери, родила ему его имя, делает она и как я сделал сам своей матери" (см.: Нерознак В.П. Указ. соч. С. 77).

⁵⁰ Об этой формуле см.: Иванов Вяч.Вс. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции // Древняя Индия. М., 1964. С. 85—94.

⁵¹ См.: Haas O. Op. cit. S. 196. Иную трактовку (как ks) см.: Brixhe C., Lejeune M.

⁵² Относительно *ə в *daΥet* см.: Нерознак В.П. Указ. соч. С. 79.

⁵³ Последовательность *dainikin* — это группа энклитик *d ai ni kin*, последняя из которых — аккузатив местоименной основы.

⁵⁴ К ст.-фриг. *telemi* ср. греч. θαλάμη 'пещера, комната, помещение'. По форме *telemi* — аккузатив с опущенным на письме конечным -i-, ср. прим. 45.

⁵⁵ Толкование этой и других надписей, содержащих формулу *kakuio itovo* = гомер. κακὸν οἴτον см.: Баюн Л.С., Орел В.Э. Указ. соч.

В надписи W—01a на фронтоне культового фасада (VII—VI вв. до н.э.) находим еще один "имперфект" — *tutut* : *2yos tutut [evde]mnoy* '(тот), кто высек (надпись) для Благой (Богини)'. Форма *tutut* возводится к и.-е. **teud-* 'бить, ударять' (ср. др.-инд. *tudáti*)⁵⁶ с нулевой огласовкой основы. Эта этимология требует предположения об ассилиятивном развитии *t-d > *t-t*; ассилияцией приходится объяснять и *-i-* второго слога.

Форма с аугментом *etit* встречается в надписи В—03 на большой каменной плите: *2yos yos yen vre<kun>zeit* 'кто бы ни поставил этот памятник'. Несомненно, что *etit* продолжает **dhe-*. Наличие аугмента, вероятно, связано с краткостью глагольной основы⁵⁷. Фонетически форма *etit* напоминает корневые аористы (ср. др.-инд. *ádāt*, *ádhāt*), которые могли использоваться и как имперфекты⁵⁸, однако такое истолкование *etit* заставило бы постулировать существование особой грамматической категории на основе одной изолированной формы, что едва ли целесообразно.

Употребление "имперфектов" показывает, что эти формы не имеют конкретной временной соотнесенности. Круг их значений обширен и не всегда может быть однозначно определен: их можно трактовать как прошедшее, настоящее или будущее время индикатива, а в некоторых случаях — и как модальные формы. Эти признаки, наряду с формальными характеристиками "имперфектов", характерны для индоевропейского инъюнктива⁵⁹. Рассмотренные основы могут иметь ту же ступень огласовки, что и в презенсе, продленную ступень, как в аористе, и нулевую ступень⁶⁰. Для глагольных основ на *-v-* предполагается вторичное фонетическое развитие тематического гласного (*ervoi* < *ervet, *tivot* < *tivet).

ОПТАТИВ

В старофригийском оптативе (3 л. ед. ч.) представлен двумя рядами форм — с показателями *-o/eu* и *-toy*. Глаголу в оптативе нередко предшествуют частицы: *ke* (ср. греч. *κε(v)* при оптативе) или *te*, а также проклитический комплекс *la ke* 'да не' с запретительным значением⁶¹.

Формы на *-ou* восходят к тематическому оптативу на **-oi(-)* типа греч. (*F*)ίδοι, др.-инд. *vidēt*, причем фонетически *-ou* скорее продолжает

⁵⁶ См.: Нерознак В.П. Указ. соч. С. 77 (однако с невозможным фонетически объяснимым из перф. *tu-tud-ai > др.-инд. *tutudē*).

⁵⁷ Аналогично армянским аористам типа *ed*, см.: Джакунян Г.Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван, 1982. С. 187.

⁵⁸ См.: Барроу Т. Указ. соч. С. 311.

⁵⁹ Там же. С. 279—280.

⁶⁰ О разнообразии типов имперфекта см.: Лейн Дж.С. Имперфект и претерит в тохарском // Тохарские языки. М., 1959.

⁶¹ Связь ст.-фриг. *la* с хеттским прохибитивным *lē* несомненна. С другой стороны, выявление в различных и.-е. языках элемента *-l-* со специфической модальной семантикой (ср. прус. *-lai-*, выступающее как формант с волюнтивно-оптативным значением, см.: Топоров В.Н. Прусский язык. К—Л. С. 418, сл.; славянские, хеттские, тохарские и др. формы на *-l-* с исходным модальным значением, см.: Иванов Вяч.Вс. Происхождение славянских глагольных форм на *-l-* // Советское славяноведение, 1981, N 6. С. 91, слл.) позволяет включить ст.-фриг. *la* (как и хет.

**-oi*, чем **-oi-i-*⁶²). К типу на *-ou* относится *sitiōy* из В—01_{7—8}: *kavarmoyp matar ote kono[u] 8ke sitiōy* 'святилище (Богиня)-Мать из Кониона'⁶³ да посетит (?). Глагольная основа *siti-*, вероятно, связана с и.-е. **sēt-*,ср. слав. *sētīt (также с основой на **-T-*)⁶⁴. К тому же типу относится *aoy* в надписи В—03: *2eiteveayu yos yos yen vre[kun]* *zeit eitevey me[r]oun la ke ao[y]* 'Справедливой (=Кибеле) кто бы такую стелу ни поставил, Справедливому (=Атису?) часть'⁶⁵ (ее) да не оставит'. В надписи противопоставлены эпитеты двух божеств — женского, *eiteveaya* (= греч. εὐθεῖα), и мужского, *eitev-* (= греч. εὐθύς)⁶⁶, за которыми, видимо, стоит противопоставление двух культов⁶⁷. Оптатив *aoy* — фонологически /*avoy/* — связан с греч. ἀσθ 'допускать, предоставлять' (< *έάσθω)⁶⁸.

Оптатив на *-ey* не имеет прямых параллелей, однако аналогию ему можно видеть в греческом оптативе сигматического аориста на *-ei-*, ср. аттич. δέξειε, элайск. καταράντειε⁶⁹. К этому типу относится *dokey* в W—01b: ...*la ke dokey venavinti avtay materey* (интерпретацию см. выше). Контекст заставляет отнести *dokey* к тому же **dhe-k-*, что и *da Yet*, *dakati*. Неясным остается здесь корневой вокализм, который иногда считают "перфектным"⁷⁰. Можно было бы напомнить об огласовке герм. *dōn, однако ближайшая параллель обнаруживается в тохарском претерите, где соотношение огласовок в безударном корневом слоге (А *tākā*, В *takāsta*) позволяет реконструировать только **dhē-k-* (в отличие от презенса). К типу на *-ey* относится еще *aey* из надписи W—01a: ...*akenanogavos aey zmatieran areyastin* 'хранитель памятников да почтит достойнейшую Мать (= Богиню)'. Контекст указывает, что *aey* — переходный глагол (объектом которого является Кибела), а не частица, идентичная *ae*, как предполагалось⁷¹. Значение *aey*

lē) в более широкий контекст и рассматривать его в качестве индоевропейского архаизма. См. еще: Иллич-Свityч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь. I. М., 1971. С. 264, где приводятся данные внешнего сравнения.

⁶² Полагают, что **-oi* было более ранним показателем 3 л. ед. ч. оптатива, безразличным к диатезе, а его включение в систему междя было результатом позднейшего развития, см.: Watkins C. Op. cit., p. 232.

⁶³ К основе *kono-* ср. фригийский топоним *Kóviov*. Предлог *ote* < и.-е. **oti/etij* (слав. *otv, ирл. *aith-*, *aid-* и под.).

⁶⁴ Дальнейшие связи неясны, ср.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 338.

⁶⁵ К основе *merovo-* ср. греч. μέρος, -εος 'часть'.

⁶⁶ Структура жен. р. *eiteveaya*- аналогична другим эпиклазам Кибелы (см. прим. 36). Дат. пад. *eitevey* идентичен микен. *-ve(j)*, ср. *paro eviteve*, *opiteukeeve* (см.: Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957. С. 125).

⁶⁷ Такое противопоставление устанавливается и на материале новофригийских надписей, где оно реализуется в ареально-географическом плане (подробнее об этом см. в другом месте).

⁶⁸ См.: Chantraine P. Op. cit. P. 308.

⁶⁹ См.: Schwyzer E. Griechische Grammatik. München, 1953. S. 409. Высказанные предположения об исходном оптативном **-ei-* (Семерены О. Введение в сравнительное языкоизучение. М., 1980, с. 276) заставляют видеть в ст.-фриг. *-ey* архаизм.

⁷⁰ См.: Нерознак В.П. Указ. соч. С. 79.

⁷¹ Ср.: Brixhe C., Lejeune M. Op. cit. T. I. P. 39.

устанавливается комбинаторно; не исключена этимологическая связь с и.-е. *ai- 'давать, братъ' при учете специфического сакрального употребления в фригийском⁷².

Показатель оптатива *-toy* восходит к тематическому оптативу на *-oi с предшествующим *-t-*; контексты исключают трактовку его как медиального показателя⁷³. В то же время фригийская инновация может восходить к *-t- в императиве на *-ti, либо к медиопассивному *-t-, хотя и на более глубоком хронологическом уровне.

Оптатив *datoy* засвидетельствован в начале W—01a: *1bonok : akena-nogavos 2vrekun:te datoyp* 'хранитель памятников Бонок'⁷⁴ стелу пусть посвятит'. Основа *datoy* восходит к и.е. *doH- и соотносится с аористом *edaes*. Та же форма, но с метатезой звонкости (*tadoy*), обнаружена в надписи G—136 на алебастровой статуэтке сокола (VI в. до н.э.): *tadoy iman bagun* 'пусть даст иман'⁷⁵ благополучие⁷⁶.

Форма *itoi* присутствует в надписи G—229 на ручке вазы (V—IV вв. до н.э.): *2matitas itoi es gloka* 'Мамутас' да пребудет в счастье (?). Перевод второй части обусловлен комбинаторными соображениями. Выше мы уже отмечали далеко идущий параллелизм ст.-фриг. *eyml*: *itoi* и греч. εἰμί : ιοι, подтверждающий, что здесь мы имеем рефлексы. и.-е. *ei-.

Оптатив *estatoi* содержится в надписи G—144 на днище сосуда (V в. до н.э.): *estatoi avun* 'пусть (по)ставят сосуд (?). Значение *avun* неясно, но это несомненно вин. пад. о-основы типа *vrekun*. Форма *estatoi* — видимо, от префиксального *en-sta-, к *stoH- (в плане вокализмаср. *datoy* к *doH-), ср. греч. ἐνίστημι 'устанавливать, ставить'.

Форма *ektetoy* встречается в В—01: *matar kubeleya ibeya duman ektetoy* 'матер Кибела Ибейя (религиозное) собрание'⁷⁸ да учредит'. Это оптатив от *en-kte- (с закономерным развитием *en- > e- перед согласным, ср. выше), тождественного греч. ἔκτασις 'приобретать (для себя), строить, основывать (вне своей страны)'; дополнительное подтверждение этому — варьирование в В—01 темы "чужого", "иноzemного" в связи с названиями религиозных собраний *duma-* и *pakra-* (из семит. *p̥yr- 'собрание', ср. финик. *m-p̥r-t* 'собрание', аккад. *ru̥hr-* '(религиоз-

⁷² Близкой семантикой обладают некоторые греческие производные *ai-, например, αἴσα, см.: *Ruijgh C.J. L'élément achéen dans la langue épique*. Amsterdam, 1957. P. 58 f., 118 f.

⁷³ Вопреки мнению, неоднократно высказываемому в кн.: *Нерознак В. П. Указ. соч. С. 77, 90.*

⁷⁴ Сопоставление имени *bonok* с *vanak* 'царь' (*Нерознак В. П. Указ. соч. С. 77)* неприемлемо ни фонетически, ни морфологически (реальная основа у *vanak* — *vanakt-*, ср. дат. пад. *vanaktei*, тогда как у *bonok* она совпадает с им. пад., ср. патроним *bonokaia* в M—01c).

⁷⁵ См. прим. 11. Здесь *iman* обозначает посвященную божеству статуэтку.

⁷⁶ К основе *bago-* ср. др.-инд. *bhága-* 'счастье, благополучие', иран. *baaya-*. Не является ли *bago-* заимствованием из иранского?

⁷⁷ Имя с надежными хетто-ливийскими параллелями, см.: *Brixhe C., Lejeune M. Op. cit. T. I. P. 184. Cr. Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. Bd. I. Sofia, 1969. S. 80, 98 f.*

⁷⁸ Термин *duma-* засвидетельствован в форме δοῦμος в греческих надписях Лидии и в Нирроп., fr. 30 в значении 'религиозная ассоциация женщин, связанная с культом Богини-Матери' (этимологически, возможно, к греч. φωρός, см.: *Haas O. Op. cit. S. 1620*).

ное) собрание', угарит. *p̥jr* 'собрание')⁷⁹, ср. в В—01₈₋₉ *anepaktoy* 'не иноzemному' (к греч. ἀπάκτος 'чужой') и относящееся к той же основе именное образование *apaktneni*.

Оптатив *anegertoy* с примыкающей частицей *i(e)* находим в W—01c: *ataniyen : kuryaneyon : ta | negertoy* 'да не потревожат a.k.' Первые два слова надписи стоят в вин. пад. ед. ч. и являются прямым объектом, причем *kuryaneyon*, видимо, прилагательное (судя по флексии -on, отличающей прилагательные от существительных с вин. пад. на -in) от топонима *kuryana, идентичного греч. Κύρνη. Форма *aneger-* содержит привативное *an-*, образуя с ним устойчивую лексическую единицу (типа лат. *ignorare*), ср. дистактное отрижение в *la ke dokey* (см. выше). Корень *-ege-* сопоставим с греч. ἐγείρω 'пробуждать, подгонять, беспокоить'.

Корневой вокализм рассмотренных форм достаточно разнообразен: основы могут содержать долгий гласный и нормальную ступень; в двух случаях (*datoy* и *estatoi*) гласный корня может трактоваться двояко (как особый рефлекс *o перед ларингалом или как отражение *ə). Два типа оптатива — на -o/ey и на -toy — находятся в очевидном дополнительном распределении: оптатив на -toy образуется от основ на гласный, оптатив на -o/ey — от основ на согласный и гайд. Случай *anegertoy* представляет лишь кажущееся исключение, поскольку его истинная основа — *egere-*, на что указывает н.-фриг. εὔερετ; *anegertoy*, следовательно, является графической передачей фонологического /anegetetoy/. Естественно, что основами на гайд являются и *aoy /avoy/*, и *sitiroy /sitiyoy/*.

ИМПЕРАТИВ

Формы старофригийского императива единичны, поскольку в его функции обычно используется оптатив (см. выше). Императивные формы обнаруживаются в надписи W—10: *1atai edae gelavo 2vile ateve atoios 3alus siteto das* ('это) было посвящено отцу Геласа. Смотри на предков Атеса! Да преуспеет жрец Дас!⁸⁰ 2 л. ед. ч. императива *vile* соотносится с и.-е. *zeid- и образовано по тематическому типу (ср. греч. ζεῖε), хотя в греческом и древнеиндийском этой основе соответствует атематический императив (ср. (F)ίσ-θι, *vid-dhi*). Знаком I в надписях факультативно передается палатализованный дентальный в соседстве с i⁸¹. Другая императивная форма — 3 л. ед. ч. *sileto*, представляет собой императив на *-tō(d) от основы *sil(e)-*, возможно, к и.-е. *sēidh-, ср. др.-инд. *sādh-* 'вести к цели, преуспевать'. Вариант этой формы встречается в надписи G—105 на бронзовом сосуде: *silido sakor* 'да преуспеет s.' (словообразовательно *sakor*, видимо, является отглагольным производным на *-ōr).

⁷⁹ В семитском ɬ был сильным спирантом, который в восприятии носителей другого языка вполне мог ассоциироваться с велярным смычным.

⁸⁰ Подробную интерпретацию этой метрической надписи см.: *Баюн Л.С., Орел В.Э. Указ. соч. С. 205.* Иное понимание текста см.: *Brixhe C., Lejeune M. Op. cit. T. I. P. 55.*

⁸¹ Ср. знак I в лидийском алфавите, обозначавший аффрикату, восходящую к *dh или *d.

Предложенный вниманию читателя материал может быть несколько дополнен за счет новофригийских данных (сохраняющих, например, незасвидетельствованные в старофригийском причастия); сведения о новофригийском глаголе будут изложены нами в другом месте.

В.А. ДЫБО

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АКЦЕНТА¹

II. ЗАПАДНОКАЗАСКИЕ АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ КАК АНАЛОГ БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ

1. Некоторые дополнения к реконструкции балто-славянской акцентуационной системы.

1.0. Прежде чем перейти к западнокавказским акцентным системам, следует вспомнить основные результаты исследования балто-славянской акцентной системы. Это необходимо сейчас еще и потому, что за время, истекшее с момента публикации первой части работы, в области балто-славянской и индоевропейской акцентологии был сделан ряд важных открытий, которые, хотя и были стимулированы идеями, выдвинутыми в данной статье, не сводятся к подтверждению предсказанного предложенной теорией, а значительно углубляют наши знания о морфонологическом аспекте балто-славянской акцентуационной системы. Характер этого усложнения данного аспекта таков, что он значительно сужает возможности различных интерпретаций отображаемой системы, оставляя, по-видимому, как единственно возможную тоновую.

Казалось бы, публикация работ, содержащих таким образом доказательство тонологической гипотезы, выдвинутой или, точнее, анонсированной в первой части нашей статьи, снимает необходимость публикации дальнейших ее частей. Однако это, видимо, не так. Во-первых, демонстрация метода, посредством которого была получена тонологическая гипотеза первоначально, может дать полезный материал для методологии сравнительно-исторических исследований, в том числе и для оживленно обсуждаемой ныне проблемы типологического компонента сравнительно-исторической реконструкции. Во-вторых, углубление морфонологического анализа балто-славянской акцентуационной системы лишь налагает на нас обязанность соответствующего согласования уровней исследования сопоставляемых с ней систем, в случае такого согласования мы можем надеяться получить дополнительные данные для интерпретации балто-славянской системы. В-третьих, параллельное сравнительно-историческое и типо-

¹ Первую часть работы см. в сб.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.

© В.А. Дыбо, 1989.

логическое исследование целого семейства сходных акцентных и тоновых систем представляется нам идеальным способом построения диахронно ориентированной типологии просодических систем, отсутствие которой отрицательно сказывается на исследованиях в области сравнительно-исторических акцентологий и тонологий².

1.1. Акцентная система, реконструируемая на основе балтийских и славянских фактов, характеризуется следующими чертами³:

Акцентные типы. У непроизводных — две акцентные парадигмы (а.п.): 1 а.п. — неподвижная с постоянным ударением на корне, 2 а.п. — подвижная, включающая два типа словоформ: а) формы с ударением на окончании, б) формы-*enclitopema*, безударные в большинстве фразовых позиций, но в абсолютной позиции получающие начальное ударение. У производных — три акцентных типа: тип А — неподвижное ударение на корне, тип В — неподвижное ударение на суффиксе, тип С — подвижное ударение (= 2 а.п.).

Выбор акцентных типов. У непроизводных — а.п. традиционны, т.е. каждой основе присуща одна из двух а.п., которая не предсказывается какой-либо информацией, исходящей из синхронной системы языка. Выбор акцентных типов производных определялся двумя параметрами: а.п. производящего и классом суффикса (по характеру влияния на выбор суффиксы делились на два класса, I и II) и производился следующим образом: от основ первой а.п. независимо от класса суффикса выбирался акцентный тип А, от основ второй а.п. при суффиксах первого класса — тип С, т.е. тип, в котором были словоформы с ударением на окончании и словоформы-*enclitopema*, при суффиксах второго класса — тип В, в котором иктус был привязан к суффиксу.

На эту систему акцентных типов налагалась система фразовых модификаций акцента энклиноменов, анализ которой приводит к выводу, что формы-*enclitopema* следует рассматривать как фонологически безударные формы.

Такой тип акцентной системы получил в обиходе московской акцентологической школы обозначение "парадигматический тип акцента" (или "парадигматический акцент"). Традиционность выбора а.п. непроизводными была названа первым принципом парадигматического акцента, обусловленность выбора акцентных типов производных акцентными парадигмами производящих — вторым принципом парадиг-

² Замечу, если в области сравнительно-исторического изучения сегментной фонологии языков стихийный обмен данными, полученными сравнительно-историческими и историческими грамматиками разных языковых семей, привел к некоему корпусу знаний, правда, не систематизированному, который можно рассматривать как зачаток такой диахронно ориентированной типологии, то ни в области изучения просодических систем, ни, тем более, морфологии или синтаксиса чего-либо подобного пока нет. Поэтому мне хочется надеяться, что сознательная попытка построения фрагмента такой "типологии" для акцентологических и тонологических исследований может стимулировать аналогичные усилия в других областях сравнительно-исторического языкознания.

³ Реконструкция балто-славянского прототипа славянской акцентной системы дается в работе: Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

матического акцента. Акцентные системы, у которых удается проследить оба принципа, обозначались как "нередуцированные" системы парадигматического акцента, акцентные системы, у которых прослеживается лишь первый принцип, — как "редуцированные" системы парадигматического акцента.

"Нередуцированный" характер балто-славянской системы позволяет сделать вывод о глубинной структуре такой системы. Между, казалось бы, разнородными характеристиками обсуждаемой системы: традиционностью выбора а.п. непроизводных, правилами выбора производных, видом акцентных кривых и фонологическим статусом форм-энклноменов, очевидно, существует глубинная связь.

Тот факт, что традиционная а.п. непроизводных определяет выбор акцентных типов производных, указывает на то, что именно корневой морфеме (а не основе или слову в целом) следует приписать некое (мифонологическое) качество — "валентность", — определяющее выбор акцентного типа, при этом таких "валентностей" оказывается две: одна из них определяет место иктуса на корне как в непроизводных, так и в производных (первая валентность), другая не определяет (вторая валентность). Этому разбиению корневых морфем соответствует разбиение суффиксов: II класс суффиксов определяет постановку иктуса (при корневой морфеме 2-й валентности) — класс I-й валентности; I класс суффиксов не определяет постановку иктуса — класс 2-й валентности.

Наконец, анализируя отношения в акцентной кривой подвижного акцентного типа, мы видим, что эти же "валентности" могут быть приписаны морфемам окончаний: окончаниям, несущим на себе иктус (при корнях и суффиксах 2-й валентности), может быть приписана валентность первого типа (равная валентности корней непроизводных имен I-й а.п.), окончаниям безударным (при корнях и суффиксах со второй валентностью) — валентность второго типа. Важным моментом, подтверждающим это разбиение, является тот факт, что словоформы, состоящие исключительно из морфем с "валентностями" второго типа, обладали фонологическим статусом безударности.

Очевидно, что между "валентностями" существует иерархическая зависимость, которую можно определить как отношение "доминантности — рецессивности": при наличии морфемы первой валентности положение иктуса определяется ею, независимо от наличия, количества и расположения относительно нее морфем второй валентности.

Исходя из этой иерархии, легко получить правило постановки иктуса в балто-славянском. Для этого используется следующий прием. Введем специальные пометы при морфемах: морфема первой валентности получит помету (+), морфема второй валентности — помету (-).

Рассмотрим, что происходит с иктусом при составлении последовательностей из меченых таким образом морфем⁴.

⁴ В качестве примеров приведены праславянские формы, прабалтийская реконструкция представляет собой в принципе тождественную систему парадигматического акцента.

(1) *star-ьс-ь* (gen. pl.); *brjūx-qt-ě-ti* (inf.); *vý-děl-a-ti* (inf.) — в последовательности, состоящей только из (+)-морфем, иктус — на первой морфеме.

(2) *lěn-ъ* (nom. sg. m.), *lěn-ost-ъ* (nom. sg.); *lěn-ost-ъ-no* (nom. sg. n.); *křv-av-ъ* (acc. sg. f.), *đ-křv-av-i-l-ъ* (*I*-part., nom. sg. m.) и т.д. — в последовательности, состоящей только из (-)-морфем, иктус — на первой морфеме.

(3) *lěn-ost-ъ-jø* (instr. sg.) — — +
měx-ov-ъj-e (nom. sg. n.) — — +
molđ-ъc-e-mъ (instr. sg. m.) — + —
glad-ъk-o-mъ (instr. sg. m.) + — —

— в последовательности, включающей лишь одну (+)-морфему, иктус — на этой (+)-морфеме, независимо от числа и расположения (-)-морфем.

(4) *star-ost-ъ-jø* (instr. sg.), *bog-qt-ъ-jø* (instr. sg. f.), *měd-ěn-ic-e-jø* (instr. sg.), *měd-ěn-ic-a* (nom. sg.) и под. — в последовательности, состоящей из нескольких (+)-морфем, разделенных (-)-морфемами, иктус — на первой (+)-морфеме.

(5) *kōz-ъj-e-jø* (instr. sg. f.), *sił-ic-ъn-о-jø* (instr. sg. f.), *čyrn-ic-ъn-о-jø* (gen. pl.), *čyrn-ic-ъn-ik-о-mа* (instr. du.m.), *žēn-ъstv-ъn-ost-ъ-jø* (instr. sg.) и под. — в последовательности, состоящей из нескольких однородных последовательностей ("платформ") (+)-морфем, отделенных одна от другой (-)-морфемами — иктус на первой морфеме первой последовательности (+)-морфем.

(1) и (2) показывает, что последовательности морфем одинаковой валентности получают иктус на первой морфеме.

(3) и (4) показывает, что последовательности морфем разной валентности получают иктус на первой доминирующей морфеме.

Учитывая (5), общее "контурное правило", регулирующее постановку иктуса во всех типах последовательностей морфем в балто-славянском, можно сформулировать следующим образом: иктус ставится в начале первой последовательности морфем высшей валентности⁵ (последовательностью в данном случае считается и одиночная морфема). Возможно, что в последовательности морфем исключительно (-)-валентности иктус, падавший в соответствии с правилом на начало последовательности, фонетически отличался от иктуса, ставившегося в остальных случаях. Однако, установить, когда и в какой мере это отличие принадлежало иктусу, а когда и в какой мере другим просодическим характеристикам данной последовательности морфем, на настоящей стадии исследования невозможно, поэтому контурным правилом эта особенность не отмечается.

Примечание. Очевидно, что при учете синтаксических закономерностей организации синтагматических единств (тактовых групп) такое рассмотрение можно перенести и на тактовые группы: *ná voz-ъ* (acc. sg.), *ná voz-ъ žé* (acc. sg.);

⁵ Так как "начальная (первая) морфема первой последовательности морфем" — то же, что просто "первая морфема", это правило можно было бы сформулировать как "иктус ставится на первой морфеме высшей валентности", однако типологические соображения (см. ниже) заставляют нас сохранить более развернутую формулировку.

né o-kr̥v-av-i-l-ø (l-part.), *ne o-kr̥v-av-i-l-ø sg* (l-part.), *sb-dbrž-j-q* (l. p. sg.), *sb-dbrž-j-q žę sg* (l. p. sg.) и под.

1.2. Не следует думать, что подобный способ рассмотрения славянской, балтийской и балто-славянской акцентуационных систем является исключительно результатом развития генеративной морфонологии в наше время. Связь акцентных типов с акцентуационным (морфонологическим) классом морфем, например, в литовском етоль прозрачна⁶, что ее заметил еще Ф. де Соссюр. Соответствующее место в его статье "Литовская акцентуация" настолько близко к тому, чтобы считаться программным для современной сравнительно-исторической акцентологии, что заслуживает специального рассмотрения⁷:

"С точки зрения ударения существуют три категории (вторичных суффиксов".

— Здесь речь идет явно о морфонологических классах словообразовательных морфем, от которых зависят акцентные типы производных. Морфонологический ("глубинный") характер этой зависимости ясен Ф. де Соссюру, о чем свидетельствует следующий абзац:

"Одни, представляющие для нас минимальный интерес, обладают собственным ударением и безразличны к производящему слову, например *-ūnas*".

— "Собственное ударение" здесь означает лишь то, что акцентный тип производного слова определяется исключительно морфонологическим классом суффикса и не зависит от класса других морфем, составляющих данное слово. Этот класс суффиксов как в славянском, так и в балтийском возник, по-видимому, позднее и не характерен для протосистемы⁸. Поэтому в работе, посвященной реконструкции протосистемы, Ф. де Соссюр считает эту категорию суффиксов представляющей минимальный интерес.

"Другие не безразличны к производящему слову и требуют, чтобы производное слово имело тот же тип наосновного ударения, что и производящее. Таков суффикс *-iszkas* (*pagōnas:pagōniszkas* и т.д.). Отсюда следует, что, если суффикс начинается с акутированного слога, он принимает на себя ударение каждый раз, как только он присоединяется к парокситонам с предпоследним циркумфлексированным слогом".

— В последнем предложении содержится предостережение о деформации акцентной кривой при акутированном характере гласного суффикса (закон де Соссюра).

⁶ Ср. уже в последнее время появившийся довольно удачный опыт перенесения этого морфонологического анализа в синхронное описание современной литовской акцентуационной системы, предложенный новой "Грамматикой литовского языка" (Вильнюс, 1985; автор акцентологического раздела А. Гирденис).

⁷ Раздел "Деривация", см.: *Фердинанд де Соссюр. Труды по языкоznанию*. М., 1977. С. 624—625.

⁸ См. Дыбо В.А. Славянская акцентология. М., 1981. С. 258—259; аналогичные процессы генерализации акцентного типа на весь корпус основ определенного словообразовательного типа усматривается и в истории литовского ударения, см. соответствующий материал в статье: Дыбо В.А. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 65—89.

"Наиболее интересны суффиксы третьей категории. Производные слова с этими суффиксами получают ударение либо на суффиксе, либо на производящей основе, в зависимости от того, какова парадигма производящего слова — подвижная или неподвижная. Ср. *darbininkas, piniginiñkas* из *dárbas* (П), *pínigas* (П), но *búrtininkas, malüninkas* из *búrtas* (Н), *malūnas* (Н/α). И в этом случае может иметь место упомянутое выше усложнение, если суффикс начинается с акутированного слога, как *-ātas, -ingas* и т.д. Имеется в виду следующее: мы получаем производное *krúmtas* из *krýmas* (Н), *kalnūtas* из *kálmas* (П), производное *katrýtas* из *katrás* (П/α) вследствие грамматических причин, но *lapūtas* из *lāpas* (Н/α) — вследствие причин чисто фонетических (*lapūtas=***lāpūtas* в силу *ā+ū*).

— Этот тип суффиксов интересен для Соссюра тем, что он определяет постановку насуффиксального ударения, но исключительно в производных от имен подвижной акцентной парадигмы⁹. Он специально отмечает случай, когда насуффиксальное ударение мотивировано не морфонологическим классом суффикса, а вызвано фонетическим передвижением ударения по закону де Соссюра в силу акутированного характера суффиксального слога. К этому пассажу Соссюр дает замечательную сноска, которая относится ко всем четырем абзацам:

"Первая категория суффиксов не имеет аналогии в окончаниях (les finales de flexion), вторая аналогична окончаниям в типах Z и Za, третья — окончаниям в типа Ω и Ωα".

— Окончания в типах Z и Za — это те, которые никогда не принимают на себя ударения, либо принимают его исключительно в силу действия закона де Соссюра (подтип Za), т.е. в нашей маркировке — (-)-окончания; окончания в типах Ω и Ωα — это те, которые принимают на себя ударение в подвижной акцентной парадигме, а в неподвижной — могут иметь его лишь в силу действия закона де Соссюра (подтип Ωα), т.е. в нашей маркировке — (+)-окончания. Таким образом в этом примечании де Соссюра содержится утверждение о едином морфонологическом статусе суффиксов второй категории (в нашей маркировке (-)-суффиксов и (-)-окончаний, с одной стороны, и суффиксов третьей категории (в нашей маркировке (+)-суффиксов) с (+)-окончаниями. От принятия единства морфонологических статусов фактически у всех категорий служебных (словообразовательных и словоизменительных) морфем до признания этого единства вообще у всех категорий морфем (в том числе и корневых) был всего один шаг, этого последнего шага Соссюр, однако, не сделал. В этом, конечно, нет ничего удивительного. Во-первых, литовский материал во времена де Соссюра был в столь недостаточной степени описан, что даже те результаты, которые были получены им, представляются сейчас скорее победой блестящей научной интуиции, чем тщательного анализа обширного материала. Во-вторых, такое решение неизбежно наталкивалось на

⁹ Напомним, что в данном тексте пометы П и Н обозначают, соответственно, подвижную и неподвижную акцентные парадигмы, а помета α означает, что в соответствующей лексеме акцентная кривая деформирована в результате действия закона де Соссюра.

стремление Ф. де Соссюра вывести литовские акцентные парадигмы непосредственно из греко-арийских акцентных типов. Каждый успех этого предприятия надолго определил направление поисков балто-славянской сравнительно-исторической акцентологии, и нужна была длительная серия неудач, чтобы понять, что отношения между греко-арийской и балто-славянской акцентными системами значительно сложнее, чем они представлялись Ф. де Соссюру.

Рассматриваемый раздел Соссюра завершает еще одним замечательным абзацем: "Эти замечания относятся только к наоснóвному ударению производных слов. Но и их [акцентуационная] парадигма, а также изменения интонации ("метатония"), которые часто в них представлены, видимо, находятся в тесной связи с акцентным типом производящего слова".

— Здесь помимо того, что Соссюру, очевидно, было известно, что производные с суффиксами второй категории (с (-)-суффиксами) повторяли акцентную парадигму производящих, содержится утверждение, что балтийская метатония также связана с акцентным типом производящего. Это последнее утверждение явилось, по-видимому, результатом исследований де Соссюра в период после публикации им статьи "К вопросу о литовской акцентуации", в которой содержится относительно подробное изложение его взглядов на проблему балтийской (литовской) метатонии, показана ее однонаправленность для каждого словообразовательного типа, связь с определенными словообразовательными типами, большая частотность метатонии от акутовой к циркумфлексовой интонации, но утверждения о связи с акцентным типом производящего здесь нет. Трудно установить, на каком материале сделал Соссюр это свое заключение. Известные тогда литовские факты и возможности установления первичного акцентного типа производящего резко суживали корпус лексем, который мог привести его к данному выводу. Скорее всего мы имеем здесь дело с блестящей научной интуицией, опиравшейся на небольшое число относительно ясных случаев. Тем не менее и это положение Соссюра можно считать в настоящее время подтвержденным.

1.3. Как показано выше, система маркировки морфем и контурное правило, определяющее место иктуса, могли быть получены не выходя за пределы изученных Ф. де Соссюром отношений в литовском. Существенным пробелом анализа Соссюра, сохранившимся и в предложенной мной реконструкции, было то, что анализу подверглись вторичные суффиксы, тогда как морфонологический статус первичных (прикорневых) суффиксов оставался не изученным. А именно в образованиях с первичными суффиксами мы наблюдаем феномен балто-славянской метатонии. Хотя не было оснований ожидать, что первичные суффиксы дадут иное разбиение, чем вторичные, их строгое разделение по морфонологическим статусам наталкивалось на значительные трудности, связанные прежде всего с невозможностью формального определения первичного суффикса II класса как такого суффикса, который получал иктус при (-)-корне. В этих условиях особую значимость приобретало внешнее сравнение.

Так же как в области корневых морфем¹⁰ было установлено, что греко-арийские материалы позволяют провести бинарное разбиение прикорневых индоевропейских суффиксов¹¹. В дальнейшем С.Л. Николаев показал, что I классу греко-арийских суффиксов соответствует класс балто-славянских прикорневых "доминантных" суффиксов, т.е. (+)-суффиксов, а II классу греко-арийских суффиксов — класс балто-славянских прикорневых "рецессивных" суффиксов, т.е. (-)-суффиксов. Как и следовало ожидать, при "рецессивных" суффиксах производные сохраняли акцентную парадигму производящих, тогда как при "доминантных" суффиксах производные получали неподвижный акцентный тип независимо от акцентной парадигмы производящего.

Наряду с этим предсказываемым теорией результатом был получен также результат, который непосредственно теорией не предсказывался: оказалось, что в производных с "доминантными" суффиксами от акутированных корней "рецессивного", т.е. (-)-класса, происходит метатония "акут ⇒ циркумфлекс", тогда как в этих же производных от акутированных корней "доминантного", т.е. (+)-класса, метатония отсутствует.

I. Балто-славянская метатония в производных с суффиксами "доминантного" класса (-to-, -sto-, -tlo-, -dlo- и под.).

Акутированные корни с (-)-маркировкой (' ⇒ ~).

Литовский

а) суф. *ta-s*

1. лит. *stōtas* (2) 'телосложение' ~ лит. *stōti*, лтш. *stāt*; слав. *-stāj̑q*, *-stajet̑* (а.п. с);

2. лит. *klōtas* (2), pl. *klōtai* 'мостки' ~ лит. *klōti*, лтш. *klāt*; слав. *klād̑q*, *kladet̑* (а. п. с);

3. *graūžtas* (2) 'огрызок' ~ ли *gráužti*, лтш. *graūzt*; слав. *grýzq*, *grýzeť* (а.п. с);

4. лит. *dōtas* (2) 'подарок' ~ лит. *dúoti*, лтш. *duōt*; слав. *dāj̑q*, *dajet̑* (а.п. с);

5. лит. *nuo-dētas, (> жемайт. *nū-dētas*) (2) 'Sünde' ~ лит. *dēti*, лтш. *dēt*; слав. *dēj̑q*, *dējet̑* (а. п. с);

6. лит. *mōtas (2) в adv., (instr. pl.) *mōtais* 'in Betracht' ~ лит. *mōti*, лтш. *māt*; слав. *māj̑q*, *majet̑* (а.п. с);

7. лит. *sōstas* (2; SkŽD 321) 'трон, престол' при вторичном *sōstas* (1), *pa-sēstas* (2) 'сидение' ~ лит. *sēsti*, лтш. *sēst*; слав. (cauz.) *sād̑q*, *sadit̑* (а.п. с);

8. лит. *džiaūtas* (2; SkŽD 320) 'pintinaitē sūriams džiovinti' ~ лит. *džiāuti*, лтш. *žāūt*;

¹⁰ См.: Николаев С.Л., Старостин С.А. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.

¹¹ См.: Николаев С.Л. К исторической морфонологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983; Балто-славянские исследования 1984. М., 1986; Николаев С.Л. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки. Канд. дисс. М., 1986.

9. лит. *plaūtas* (2) ‘полóк’ ~ лит. *plāuti*; слав. *plōvq, plovetъ* (а.п. с);
10. лит. *ap-maūtas* (2) ‘чехол’, *pa-maūtas* (2) ‘недоуздок’ лит. *máuti*,
лтш. *maūt*;

11. лит. *plaūtas* (2; Šlap. 352) ‘парóм’ при вторичном *plaūtas* (1) ~ лит.
plāusti, лтш. *plaūst*;

12. лит. *kliūtas* (2; Jušk. II, 167) ‘карша, замоина’ ~ лит. *kliáuti*,
лтш. *klaūt*;

13. лит. *nařtas* (2) ‘норов’ ~ лит. *nérти*; слав. *n̄rq, n̄retъ* (а.п. с);

14. лит. *spraūtas* (2) ‘шпунт’ ~ лит. *spráusti*, лтш. *spraūst*.

б) суфф. *-sta-s*

1. лит. *klōstas* (2), pl. *klōstai* ‘жерди, которыми надавливается мо-
чимый лен; мостки’ ~ лит. *klōti*, лтш. *klât*; слав. *klâdq, kladetъ* (а.п. с);

2. лит. *mōstas* (2) ‘жест’ ~ лит. *mōti*, лтш. *mât*; слав. *mâjq, majeť*
(а.п. с);

3. лит. *aūkštas* (2) ‘этаж, ярус, чердак’ ~ лит. *áugti*, лтш. *aūgt*;

4. лит. *šluōstas* (2) ‘тряпка для вытирания’ ~ лит. *sluotи*, лтш. *sluôt*;

5. лит. *pa-grēbstai* (pl.; 2) ‘сгребки, сгребенные остатки’ ~ лит. *grébti*;
ср. слав. *grēbq, grebetъ* (а.п. с);

6. лит. *nařtas* (2; SkŽD 324) ‘verknötete Stelle der Peitsche, damit sie
kürzer wird’ ~ лит. *nérти*; слав. *n̄rq, n̄retъ* (а.п. с).

с) суфф. *-kla-s*

1. лит. *dēklas* (2) ‘кобура, футляр’ ~ лит. *dēti*, лтш. *dēt*; слав. *dējq, dējetъ* (а.п. с);

2. лит. *pa-būklas* (2) ‘орудие’ ~ лит. *búti*, лтш. *bût*; слав. (*l*-part.) *býlb, bylá, býlo* (а.п. с);

3. лит. *tiñklas* (2) ‘сеть, невод’ ~ лит. *tiñti* ‘пухнуть’, лтш. *tît*;

4. лит. *pa-neřklas* (2) ‘wiązadło, którym przywiązuje się bat do biczska’,
pri-neřklas (2) ‘virvelé botagui prie koto prírišti (prinerti); spragilo jun-
gas’ ~ лит. *nérти*, лтш. *niñt* (?);

5. лит. *spítklas* (2) ‘пинок, удар (ногой)’ ~ лит. *spírti*, лтш. *speñt*;
слав. *pèrq, pereitъ* (а.п. с).

Славянский (~ а.п. б)

а). суф. *-dlo*

1. слав. *dēdlō* ~ слав. *dējq, dējetъ*; inf. *dēti*; лит. *dēti*, лтш. *dēt*;

2. слав. *pedlō* ~ слав. *r̄nq, r̄netъ*; inf. *peti*; лит. *pinti*, лтш. *pit*;

3. слав. *žerdlō*, *žyrdlō* ~ слав. *žerq, žereitъ*; *žbrq, žyretъ*; inf. *žyraťi*,
žerti; лит. *gérти*, лтш. *dzeňt*;

4. слав. *stadlō* ~ слав. *stâjq, stajetъ*; inf. *stajăťi*; лит. *stóti*, лтш. *stât*;

5. слав. *židlō* ~ слав. *živq, živetъ*; inf. *žiti*; лит. *gýti*, лтш. *džít*;

6. слав. *bydlō* ~ слав. (*l*-part.) *býlb, bylá, býlo*; лит. *búti*, лтш. *bût*;

7. слав. *žedlō* ‘жало’ ~ лит. *géliti*, лтш. *dzeňlt*;

8. слав. *verdlō* ‘источник’ ~ лит. *vírti*, лтш. *viňt*;

9. слав. *tvylrlō* ‘загон для скота’ ~ лит. *tvérти*, лтш. *tveňt*;

10. слав. *perdlō* ‘проход’ ~ слав. *pèrq, pereitъ*; inf. *pýrǎti* (а.п. с); лит.
spírti, лтш. *speñt*.

II. Отсутствие балто-славянской метатонии в производных с суффиксами “доминантного” класса (-to-, -sto-, -tlo-, -dlo- и под.).

Акутированные корни с (+)-маркировкой не меняют интонации.

Литовский

а) суф. *-ta-s*

1. лит. *káltas* (1) ‘долото’ ~ лит. *kálti*, лтш. *kałt*; слав. *koljø, koljéty*;
inf. *kõl̄ti* (а.п. *b/a*);

2. лит. *bùrtas* (1) ‘жребий, ворожба, чары’ ~ лит. *bùrti*, лтш. *buřt*;

3. лит. *gníaužtas* (1) ‘кулак’ pl. ‘тиски’ ~ лит. *gníaužti*, лтш. *gn̄aužt*;

4. лит. *miltai* (pl.; 1) ‘мука’ ~ лит. *málti*, лтш. *mal̄t*; слав. *meljø, meljéty*; inf. *měl̄ti* (а.п. *b/a*);

5. лит. *síetas* (1) ‘сито’ ~ слав. *séjq, séjetъ*; inf. *séjati* (а.п. *a*);

6. лит. *víltas* (1) ‘предательство, измена, обман’ ~ лит. *vílti*, лтш. *vílt*;

7. лит. *rēžtas* (1) ‘заведенный порядок; старая дорога’ (*sàvo rēžtu*
‘своим чередом; по-своему’); *rúožtas* (1) ‘полоса, участок, область’
(*sàvo rúožtu* ‘своим чередом; по-своему’) ~ лит. *rēžti*; слав. *rēzq, rēzjetъ*;
inf. *rēzati* (а.п. *a*); в лтш. в глагольных корнях на шумные обобщение
прерывистой интонации.

б) суф. *-sta-s*

1. лит. *žióstas* (1; SkŽD 324) ‘tai, kiek vienu kartu galima apžioti’ ~ лит.
žiótì; слав. *zéjq, zéjetъ* (а.п. *a*);

2. лит. *váistas* (1) ‘средство, лекарство’ ~ слав. *véđeti* (а.п. *a*).

с) суф. *-kla-s*

1. лит. *dürklaſ* (1) ‘штык’ ~ лит. *dùrti*, лтш. *dur̄t*;

2. лит. *irklaſ* (1 > 3) ‘весло’ ~ лит. *irti*, лтш. *iřt*;

3. лит. *píuklaſ* (1) ‘пила’ ~ лит. *piáuti*, лтш. *plaūt*;

4. лит. *žénklaſ* (1) ‘знак, признак, знамение’ ~ лит. *pa-žinti*, лтш.
pa-zít̄t;

5. лит. *pa-véikslaſ* (1) ‘картина, изображение, образ, пример, обра-
зец’ ~ слав. *vídjo, víditъ*; inf. *vídëti* (а.п. *a*);

6. лит. *sékla* (1; f.) ‘семя’ ~ лит. *séti*, лтш. *séti*; слав. *séjq, séjetъ* (а.п. *a*).

Славянский (а.п. а)

а) суф. *-dlo*

1. слав. *bídlō* ~ слав. *bíjq, bíjetъ*; inf. *bíti* (а.п. *a*);

2. слав. *dúdlō* ~ слав. *dújq, dújetъ*; inf. *dúti* (а.п. *a*);

3. слав. *mýdlō* ~ слав. *mýjq, mýjetъ*; inf. *mýti* (а.п. *a*);

4. слав. *rýdlō* ~ слав. *rýjq, rýjetъ*; inf. *rýti* (а.п. *a*);

5. слав. *čúdlō* ~ слав. *čújq, čújetъ*; inf. *čúti* (а.п. *a*);

6. слав. *šídlō* ~ слав. *šíjq, síjetъ*; inf. *šíti* (а.п. *a*); лит. *siúti*, лтш. *šít*;

7. слав. *mędlō* ~ слав. *męjq, męnetъ*; inf. *męti* (а.п. *a/b*); лит. *minti*,
лтш. *mít*;

8. слав. *týrdlō* ~ слав. *týrq, týréty*; inf. *týrti* (а.п. *a/b*); лит. *tírti*, лтш. *trít*.

Исключения из данного соотношения единичны и легко объясняются
либо наличием древних акцентуационных вариантов у некоторых

глаголов, либо сменой акцентных характеристик у них в более поздний период (например, генерализация прерывистой интонации в глаголах с корнями на шумные в латышском или расширение а.п. с в славянском). В некоторых случаях возможно также выравнивание интонации под влиянием соответствующего отглагольного прилагательного или глагола¹².

ХУБЕРТ ГУРНОВИЧ (1922—1986)

2 мая 1986 г. в Гданьске скончался выдающийся польский лингвист Хуберт Гурнович. 7 мая его прах был предан земле на кладбище Сребжиско. Остались его труды (в частности, и не вполне законченные), многочисленные ученики и сотрудники, общее дело, которое было начато и успешно развито им и, нет сомнений, будет продолжено в лучших традициях учителя.

Жизнь Гурновича не могла быть легкой и благоприятной. История Польши позаботилась, чтобы этого не случилось — особенно на изломе юности, когда предстояло выбрать свой жизненный путь, и на вершине зрелости, в самом расцвете творческих сил. В чем состоял этот "ужас" истории, легко понять, если напомнить, что сентябрь 1939-го Гурнович встретил юношей, которому не исполнилось еще семнадцати лет (он родился в Гданьске 7 ноября 1922 г.), а декабрь 81-го — не достигши шестидесяти. Жесткая жизнь упростила биографию. Начальная школа в Черске, средняя в Хойницах, Познани и Быдгощи, тяжелая работа на фабрике в годы оккупации, с сентября 1944 г. служба в польских вооруженных силах на Западе, возвращение в Польшу в 1948 г., окончание Лицея в Быдгощи в 1950 г. и поступление в Торуньский университет, чтобы стать полонистом. Лишь в 1955 г. после возвращения в свой родной город, на четвертом десятке, начинается, по сути дела, научная биография Гурновича (правда, еще в студенческие годы он собирал материалы для "Малого атласа польских говоров"), которой было отмерено немногим более тридцати лет, в число которых входили и трудные последние годы.

Сознание утраченного времени и масштаба задач определили темп и ритм работы и выбор тем для исследования. Диалектология и топономастика были теми двумя областями, которые стали в центре внимания ученого. Этот выбор был очень ограничен для него и, конечно, свидетельствует о практичности и трезвом расчете Гурновича. Обе эти области отсылали исследователя к единой и очень важной теме — языковой истории Гданьского Повисленья, к тому узлу, в котором биографическое и личное сплелось с историческим и научным.

В области диалектологии главной заслугой Гурновича стала его знаменитая монография "Dialekt malborski" (Gdańsk, t. 1, 1967; t. 2, 1973—1974), где очень подробно, точно и строго описываются фонетика, морфология, синтаксис и лексика говора (второй том пред-

¹² Список исключений, их анализ и объяснение см. в указ. дисс. работе С.Л. Николаева. Важным для дальнейшего является доминантный характер в пражитовском корне **kel-* (лит. *kélti* 'поднимать', латыш. *celt*), устанавливаемый по акцентовке производных.

ставляет собой словарь); в ряде статей анализируются вопросы словообразования, фразеологии (специально — идиоматической), немецких заимствований и т.п. в мальборском диалекте. Эта книга и сопутствующие ей статьи — одно из самых фундаментальных исследований в польской диалектологии наших дней. Гурнович также занимался собиранием материалов, их обработкой и исследованием в связи с диалектом Коцевья, кашубскими говорами, севернопольским въкализмом, некоторыми вопросами фонологии согласных и т.п. Тексты, записанные Гурновичем, воспроизведены в основных и наиболее авторитетных публикациях польских диалектных материалов. Впрочем, исследователь выходил за эти пределы: он участвовал в "Атласе говоров Любельщины" и в "Общеславянском лингвистическом атласе".

Но, пожалуй, еще более велики заслуги Гурновича в топономастических исследованиях Гданьского Повисленья — и как автора очень важных, можно сказать, пионерских монографий и многих десятков статей, и как великого организатора широкомасштабных исследований этого ареала, подготовившего значительное количество квалифицированных специалистов, наметившего развернутый план работ, основавшего в "Гданьском научном товариществе" новую серию под названием "Pomorskie Monografie Toponomastyczne", в составе которой уже вышел в свет ряд книг, организованного "Ономастическое общество" при Гданьском университете, регулярно знакомившего широкий читательский круг с лингвистической проблематикой этого ареала (ср. научно-популярный труд "Nazwy miast Pomorza Gdańskiego", 1978).

Главные топономастические труды Гурновича представлены книгами — "Toponimia Powiśla Gdańskiego" (1980), "Toponimia powiatu starogardzkiego" (1986), "Gewässernamen im Flußgebiet der unteren Weichsel" (Stuttgart, 1985 — как первый том новой серии "Hydronimia Europaæ", под редакцией В.П. Шмидта; своего рода заключением этой книги нужно считать статью "Synteza hydronimii dorzecza dolnej Wisły", опубликованную в "Gdańskie Studia Językoznawcze" IV, 1988, 29—40). Есть сведения, что покойный исследователь успел подготовить к печати еще одну книгу — "Wstęp do onomastyki", ср. в этой области старую, но весьма ценную его статью — "Nazwiska ludności autochtonicznej Powiśla" ("Rocznik Gdańsk", t. 19/20, 1961, 163—184), а также некоторые другие статьи и заметки по ономастике более частного характера. Целый ряд работ тесно связывает воедино антропонимическую проблематику с топонимической (ср. два монографических исследования, появившихся в 1968 г., — "Studia nad rodowymi nazwami miejscowości w języku polskim" и "Rodowe nazwy miejscowości Wielkopolski, Małopolski i Mazowsza"), во-первых, и существенно выходит за пределы не только Гданьского Повисленья, но и Польши, во-вторых.

Топонимические монографии Гурновича, особенно носящие итоговый характер и относящиеся к Гданьскому Повисленью в целом (книги 1980 и 1985 гг.), как и ряд крупных статей (например, "Nazewnictwo Żuławskie" в книге "Żuławy Wiślane". Gdańsk, 1976, 49—70, и др.), при всем обилии материала и редкой полноте и последовательности исторической документации, благодаря очень удобной единообразной

системе представления материала, оказываются "прозрачными" для читателя, который легко ориентируется в этом множестве фактов (эти принципы Гурновича усвоены его учениками и последователями, работающими в том же ареале). Исследования покойного ученого цепны не только собранием и классификацией фактов, но и их хронологической, диалектной и языковой стратификацией, на основании которой делаются важные наблюдения в области истории польского языка и исторической диалектологии его говоров, преемственности этноязыковых компонентов Нижнего Повисленья, языковых контактов польского, прусского и немецкого элементов, типов языковых субSTITУций и интерференций. Более того, эти исследования представляют собой значительный интерес в плане истории этого ареала, особенно с точки зрения проблемы "osadnictwa". Особо следует отметить, что как бы походя Гурнович в этих работах решает еще одну специальную и чрезвычайно важную задачу — восстановления прусской топонимии и гидронимии, уточняющей и расширяющей материал классических собраний Герулиса и Траутмана. Наконец, следует учитывать и намечаемую Гурновичем историко-лингвистическую "макро-ретроспективу" — праславянский, балто-славянский, "древнеевропейский", индоевропейский, доиндоевропейский (финно-угорский?). С рядом конкретных выводов, можно спорить, как и предлагать несколько иные объяснения в связи с общими проблемами соотношения балтийского и славянского элемента в Гданьском Повисленье и на смежных территориях к востоку и западу от Вислы — как в ареальном, так и, главное, в хронологическом плане. Но едва ли можно спорить против того, что именно Гурнович первым обозначил самое проблему применительно к этому ареалу и что его версия оказалась и хорошо разработанной и в целом убедительной.

Взрыв исследовательского интереса к этой проблематике в связи с этим ареалом, свидетельствуемый продолжением темы в работах последователей Гурновича и сразу же возникшими дискуссиями (ср. участие в них Ф. Хинце, Ю. Удольфа, В.П. Шмидта, автора этих строк и др.), подтверждает, что проблема назрела, что она многоаспектна, что она предполагает разные решения и в этом отношении она открыта. Но дверь была открыта Гурновичем, и он сделал это так естественно, просто и осторожно, что следующие за ним — при всем разнообразии мнений — не могут не быть признательны покойному ученому. В лице Гурновича польские лингвисты как бы снова вступили — на своем материале — в права наследования Гданьским Повисленьем, исстари удивительным местом встреч языков, народов, культур. Своими трудами он поставил памятник *месту сему*. Будем и мы признательно и благодарно помнить об ушедшем польском ученом.

B.T.

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею Вяч.Вс. Иванова	3
<i>Вяч. Вс. Иванов. К 100-летию "Лачплесиса" Андрея Пумпуря . . . . .</i>	<i>8</i>
<i>В. Смочиньский. Эльбингский словарь: эмендации, чтения, этимологии . . . . .</i>	<i>13</i>
<i>С. Караблюнас. Заметки по литовскому языку . . . . .</i>	<i>43</i>
<i>В.Н. Топоров. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II . . . . .</i>	<i>47</i>
<i>Т.В. Цивьян. Заметки по балто-балканскому мифологическому гербарию: рута . . . . .</i>	<i>69</i>
<i>Л.Г. Невская. Мотив «дождь при солнце» в латышских погребальных песнях . . . . .</i>	<i>73</i>
<i>К. Карулис. Г.Ф. Стендер и его роль в латышском книжном деле, литературе, языкоznании . . . . .</i>	<i>79</i>
<i>В.Н. Топоров. Три заметки о Старом Стендере . . . . .</i>	<i>93</i>
<i>А.В. Дыбо. Деклинационные различия новгородских диалектов в XIII—XIV вв. и их локализация . . . . .</i>	<i>162</i>
<i>С.Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) . . . . .</i>	<i>187</i>
<i>Л.С. Баюн, В.Э. Орел. Старофригийский глагольный строй в сравнительно-историческом освещении . . . . .</i>	<i>225</i>
<i>В.А. Дыбо. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. Западнокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской . . . . .</i>	<i>238</i>
Хуберт Гурнович (1922—1986) (В. Т.)	249

CONTENTS

To honor Vyach. Vs. Ivanov. On the occasion of his 60th birthday	3
<i>Vyach.Vs. Ivanov. To the 100th anniversary of Andrew Pumpur's " Lachplesis" . . . . .</i>	<i>8</i>
<i>W. Smoczyński. Elbing dictionary: emendations, readings, etymologies . . . . .</i>	<i>13</i>
<i>S. Karaliūnas. Notes on Lithuanian . . . . .</i>	<i>43</i>
<i>V.N. Toporov. Baltic element in the hydronomics of the Oka basin . . . . .</i>	<i>47</i>
<i>T.V. Tsivyan. Notes on Balto- Balkanic mythological herbarium . . . . .</i>	<i>69</i>
<i>L.G. Nevskaya. The motif "rain with sun" in the Latvian death and burial folk songs . . . . .</i>	<i>73</i>
<i>K. Karulis. G.F. Stender in Latvian book making, literature, linguistics . . . . .</i>	<i>79</i>
<i>V.N. Toporov. Three notes about Old Stender . . . . .</i>	<i>93</i>
<i>A.V. Dybo. The declinational differences in the Novgorod dialects of the XIII—XIV centuries and their localization . . . . .</i>	<i>162</i>
<i>S.L. Nikolaev. Traces of the peculiarities of the east-Slavic ethnic dialects in the modern patois of "Great Russia" . . . . .</i>	<i>187</i>
<i>L.S. Bajun, V.E. Oryol. The old-Phrygian verbal system in the light of comparative-historical approach . . . . .</i>	<i>225</i>
<i>V.A. Dybo. The Balto-Slavic accent system from the typological point of view. II. The west-Caucasian accent systems an analogous to the Balto-Slavic one . . . . .</i>	<i>238</i>
Hubert Górniewicz (1922—1986) (V.T.)	249

Научное издание

Балто-славянские
исследования
1987

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор издательства Г.Н. Корозо
Художественный редактор А.В. Зорилько

Технические редакторы
Г.П. Каренина, И.И. Джоева
Корректор О.А. Разуменко

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ № 39078

Подписано к печати 24.11.89
Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печл. 16,0 + 0,1 вкл.
Усл.кпр.-отт. 16,1. Уч.-изд.л. 19,6
Тираж 1350 экз. Тип. зак. 2017
Цена 4 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

ГОТОВИТ К ПЕЧАТИ:

Исследования в области балто-славянской духовной культуры:
Погребальный обряд
18 л., 4 р.

Сборник является первым опытом синтезирования результатов археологических исследований предметов материальной культуры и этнолингвистического изучения культуры духовной. Он состоит из четырех частей, отражающих лингвистический, археологический, этнографический и мифологический аспекты изучения погребального обряда, что позволяет установить изоморфизм разных уровней обряда и типологическое подобие "переходных обрядов" вообще. Особая роль при этом принадлежит лингвистическому разделу, так как именно языковые факты обладают наибольшей доказательной силой при реконструкции индоевропейского обряда.

Для лингвистов, этнографов, фольклористов, археологов и всех интересующихся проблемами духовной культуры славянских и балканских народов.

Очерки истории языка русской поэзии XX в.
22 л., 3 р. 50 к.

Коллективная монография представляет собой большое исследование в четырех книгах. Книга первая посвящена проблемам изучения идиостилей. Сопоставляется русский поэтический язык XIX и XX вв., рассматривается преемственность в развитии поэтического языка, понятие эволюции идиостиля. Исследуется звуковая организация стихотворных текстов. Большой раздел посвящен анализу творчества В. Хлебникова.

Для лингвистов-руссистов, литературоведов, любителей русской поэзии.

**Адреса книготорговых предприятий "Академкнига"
с указанием магазинов и отделов "Книга—почтой"**

Магазины "Книга—почтой":

252107 Киев, ул. Татарская, 6; 197345 Ленинград, ул. Петрозаводская 7; 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2.

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой":

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 "Книга—почтой"; 370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 "Книга—почтой"; 323600 Вильнюс, ул. Университето, 4 "Книга—почтой"; 690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 "Книга—почтой"; 320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 "Книга—почтой"; 734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 "Книга—почтой"; 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 "Книга—почтой"; 420043 Казань, ул. Достоевского, 53 "Книга—почтой"; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 252142 Киев, пр-т Вернадского, 79; 252025 Киев, ул. Осиенко, 17; 277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 "Книга—почтой"; 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 "Книга—почтой"; 660049 Красноярск, пр-т Мира, 84; 443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 "Книга—почтой"; 191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57; 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2; 194064 Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4; 220012 Минск; Ленинский пр-т, 72 "Книга—почтой"; 103009 Москва, ул. Горького, 19-а; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 "Книга—почтой"; 630076 Новосибирск, Красный пр-т., 51; 142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8; 142292 Пущино Московской обл., ул. МР "В", 1 "Книга—почтой"; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 "Книга—почтой"; 700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1; 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73; 700070 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43; 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 "Книга—почтой"; 634050 Томск, наб. реки Ушаки, 18; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 "Книга—почтой"; 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 "Книга—почтой"; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 "Книга—почтой".

4р. 10к.

БАЛТО-СЛАВИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1987